Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Ақтөбе облысының Мәдениет, архивтер және құжаттама басқармасы
Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі

ХАЛЫҚТАРДЫҢ ҰЛЫ ҚОНЫС АУДАРУЫ ҚАРСАҢЫНДАҒЫ ДАЛАЛЫҚ ТАЙПАЛАР

Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары

Ақтөбе қ., 23–24 қараша 2023 ж.

Алматы – Ақтөбе, 2023

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ 63.3 (5Қаз)
Х-17

Жинақ Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН BR18574175 жобасы аясында басылып шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Жауапты редактор
А.Қ. Айтқали, PhD

Рецензенттер:
З. Самашев, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Ж.Қ. Таймағамбетов, тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі

Редакциялық алқа:
Ә.М. Манапова, Ә.Е. Қаражігітова, И. Бекзатқызы

Техникалық хатшылар:
А.Б. Бейбіт, З.Р. Кәрімбаева, А.М. Дүйсенбеков

Халықтардың Ұлы қоныс аударуы қарсаңындағы далалық тайпалар. Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Ақтөбе қ., 23–24 қараша, 2023 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2023. 228 б.

ISBN 978-601-7106-78-2

Жинаққа Қазақстан тарихындағы ақтаңдақ кезеңінің бірі – б.д.д. I мыңжылдықтың аяғы – б.д. I мыңжылдықтың бірінші жартысындағы этникалық, әлеуметтік-мәдени үрдістер мен далалық тайпалардың экологиялық бейімделуі, шаруашылық моделі, бейнелеу өнері, наным-сенімі, дүниетанымы сынды өзекті мәселелер бойынша отандық және шетелдік ғалымдардың зерттеулері енді.

Басылым археологтар, тарихшылар мен Қазақстан мен көршілес елдердің заттай және рухани мәдениетіне қызығушылық танытатын барлық оқырманға арналған.

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ 63.3 (5Қаз)

ISBN 978-601-7106-78-2

© Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2023

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Управление культуры, архивов и документации Актюбинской области
Актюбинский областной историко-краеведческий музей

СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА В КАНУН ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

материалы Международной научно-практической конференции

г. Актобе, 23–24 ноября 2023 г.

Алматы – Актобе, 2023

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)
Х-17

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан,
ИРН проекта BR18574175

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Ответственный редактор
А.К. Айткали, PhD

Рецензенты:
З. Самашев, доктор исторических наук, профессор
Ж.К. Таймагамбетов, доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК

Редакционная коллегия:
А.М. Манапова, А.Е. Каражигитова, И. Бекзаткызы

Технические секретари:
А.Б. Бейбит, З.Р. Каримбаева, А.М. Дуйсенбеков

Степные племена в канун Великого переселения народов. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Актобе, 23–24 ноября 2023 г.). Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2023. 228 с.

ISBN 978-601-7106-78-2

В сборник вошли исследования отечественных и зарубежных учёных по актуальным вопросам этнических, социокультурных процессов и модели хозяйства, изобразительного искусства, верований, мировоззрения степных племён одного из малоизученных периодов истории Казахстана – I тысячелетия до н. э. – конец I тысячелетия до н. э.

Издание предназначено для археологов, историков, также для всех читателей, интересующихся материальной и духовной культурой Казахстана и сопредельных стран.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)

ISBN 978-601-7106-78-2
© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023

АЛҒЫ СӨЗ

Ғұн тарихы мен халықтардың ұлы қоныс аударуы – Еуразия тарихындағы ауқымды әрі маңызды кезең. Қарастырылып отырған кезеңде біз мемлекеттердің өркендеу және құлдырау сәттерімен, халықтардың қоныс аударуы және жойылып бара жатқан көне мәдениеттердің аясында жаңа мәдениеттердің пайда болуымен бетпе-бет келеміз. Бұл аласапыран кезең бізге зерттеушілердің назарын үнемі аудартатын көптеген құпияларды ашып береді.

Мақалалар жинағы осы ауқымды дәуірді зерттеуге арналған. Ғұндар мен халықтардың ұлы қоныс аударуы кезіндегі оқиғалар мен үрдістерді тереңірек түсінуге көмектесетін Еуразия тарихы мен археологиясы саласындағы жетекші ғалымдардың ғылыми зерттеулері мен мақалалары жинақталған.

Жинақ оқырмандарға ежелгі дипломатиялық қатынастар, қақтығыстар, мәдениетаралық алмасулар мен көші-қон процестеріне тереңірек үңілуге мүмкіндік береді. Мақалаларда белгілі бір дәрежеде ғұндардың ерте темір дәуірі мен ортағасырлардағы мәдениеттердің қалыптасуына әсері, олардың айналасындағы этностармен өзара байланысы ұсынылған.

Басылым осы дәуір тарихының аз зерттелген қырларын ашып, оқырманға талдамалы зерттеулер нәтижесінде алынған жаңа мағлұмат береді, мамандарды ғана емес, сонымен қатар ғұндардың ауқымды тарихы мен Халықтардың ұлы қоныс аудару кезеңі туралы көбірек білгісі келетіндердің барлығын қызықтырады. Ұсынылып отырған еңбек Еуразия тарихындағы осы маңызды дәуірді одан әрі зерттеу мен талқылаудың бастамасы болады деп үміттенеміз.

Құрметпен, редакциялық алқа

ПРЕДИСЛОВИЕ

История хунну/гуннов и эпоха Великого переселения народов – захватывающий и важный период в истории Евразии. В рассматриваемый период мы сталкиваемся с моментами подъемов и падений государств, перемещениями народов и возникновением новых культур на фоне угасающих старых. Эта смутная эпоха открывает перед нами множество загадок и тайн, продолжающих привлекать внимание исследователей.

Сборник статей посвящен изучению этой захватывающей эпохи. В нем собраны научные исследования и статьи от ведущих ученых в области истории и археологии Евразии, которые помогут нам глубже понять события и процессы, происходившие во времена гуннов и Великого переселения народов.

Сборник даёт возможность читателям окунуться в мир древних дипломатических отношений, конфликтов, межкультурных обменов и миграционных процессов. В статьях в той или иной степени представлен анализ влияния хунну/гуннов на формирование культур раннего железного века и средневековья, их взаимодействие с окружающими этносами.

Этот сборник проливает свет на малоизученные аспекты истории данной эпохи и дарит читателям новые знания, полученные в результате аналитических исследований. Сборник заинтересует не только специалистов, но и всех тех, кто желает узнать больше о захватывающей истории хунну/гуннов и о периоде Великого переселения народов. Надеемся, что сборник станет отправной точкой для дальнейших исследований и обсуждений этой важной эпохи в истории Евразии.

С уважением, редколлегия

Могильник Жолаут (Айтекебийский район)

А.Қ. АЙТҚАЛИ,
Ә.Е. ҚАРАЖІГІТОВА,
А.Қ. ҚҰРМАНҒАЛИЕВ

Азат Қалыұлы Айтқали,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Астана қаласындағы филиалы,
Астана, Қазақстан; A7471986103@gmail.com
Әсия Ержанқызы Қаражігітова,
Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің докторанты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Астана қаласындағы филиалы,
Астана, Қазақстан; assiya2108@mail.ru
Арман Қайратұлы Құрманғалиев,
Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі,
Астана, Қазақстан; armanqayrat2017@gmail.com

АҚҚАЙНАР 1 ҚОРЫМЫН ЗЕРТТЕУДІҢ АЛҒАШҚЫ НӘТИЖЕЛЕРІ (2022-2023 ЖЫЛДАРДАҒЫ МАТЕРИАЛДАР БОЙЫНША)

Аннотация. Мақалада Қазақ Алтайындағы Аққайнар 1 қорымында жүргізілген далалық қазба жұмыстарына шолу жасалды. Археологиялық жұмыстар барысында 6 оба зерттелді. Нәтижесінде салынған құрылыстардың бастапқы келбеті мен олардың құрылымының ерекшеліктері туралы нақты түсінік алуға мүмкіндік беретін материалдар анықталды. Олардың пайымдауынша, олардың жерлеу рәсімдері ғұн-сяньби дәуірінің ескерткіштерімен ұқсастықтары бар. Алайда зерттелген нысандарда зат кешенінің қандай да бір табылымдары болмауына байланысты ескерткіштердің мәдени-хронологиялық атрибуциясы әлі шешілмеген күйінде қалып отыр.

Түйін сөздер: археология, жерлеу мәдениеті, құрылыс ерекшелігі, Қазақ Алтайы, оба

Азат Калыулы Айткали,
Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в городе Астана,
Астана, Казахстан
Асия Ержановна Каражигитова,
Докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в городе Астана,
Астана, Казахстан
Арман Кайратович Курмангалиев,
Национальный музей Республики Казахстан,
Астана, Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА АККАЙНАР 1 (ПО МАТЕРИАЛАМ 2022–2023 ГГ.)

Аннотация. В статье изложены предварительные результаты полевых работ на могильнике Аккайнар 1, который расположен на территории Казахского Алтая вблизи одноименного села. В ходе археологических работ было исследовано 6 курганов. В результате выявлены материалы, которые позволяют составить более явственное представление о первоначальном облике возведенных сооружений и особенностях их строения. Судя по ним, они имеют некоторые параллели в погребальной обрядности с памятниками хунно-сяньбийского времени. Однако, по причине отсутствия каких-либо предметов вещевого комплекса в исследованных объектах, культурно-хронологическая атрибуция памятников до сих пор остается не решенной.

Ключевые слова: археология, погребальная культура, особенности сооружения, Казахский Алтай, курган

Azat Aitkaly,
Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana,
Astana, Kazakhstan
Assiya Karazhigitova,
Doctoral student at the L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana,
Astana, Kazakhstan
Arman Kurmangaliyev,
National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF THE AKKAYNAR 1 BURIAL GROUND (BASED ON THE MATERIALS OF 2022–2023)

Abstract. The article presents the preliminary results of field work at the Akkaynar 1 burial ground, which is located on the territory of the Kazakh Altai near the village of the same name. During the archaeological work, six mounds were examined. As a result, materials have been identified that make it possible to form a clearer idea of the original appearance of the erected structures and the features of their structure. Judging by them, they have some parallels in funeral rites with the monuments of the Hun-Xianbei time. However, due to the absence of any items of the material complex in the studied objects, the cultural and chronological attribution of monuments still remains unresolved.

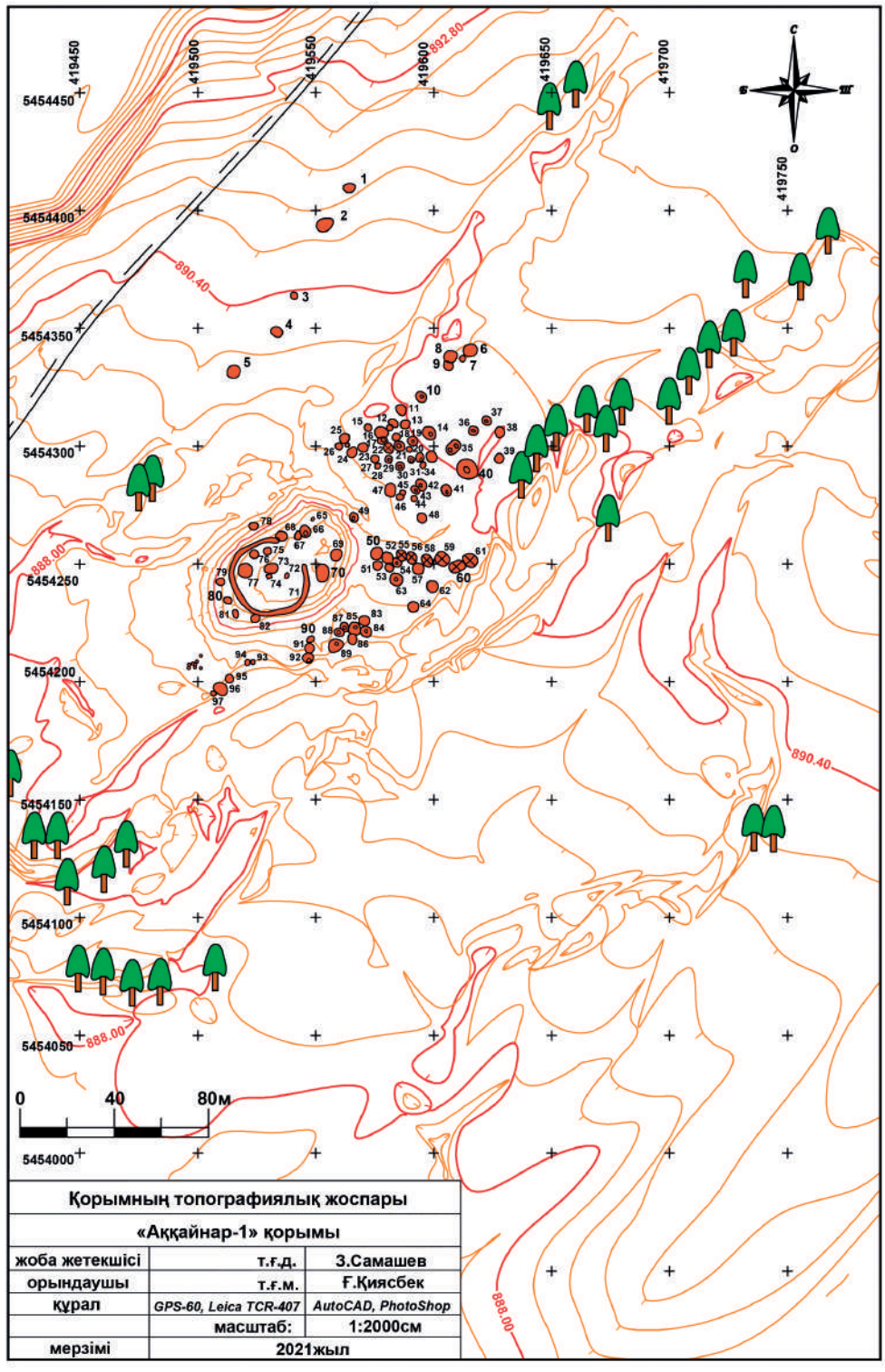
Keywords: archaeology, burial culture, architectural features, Kazakh Altai, mound

Аққайнар 1 қорымы Шығыс Қазақстан облысы, Катонқарағай ауданы, Аққайнар ауылына жақын жерде шығысқа қарай 1 км қашықтықта орналасқан. Қорым 50-ден астам жерлеу-ғұрыптық нысандарынан тұрады (1-сур.). 2022–2023 жж. далалық маусымда қабір алаңында барлығы 6 жерлеу-ғұрыптық құрылысы зерттелді (2-сур.). Зерттеу объектілері көбінесе жүйесіз орналасқан, кейбіреулері топографиялық жоспардан анық көрінетіндей сақ дәуіріне жататын үлкен обаның айналасы мен үстінде шоғырланған.

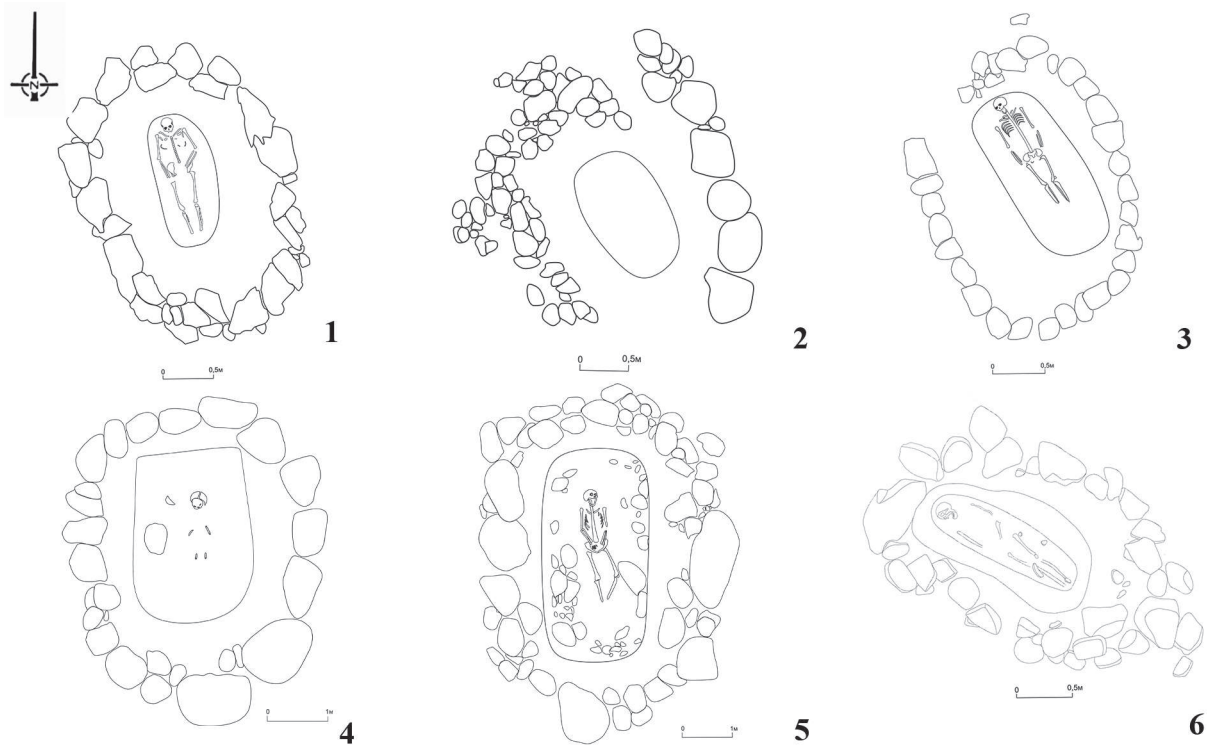
48-оба. Қазба жұмыстары жүргізілгенге дейін оба қатты шымдалған. Обаны ежелгі жер беті деңгейіне дейін тазартқаннан кейін құрылыстың шегі айқын көрінді. Қоршау сопақ пішінді, солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша созылған. Қоршаудың қабырғалары үлкен тастардан қаланған, ішкі аумағы әр түрлі көлемдегі тастармен толтырылған. Қоршаудың солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша параметрлері – 3,2 м, шығыс-батыс бағыты бойынша параметрлері – 2,8 м. Қоршаудың ішкі толтыруын тазартқаннан кейін ортасынан қабір үсті қалауы, астынан солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша ұзын өспен созылған сопақша пішінді қабір шұңқыры анықталды. Шұңқыр әртүрлі мөлшердегі бөлінген тастар және малтатастармен толтырылған. Шұңқырдың түбінде адам шалқасынан жерленген, қолы жамбас жағына қойылған, басы солтүстік секторға бағытталған. Ілеспе құрал-жабдықтар немесе жерлеу ғұрпының басқа да бөлшектері анықталмады.

44-оба. Қазба жұмыстарына дейін оба қатты шымдалған. Обаны ежелгі жер беті деңгейіне дейін тазартқаннан кейін құрылыстың пішіні айқын көрінді. Қоршау сопақ көмескі пішінді, солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс бағыты бойынша созылған, қабырғалары үлкен тастардан қаланған, тек шығыс, батыс және азын-аулақ солтүстік қабырғалары анық байқалады. Ішкі кеңістігі әртүрлі көлемдегі тастармен толтырылған. Қоршаудың солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша параметрлері – 3,3 м, шығыс-батыс бағыты бойынша параметрлері – 2,9 м. Ішкі толтыруды тазалағаннан кейін қоршаудың оң қабырғасына жақын жерде орташа және ұсақ бөлінген тастар мен малтатастардан тұратын қабір үсті қалауы, астынан солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша ұзын өспен созылған сопақша пішінді қабір шұңқыры анықталды. Шұңқыр әртүрлі мөлшердегі бөлінген тастар және малтатастардан тұрады. Шұңқырдың түбінен адам жерлеуі мен ілеспелі құрал-жабдық заттары табылмады.

41-оба. Қазба жұмыстары жүргізілгенге дейін оба қалың түрде шымдалған. Обаны ежелгі жер беті деңгейіне дейін тазартқаннан кейін жерлеу құрылымының шектері тіркелді. Қоршау сопақ пішінді, солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша сәл ығысып созылған, қоршау қабырғалары үлкен қойтас пен малтатастардан қаланған, ішкі аумағы әртүрлі көлемдегі тастармен толтырылған. Қоршаудың оңтүстік-шығыс жағынан тастардан тұратын шағын үйінді көрінеді.

1-сур. Аққайнар 1 қорымы. Топографиялық жоспар

2-сур. Аққайнар 1 қорымы. Қоршаудың ортасындағы жерлеу:
1 – 48-оба; 2 – 44-оба; 3 – 41-оба; 4 – 39-оба; 5 – 68-оба; 6 – 15-оба

Қоршаудың солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша параметрлері – 3 м, шығыс-батыс бағыты бойынша параметрлері – 2,4 м. Қоршаудың ішкі толтыруын тазартқаннан кейін ортасынан қабір үсті қалауы, астынан солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша ұзын өспен созылған сопақша пішінді қабір шұңқыры анықталды. Шұңқыр әртүрлі мөлшердегі бөлінген тастар және малтатастармен толтырылған. Шұңқырдың түбінде адам шалқасынан жерленген, қолы денесін жағалай орналасқан, басы солтүстікке бағытталған. Ілеспе құрал-жабдықтар немесе жерлеу ғұрпының басқа да бөлшектері тіркелмеді.

39-оба. Қазба жұмыстары жүргізілгенге дейін оба тығыз шымдалған. Обаны ежелгі жер беті деңгейіне дейін тазартқаннан кейін құрылыстың шегі айқын көрінді. Қоршау сопақ пішінді, солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс бағыты бойынша созылған, қоршаудың қабырғалары жұмырланған қойтастардан қаланған, ішкі аумағы әртүрлі көлемдегі тастармен толтырылған. Қоршаудың солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша параметрлері – 2,4 м, шығыс-батыс бағыты бойынша параметрлері – 2 м. Қоршаудың ішкі толтыруын тазартқаннан кейін ортасынан қабір үсті қалауы, астынан солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша ұзын өспен созылған, шеттері дөңгеленген тікбұрышты пішінді қабір шұңқыры анықталды. Шұңқыр әртүрлі мөлшердегі бөлінген тастар және малтатастармен толтырылған. Түбінен баланың жартылай қаңқасы табылды, қол мен аяғының жілік сүйектері, сондай-ақ бас сүйегі ғана сақталған. Сүйектердің орналасуына қарағанда жерленген адамды шалқасынан жатқызған, басы солтүстік секторға бағытталған. Ілеспе құрал-жабдықтар немесе жерлеу ғұрпының басқа да бөлшектері анықталмады.

68-оба. Қазба жұмыстары жүргізілгенге дейін оба ныгыз шымдалған. Обаның жоғарғы қабатын ежелгі жер беті деңгейіне дейін тазартқаннан кейін құрылыстың шегі анық көрінді. Қоршау сопақ пішінді, солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша созылған, қоршау қабырғалары үлкен тастар және малтатастармен қаланған, ішкі аумағы әр түрлі көлемдегі тастармен

толтырылған. Қоршаудың солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша параметрлері – 2,5 м, шығыс-батыс бағыты бойынша параметрлері – 2,1 м. Қоршаудың ішкі толтыруын тазартқаннан кейін ортасынан ежелгі көкжиек деңгейінде орташа және ұсақ тастардан тұратын қабір үсті қалауы, астынан солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша ұзын өспен созылған, шеттері дөңгеленген тікбұрышты пішінді қабір шұңқыры анықталды. Шұңқыр әртүрлі мөлшердегі бөлінген тастар және малтатастардан тұрады, түбінен шалқасынан жатқан адамның толық қаңқасы табылды, қолы денесіне жағалай қойылған, қол буыны жамбас сүйегінің үстінде орналасқан, басы солтүстікке бағытталған. Ілеспе құрал-жабдықтар немесе жерлеу ғұрпының басқа да бөлшектері тіркелмеді.

15-оба. Қазба жұмыстары жүргізілгенге дейін үйінді қарқынды түрде шымдалған. Обаның үстіңгі қабаттарын тазарту барысында ортасына жақын 15 см тереңдікте мал сүйектері табылды. Үйіндінің жоғарғы қабаттарын ежелгі көкжиек деңгейіне дейін тазартқаннан кейін жерлеу құрылымының нақты шекаралары анықталды. Қоршау солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс бағыты бойынша созылған сопақша пішінді қамтиды, қоршау қабырғалары көлемді малтатастардан қаланған, қоршаудың ішкі бөлігі ұсақ тастармен толтырылған. Қоршау солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс бағыты бойынша ұзын өспен созылған, ұзындығы – 2,7 м, ені – 1,8 м. Ортасында қоршау бағыты бойынша ұзын өспен бағытталған сопақ пішінді шұңқыр орналасқан. Қабір шұңқырының жоғарғы шетінен 30 см тереңдікте мал сүйектері тіркелді. Нашар сақталған қаңқа 95 см тереңдікте орналасқан, жерленген адам шалқасынан жатқызылған, басы солтүстік-батысқа бағытталған. Ілеспе құрал-жабдықтар немесе жерлеу ғұрпының басқа да бөлшектері анықталмады.

Жалпы, Аққайнар 1 қорымында зерттелген обалардың барлығы тастан және аз мөлшердегі топырақтан жиналған әр түрлі көлемдегі бірдей үйінділерден тұрады. Негізінен сопақ, көлденең қимадағы жалпақ пішінді қамтиды. Үйіндінің астынан ірі қойтастардан тұратын сопақша пішінді қоршау тұрғызылған. Қабір шұңқырлары меридионалдық бағытта бағытталған. Жерленгендер шалқасынан жатқызылған, қолы денесін жағалай қойылған, басы сәл ауытқумен солтүстікке бағытталған. Барлық зерттелген обалар Қазақ Алтайының ұн-сяньби дәуіріндегі ескерткіштерге ұқсас бірыңғай жерлеу ғұрпын көрсетеді. Барлық жерлеулерде ілеспе құрал-жабдық заттары табылмады, бұл зерттелген ескерткіштердің хронологиялық және этномәдени атрибуциясын анықтауды қиындатады.

Алғыс: Авторлар ұсынылған материалдар үшін З. Самашевқа алғыс білдіреді.

Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2021–2023 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН AP09260487 жобасы аясында даярланды.

Е.Ш. АМИРОВ

Ерлан Шарефович Амиров,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
ТОО «Археологические исследования»,
Караганда, Казахстан; e.amirov82@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЖЕТЫСУ В УСУНЬСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье представлена попытка анализа пространственного распределения усуньских памятников погребального типа. Аналитика построена на наложении усуньских могильников на природные карты, отражающие ландшафт, почвы и геоботанические зоны в среде ArcGIS. Работа сопровождена картографическими материалами, таблицами и диаграммами. По результатам исследования удалось установить, что усуньские могильники являются нишевыми памятниками характерными для определенных природных зон.

Ключевые слова: ландшафт, почвы, геоботанические зоны, усуни, могильники, курганы

Ерлан Шәріпұлы Әміров,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан
«Археологиялық зерттеулер» ЖШС,
Қарағанды, Қазақстан

ҮЙСІН КЕЗЕҢІНДЕГІ ЖЕТІСУДЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫ

Аннотация: Мақалада үйсіндердің жерлеу ескерткіштерінің кеңістіктік таралуын талдау әрекеті ұсынылған. Сараптау үйсін қорымдарын ArcGIS бағдарламасында ландшафтты, топырақты және геоботаникалық аймақтарды көрсететін табиғат карталарына түсіруге негізделген. Жұмыс картографиялық материалдармен, кестелермен және диаграммалармен толықтырылды. Зерттеу нәтижелері бойынша үйсін қорымдары белгілі бір табиғи аймақтарға тән ескерткіштер болып табылатындығы анықталды.

Түйін сөздер: ландшафт, топырақ, геоботаникалық аймақтар, үйсіндер, қорымдар, обалар

Yerlan Amirov,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan
Archaeological researches LLP,
Karaganda, Kazakhstan

HISTORICAL GEOGRAPHY OF JETYSU DURING THE WUSUN PERIOD

Abstract. The article presents an attempt to analyze the spatial distribution of Wusun monuments of funerary type. Analytics is based on the overlay of the Wusun burial grounds on natural maps reflecting the landscape, soils and geobotanical zones in the ArcGIS environment. The work is accompanied by cartographic materials, tables and diagrams. According to the results of the study, it was possible to establish that the Wusun burial grounds are niche monuments characteristic of certain natural zones.

Keywords: landscape, soils, geobotanical zones, Wusuns, burial grounds, kurgans

В плане природно-климатических условий Жетысу представляет собой один из самых благоприятных регионов Казахстана. Этому способствует относительно мягкий климат, низкая широтность и хорошая увлажнённость территории. В усуньский период наблюдается рост численности населения, связанный с выработкой оптимальной системы природопользования. Относительно степного пояса, где преобладало кочевничество, Жетысу является маргинальной зоной, в которой скотоводство сочеталось с иными видами деятельности [Масанов 1995: 23]. Экономика местных сообществ в усуньский период базировалась на сочетании скотоводческого и земледельческого укладов [Байпаков 2008: 22]. Данное направление хозяйственной деятельности базировалась на эксплуатации природных ресурсов предгорной зоны, к которой, как правило, тяготеют археологические памятники усуней [Байпаков 2008: 6].

Целью настоящей работы является попытка анализа пространственного распределения памятников усуньского периода в увязке с природными зонами, выделяемыми для Жетысу.

Задачи исследования:

- Сопоставить общее количество природных зон, выделяемых по разным критериям с количеством зон, для которых характерно присутствие памятников усуньского периода;
- Дифференцировать природные зоны в рамках широкого понятия «предгорная зона» и уточнить привязку памятников.

В работе использовалась подборка памятников, сделанная А.М. Досымбаевой (рис. 1, табл., 1) [Досымбаева 2007: 94]. Очевидно, что подборка из 53 памятников не отражает всей полноты картины, однако мы считаем, что она позволит наметить общую тенденцию.

Зональность распределения памятников определялась на основе следующих карт:

1. Геоботаническая карта Казакстана [ГБК 1933];
2. Почвенная карта Казахской ССР [ПККССР 1976];
3. Ландшафтная карта Казахской ССР [ЛККССР 1979].

Таблица 1.

Нумерация усуньских могильников, принятая для карт (рис. 1)

№	могильник	№	могильник	№	могильник	№	могильник
1	Сарытогай 1	15	Кадырбай 2	28	Баба Ата	41	Кызылауыз 2
2	Сарытогай 2	16	Кадырбай 3	29	Кенсай	42	Тайгак 1
3	Сарытогай 3	17	Коржайляу	30	Шормак 1	43	Кызыл-Эспе
4	Мойынтогай 1	18	Кызылауыз	31	Шормак 2	44	Чулак Джигиде 1
5	Мойынтогай 2	19	Тоспа	32	Шормак 3	45	Чулак Джигиде 2
6	Бетагач	20	Караша 1	33	Алтын Эмель	46	Утеген 3
7	Дехкан	21	Караша 2	34	Калкан 1	47	Утеген 2
8	Чиликский	22	Узунбулак	35	Калкан 4	48	Утеген 1
9	Джуантобе 1	23	Шошкала	36	Арал тобе 1	49	Капчагай
10	Джуантобе 2	24	Берккара	37	Бесшатыр 2	50	Капчагай 3
11	Талгарский	25	Тамды	38	Унгур Кора 1	51	Могильник 1
12	Тасты булак	26	Жеты Шокы	39	Унгур Кора 2	52	Могильник 2
13	Актерек	27	Кыр-Чебакты	40	Кызылауыз 3	53	Могильник 29 Б
14	Курты						

Почвенная карта Казахстана. Из 93-х типов почв, представленных в Казахстане усуньские памятники располагаются на участках, для которых характерно 14 типов. Почвы Казахстана, согласно указанной карте делятся на 4 группы. Из них памятники усуньского периода располагаются на трех.

Как видно из диаграммы 64% всех памятников локализуются на участках с почвами предгорий, подгорных равнин и межгорных долин. 32% на участках с почвами горных областей и лишь 4% характеризуются почвами равнин (рис. 2).

Ландшафтная карта Казахской ССР. Из 485 типов ландшафтов, представленных в Казахстане усуньские памятники располагаются на 18. Все виды ландшаф-

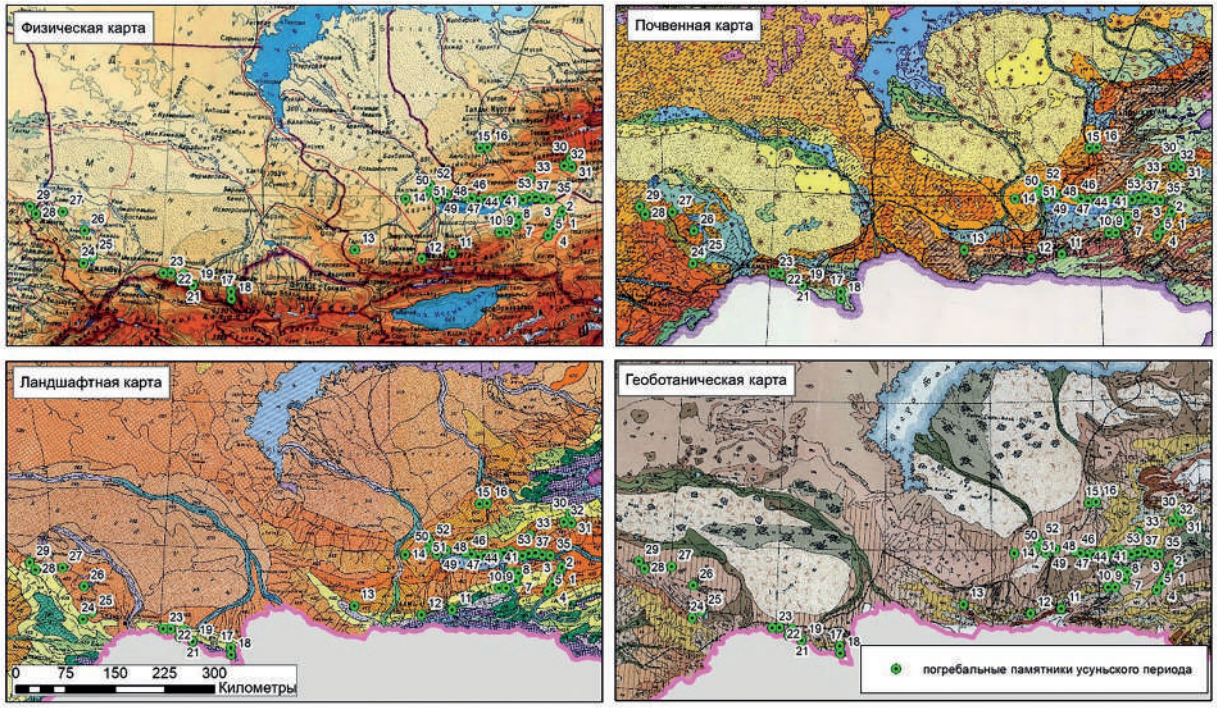

Рис. 1 Наложение усуньских могильников на Геоботаническую карту Казахстана, Почвенную карту Казахской ССР, Ландшафтную карту Казахской ССР

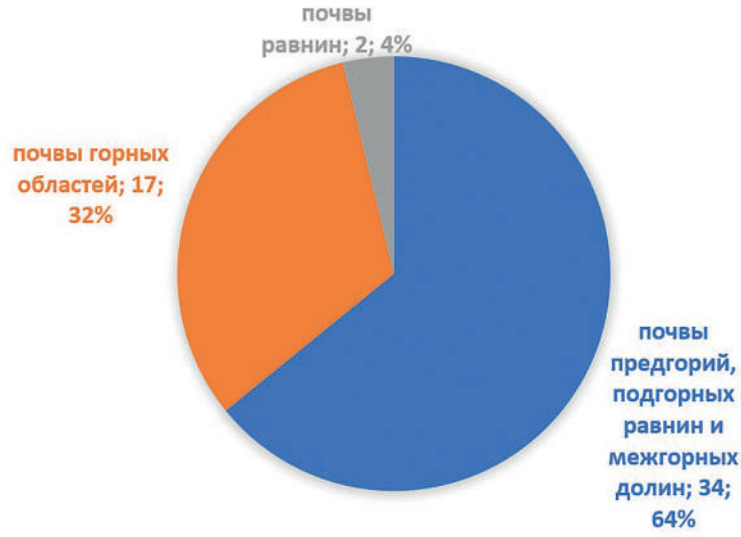

Рис. 2 Количественное распределение усуньских памятников по участкам с различными типами почв

тов делятся на 30 групп, усуньские памятники характерны для 6 из них.

На верхнем таксономическом уровне все ландшафты, делятся на 3 типа: равнинные, пустынные и горные. Все ландшафты, на которых локализуются усуньские памятники, определяются как горные. Горные ландшафты дифференцированы по высотности и типам растительности.

По высотности явно преобладают памятники, расположенные в предгорных ландшафтах. Далее по ниспадающей идут ландшафты внутригорных и межгорных впадин, низкогорные и среднегорные. Незначительное количество памятников расположено в высокогорных и долинных ландшафтах. По характеру растительности численно преобладают памятники, расположенные в пустынных ландшафтах. Далее идут степные и полупустынные. Наименее представлены луговые и долинные ландшафты (рис. 3).

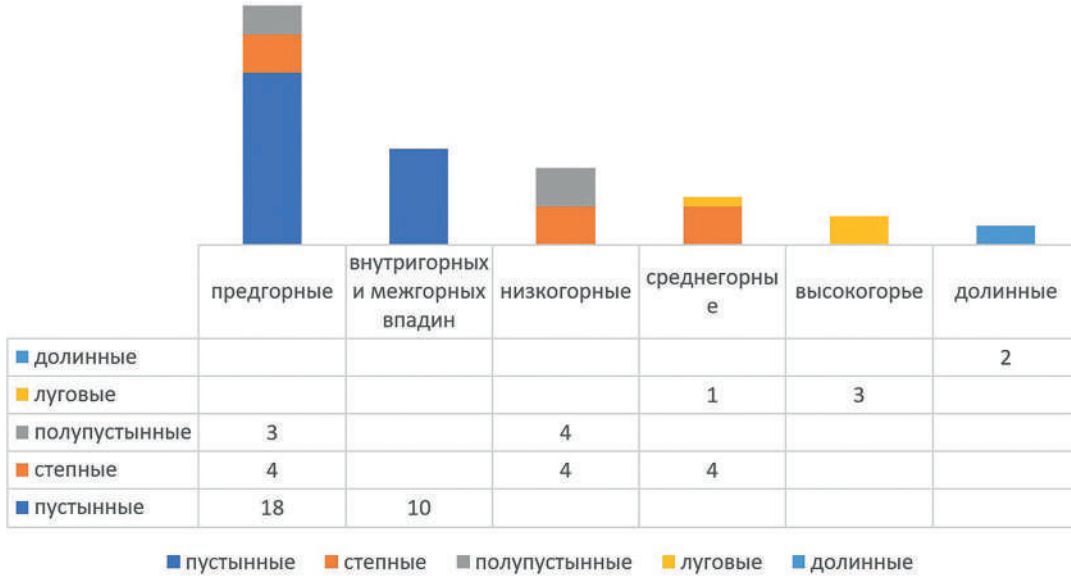

Рис. 3 Количественное распределение усуньских памятников по участкам с различными типами ландшафтов

Геоботаническая карта Казакстана. Выделяется 55 геоботанических областей. И них усуньские памятники соотносятся с 7 областями. С точки зрения геоботанического районирования подавляющее большинство памятников находится в горной области, меньше представлена пустынная область. Полупустынная область представлена всего двумя памятниками. С позиции зонирования наиболее представительны пустынный пояс Тянь-Шаня и зона северных полынно-солянковых пустынь. В относительно равных пропорциях представлены пояс горных полупустынь, древесно-кустарниковый пояс, пояс горных степей и азональные группировки пустынной области. Наименее представленной является зона южных полынно-типчаковых полупустынь (рис. 4).

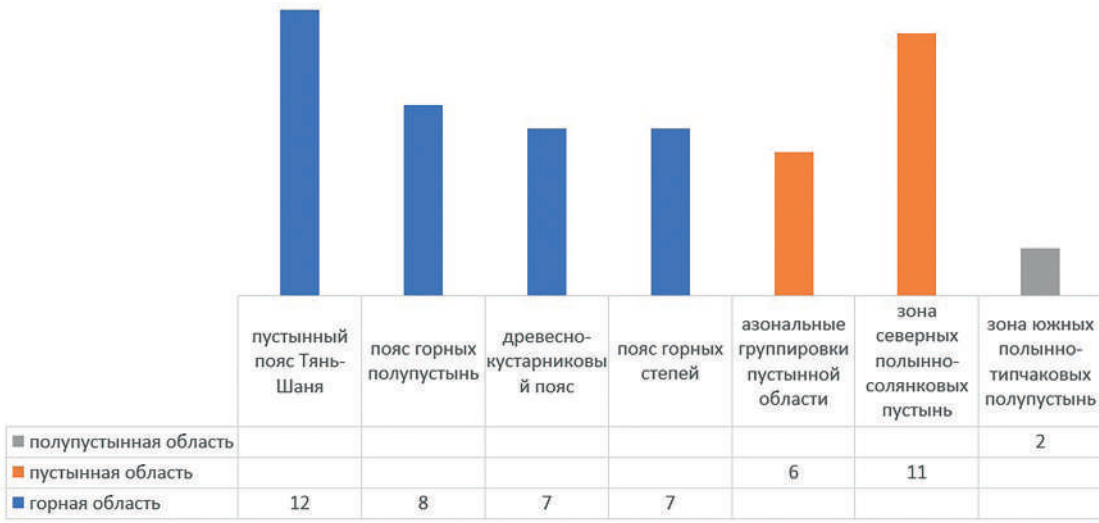
Представленные выше данные демонстрирую тот факт, что усуньские могильники являются видом памятников специфичным для ограниченного количества природных зон:

15% типов почв;

3,7% ландшафтов;

12,7% геоботанических областей.

Все памятники из используемой подборки тяготеют к горам. Работа позволила выявить вариации в высотных позициях, типах почв и растительности. Необходимо учитывать, что в данной работе представлены только памятники погребального типа. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что погребальные поля устраивались древними людьми неподалеку от мест проживания.

	пустынный пояс Тянь-Шаня	пояс горных полупустынь	древесно-кустарниковый пояс	пояс горных степей	азональные группировки пустынной области	зона северных полынно-солянковых пустынь	зона южных полынно-типчаковых полупустынь
полупустынная область							2
пустынная область					6	11	
горная область	12	8	7	7			

Рис. 4 Количественное распределение усуньских памятников по различным геоботаническим зонам

В целом устойчивая привязка памятников к определенным типам ландшафта демонстрирует распределение населения в усуньский период. Оно предпочитало предгорные области с пустынной, полупустынной и степной растительностью. Нужно отметить, что пустынные по своему облику предгорья и конусы выноса ввиду естественного уклона очень удобны для устройства искусственного орошения.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Байпаков К.М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Известия НАН РК. Алматы: Серия общественных наук 1(254), 2008. С. 3–25.

Геоботаническая карта Казакстана / Всесоюзная академия сельско-хозяйственных наук им. В.И. Ленина. Казакстанский н.и. Институт Удобрений и Агропочвоведения, филиал ВИУА; под редакцией бригады Ботанического Института Академии Наук СССР. – 1: 2 000 000. Алма-Ата, 1933. 1 л. (1 карта).

Досымбаева А.М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам археологии). Алматы: 2007. 216 с.

Ландшафтная карта Казахской ССР / сост. и подгот. к печати фабрикой №7 ГУГК; отв. ред. Н.А. Гвоздецкий. 1: 2 500 000. Академия наук Казахской ССР, Сектор географии, 1979. 1 л. (1 карта).

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы «Социнвест». Москва: Горизонт, 1995. 320 с.

Почвенная карта Казахской ССР / сост. и подгот. к печати Научно-редакционной картосоставительной частью ГУГК; отв. ред. У.У. Успанов. 1: 2 500 000. – Академия наук Казахской ССР, Институт почвоведения, 1976. 1 л. (1 карта).

И.А. АРЖАНЦЕВА

Ирина Аркадьевна Аржанцева,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-маклая РАН,
Москва, Россия; arzhantsevai@mail.ru

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРЫХ КОЛЛЕКЦИЙ: МЕЧИ ИЗ МОГИЛЬНИКА АЛТЫНАСАР 4 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Аннотация. Публикация посвящена мечам из могильника Алтынасар 4, принадлежащего джетыасарской культуре. Найденные в ходе охранных раскопок 1986-1991 гг., эти мечи долгое время хранились в фондах временного хранения ИЭА РАН. Мечи упоминались в работах Л.М. Левиной, где были опубликованы их рисунки. Дана их предварительная датировка – первая пол. I-го тыс. н. э. Тем не менее, специального исследования, как и детальной публикации комплексов, откуда они происходили, не было. В 2021 г. пять алтынасарских мечей были отреставрированы и подготовлены для дальнейшего исследования и последующей экспозиции в одном из музеев. Данная публикация носит предварительный характер и имеет своей целью анонсирование детальной публикации алтынасарских комплексов с мечами.

Ключевые слова: Джетыасарская культура, археология, погребения, мечи, реставрация, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

Ирина Аркадьевна Аржанцева,
РҒА Н.Н. Миклухо-маклай ат. Этнология және антропология институты,
Мәскеу, Ресей

ЕСКІ ТОПТАМАЛАРДЫҢ ЖАҢА ТЫНЫСЫ: АЛТЫНАСАР 4 ҚОРЫМЫНДАҒЫ ҚЫЛЫШТАР (АЛДЫН-АЛА ЖАРИЯЛАНЫМ)

Аннотация. Жарияланым Жетіасар мәдениетіне жататын Алтынасар 4 қорымындағы қылыштарға арналған. 1986–1991 жж. қорғау мақсатында жүргізілген қазбалардан табылған бұл қылыштар ұзақ уақыт бойы РҒА АЭИ уақытша сақтау қорларында сақталған. Л.М. Левинаның еңбектерінде қылыштар туралы айтылып, суреттері жарияланды. Олардың алдын-ала мерзімделуі – б.д. I-ші мыңжылдықтың бірінші жартысы. Алайда, олардың қайдан шыққаны туралы арнайы зерттеулер, кешендердің толық жарияланымы болған жоқ. 2021 ж. бес Алтынасар қылышы қалпына келтіріліп, әрі қарай зерттеуге және музейлердің бірінде экспозицияға қоюға дайындалды. Бұл қылыш бар Алтынасар кешендерін болашақта толық жариялау мақсатындағы алдын ала жарияланым болып табылады.

Түйін сөздер: Жетіасар мәдениеті, археология, жерлеу орындары, қылыштар, реставрация, Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы

Irina Arzhantseva,
Institute Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

NEW LIFE FOR OLD FINDS: SWORDS FROM ALTYNASAR CEMETERY 4 (PRELIMINARY NOTE)

Abstract. The publication is dedicated to swords from the Altynasar 4 burial ground belonging to the Dzhety-asar culture. Found during the security excavations of 1986–1991, these swords were kept for a long time in the temporary storage funds of the IEA RAS. Swords were mentioned in the works of L.M. Levina, their drawings were published. Their preliminary dating is given – the first half of the I millennium AD. Nevertheless, there was no special study, as well as

a detailed publication of the complexes from where they originated. In 2021, five Altynasar swords were restored and prepared for further research and subsequent exhibition in one of the museums. This publication is preliminary in nature and aims to announce the detailed publication of Altynasar complexes with swords.

Keywords: Dzhety-asar Culture, archaeology, graves, swords, restoration, Khwarazmian archaeological and ethnographic expedition

Начиная с 1946 г. низовья Сырдарьи (Восточное Приаралье, РК) становится постоянным полем археологических работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) под руководством известного учёного, ориенталиста, этнографа и археолога С.П. Толстова. [Аржанцева, Болелов, Тажекеев, 2018: 310]. Тогда же в урочище Джеты Асар были открыты и предварительно обследованы памятники своеобразной культуры, отличной от всех соседних среднеазиатских и казахстанских культур. Первая характеристика культуры и типология памятников были даны её первооткрывателем С.П. Толстовым в 1948 году [Толстов 1948: 125–140]. Тогда же были проведены первые раскопки джетыасарских памятников, включая Алтынасар и часть некрополя, который сопровождал алтынасарский комплекс [Аржанцева и др. 2018: 88–228]. Позже, начиная с 1970-х гг., исследования джетыасарской культуры успешно продолжила ученица С.П. Толстова Л.М. Левина. Под её руководством было раскопано большинство памятников джетыасарской культуры – укреплённых поселений и некрополей. Она же регулярно публиковала результаты многолетних работ [Левина 1974: 471; Левина 1981: 170–177; Левина 1987: Левина 1985: 513; Левина 1986: 447]. С 1986 г. в течение нескольких лет проводились охранные работы в урочище, в результате которых было исследовано около 700 курганов в окрестностях джетыасарских городищ. Именно из раскопок курганов происходит в основном большая уникальная коллекция находок предметов джетыасарской культуры. И хотя результаты этих работ Л.М. Левиной были представлены в её докторской диссертации, которая затем была опубликована в виде отдельной монографии «Этнокультурная история Восточного Приаралья» [Левина 1996: 396] и в серии выпусков «Низовья Сырдарьи в древности» [Низовья Сырдарьи, 1993–1995], тем не менее, погребальные комплексы целиком отдельно не публиковались. Либо же публиковались в очень плохом типографическом исполнении, поскольку время публикации – 90-е годы, которое пришлось на очень сложное время распада СССР, когда практически было прекращено финансирование всех научных проектов и публикаций. Кроме того, коллекция находок из раскопок джетыасарской культуры была разделена между двумя музеями: Государственным историческим музеем и Государственным Музеем Востока. Часть коллекции осталась во временном хранении в Институте этнологии и антропологии фонде кабинета-музея им. СП. Толстого, основанного также Л.М. Левиной в 1998 году. Именно в институтской части коллекции находятся несколько мечей из курганов могильника Алтынасар 4. Они происходят из раскопок 1986-1989 гг. и были вывезены в Москву с целью изучения и реставрации. Однако из-за сложившейся ситуации (распад СССР), резкое сокращение финансирования научных проектов, постепенная переориентация археологических работ на охранные[1] и последующее расформирование сектора Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (затем Центра Евразийской археологии) – процесс реставрации многих вещей был приостановлен, в том числе и мечей из могильника Алтынасар 4, которые хранились в фондах кабинета – музея С.П. Толстова.

Мечи из фондов временного хранения ИЭА РАН (всего 5 шт.) происходят из разных курганов наиболее богатого могильника Алтынасар 4.

Алтынасар 4 – это несколько десятков некрополей в окрестностях крупнейшего памятника Алтынасар. Курганы исследовались в течение нескольких лет (1986-1991 гг.), когда велись охранные раскопки в этом регионе. Курганы и погребения разновременные, принадлежат разным этносам, отличаются конструкцией погребальных сооружений. Те погребения, которые не были ограблены в древности, содержали довольно богатый инвентарь. Курганы датируются от I-х веков до н.э. до IV–V вв. н.э. [Левина 1994: 4–7]. В 19-ти мужских погребениях были найдены мечи [Левина 1994: 63].

Мечи из курганов 164, 355, 356, 365 в числе прочего инвентаря асарских погребений несколько раз публи-

1 Практически все раскопки Джетыасарских памятников с 1986 по 1991 гг. велись как охранные в зоне строительства новых инфраструктур космодрома Байконур.

ковались Л.М. Левиной, но иллюстративный материал был представлен только в виде рисунков (рис. 1), помещённых по традиции советской археологической школы в таблицы, плотно заполненные рисунками других находок [Левина 1996: рис. 85; Рапопорт и др. 2000: рис.20; Левина 1994: рис. 122]. Комплексы целиком не публиковались, хотя в архиве ХАЭЭ имеются прекрасные чертежи с подробной экспликацией всех погребальных комплексов, в том числе и тех, где были мечи (рис. 2).

Мечи всё это время хранились в деревянных коробах, проложенные бумагой (рис. 3). Материал мечей (железо) полностью минерализован, металлическое ядро отсутствует, только на мече из кургана 365 ранее сделан шлиф по торцу слома, на котором виден небольшой участок с металлом. Все мечи во фрагментах, есть утраты по длине лезвия (все мечи) и окончания лезвия. На всех мечах на поверхности лезвия сохранились фрагменты древесины, текстиля и на некоторых – еще и металлические элементы. Мечи были пропитаны еще в раскопе растворами ПБМА или БМК. В ходе реставрации[2] были проведены следующие мероприятия: подбор фрагментов мечей и металлических элементов ножен; механическая очистка фрагментов мечей и ножен, склейка и укрепление фрагментов; консервация; монтаж меча на основу из оргстекла для дальнейшей экспозиции (рис. 4).

2 Работа была выполнена реставратором ГИМ Е.В. Белькевич

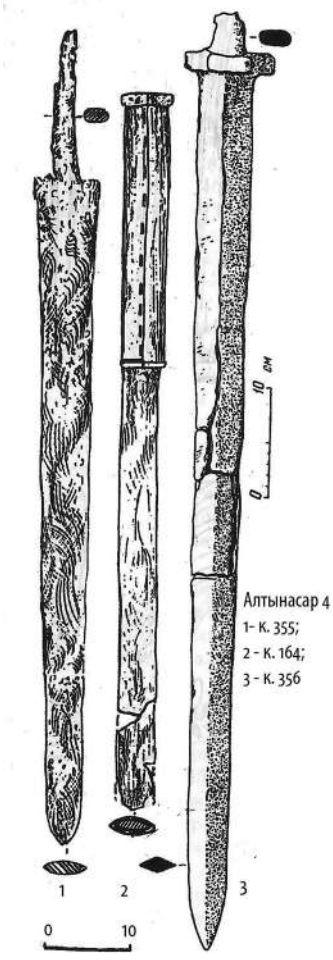

Рис. 1 – Мечи из курганов Алтынасар 4: 1-курган 355; 2 – курган 164; 3 – курган 356. (по Рапопорт, Неразик, Левина, 2000: рис. 20)

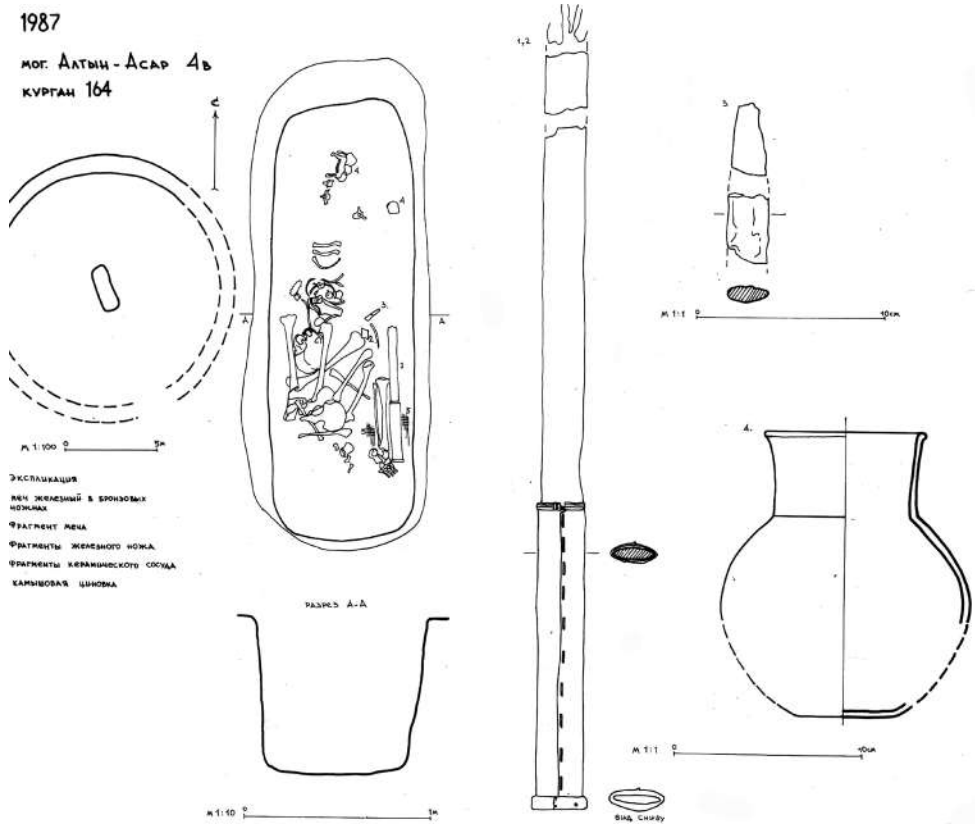

Рис. 2 – чертеж кургана 164, Алтынасар 4в. Архив ХАЭЭ, фонд 142, опись 8

Рис. 3 – меч из кургана 164, Алтынасар 4в. До реставрации.
Фонд временного хранения кабинета-музея С.П. Толстого, ИЭА РАН

Рис. 4 – меч из кургана 164, Алтынасар 4в. После реставрации.
Фонд временного хранения кабинета-музея С.П. Толстого, ИЭА РАН

После реставрации проявились и стали заметнее многие детали мечей: форма лезвий, перекрестий, рукоятей, конструкция ножен и т.д. Это позволит провести новое, более детальное исследование этого клинкового оружия, поместив его в определённый культурно-исторический контекст. В дальнейшем планируется публикация всех комплексов с мечами, которые хранятся в фондах ИЭА РАН, с широким привлечением архивного и нового иллюстративного материалов.

Литература

Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А. История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. Кызылорда–Москва: Олеабук, 2018. С. 310.

Левина Л.М. Работы в джетыасарском урочище // Археологические открытия, 1973. М, 1974. С. 471.

Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первом тысячелетии н.э.// Культура и искусство древнего Хорезма. М: Восточная литература, 1981. С. 170–177.

Левина Л.М. Джетыасарская культура низовий Сырдарьи – контакт скотоводческих и земледельческих культур Средней Азии и Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987.

Левина Л.М. Могильники Алтынасар 4. Низовья Сырдарьи в древности, выпуск IV, Джетыасарская культура, часть 3–4. М: ИЭА РАН, 1994. С. 314.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья: Восточная Литература, 1996. С. 396.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М: Индрик, 2000. С. 207, илл. 56.

Низовья Сырдарьи в древности. Серия. Отв. ред. Левина Л.М., Вайнберг Б.И. Вып. I–V. М.: ИЭА РАН, 1993–1995.

Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации М-Л: Академия наук СССР. 1948. С. 323.

А.Е. АСТАФЬЕВ

Андрей Евгеньевич Астафьев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Актау, Казахстан; aasta@list.ru

ОПЫТ ВОССОЗДАНИЯ СЕДЛА ГУННСКОГО ТИПА ИЗ ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА АЛТЫНКАЗГАН (МАНГИСТАУ)

Аннотация. Статья посвящена реконструкции гуннского седла, обнаруженного в разрушенном состоянии в одной из каменных оград Алтынказгана, погребально-ритуального комплекса зороастрийской направленности. Памятник и само седло датируется V в. н.э. По сохранившимся фрагментированным серебряным обкладкам и деталям крепежа удалось воссоздать жесткий каркас парадного седла с изображением животных и птиц на луках и полках. В статье приводится описание процесса реконструкции уникального артефакта и дана его культурно-историческая интерпретация.

Ключевые слова: Мангистау, Алтынказган, гуннская эпоха, луки и полки седла, ленчик, реконструкция

Андрей Евгеньевич Астафьев,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Ақтау, Қазақстан

АЛТЫНҚАЗҒАН ЖЕРЛЕУ-САЛТТЫҚ КЕШЕНІНЕН (МАҢҒЫСТАУ) ТАБЫЛҒАН ҒҰНДЫҚ ТИПТЕГІ ЕРДІ ҚАЙТА ЖАҢАРТУ ТӘЖІРИБЕСІ

Аннотация. Мақала зороастризм бағытындағы Алтынқазған жерлеу-ғұрыптық кешенінің бірінен қираған күйінде табылған ғұн ер тоқымын қайта жаңғырту тәжірибесіне арналған. Ескерткіш пен ер-тоқымның өзі б.д.д. V ғасырға жатады. Сақталған күміс қаптамалар мен бекіткіштердің бөлшектерінің арқасында қасы мен қапталында жануарлар мен құстардың суреттері бар салтанатты ер тоқымның қатты қаңқасы қалпына келтірілді. Мақалада бірегей артефактіні қайта жаңғырту үрдісінің сипаттамасы келтірілген және оның мәдени-тарихи түсіндірмесі берілген.

Түйін сөздер: Маңғыстау, Алтынқазған, ғұн дәуірі, ердің қастары мен қаптал тақтайшасы, ердің қапталы, қайта жаңғырту

Andrey Astafiev,
Margulan Institute of Archaeology,
Aktau, Kazakhstan

EXPERIENCE IN RECREATING A HUNNIC TYPE SADDLE FROM THE BURIAL-RITUAL COMPLEX OF ALTYNKAZGAN (MANGISTAU)

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the Hunnic saddle, found in a ruined state in one of the stone fences of Altynkazgan, a funeral and ritual complex of Zoroastrian orientation. The monument and the saddle itself dates back to the 5th century AD. According to the preserved fragmented silver plates and fasteners, it was possible to recreate the rigid frame of the ceremonial saddle with the image of animals and birds on the saddlebows and saddle skirts. The article describes the process of reconstruction of a unique artifact and gives its cultural and historical interpretation.

Keywords: Mangistau, Altynkazgan, Hunnic era, saddlebows and saddle skirts, saddletree, reconstruction

В 2014 году в ограде № 15 погребально-ритуального комплекса Алтынказган был найден комплект серебряных обкладок, бронзовых окантовок и деталей крепежа лук и полок жесткого каркаса парадного седла первой половины V в. [Астафьев, Богданов 2015: 72–84]. К великому сожалению, при изъятии кладоискателем фольгированных пластин металла произошла частичная утрата их первоначальной формы с разрушением остатков деревянного каркаса. Но факт нахождения полного сохранившегося комплекта обкладок (рис. 1) позволил обратиться к идее воссоздания формы и конструкции жёсткого каркаса седла. Эта работа очень важна, т.к. практически не сохранилось деревянных остовов седел гуннского времени.

Передняя лука.

Обкладка передней луки представляет собой две сочлененные встык в тонкие серебряные пластины, повторяющие очертания деревянной основы арочного типа с сужением плоскости обкладок к нижним концам. Так как конечные завершения серебряных обкладок передней луки не сохранились, то её габаритные размеры позволяет восстановить вальцованная медная окантовка внешней кромки. Окантовка обтягивала тонкий торец деревянной основы луки и крепилась при помощи двух гвоздиков, вбитых в загнутые концы, двух декоративных скоб по бокам и центральной обжимной скобы из бронзы. Конфигурация последней убедительно свидетельствует о высоком треугольном сечении передней луки. На плоскости декоративной обкладки сохранились парные отверстия диаметром 4–5 мм для ременного сочленения луки и полок. Аналоги известных обкладок седел из гуннских захоронений [Засецкая 1994: табл. 2 и 7] свидетельствуют о наличие еще двух парных крепежных отверстий на зауженных концах передней луки. Таким образом, было установлено, что крепление полок к передней луке осуществлялось под углом в 45°.

Задняя лука.

Окантовка изготовлена из тонкой вальцованной полосы меди. Её концы загнуты под тупым углом и в них вбиты медные гвоздики для крепления. Еще один гвоздик находится в средней части окантовки. Серебряная обкладка сохранилась только в одном небольшом фрагменте. В пластине имеется два отверстия диаметром 5 мм, служившие для крепежных ремней сочленения задней луки и полок. Маловероятно, что окантовка и фрагмент серебряной обкладки могут указать на форму задней луки. Единственное наблюдение о ее конструкции можно сделать только на основе двух сохранившихся отверстий. Они позволяют утверждать, что декоративная обкладка располагалась по верхнему краю луки, который был явно высоким (в противном случае тисненые фигуры животных должны были быть повреждены седоком) и имел седельную выемку.

Обкладки передних концов полок.

Обкладки передних концов полок парные, имеют форму асимметричного сегмента с кососрезанным острым концом. По краю дуги сегмента обкладки имели нервюрный загиб. По периметру они обложены бронзовым прутком треугольного сечения, крепившегося к деревянной основе полок с помощью длинных гвоздиков. Отсутствие на этих обкладках отверстий, как, впрочем, и всех известных гуннского и постгуннского времени [Ахмедов 2012: рис. 1] для крепления ремней нагрудника позволяет высказать мнение, что полки имели «крылья», подобные древнетюркским аналогам [Худяков 2005: 140].

Обкладки задних концов полок.

Обкладки симметрично парные, имеют форму перевернутого асимметричного сегмента с прогнутым основанием, узкие концы которого не сохранились. Они представляют собой тонкие серебряные пластины со скосом плоскости по краю концов деревянных полок. На широких концах обеих пластин имеются отверстия диаметром 7 мм для крепления ремней подхвостника. По внешним краям обкладки обложены медным прутком треугольного сечения, крепившегося к деревянной основе полок с помощью длинных гвоздиков. Верхний край обкладок окантовку не имели. Их вогнутый контур, бесспорно, повторяет очертания основания задней луки.

Вопрос первичного размещения обкладок на деревянном каркасе седла был рассмотрен А.В. Дмитриевым по материалам археологических раскопок гуннских захоронений на р. Дюрсо (Причерноморье) [Дмитриев 1979: 219, рис. 5]. Е.В. Степанова оспаривает данную реконструкцию на основе детального анализа истории развития мягких седел гунно-сарматского времени, предлагая использование подобных накладок в качестве декоративных элементов передних концов седельных подушек [Степанов 2015: 420–421]. Исследовательница предложила «седла с седельными подушками и деревянными луками» именовать «полужесткими», а «первыми настоящими жесткими седлами, изобретёнными не ранее второй половины VI в., считает тюркские образцы». «Их полки воспро-

изводили в дереве «крылатые» подушки полужестких седел, перешедшие по наследству от седел скифского типа» [Степанова 2015: 421]. Амброз А.К. в своей схеме развития стремян и седел, подобные накладки на переднюю луку датировал VI–VII вв. н. э., но в то же время накладки из Новогригорьевки IX с чешуйчатым орнаментом отнес к V в. н. э. [Амброз 1973: рис. 2; Амброз 1989: рис. 7]. Более доказательна точка зрения И.П. Засецкой, согласно которой алтынказганские накладки на передние концы полок могут относиться к типу 3 и датироваться первой половиной V в. н. э. [Засецкая 1984: 72–74, рис. 2]. Алтынказганская находка позволяет по-иному подойти к вопросу об истории происхождения жестких седел. И самым убедительным

Рис. 2. Пластический макет седла из Алтынказгана

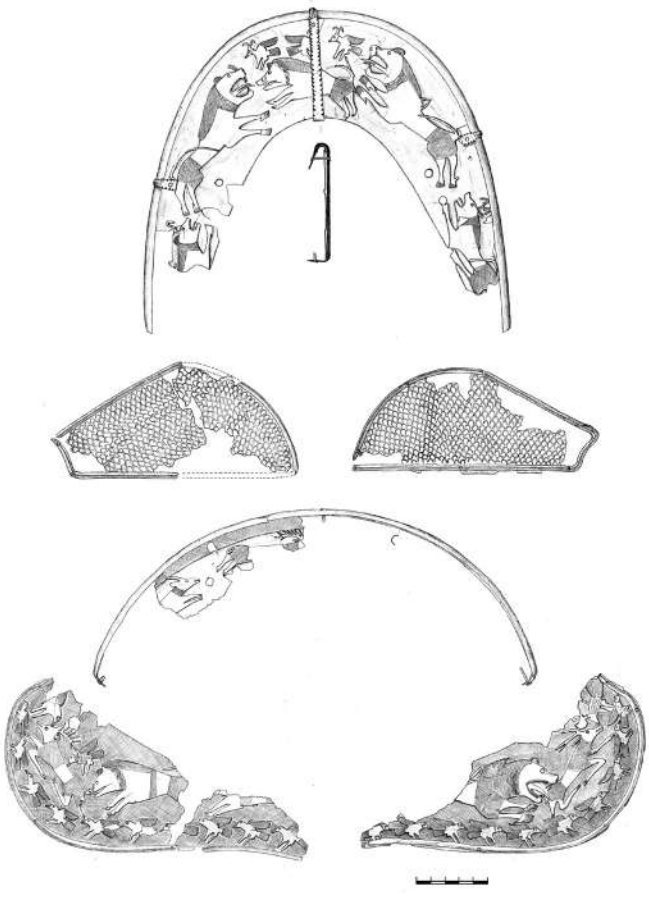

Рис. 1. Алтынказган, объект № 15. Серебряные обкладки седла

Рис. 3. Реконструкция деревянного каркаса седла из Алтынказгана

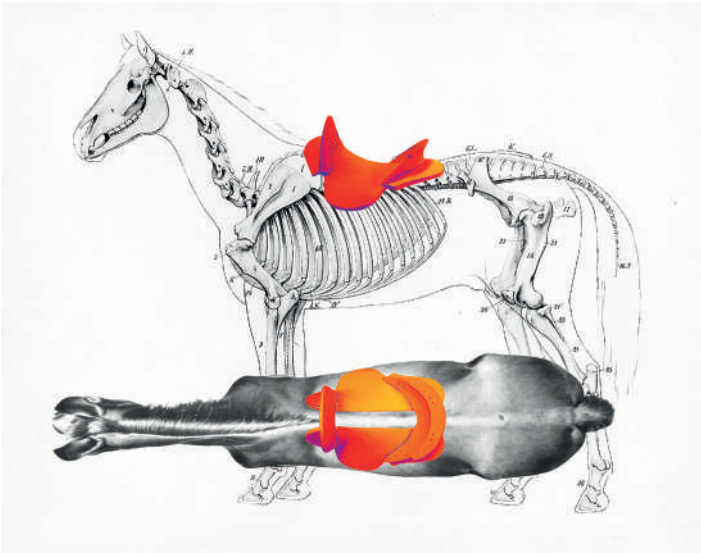

Рис. 4. Положение алтынказганского седла на лошади

доводом ранней истории происхождения составного деревянного каркаса, помимо элементов декора задней луки, являются полноценные серебряные обкладки задних концов полок (рис. 1, 2).

При воссоздании жёсткого каркаса алтынказганского седла масштабированная форма восстановленных очертаний обкладок лук и полок послужила основой для создания пластического макета (рис. 2). После этого была скорректирована и создана рабочая модель ленчика (деревянного каркаса седла) в натуральную величину, которая позволила учесть все особенности составной конструкции и узлов сочленения на основе существующих этнографических материалов с учетом анатомии спины и холки лошади, а также посадки седока без стремян (рис. 3;4).

Таким образом, полученная составная модель оказалась очень близкой к реалиям, и её габаритные размеры составили 55 × 50 × 35 см. Конструкцией ленчика предусмотрены проёмы для крепления подпружного ремня, нагрудника и подхвостника. Восстановленное парадное седло из Алтынказгана доказывает, что жесткие седла появились на степных просторах Евразии гораздо раньше тюркского времени.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4 (43). С. 72–84.

Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жёстких сёдел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации. // Евразия в скифо-сарматское время. Труды. ГИМ. Вып. 191. М.: 2012. С. 19–47.

Дмитриев А.В. Погребение всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 11. С. 212–229.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н. э.). СПб.: Эллипс, ЛТД, 1994. 224 с.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени //Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Гос. Эрмитажа. Вып. LXXVII. СПб, 2015. С. 389–425.

Худяков Ю.С. Сёдла древних тюрок Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 119–143.

О.В. БАТАНИНА

Ольга Владимировна Батанина,
ФИЦ Тюменский Научный центр СО РАН,
Тюмень; Россия; olga.batanina @helsinki.fi

ОСОБЕННОСТИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИНДИВИДОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕРХ-СУЗУН-5 (НОВОСИБИРСКОЕ ПРИОБЬЕ)

Аннотация. Статья вводит в научный оборот новые антропологические материалы, происходящие из разновременного курганного могильника Верх-Сузун-5. Серия представлена скелетами из погребений двух хронологических групп: первая была датирована IV–II вв. до н. э. и отнесена к большереченской культуре, другая группа определена как более поздняя. Целью исследования стало выявление возможных двигательных комплексов, присущих каждой хронологической группе, а также сопоставление наиболее частых движений с уже имеющимися археологическими и антропологическими данными, реконструирующими хозяйственную деятельность носителей большереченской и саргатской культур Западной Сибири. Для получения характеристик привычных движений была использована остеоскопическая методика, регистрирующая степень развития рельефа мест прикрепления мышц и связок, а также состояние суставных поверхностей. В результате были выявлены комплексы, характерные для индивидов большереченской и более поздней групп, а также саргатских курганов. В сериях выявлены схожие движения нижних конечностей, которые были интерпретированы по-разному. Кроме того, были уточнены морфологические характеристики регулярной верховой езды, которая, как показал анализ, была присуща лишь отдельным членам группы.

Ключевые слова: маркеры двигательной активности, остеоскопический анализ, большереченская культура, саргатская культура, ранний железный век, Западная Сибирь

Ольга Владимировна Батанина,
РҒА СБ Тюмень ғылыми орталығы ФЗО,
Тюмень, Ресей

ВЕРХ-СУЗУН-5 ҚОРЫМЫНАН (НОВОСІБІРДЕГІ ОБЬ МАҢЫ) ТАБЫЛҒАН АДАМДАРДЫҢ ҚОЗҒАЛЫС БЕЛСЕНДІЛІГІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аннотация. Мақала әртүрлі кезеңді қамтитын Верх-Сузун-5 обалар қорымынан табылған жаңа антропологиялық материалдарды ғылыми айналымға енгізеді. Жинақ екі хронологиялық топқа жататын жерлеу орындарынан алынған қаңқалардан тұрады. Біріншісі б.д.д. IV–II ғғ. мерзімделіп, большеречье мәдениетіне, ал екінші топ одан анағұрлым кейінгі кезеңге жатқызылады. Зерттеудің мақсаты әр хронологиялық топқа тән ықтимал қозғалыс кешендерін анықтау, сондай-ақ ең көп таралған қозғалыстарды Батыс Сібірдің большеречье және сарғат мәдениеттері мұрагерлерінің шаруашылық қызметін қалпына келтіретін археологиялық және антропологиялық мәліметтермен салыстыру болды. Әдеттегі қозғалыс сипаттамаларын алу үшін бұлшық еттер мен сіңірлердің бекітілген жеріндегі рельефтің даму дәрежесін, сондай-ақ буындардың жағдайын тіркейтін остеоскопиялық әдіс қолданылды. Нәтижесінде Большеречье және одан кейінгі топтарға жататын тұрғындарға, сондай-ақ сарғат обаларына тән кешендер анықталды. Топтамаларда аяқтардың ұқсас қозғалыстары анықталды, оларға әр түрлі түсіндірме берілген. Сонымен қатар, талдау көрсеткендей, топтың жеке мүшелеріне ғана тән тұрақты атқа мінудің морфологиялық сипаттамалары анықталды.

Түйін сөздер: қозғалыс белсенділігінің маркерлері, остеоскопиялық талдау, большеречье мәдениеті, сарғат мәдениеті, ерте темір дәуірі, Батыс Сібір

Olga Batanina,
Tyumen Scientific Centre SB RAS,
Tyumen, Russia

FEATURES OF MOTOR ACTIVITY OF INDIVIDUALS FROM THE VERKH-SUZUN-5 BURIAL GROUND (NOVOSIBIRSK OB REGION)

Abstract. The article introduces new anthropological materials originating from the multi-time burial mound Verkh-Suzun-5. The series is represented by skeletons from the burials of two chronological groups: the first was dated to the 4th–2nd centuries BC and attributed to the Bolsherechenskaya culture, the other group is defined as later. The aim of the study was to identify possible motor complexes inherent in each chronological group, as well as to compare the most frequent movements with the already available archaeological and anthropological data reconstructing the economic activities of the carriers of the Bolsherechenskaya and Sargat cultures of Western Siberia. To obtain the characteristics of habitual movements, an osteoscopic technique was used, registering the degree of development of the relief of the attachment points of muscles and ligaments, as well as the condition of the articular surfaces. As a result, complexes characteristic of individuals of the Bolsherechenskaya and later groups, as well as Sargat mounds, were identified. The series revealed similar movements of the lower extremities, which were interpreted in different ways. In addition, the morphological characteristics of regular riding were clarified, which, as the analysis showed, was inherent only to individual members of the group.

Keywords: musculoskeletal markers (MSM), osteoscopic analysis, Bolserechenskaya culture, Sargat culture, Early Iron Age, Western Siberia

Несмотря на скептицизм, относительно возможности реконструкции двигательной активности в археологических и даже современных скелетных выборках, в последние 5 лет появился ряд исследований, показавших позитивные результаты и для серий, происходящих из предшествующих эпох, и для скелетных коллекций с сохранившейся документацией [Djukic et al 2018: 656–668; Berthon 2019: 117–124; Karakostis, Hotz 2022: 1–14; Trautmann et al 2022: 1–13].

Большинство авторов констатирует ненадёжность выделения двигательных комплексов только лишь на основании антропологического анализа материалов из погребальных памятников древности, тем не менее, проверка наличия или отсутствия уже выявленных ансамблей в разных сериях представляется перспективной.

Антропологические материалы, происходящие из могильников эпохи раннего железного века Западной Сибири до сих пор остаются малоизученными. Исключение составляет саргатская общность, двигательная активность которой исследована Д.И. Ражевым [Ражев 2009: 251–310]. Расширение круга проанализированных серий раннего железного века в рассматриваемом регионе является важным направлением, дающим возможность сопоставления типов двигательной активности и реконструкции хозяйственной деятельности.

Материалы и методы. Данное исследование основывается на антропологических материалах, происходящих из могильника Верх-Сузун-5. Территориально памятник расположен в Сузунском районе Новосибирской области. Могильник был открыт в 1980-х гг. В.И. Молодиным, а его раскопки производились в 2000 и 2001 годах под руководством Т.А. Журбы и С.В. Колонцова.

Из семи курганных насыпей были исследованы две, они включали курганы №№ 1 и 4. Погребения из этих курганов были разделены на две хронологические группы: материалы из кургана 1 и могилы 4-8 и 23 кургана 4 были датированы IV–II вв. до н. э и отнесены к большереченской культуре [Журба 2001: 33–34]; вторая группа состояла из погребений №№ 9-24 и 23 кургана 4, и была определена как более поздняя. Высокая степень разграбленности могил и малое количество датирующих артефактов затруднило точную атрибуцию этих погребений. Как считает С.В. Колонцов, в погребальном обряде присутствуют инокультурные влияния, определить происхождение которых не представляется возможным. Тем не менее, автор отчёта с осторожностью предполагает саргатское происхождение для нескольких могил [Колонцов 2002: 26].

Для остеоскопического анализа были отобраны 14 посткраниальных скелетов, хотя серия из Верх-

Сузуна-5 включала минимум 25 взрослых индивидов. Отбор производился с целью исключить из анализа скелеты с комплектностью менее 25% во избежание получения изолированных характеристик.

Для анализа двигательной активности была использована остеоскопическая методика, разработанная Д.И. Ражевым и П. Курто для саргатской культуры [Ражев 2009: 251–262]. Она включала три направления: исследование мест прикрепления мышц и связок, а также регистрацию состояния суставных поверхностей. Кроме того, были зафиксированы патологические проявления, которые могли оказывать влияние на двигательную активность [Бужилова 1998: 87–147]. Малочисленность большереченской и более поздней выборок затруднили применение статистических методов анализа, и для выявления характеристик физической активности серии из Верх-Сузун индивидуально-типологический подход видится наиболее приемлемым.

Учитывая как малую численность и недостаточную комплектность скелетной выборки, так и ограничения остеоскопической методики (отсутствие унифицированной программы, погрешность в оценках развития рельефа на костях, полиэтиологическую природу морфологии мест прикрепления мышц, проблемы восстановления двигательных ансамблей и мн. др.), представляется важным проанализировать материалы могильника Верх-Сузун-5, поставив перед исследованием более частные вопросы. В частности, интересен вопрос, присутствуют ли специфические двигательные ансамбли в скелетной серии из Верх-Сузуна-5 и насколько они однородны или дифференцированы в двух хронологических группах, а также внутри мужской и женской подгрупп. Кроме того, актуальным видится сравнение характерных движений из изучаемого могильника с уже имеющимися реконструированными комплексами из саргатских серий [Ражев 2009: 251–262].

Характеристика мест прикрепления мышц в большереченской группе курганного могильника Верх-Сузун-5. МПМ на мужских скелетах выражены незначительно выше, чем на женских. Суммарно для большереченской серии были характерны интенсивные, преимущественно силовые нагрузки на мышцы верхних и нижних конечностей.

Для всех исследованных индивидов была характерна сильная выраженность рельефных показателей окончания большой грудной мышцы, у мужчин наблюдаются умеренные энтесопатии. Также в обеих группах значителен рельеф окончания двухглавой мышцы плеча и плечевой мышц. Окончание дельтовидной мышцы имеет среднюю выраженность у женщин и демонстрирует очень высокие показатели у мужчин, кроме того, присутствуют энтесопатии.

Места прикрепления мышц пояса и свободных нижних конечностей характеризуется однородностью среди мужских и женских скелетов. Наибольшее развитие рельефа демонстрируют окончания большой ягодичной мышцы, а также мышцы, прикрепляющиеся к медиальной губе шероховатой линии бедренной кости. Кроме того, высокие значения имеет показатели рельефа и окостенения начала круглой мышцы голени. Степень развития рельфа окончания четырёхглавой мышцы бедра варьирует и имеет умеренные значения у женщин и очень высокие у мужчин.

Изученные показатели рельефа мест прикрепления мышц указывают на то, что наиболее характерными движениями для обеих групп были силовое и скоростное элевация и отведение плеча с его внутренней ротацией, и сгибание предплечья в локтевом суставе. Движения пояса и свободных нижних конечностей представлены стабилизацией таза, поддержанием тела в выпрямленном положении, разгибанием туловища, отведением, приведением и внутренней ротацией бедра, а также сгибание стопы.

Характеристики связочного аппарата представляются довольно схожими у индивидов мужского и женского пола. Наибольшими значениями развития костного рельефа обладали межкостные гребни на локтевых и лучевых костях, во всех случаях зафиксированы небольшие энтесофиты. На костях нижних конечностей было отмечено сильное и очень сильное развитие рельефа подвздошно-бедренной связки, ограничивающей движения в тазобедренном суставе и стабилизирующей его. Места прикрепления связок стопы имели слабое и умеренное развитие у всей большереченской группы.

Выявленные наиболее задействованные связки могли отражать такие движения, как скоростная внутренняя и внешняя ротация предплечья (или же сгибание и разгибание пальцев), а также отведение и приведение бедра.

У индивидов из погребений, отнесённых к большереченской культуре, зафиксирован довольно высокий уровень поражения суставов. Важно отметить, что у исследованных индивидов не наблюдается никакой тенденции в распределении и локализации суставных

поражений. В обеих группах выявлены повреждения плечелоктевого и лучезапястного сочленений. В мужской группе зафиксирован один случай артритных видоизменений на плечевом суставе в сочетании с проявлениями возможного импиджмент-синдрома левого плечевого сустава. У женщины из погребения №13 кургана-1 обнаружены дегенеративные изменения поясничных позвонков. Стоит отметить, что неполная комплектность скелетов не позволяет исключить возможные патологические проявления на тазобедренном, коленном и голеностопном суставах.

Таким образом, индивиды из большереченских погребений характеризуются значительными нагрузками на мышцы как верхних, так и нижних конечностей. В мужской и женской группах большинство движений носило силовой характер, к динамическим можно отнести отведение руки до уровня 90 градусов, элевацию и приведение плеча, приведение, отведение бедра или же выпрямление туловища, а также сгибание стопы.

Морфологическая характеристика мест прикрепления мышц и связок в более поздней группе кургана Верх-Сузун-5.

Общий уровень физических нагрузок в данной группе может быть охарактеризован как находившийся на границе умеренных и высоких показателей. Мужская и женская группа дифференцированы по степени проявления рельефа.

В мужской и женской группах на границе средних и умеренных значений находится рельеф окончания подлопаточной мышцы. В трёх случаях место прикрепления подлопаточной мышцы характеризуется отрицательным рельефом и проявлением деструкции костной ткани, что может быть интерпретировано, в том числе как серия резких движений, отрывающих сухожилие от кости. Выраженность мышц, осуществляющих приведение, отведение, разгибание и элевацию плеча варьирует и в мужской, и в женской группе, и рельеф не увеличивается с повышением возраста. То же явление наблюдается и в точках прикрепления большой грудной мышцы.

Обращает на себя состояние рельефа мест прикрепления мышц, сгибающих и разгибающих предплечье: в женской группе они показывают слабое развитие при одном случае умеренного, а мужские значения находятся на границе умеренных и высоких показателей. При этом ротаторы предплечья (супинатор и круглый пронатор) были активно задействованы в привычных движениях, что согласуется и со значительной выраженностью рельефа межкостной мембраны на локтевых и лучевых костях. Наличие мелких энтесофитов позволяет предположить, что пронация и супинация предплечья, а также сгибание и разгибание пальцев были скоростными движениями.

Характеризуя развитие рельефа мест прикрепления мышц нижних конечностей, следует отметить активное использование большой ягодичной мышцы, присущее обеим группам, более того, зафиксированные практически во всех наблюдениях энтесофиты указывают на скоростной характер движения. Скоростной же тип активности выявляется при регистрации степени развития окончания наружной запирательной мышцы в мужской группе, женская не может быть проанализирована в силу единичности наблюдения.

Выраженность рельефа мышц, прикрепляющихся к медиальной губе шероховатой линии бедренной кости, имеет высокие значения в мужской группе, а также движения носили скоростной характер; в женской – разнились от умеренных до высоких. Рельеф сгибателей бедра, фиксируемый на латеральной губе, демонстрирует те же тенденции. Места прикрепления окончания четырехглавой мышцы бедра имеют при этом высокие и очень высокие значения в обеих группах.

Связочный аппарат характеризуется активным задействованием межкостной мембраны предплечья и подвздошно-бедренной связки. Рельеф мест прикрепления связок, ограничивающих высокоамплитудные движения голеностопного сустава, развит слабо у всех индивидов из саргатских погребений.

Патологические изменения и изношенность суставных поверхностей встречаются у индивидов всех возрастных категорий, и не имеют специфической локализации, которую можно было бы назвать характерной для группы. В мужской группе присутствовали артритные изменения в плечелоктевом, дистальном лучелоктевом и лучезапястном суставах, у индивидов женского пола присутствовали повреждения в коленных, тазобедренных и голеностопных суставах. Кроме того, у нескольких индивидов с максимальной комплектностью скелета наблюдались проявления спондилоартрита, преимущественно локализовавшиеся на поясничных позвонках. Стоит отметить, что отсутствие проявлений кокс- и гон артрозов в мужской группе скорее связаны с недостаточной комплектностью и сохранностью костей ног.

В более поздней группе также было зафиксировано два случая перелома костей конечностей. У женщины

из 17 погребения кургана №4 был обнаружен хорошо консолидированный поперечный перелом нижней трети диафиза правой плечевой кости. Второй случай представляет собой полностью сросшийся косой перелом нижней трети диафиза правой малой берцовой кости.

Ранговые баллы степени развития рельефа МПМ и МПС верхних конечностей в большереченской группе имеют более высокие значения, чем в более поздней. Анализ нагрузок на мышцы и связки в большереченской группе показал их низкую дифференциацию между индивидами, и выраженность МПМ не увеличивалась с возрастом, что позволяет предположить постоянное воспроизведение выявленных движений на протяжении жизни.

Общими движениями рук для индивидов из обеих хронологических групп обоих полов были внутренняя и внешняя ротация предплечья (альтернативно – сгибание и разгибание пальцев). Движения в плечевом и локтевом суставах были дифференцированы. У мужчин и женщин большереченской группы наблюдались такие движения, как скоростные отведение, приведение и сгибание руки в плечевом суставе, а также динамическое сгибание и разгибание в локтевом. В более поздней группе зафиксированы низкие и средние показатели выраженности мест прикрепления мышц и связок, отвечающих за перечисленные движения. Значительные нагрузки на все три звена верхних конечностей в большереченской группе находят подтверждение и в патологических проявлениях: маркеры, указывающие предположительно на артритные изменения суставов и в одном случае были зафиксированы субакромиальный импинджмент синдром. Данный синдром часто является реакцией мышц вращательной манжетки на экстремальные нагрузки, такие, как резкое поднятие или метание тяжелых предметов. Кроме того, причиной может быть и травматизация плечевого сустава, например, в результате падения или удара [Garving et al 2017: 765–776].

Интерпретация двигательных комплексов. Общими движениями для всех трёх рассматриваемых групп было скоростное сведение бёдер, разгибание в тазобедренном суставе, выпрямление туловища при силовом сгибании бедра. Полученные данные могут быть интерпретированы по-разному.

По наблюдениям Д.И. Ражева, реконструированные движения могли описывать привычную полу с согнутыми разведёнными ногами или же привычную верховую езду [Ражев 2009: 275]. Если характерная поза сидения «по-турецки» с высокой долей вероятности может считаться одним из вероятных объяснений специфической активности нижних конечностей, для выявления комплекса всадника характеристики движений ног слишком общие.

Недавние исследования комплекса движений всадников показали, что, помимо специфики рельефа мест прикрепления мышц, должны быть учтены такие признаки, как присутствие овализации головки бедра, энтесопатий на тазовых костях в местах начала прикрепления мышц, а также платимерия бедренных костей, патологические изменения, локализованные в поясничном отделе позвоночника. Кроме того, косвенным признаком считаются переломы ключиц, шейки плечевой кости и дистального отдела нижних конечностей [Berthon 2019: 135–162; Trautmann et al. 2022: 6–10]. В могильнике Верх-Сузун-5 перечисленным условиям соответствуют лишь три скелета. Скелет молодой женщины из большереченского погребения демонстрирует большую часть признаков, которые можно зафиксировать с имеющимся уровнем комплектности. Кроме того, черты всаднического комплекса зафиксированы на скелете взрослого мужчины, происходящего из более поздней группы Верх-Сузуна-5 и скелете зрелой женщины той же культурной принадлежности. Помимо высокой выраженности мышц и видоизменений суставных поверхностей, у этих индивидов зафиксированы переломы в нижней трети диафиза правой малой берцовой кости (мужчина, курган 4, погребение 22) и нижней трети диафиза правой плечевой кости (женщина, курган 4, погребение 19, скелет 2), что является весьма распространённой локализацией «всаднических» травм.

Отсутствие полного набора признаков, маркирующих всаднический комплекс, у всех индивидов с сильной выраженностью мышц тазобедренного комплекса может означать разное. Во-первых, неполная комплектность посткраниальных скелетов ограничивает интерпретационные возможности методики. Во-вторых, езда верхом могла быть присуща лишь индивидам, наделённым особой социальной или профессиональной ролью, что отмечает Д.И. Ражев для саргатской группы и предполагает ходьбу по пересечённой местности как альтернативную причину развития энтесопатий и повреждений суставов [Ражев 2009: 277].

Ещё один блок общих движений для индивидов из большереченских и саргатских погребений – силовое

сгибание руки в локтевом суставе, а также пронация и супинация предплечья. Они были характерны для мужчин и женщин из обеих хронологических групп. Одним из возможных объяснений представляется использование таких движений при кошении травы с помощью серпов. Как отмечают Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский, наиболее распространёнными орудиями могли являться ножи и челюсти коров и лошадей [Троицкая, Бородовский 1994: 50–51]. Хозяйственная деятельность носителей большереченской культуры во многом была представлена отгонным скотоводством, требующим заготовку сена на зиму. С другой стороны, сезонный характер подобной двигательной активности может являться контраргументом для данной гипотезы.

У индивидов из трёх сравниваемых групп зафиксированы динамическая ротация предплечья, а также сгибание и разгибание пальцев. Эти признаки могут быть отнесены практически ко всем перечисленным выше схемам. Такие движения присутствуют в и в управлении поводьями, и в кошении травы, и многих других видах деятельности, описанных как археологически, так и антропологически: тренировках с холодным оружием [Ражев 2009: 278], изготовлении керамики, шитье кожаных изделий и даже металлургическом производстве [Троицкая, Бородовский 1994: 50–68]. Малое количество наблюдений и отсутствие в антропологической коллекции костей кисти, а также несовершенство визуальной регистрации мест прикрепления мышц и связок пока не позволяют более чётко дифференцировать двигательные ансамбли, задействующие дистальные звенья верхних конечностей.

Заключение. Внутри и внешнегрупповое сравнение скелетных серий большереченской и более поздней из Верх-Сузуна-5 и саргатских групп выявило как сходства, так и различия в характере движений, составляющих ежедневную активность. Кажущееся однородным распределение маркеров двигательной активности в большереченской и более поздней группе при индивидуальном анализе показало разные типы привычной деятельности.

Расширение источниковой базы и совершенствование методов выявления и оценки двигательных комплексов у населения большереченской культуры позволят в будущем получить более точные характеристики, соотносимые с видами хозяйственной деятельности.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований No 20-49-720010.

Литература

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.

Журба Т.А. Отчёт о работах на курганном могильнике Верхний Сузун-5 Сузунского района Новосибирской области в 2000 году. Новосибирск, 2000. 34 с.

Колонцов С.В. Отчёт об охранных археологических раскопках курганного могильника Верх-Сузун-5 в Сузунском районе Новосибирской области в 2002 году. Новосибирск, 2002. 38 с.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: 1994. 184 с.

Berthon W. Bioarchaeological analysis of the mounted archers from the Hungarian Conquest period (10th century) Horse riding and activity-related skeletal changes. Biological anthropology. Université Paris sciences et lettres; Szegedi Tudományegyetem, 2019. 247 p.

Djukic K., Miladinovic-Radmilovic N., Draskovic M., Djuric M. Morphological appearance of muscle attachment sites on lower limbs: Horse riders versus agricultural population. Int. J. Osteoarchaeol. 2018, P. 28, 656–668.

Garving C., Jakob S., Bauer I., Nadjar R., Brunner U.H.: Impingement syndrome of the shoulder. Dtsch Arztebl Int 2017; 114: P. 765–776.

Karakostis, F.A., & Hotz, G. Reflections of manual labor in the hand entheses of early industrial women workers with extensively documented life histories. American Journal of Biological Anthropology, 2022, P. 1–15.

Trautmann et al. First bioanthropological evidence for Yamnaya horsemanship. Sci. Adv., vol. 9, eade2451, 2023, P. 1–13.

Е.С. БОГДАНОВ

Евгений Сергеевич Богданов,
Институт археологии и этнографии, Сибирское отделение РАН,
Новосибирск, Россия; bogdanov@archaeology.nsc.ru

«ГУННСКИЙ СЛЕД» НА МАНГИСТАУ

Аннотация. Серия ярких открытий была сделана экспедицией под руководством А.Е. Астафьева и Е.С. Богданова в ходе исследований ритуально-погребального комплекса Алтынказган, поселения Каракабак и могильников гуннского времени. Зафиксированные особенности различных ритуалов и предметы материальной культуры свидетельствуют о тесной связи этих памятников между собой. Большая часть находок сопоставима с гуннскими (постгуннскими) древностями второй половины V – первой половины VI в. Все полученные факты свидетельствуют о том, что какая-то часть изделий, характеризующих «шиповский» горизонт и украшения в полихромном стиле могли не только изготавливаться мастерами Каракабака, но и экспортироваться посредством водного Волжско-Каспийского пути далее за пределы региона.

Ключевые слова: Мангистау, гуннские древности, «шиповский» горизонт, Алтынказган, Каракабак, полихромный стиль

Евгений Сергеевич Богданов,
РҒА Сібір бөлімшесі, Археология және этнография институты,
Новосибирск, Ресей

МАҢҒЫСТАУДАҒЫ «ҒҰНДАРДЫҢ ІЗІ»

Аннотация. А.Е. Астафьев пен Е.С. Богдановтың жетекшілігімен жүргізілген экспедиция Алтынқазған ғұрыптық-жерлеу кешенін, Қарақабақ қонысын және ғұн дәуіріне жататын қорымдарды зерттеу барысында бірқатар көрнекті жаңалықтар ашты. Анықталған әр түрлі рәсімдердің ерекшеліктері мен материалдық мәдениеттің бұйымдары бұл ескерткіштердің бір-бірімен тығыз байланысын көрсетеді. Табылған заттардың көп бөлігі V ғасырдың екінші жартысы – VI ғасырдың бірінші жартысындағы ғұндармен (ғұндардан кейінгі тайпалармен) салыстырылады. Алынған барлық деректер «шиповский» мәдени қабатын сипаттайтын кейбір бұйымдар мен полихром стиліндегі әшекейлерді Қарақабақ шеберлері жасап қана қоймай, сонымен қатар Еділ-Каспий су жолы арқылы аймақтан тыс экспортталуы мүмкін екендігін көрсетеді.

Түйін сөздер: Маңғыстау, ғұн ескерткіштері, «шиповский» мәдени қабаты, Алтынқазған, Қарақабақ, полихром стилі

Evgeniy Bogdanov,
Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS,
Novosibirsk, Russia

«HUN TRACK» ON MANGISTAU

Abstract. A series of bright discoveries were made by the expedition led by A.E. Astafiev and E.S. Bogdanov during the research of the Altynkazgan ritual and burial complex, Karakabak settlement and burial grounds of the Hunnic time. The recorded features of various rituals and objects of material culture testify to the close connection of these monuments with each other. Most of the finds are comparable to the Hunnic (post-Hunnic) antiquities of the second half of the 5th – first half of the 6th century. All the facts obtained indicate that some part of the products characterizing the "Shipovsky" horizon and polychrome-style jewelry could not only be made by Karakabak craftsmen, but also exported via the Volga-Caspian waterway further beyond the region.

Keywords: Mangistau, Hunnic antiquities, "Shipovsky" horizon, Altynkazgan, Karakabak, polychrome style

В исторической литературе до последнего времени существовала точка зрения, согласно которой, после падения Рима центрами ювелирного производства остались только мастерские на территории Германии и Византии, продолжавшие античные традиции. Однако исследования российско-казахстанской экспедиции на полуострове Мангышлак под руководством А.Е. Астафьева и Е.С. Богданова позволили по новому взглянуть на проблему существования производственных центров в восточной ойкумене степного мира. Было открыто несколько новых памятников, давших яркий и самобытный материал хорошо сопоставимый с гуннскими древностями второй половины V – первой половины VI в.

В первую очередь, – это Алтынказган. Речь идет о захоронении в специальных местах статусных предметов всадника, сделанных для конкретного обряда [Астафьев, Богданов 2015: 80; Астафьев, Богданов 2018: 73–74; Богданов 2017: 73]. Было обнаружено 5 таких «закладов» («подношений» или «кладов») в ямах внутри оград и в стеновидных конструкциях. Косвенным доказательством былого обилия заложенных «даров» в каменных сооружениях служит десятки различных предметов из числа случайных находок на поле памятника, в том числе из благородных металлов. Количество и разнообразие этого вещевого комплекса свидетельствует о высоком уровне значимости проводимости в древности ритуальных действий. Их необходимо рассматривать в контексте древнеиранских представлений, так или иначе связанных с «царской тематикой» и тематикой «фарна». Изготавливая вещи для ритуального «захоронения», древний мастер украшал их в соответствии с художественными традициями и технологиями того времени. В этом смысле особенно показательны и интересны находки парадного седла с жестким каркасом, «царского» пояса, а также великолепные комплекты конской сбруи с предметами в полихромном стиле. Подобных находок гуннского времени на территории Евразии известно очень мало, и они дают бесценную информацию, особенно в контексте особенностей производства.

Второе, – это Каракабак, расположенный в 18 км от Алтынказгана. Поселение обнаружено на высоком скальном останце, отделенным от участка возвышенности глубоким природным рвом, являющимся естественной защитной преградой [Астафьев, Богданов 2019: 18–20, рис. 2; Астафьев, Богданов 2023: 119: рис. 1, 2]. Со стороны поселения ров был усилен крепостной стеной. Этот останец является северо-западной оконечностью участка плато, отделенного от основного массива крепостной стеной Байлама формирующей часть жизненной территории каракабакского поселения и являлась укрепленной пограничной линией с миром местных кочевых сообществ, что придает этому небольшому изолированному участку земли характер анклава. Площадь застройки поселения составляет порядка 5–6 га. Несмотря на то, что работы на памятнике только начинаются, уже получена представительная коллекция находок, на основе которых Каракабак можно датировать в пределах III – первой половиной VI вв. В настоящий момент имеющиеся факты свидетельствуют о том, что одни товары проходили транзитом через Каракабак с востока и юга в Рим (Византию), а другие (металлопластика, украшения, посуда и пр.) изготавливались на самом Каракабаке для нужд кочевых племен Арало-Каспия и Поволжья. Об этом свидетельствуют следующие находки на территории каракабакского поселения:

- множество отходов металлургического передела (шлаки, всплески, съемы), являющиеся свидетельством формовочного литья, что подтверждено наличием слитков и кусочков спекшегося вторичного лома;
- сотни обрезков медных и серебряных пластинок, деталей различных украшений;
- «варварская» обработка драгоценных камней для производства ювелирных изделий с использованием византийских «ГОСТов».

Очень важным моментом является связь Каракабака и Алтынказгана. Причем второй возник именно в силу продолжительной активности жизненных процессов и особенностей духовных устоев зороастрийской направленности обитателей Каракабака. Вот несколько доказательств, полученных при сопоставлении хронологических рамок и материальных свидетельств с этих двух памятников: сходство строительных приемов, керамический материал и металлопластика. Особенно показательны найденные изделия шиповского (постгуннского) горизонта из меди, серебра и золота середины V – начала VI вв., изготовленные в подражательной манере.

Третье, – это гуннские захоронения около поселения Каракабак [Астафьев, Богданов 2020: 81–85; Астафьев, Богданов 2021: 58–63]. Все подбойные захоронения женщин и детей (с кольцевой деформацией

черепа) под индивидуальными насыпями, в вытянутом положении на спине. Данные по погребальному обряду и вещевой инвентарь позволяют предположить, что рядом с Каракабаком обитали кочевники тесно связанные с населением Приуралья, Поволжья и Северного Причерноморья. Особенно выразительными оказались находки, опять же соотносимые с шиповским горизонтом: ременные пряжки с неподвижным щитком, листовидные подвески (нашейные украшения), серебряный кулон с каменной вставкой, перстни с перегородчатой инкрустацией.

Все полученные факты свидетельствует о том, что какая-то часть изделий, характеризующих «шиповский» горизонт и украшения в полихромном стиле могли не только изготавливаться мастерами Каракабака, но и экспортироваться посредством водного Волжско-Каспийского пути далее за пределы региона.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Том. 43. № 4. С. 72–84.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–369.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. 2019. № 4. С. 17–38.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Гуннские древности Северо-Восточного Прикаспия // Stratum plus. 2020. № 3. С. 179–192.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Элитное погребение гуннского времени на могильнике Каракбак (Мангыстау, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 57–68.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Вал Байлама //Археология Казахстана 2023. №2 (20). С. 117–130.

Богданов Е.С. Звери и птицы на обкладках гуннского седла из Мангышлака // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. М., Кемерово, 2017. Труды САИПИ. Вып. XI. С. 65–77.

А.С. ГАНИЕВА,
С.Қ. СӘКЕНОВ

Айнагүл Сәбитқызы Ганиева,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана, Қазақстан; ganieva@mail.ru
Серғазы Қайырбекұлы Сәкенов,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана, Қазақстан; sergazi_82@mail.ru

САРЫАРҚАНЫҢ СОЛТҮСТІК БӨЛІГІНДЕГІ ҒҰН-САРМАТ КЕЗЕҢІНІҢ ЖЕРЛЕУ КЕШЕНІ

Аннотация. Солтүстік Сарыарқадағы ғұн-сармат кезеңінің ескерткіштерін зерттеу қазіргі отандық археологияның өзекті бағыттарының бірі болып табылады. Жаңа кешеннің материалдары аталған мәселе бойынша ақпаратты едәуір толықтыра алады. Мақалада Ақмола облысының Зеренді ауданында орналасқан Айдарлы қорымының №1 обасын зерттеу кезінде алынған жаңа материалдар ұсынылған. Жерлеу рәсімі мен табылған бұйымдарға сәйкес оба б.д.д. III ғ. – б.д. I ғ. мерзімделеді және кейбір ортасарматтық кешендермен салыстыруға болады. Қазіргі таңда осы кезеңге жататын 19 оба белгілі. Бұл кезеңдегі тұрғындардың жерлеу мәдениетіне лақат пен ақымдарда қойылған жауынгер қабірлері тән.

Түйінді сөздер: Сарыарқа, Солтүстік Қазақстан, Халықтардың ұлы қоныс аударуы, ғұн-сармат дәуірі, қорым, жерлеу ғұрпы, лақат, қыш, таңбалар

Айнагуль Сабитовна Ганиева,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Астана, Казахстан
Сергазы Кайырбекович Сакенов,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Астана, Казахстан

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ САРЫАРКИ

Аннотация. Изучение памятников гунно-сарматского периода в северной Сарыарке является одним из актуальных направлений современной казахстанской археологии. Раскопки нового комплекса могут существенно дополнить информацию по этому вопросу. В данной статье представлен новые материалы, полученные при исследовании кургана № 1 могильника Айдарлы, расположенного в Зерендинском районе Акмолинской области. Согласно погребальному ритуалу и инвентарю, захоронение можно датировать периодом III в. до н. э. – I в. н. э. и сравнить с некоторыми комплексами среднесарматского времени. На данном уровне исследования известно 19 курганов этого периода. Культура населения этого времени характеризуется группой воинских погребений в подбоях и катакомбах.

Ключевые слова: Сарыарка, Северный Казахстан, Великое переселение народов, гунно-сарматская эпоха, могильник, погребальный обряд, подбой, керамика, знаки

Ainagul Ganieva,
Margulan Institute of Archaeology,
Astana, Kazakhstan
Sergazy Sakenov,
Margulan Institute of Archaeology,
Astana, Kazakhstan

THE BURIAL COMPLEX OF THE HUN-SARMATIAN PERIOD IN THE NORTHERN PART OF SARYARKA

Abstract. The study of the monuments of the Hun-Sarmatian period in the northern Saryarka is one of the current directions of modern Kazakh archaeology. The excavations of the new complex can significantly supplement the information on this issue. This article presents new materials obtained during the study of the mound No. 1 of the Aidarly burial ground, located in the Zerenda district of the Akmola region. According to the funeral ritual and inventory, the burial can be dated to the period of the 3rd century BC – 1st century AD and compared with some complexes of the Middle Sarmatian time. At this level of research, 19 mounds are known, which date back to the 2nd century BC – 1st century AD. The culture of the population of this time is characterized by a group of military burials in the pits and catacombs.

Keywords: Saryarka, Northern Kazakhstan, the Great Migration of peoples, the Hun-Sarmatian era, burial ground, funeral rite, catacomb, ceramics, signs

Кіріспе. Еуразия даласы тұрғындарының тарихында аңызға айналған ежелгі этностардың бірі – хұндарды (Қытай дереккөздері бойынша) / ғұндарды (еуропалық жазбаша мәліметтер бойынша) зерттеу өзекті мәселе болып табылады. Халықтардың ұлы қоныс аударуының бастамасы болған бұл тайпаның Орталық Азияның түпкірінен батысқа миграциясы өз бойында шешілмеген ғылыми мәселелерді жасырып келеді. Археология ғылымында ғұн мәдениетінің шығу тегі мәселелері әлі толық шешілген жоқ. Жерлеу рәсімі мен заттық кешеннің кейбір элементтерінде ерте темір дәуірінің ескерткіштерімен ұқсастықтары байқалады.

Жазба деректер бойынша Орталық Азиядағы ғұндар Хань Қытайынан кем түспейтін империя құра алды. Орталық Азия археологиясында ғұн қалалары, ғибадатханалары, тау-кен және металлургиямен айналысқанын айқындайтын ежелгі орындар, аса бай және күрделі жерлеу кешендері ашылып, зерттелді. Ғұндар сол уақытта алдыңғы қатардағы қару-жарақпен қамтылып және жасақталған әскерге ие болды. I ғасырдың ортасында Ғұн империясы ішкі жанжалдарға байланысты ыдырауға ұшырады. Осы кезден бастап солтүстік ғұндардың көші-қоны Қазақстан аумағына қозғалысын бастайды. Көші-қонның негізгі бағыты оңтүстік өңірлерге, Оңтүстік Қазақстан мен Орта Азияның егіншілік оазистеріне бағытталған. Ғұндар Қазақстан аумағында I ғасырдың аяғынан IV ғасырға дейінгі уақыт аралығында тіршілік етті. Сарыарқаның далалық кеңістігінде ғұндардың таралуы жергілікті халықтың антропологиясына әсер етті – осы аймақ тұрғындарының сыртқы келбетінде моңғолоидтық ерекшеліктер күрт басым бола бастады.

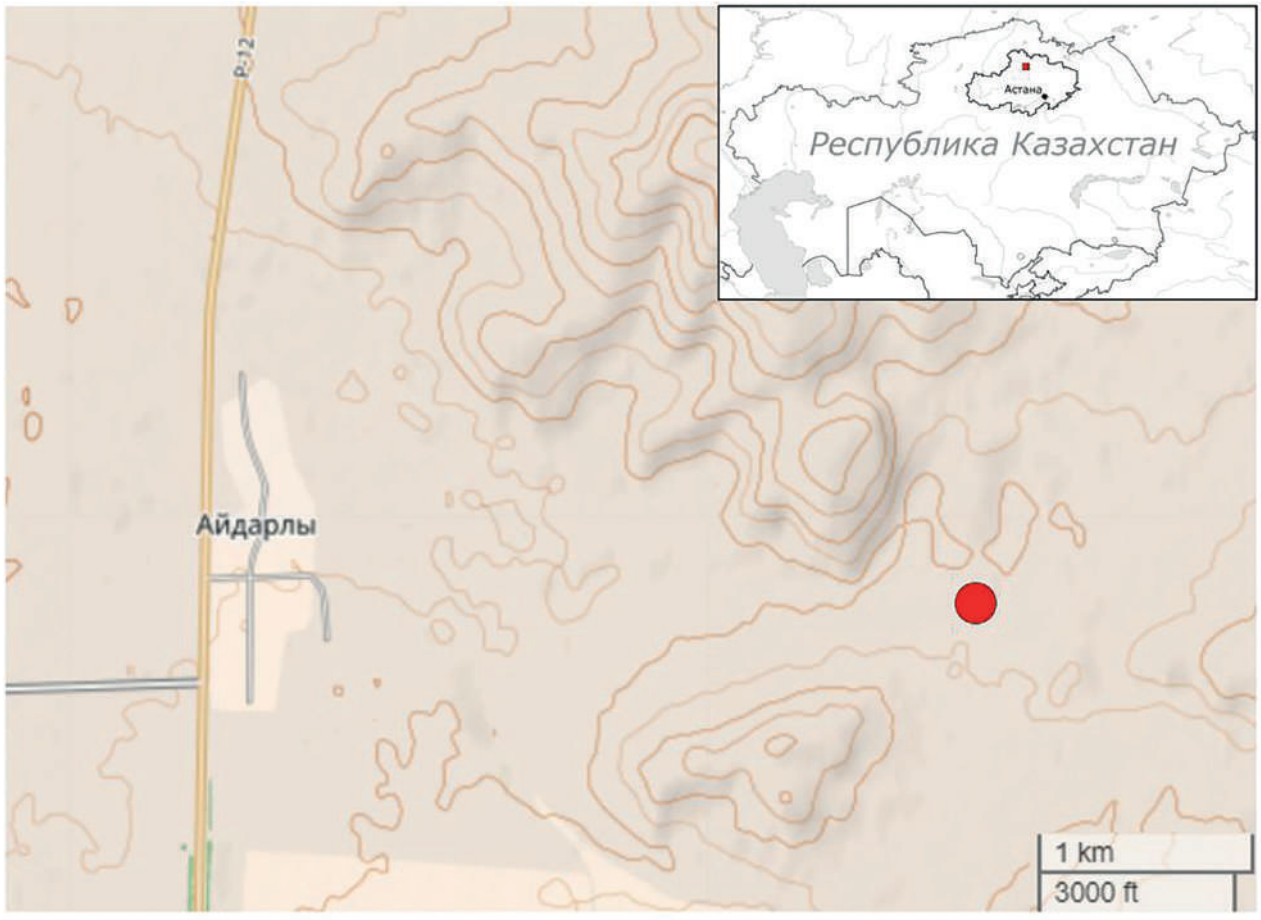
Археология ғылымында Көкшетау қыратында орналасқан ғұн дәуірінің аса бай жерлеу орны белгілі. Бурабайдағы ғұндардың жерлеу кешенін алғаш рет А.Н. Бернштам зерттеген. Табылған коллекция көркемдік жағынан ерекше заттармен көзге түседі: темір қанжар, темір жебе ұштары (6 дана), жылқының темір ауыздығы, паста және әр түрлі көлемдегі моншақтар, тік бұрышты жақтау тоға және күміс, алтын және асыл тастардан жасалған бұйымдардың едәуір саны (алтын фольга, полихром стиліндегі тоғалар), қола қазан [Бернштам 1951: 216–229]. Қабір құрылымында қола қазан қабірдің үстінде қойылған, осылайша, стратиграфияда орталық орынды алған. Жерлеу құралдарын талдау ескерткішті б.з. V–VI ғасырдың аяғы деп анықтауға мүмкіндік береді [Ярыгин 2013: 441].

Сарыарқаның солтүстік бөлігіндегі I мыңжылдықтың басында сирек кездесетін ескерткіштерінің бірі – Өндіріс II қорымының №4 обасы ашылып, зерттелгенін атап өту қажет. Жауынгер ер адам жерленген бұл молада ұзын темір семсер, бетінде қашалған суреттері бар садаққа арналған сүйек қаптамалары секілді бұйымдар ұшырасқан. Бейнелер қаптамалардың әшекейі немесе ғұн-сармат дәуірінің бірінші кезеңінде (б.з.д. II ғ. – б.з. I ғ.) Солтүстік Қазақстан көшпенділерінің мәдениетінде орын алған мифологиялық бейнелердің иллюстрациясы болып табылады [Ярыгин 2023: 441].

Бұл жұмыста Ақмола облысы Зеренді ауданының аумағында зерттелген – Айдарлы қорымының материалдары ұсынылады.

Ескерткіш Айдарлы ауылынан солтүстік-шығысқа қарай 3 км жерде, Қошқарбай өзенінің сол жағалау террасасының тегістелген алаңында орналасқан (1-сур.). Қорым үш үйінді обадан тұрады. Үйінділердің беті қатты шыммен жабылған. Зерттеу нысаны ретінде кешенді солтүстік жағынан шектейтін №2 және №3 обалардан бөлек, қара жолдың жанында, алыс емес жерде орналасқан №1 оба таңдалды.

Зерттелген обаның диаметрі - 22 м, биіктігі -

1-сур. Айдарлы қорымы орналасқан жергілікті қартасы

0,8 м (2-сур.). Қазба секторларға бөлініп, жиектер негізгі нүктелер бойынша қойылды. Обаның топырақ үйіндісінің беткі қабаты шұңқырланғандықтан өзінің бастапқы келбетін жоғалтқан. Солтүстік-оңтүстік сызық жиегінің батыс профилінде ені 2,2 м және батыс-шығыс сызық жиегінің солтүстік профилінде 1,6 м болатын ойық іздері айқын көрінеді. Қабір шұңқырынан лақтырылған топырақтар ені - 2,4 м, биіктігі - 0,25 м болатын екі арка тәрізді жота болып қалған. Бұл жоталар қабір шұңқырының солтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс жағында орналасқан. Жиек профилінде ашық сұр топырақ түріндегі қабір шұңқырының топырағы анық көрінеді. Бұл құрылым обаның өзегі болып табылатын қара-сұр топырақпен жабылған, ал негізігі құрылымның диаметрі 12 м. Үйіндінің қалған бөлігі периметрі бойынша шеттеріне дейін қара гумусталған топырақпен жабылған. Қабір орны ежелгі жер деңгейінен 0,2 м тереңдіктен көріне бастады. Оның диаметрі солтүстік-шығыс – оңтүстік-батыс сызығы бойынша – 2,2 м, солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс сызығы бойынша – 1,6 м. Қабір таңбаларының ең шетінде, оңтүстік бөлігінде 0,3 × 0,2 м тас тақта табылды.

Қабір шұңқырын одан әрі аршу барысында жерлеу лақатта орын алғаны анықталды. Лақатқа кіреберіс солтүстік-шығыс – оңтүстік-батыс (ұзындығы) – 2,1 м, солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс (ені) – 1,6 м осьтері бойынша өлшемдері бар кең сопақ шұңқырмен белгіленген. Ежелгі жері деңгейінен баспалдаққа дейінгі кіру тереңдігі 1,65 м. Лақат құдығы кіреберіс шұңқырдың солтүстік-батыс қабырғасының астында орналасып және параллель бағытталған. Қабір шұңқырының түбінен камера қоймасына дейінгі шұңқырдың биіктігі 1,2 м, ені түбі бойынша – 0,8 м, саты биіктігінде – 0,1 м. Қабір шұңқырының түбі жоспарда тікбұрышты, бұрыштары дөңгелектелген, оңтүстік-батыс–солтүстік-шығыс сызығы бойымен созылған

Сур.1. Айдарлы қорымы. №1 оба. Оңтүстік сызығы

(3-сур.). Қабір шұңқырының және кіреберіс камераның шеттері бір-біріне қатысты оңтүстік-батыс осі бойынша 0,1 метрге ығысқан. Лақат шұңқырының доғасы сфера түрінде жасалған. Баспалдақ органикалық заттармен жабылған болуы мүмкін, бұл сатының өн бойында ыдырау қалдықтарының жинақталуымен анықталады. Жерленген адам лақат түбіне арқасына жатқызылып, басы оңтүстік-батысқа, беті оңтүстікке қаратып, жерлеу камерасының доғасымен толық жабылған. Қолдары дененің бойымен созылып, білектері жамбас сүйектерінде қойылған. Сол жағында жіліншік бойымен темір пышақтың қалдықтары анықталды. Ағаш бөлшектері мен ағаш үгінділеріне сүйене отырып, пышақтың ені 2,5 см деуге болады. Тұтқаның ұзындығы 10 см, пышақтың ұзындығы 8,5 см. Темірге ағаш тұтқаны мықты бекіту үшін тұтқаның жоғарғы жағы L-тәрізді ілмек түрінде жасалған. Пышақтың ортаңғы бөлігінің бетінде темірмен жымдастыруының арқасында мата жыртысының бөлігі сақталған.

Бас сүйегінің сол жағында, самай сүйек аймағында қола сымнан жасалған дөңгелек сақина (сырға?) табылды. Бел жағында қатты коррозияға ұшыраған темір сақина анықталды, бұл белбеу бөлігі болып табылады. Қаңқаны тазарту кезінде сол жақ білегінің астында 3 темір үш жүзді жебе ұштары анықталды (4-сур.). Жерлеу кезінде лақат түбінің шеттерінде орналасқан үш қыш ыдыс табылды: №1 – оңтүстік бұрышта, №2 – батыс бұрышта, № 3 – жерленген адамның аяғындағы құрбандық сүйектерінің жанында.

№ 1 ыдыс – сфералық пішінді бір тұтқалы құмыра, цилиндрлік мойны ұзын және түбі кең, тұтқасы жиектің жоғарғы бөлігінің жалғасы болып табылады. Ыдыстың төменгі бөлігінде 2 паралелльді сызықтар түрінде белгі салынған. Ыдыс мойының диаметрі – 4,7 см, жиек диаметрі – 6,8 см. Ыдыстың түбінен мойынның жоғары жиегіне дейінгі биіктігі – 18,5 см, тұтқаның ені – 1,1 см [Сәкенов және т. б. 2019: сур. 4, 6].

№2 ыдыс асимметриялық пішінді және қиғаш мойынды, ернеуі сыртқа қарай иілген. Сары түсті. Сыртқы жиегі бойынша мойынның диаметрі – 9 см, ернеуінің ені – 0,4–0,5 см. Түбінің диаметрі – 8 см, дененің максималды диаметрі – 13,4 см. Ыдыстың түбінен мойынның жоғары жиегіне дейінгі биіктігі – 15,5 см.

№3 ыдыс қыш, мойны ұзын және денесі дөңгеленген, түбі кең. Ашық қызыл, кейбір сыртқы бөліктері ысталған. Ернеуі негізі сыртқа қарай иілген, шамалы белдеуленген. Сыртқы жиегі бойынша мойынның диаметрі – 7,5 см, ернеу ені – 0,6 см. Түбінің диаметрі – 8,7 см, Денесінің максималды диаметрі – 12,3 см. Ыдыстың биіктігі – 12,2 см. Мойынның биіктігі – 5,8 см, диаметрі – 6,1 см.

Ұсақ малдың асық жілік және жамбас сүйектері түріндегі құрбандық тағам мәйіттің аяқ жағында, қабір шұңқырының солтүстік бұрышы тұсында орналасқан. Зерттелген қабірдің жерлеу рәсімі мен заттық құралдары Оңтүстік Оралдың сармат ескерткіштері мен

олармен синхронды Солтүстік Қазақстан кешендерінің арасында баламалары ұшырасады. Солтүстік Қазақстандағы қабірлердің оңтүстік, оңтүстік-батыс бағыттары б.д.д. II ғ. – б.д. I ғ. Сарқара қорымының 3, 5 қорымдарында, Жабай Покровка қорымының 32 обаларында кездеседі [Хабдулина 1994: 72–73, табл. 40, 42, 43].

Қабір ішінен табылған жебе ұштарының Солтүстік Қазақстан ескерткіштерімен ұқсастықтары бар, олар б.д.д. I ғ. – I ғ. Сарқара шатқалының 3 обасының қабір орындарында анықталған; Өндіріс II қорымының 4 қабірі біздің заманымыздың шамасы деп белгіленген [Хабдулина 1994: 72; Свиридов 2008: 240–247]. Оңтүстік Орал өңірінде б.д.д. III–I ғасырларға жатады [Гуцалов 2004: 56, табл. 14]. А.М. Хазановтың типологиясына сәйкес, олар басы үшбұрышты, қанаттары сап жағына қиғаш кесілген жебе ұштарының 5-ші түріне жатады. Мұндай жебелер б.д.д. I ғ. – б.д. I. ғ. аралығында толық үстемдікке ие болады және барлық басқа түрлердің орнын алмастырады [Хазанов 1971: 38].

№1-ге ұқсас ыдыстарды М.К. Хабдулина б.д.д. II ғ. – б.д. I ғ. деп белгілейді және импорттық керамика тобына жатқызады. Ғалым зерттелген бірқатар ыдыстардың бойында қыш таңбалар бар екенін атап өтті [Хабдулина 1994: 64]. № 2, 3 ыдыстардың баламаларын Оңтүстік Оралдағы ерте және орта сармат кешендерінен табуға болады [Скрипкин 1990: сур. 8–9, 11].

Дәуір тоғысындағы көшпенділердің Орталық Азия оазистерімен қарым-қатынасы ғылыми еңбектерде бірнеше рет көтерілген. Бұл мәселе зерттеу үшін

3-сур. Айдарлы қорымы. №1 оба. Жерлеу шұңқыры

4-сур. Айдарлы қорымы. №1 оба. Жебе ұштары

өзекті болып қала бермек. Солтүстік Қазақстанда осы кезеңінің ескерткіштеріне зерттеу мен негізгі талдауды М.К. Хабдулина (1994) жүргізді.

Авторларға б.д.д. II ғасырдан – б.д. I ғасырға жататын 17 оба белгілі, зерттеудің қазіргі мезетінде олардың саны 19-ға дейін өсті. Осы кезеңнің мәдениеті лақат пен ақымдардағы жауынгерлік қабірлермен айқын сипатталады. Жерлеу жабдықтарына үш жүзді жебелері бар қорамсақтар, сүйектен жасалған қаптамалары бар ұзын садақтар, ұзын қылыштар мен қанжарлар кіреді. Бір қабір ішінде ұжымдық жерлеу жағдайлары да орын алған. Жерленген адамдар оңтүстікке бағдарлануы басым [Хабдулина 1994: 26–27, 71–73, 86].

Лақаттың оңтүстік бұрышына қойылған тұтқалы асүйлік құмырасы (№1) қызығушылық тудырады. Сфералық пішінді, биік цилиндрлік мойны бар және кең түпті құмыра. Ыдыстың түбінде жұптасқан сызықтар түрінде белгі салынған, белгінің өлшемдері 2 х 1,5 см. Ыдыс импорттық заттарға жатады [Ярыгин 2019: 191]. Астыңғы бөлігінде тарақ тәрізді белгісі бар оған ұқсас ыдыс Сарқара өңіріндегі 4 обаның төменгі қабірінен табылды [Хабдулина 1994: табл. 59, 40, сур. 1, 3].

Мұндай құмыралардың ұқсастықтары Орталық Азияда, оның ішінде Тұлхар қорымында (Солтүстік Бактрия) кездеседі. Тасмола шатқалының (Орталық Қазақстан) 36 обасының ақымынан жебе (немесе "құстың табаны") түріндегі белгісі бар осы кезеңнің тағы бір ыдысы табылғанын атап өткен жөн. Бұл ауызы тар және биік иілген мойны бар ваза тәрізді қара сұр жалпақ түбі бар ыдыс. Мойынның негізі бойымен кесте белгісі салынған белдеу өтеді [Хабдулин 1994: 64, 71–73, табл. 59, 40].

Біздің қолымызда екі таңба бар. Оның бірі солтүстік өңірден, екіншісі Сарыарқаның орталық бөлігінің солтүстік-шығыс ауданынан табылған. Пішіндері жебе тәрізді, тарақ тәрізді және торкөз түрде болып келеді. Бұл белгілердің баламалары Солтүстік Қара теңізден бастап Орталық Азия мен Моңғолияға дейін кездеседі. Алайда, Оңтүстік Қазақстанның (Түркістан қаласы немесе Арыс-Бадам оазисі ауданы) дәуір тоғысындағы Кангюй мемлекетінің құрамына кірген аумақтың таңбалары барынша жақын екендігін көрсетеді. Күлтөбе қорымының 5-ші ақымының ұжымдық жерлеуіндегі кішкентай тастан жебе тәрізді белгі табылды [Подушкин 2017: 63, сур. 12]. Оған ұқсас белгі Түркістан қаласынан солтүстік-батысқа қарай 18 км жерде орналасқан ерте ортағасырлық Сидак ғибадатханасының коллекциясында белгілі [Яценко, Смағұлов 2008: сур. 13, 25]. Торлы белгі Қаратөбе қорымының 3-ші ақымнан шыққан құтыда бейнеленген [Подушкин 2017: 63, сур. 2, 18].

Бұл материалдарды талдау Солтүстік және Орталық Сарыарқа көшпенділерінің дәуір тоғысындағы Оңтүстік Қазақстан және Орталық Азия мемлекеттерімен мәдени, туыстық және саяси байланыстары туралы пікір білдіруге мүмкіндік береді. Әдет-ғұрыптар жиынтығы мен табылған заттық дүниелер ескерткішті б.д.д. III–II ғасырлардан – б.д. I ғасырға дейінгі кең кезеңге жатқызуға және кейінгі прохоров немесе ортасармат дәуірімен байланыстыруға мүмкіндік береді. Обаның хронологиясын Солтүстік Қазақстанның кейінгі жерлеулеріне тән қабірдің лақат түрі нақтылайды. Бұйымдардағы кейбір оңтүстік ерекшеліктер дәуір шегіндегі Орал мен Солтүстік Қазақстан аумағынан және олармен синхронды Сырдария маңындағы ескерткіштерінің жерлеу ғұрыптарымен бұрын байқалған ұқсастығын растайды [Боталов, Гуцалов, 2000: 146–151; Хабдулина 1994: 85–86].

Қорыта айтқанда, Айдарлы қорымы – Сарыарқаның солтүстік бөлігінің едәуір алыс өңірінде табылған дәуірлер шегіндегі тағы бір жерлеу кешені. Белгіленген кезеңде өңірдің тұрғындары Орал маңындағы сармат тайпаларымен, сондай-ақ Оңтүстік Қазақстанның көшпелі және отырықшы халқымен мәдени байланыста болғандарын көрсетеді.

Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Әдебиет

Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане // СМАЭ. М., 1951. Т. 3. С. 216–229.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / Сер. «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2000. 269 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск, 2004. 136 с.

Подушкин А.Н. Тамгообразные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до н. э. – IV в. н. э. // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2017. № 3 (4). С. 60–102.

Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. Погребение рубежа эр на могильнике Айдарлы // Маргулановские чтения–2019: Материалы Междунар. археологической научно-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. С. 378–384.

Свиридов А.Н. Исследование погребения рубежа эр в Акмолинском Приишимье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 240–247.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1990. 298 с.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые серии клановых знаков на доисламской керамике Сидака и Туркестана на средней Сырдарье // Вестник МИЦАИ, 2014. Вып. 19. С. 47–67.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. 2008. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V – нач. VIII в.) [Электронный ресурс] // Transoxiana 13. Agosto 2008. Index 13. URL: http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php (дата обращения: 11.03.2019).

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Ярыгин С.А. К вопросу о бронзовом котле из погребения в Боровом // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: Сб. науч. тр. / Гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 441–446.

Ярыгин С.А. Гравированные накладки на лук из кургана № 4 могильника Ондырыс II (Северный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 61–80.

А.С. ЗЕЛЕНКОВ,
А.В. СЛЕПЦОВА

Александр Сергеевич Зеленков,
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия; a.s.zelenkov@utmn.ru
Анастасия Викторовна Слепцова,
Институт проблем освоения Севера
Тюменского научного центра СО РАН,
Тюмень, Россия; sleptsova_1993@mail.ru

ЮЖНОТАЕЖНОЕ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Аннотация. В статье дана краткая археолого-антропологическая характеристика культуры населения южнотаёжного Тоболо-Иртышья в конце IV–VI вв. н. э. В это время в регионе формируется новая материальная культура, продолжающая традиции раннего железного века лесостепных (саргатская АК) и таёжных (кулайская АК) племен Западной Сибири и транслирующая инновации эпохи Великого переселения народов степного мира кочевников, а также восточноевропейских племен Урало-Поволжья. Такой синкретичный характер материальной культуры представлен в комплексах карымского типа нижнеобской историко-культурной общности, распространившийся с территорий Нижнего Приобья до нижнего и среднего течений рек Тобол и Иртыш.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Великое переселение народов, карымский тип памятников

Александр Сергеевич Зеленков,
Тюмень мемлекеттік университеті,
Тюмень, Ресей
Анастасия Викторовна Слепцова,
РҒА СБ Тюмень ғылыми орталығының Солтүстікті игеру мәселелері институты,
Тюмень, Ресей

ХАЛЫҚТАРДЫҢ ҰЛЫ ҚОНЫС АУДАРУЫ КЕЗЕҢІНДЕГІ ОҢТҮСТІК ТАЙГА ТОБЫЛ-ЕРТІС АЙМАҒЫ

Аннотация. Мақалада б.д. IV–VI ғғ. соңындағы Тобыл-Ертіс аймағының оңтүстік тайга тұрғындары мәдениетінің қысқаша археологиялық-антропологиялық сипаттамасы берілген. Осы уақытта аймақта Батыс Сібірдің орманды дала (сарғат АМ) және тайгалық (құлай АМ) тайпаларының ерте темір дәуірінің дәстүрлерін жалғастыратын және Орал-Еділ аймағының шығыс Еуропа тайпалары мен дала көшпелілерінің халықтардың Ұлы қоныс аударуы кезеңіндегі жаңа құбылыстардан хабар беретін жаңа материалдық мәдениет қалыптасады. Материалдық мәдениеттің мұндай синкреттік сипаты Төменгі Обь аумағынан Тобыл және Ертіс өзендерінің төменгі және орта ағыстарына дейін таралған Төменгі Обь тарихи-мәдени қауымдастығының карым кешендеріне тән.

Түйін сөздер: Батыс Сібір, Халықтардың ұлы қоныс аударуы, карым ескерткіштері

Alexander Zelenkov,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia
Anastasia Sleptsova,
Institute of Problems of Development of the North
of the Tyumen Scientific Center SB RAS,
Tyumen, Russia

THE SOUTHERN TAIGA TOBOL-IRTYSH REGION IN THE ERA OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES

Abstract. The article provides a brief archaeological and anthropological description of the culture of the population of the southern taiga Tobol-Irtysh region in the late 4th to 6th centuries AD. During this time, a new material culture was forming in the region, continuing the traditions of the early Iron Age of the forest-steppe (Sargat culture) and taiga (Kulai culture) tribes of Western Siberia and transmitting innovations of the Migration period of the nomadic steppe world, as well as the Eastern European tribes of the Ural-Volga region. Such a syncretic character of material culture is represented in the complexes of the Karym type of the Lower Ob historical and cultural community, which spread from the territories of the Lower Ob to the lower and middle reaches of the Tobol and Irtysh rivers.

Keywords: Western Siberia, the Great Migration of Peoples, the Karym type of monuments

Историография. На многослойном поселении Ус-Толт В.Н. Чернецов проследил последовательность в развитии нижнеобской культуры, выделив для нее ярсалинский (II–III вв. н.э.), карымский (IV–V вв. н.э.), оронтурский (VI–IX вв. н.э.) и кинтусовский (X–XIII вв. н.э.) этапы [Чернецов 1957: 155–219]. По его наблюдениям, носители данной культуры распространили свои традиции на юге – от Тары до Тобольска; на западе – от Тобольска до Тюмени; на востоке – до Томско-Нарымского Приобья [Чернецов 1957: 238]. Историко-культурную целостность ареала нижнеобской культуры В.Н. Чернецов объяснял постоянством форм керамики и стереотипностью фигурно-штамповой орнаментации, в которой ромбический штамп являлся связующим звеном между отдельными этапами культуры Нижнего Приобья [Чернецов 1957: 155, 219].

Накопленные наблюдения при изучении нижнеобской культуры В.Н. Чернецов использовал в культурных и хронологических интерпретациях археологических материалов южнотаежного Тоболо-Иртышья. К карымскому этапу им были отнесены некрополи Козлов-мыс-2 [Чернецов 1957: 164] и Перейминский [Чернецов 1957: 173–176]. Происхождение населения Тоболо-Иртышья В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская объясняли миграцией угорских племен в лесное Приобье, культурные традиции которых постепенно переняло местное население охотников и рыболовов, что отразилось в комплексном характере хозяйства, сочетании степных и таёжных традиций в производстве керамики [Чернецов 1953: 240; Чернецов 1957: 238–241; Мошинская 1953: 216; Чернецов, Мошинская 1954: 163–192].

В 1990-х–2010-х гг. периодизация Нижнего Приобья обновляется [Федорова и др. 1991: 126–145], что существенным образом повлияло и на представления о культурогенезе населения лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья. Коллектив уральских исследователей предложил отказаться от употребления понятия археологическая культура, вместо этого ввели термины «этап» и «период» [Федорова и др. 1991: 129]. Они объяснили своё решение эволюционной преемственностью средневековых материалов Приобья с памятниками раннего железного века кулайской культуры [Федорова и др. 1991: 127–129]. Таким образом, для эпох Великого переселения народов и раннего средневековья уральские археологи выделили карымский (IV–VI вв. н.э.), зеленогорский (VI–VII вв. н.э.) и кучиминский [Федорова и др. 1991: 127] этапы, отражающие, по их мнению, «хронологические ступени развития одной культурной общности с присущими ей преемственностью в формах и орнаментации керамики, сюжетах и художественном стиле бронзового литья, домостроении и фортификациях» [Федорова и др. 1991: 142]. Предложенная схема медленного развития нижнеобской культуры нашла поддержку в научной среде [Карачаров 2010: 251] и в дальнейшем незначительно корректировалась А.П. Зыковым, дополнительно охарактеризовавшим рёлкинский этап [Зыков 2012: 68–77].

Тем не менее, вопрос о лакуне IV–VI вв. н.э. в Прииртышье продолжал оставаться остро дискуссионным. В частности, данную проблему пытались решить В.С. Елагин и В.И. Молодин [Елагин, Молодин 1991: 100–103] в рамках исследования гипотезы о двухэтапном развитии потчевашской культуры. Материалы из Барабинской лесостепи первой половины I тыс. н. э., по мнению исследователей, демонстрируют преемственность между спарановскими и потчевашскими в навыках домостроительства и керамическом производстве [Елагин, Молодин 1991: 100–101]. Как считали исследователи, потчевашская культура на раннем этапе сформировалась вследствие переселения группы носителей кулайской культуры в Прииртышье на рубеже эр, ассимилировавших остатки населения новочекинской культуры и контактировавших с саргатскими племенами [Елагин, Молодин 1991: 102]. Для спарановских комплексов исследователи предложили дату

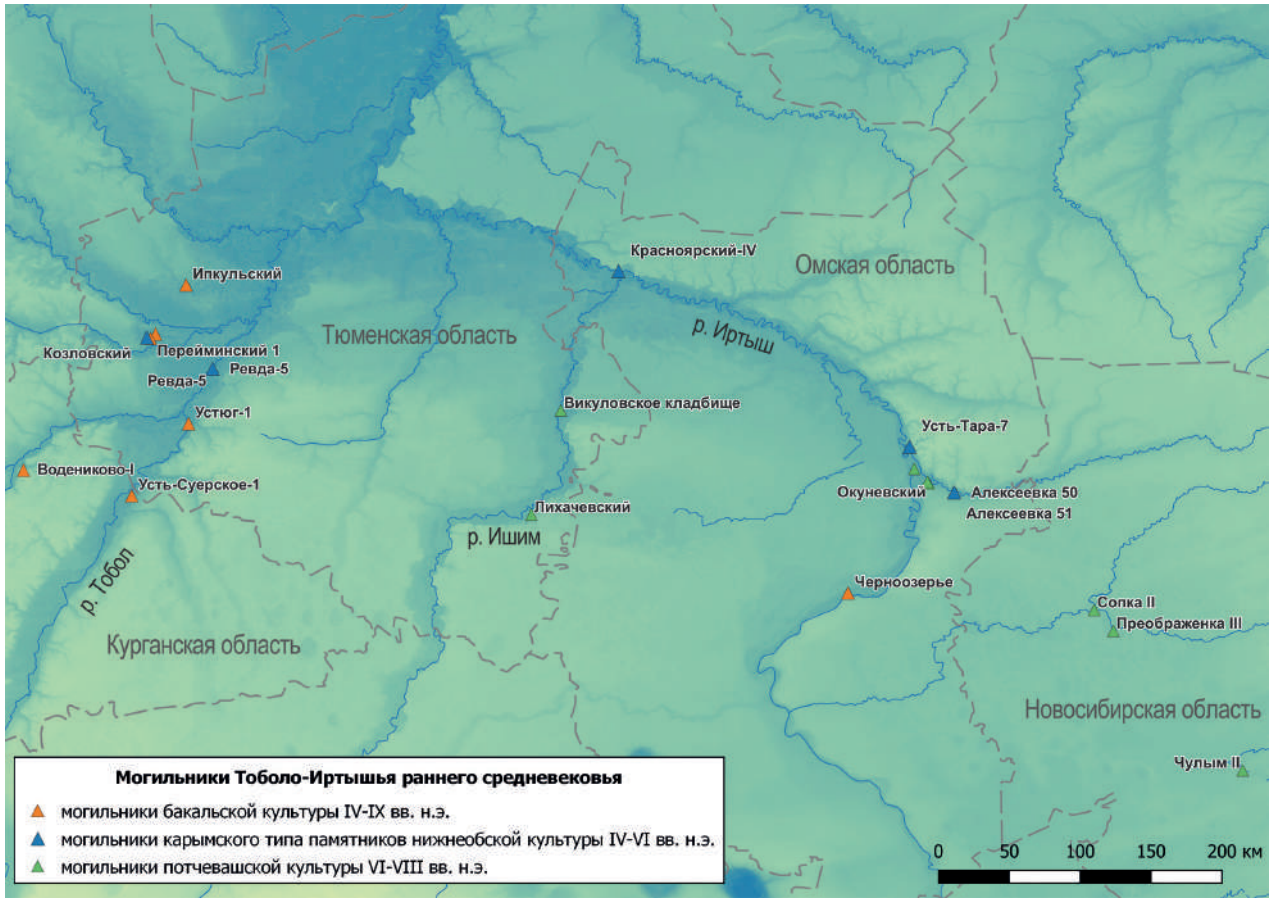

Рис.1 Карта-схема распространения могильников населения Великого переселения народов и раннего средневековья Тоболо-Иртышья

в рамках II в. до н. э. – V/VI вв. н. э. [Елагин, Молодин 1991: 103]. Как представляется, принятая им верхняя хронологическая граница для спарновских древностей была существенно завышена, т.к. сопроводительный инвентарь (буса с золотой фольгой, железный наконечник стрелы, бронзовые пряжки) из погребений могильников Сопка-2, Старый Сад и слоёв поселений Сопка-1, Туруновка-3 с саровской керамикой датируются не позднее I–II вв. н. э. Таким образом, вопрос о хронологическом стыке между спарновскими и потчевашскими материалами оставался открытым.

К решению данной проблемы в середине 1990-х годов подключился коллектив исследователей во главе с Е.М. Данченко. Ими статистическими методами была доказана идентичность спарновской группы керамики с саровским типом кулайской культуры [Данченко и др. 1993: 50–52; Данченко, Гришаева 1996: 53–56], подтвердив тем самым высказанную ранее точку зрения Л.А. Чиндиной [Чиндина 2006: 412, 414] и В.А. Могильникова [Могильников 1987: 183–193]. После открытий и исследований могильника Усть-Тара-VII [Скандаков, Данченко 1999: 160–186] и Красноярского городища [Данченко, Колесникова 2000: 154–172; Данченко 2005: 149–152] Е.М. Данченко предложил заполнить хронологическую лакуну между потчевашскими (VI–VIII вв. н. э.) и саровскими (I–III вв. н. э.) комплексами карымскими (IV–VI вв. н. э.) [Данченко 2005: 149–152], аргументировав свою позицию доказательной серией радиокарбонных дат [Данченко и др. 2001: 76–89] и достаточно точными датировками инвентаря из погребальных комплексов. Последующие полевые работы в южнотаёжном Прииртышье [Грачев и др. 2010: 239–140] и аналитические исследования карымских материалов Обь-Иртышья [Михалев 2008: 223–224; Борзунов, Чемякин 2015: 56–66], подтвердили справедливость выводов Е.М. Данченко относительно выделения карымских древностей в регионе и обосновали поликультурное происхождение потчевашской культуры.

Таким образом, к настоящему времени был подведен итог многолетней дискуссии вокруг вопросов о культурной и хронологической интерпретации памятников потчевашской культуры. Позволили сделать качественный рывок к их решению применение статистических методов при работе с массовым керамическим источником, анализ карымских памятников, материалы которых содержали хронологически важные вещевые комплексы IV–VI вв. н. э. Вместе с тем был пересмотрен статус спарановских (среднеиртышских) древностей, которые были причислены к наследию кулайской культуры саровского этапа. В связи с этим был предложен более сложный состав субстратных и суперстратных компонентов, определивших облик материальной культуры населения южнотаёжного и лесостепного Прииртышья.

Источники. Памятники карымского типа нижнеобской историко-культурной общности рассредоточены на обширной территории тайги и севера лесостепи Западной Сибири [Борзунов, Чемякин 2013: 38, рис. 1], где преемственно сформировались на основе позднекулайских раннего железного века. Всего к сегодняшнему дню их насчитывается около 128 ед. в районах среднего и нижнего течения р. Обь. Появление карымских памятников отмечено в южной тайге и лесостепи всего Тоболо-Иртышья (21 ед.), где представлены в основном некрополями (6 ед.), локализованными по кромке южнотаёжной полосы (рис. 1), с 83 погребениями. Именно эти комплексы составляют основу нашего исследования, направленного на суммирование данных о погребальных, антропологических, керамических традиций карымского населения, а также датировок функционирования памятников. В частности, выборка керамики состоит из материалов могильников Ипкульский, Красноярский-IV, Козлов-Мыс-2, Усть-Тара-VII (33 ед.) и укрепленного поселения Борки-1 (130 ед.). Базовым материалом для антропологической части исследования послужили одонтометрические характеристики индивидов из погребений, атрибутированных как карымские: два индивида из погребения 70 могильника Козлов Мыс, три индивида из курганов 8, 9, 17 могильника Усть-Тара 7, три индивида из курганов 18, 19, 20 могильника Красноярский 4. Малочисленность находок позволяет провести сравнения размерных характеристик постоянных моляров на индивидуальном уровне (табл. 1) [Зубов 1968: 115–135]. В качестве сравнительной базы привлечены индивидуальные данные синхронных групп эпохи великого переселения народов из Притоболья (могильники Устюг-1, Ревда-5, Ипкульский, 41 индивид) и групп раннего железного века (представители саргатской, гороховской, кашинской и кулайской культур, 424 индивида), населявших территории юга Западной Сибири в предшествующий период (табл. 2).

Таблица 1

Продольные (MD M1) и поперечные (VL M1) диаметры коронок постоянных моляров индивидов из погребений, антрибутированных как карымские

	Верхняя челюсть				Нижняя челюсть		
	MD M1	VL M1	MD M2	VL M2	MD M1	VL M1	MD M2
Краноярский 4 курган 18	-	-	-	-	11,43	10,45	-
Краноярский 4 курган 19	-	-	-	-	10,83	9,80	-
Краноярский 4 курган 20					10,62	9,97	-
Усть-Тара 7 курган 8	9,82						
Усть-Тара 7 курган 9			9,86	10,18			
Усть-Тара 7 курган 17					10,87	10,34	9,39
Козлов Мыс могила 70, индивид 1	10,21	10,30	8,92	10,65			

Таблица 2

Продольные (MD M1) и поперечные (VL M1) диаметры коронок постоянных моляров групп раннего железного века и эпохи великого переселения народов, привлеченных для сопоставления

	Верхняя челюсть				Нижняя челюсть		
	MD M1	VL M1	MD M2	VL M2	MD M1	VL M1	MD M2
ВПН (Устюг-1, Ревда 5, Ипкуль)	10,25	11,54	9,72	11,51	10,63	10,89	10,46
Саргатская АК (суммарно)	10,53	11,19	9,78	11,10	10,97	10,39	10,13
Притоболье	10,69	11,20	9,89	11,16	10,94	10,44	10,15
Приишимье	10,30	11,09	9,76	11,12	10,81	10,46	10,32
Прииртышье	10,48	11,31	9,67	11,18	10,98	10,37	10,02
Бараба	10,42	10,99	9,83	10,64	11,41	10,46	10,09
Гороховская АК	10,70	10,94	9,62	11,12	10,88	10,16	10,22
Кашинская АК	10,23	11,28	9,94	11,17	10,87	10,46	10,27
Кулайская АК	9,89	10,69	9,78	11,11	10,96	10,39	10,13

Хронология карымского типа памятников Тобо-ло-Иртышья. Комплексы карымских некрополей составляют вещи, бытовавшие в конце IV – V/VI вв. н. э. Аналогии практически всем из них есть в культурах Прикамья, где этот период выделяется вполне надежно, а некоторые дискуссионные вопросы для наших материалов не имеют принципиального значения. В соответствии с периодизацией, принятой большинством специалистов по культурам Восточной Европы, это – «классический» гуннский и постгуннский (шиповский) периоды. К таковым вещам относятся бесщитковые пряжки с небольшими округлыми рамками, язычками, огибающими рамку не на всю её высоту (рис. 2: 1, 2, 4) по типу П11 позднесарматских и серии Е черняховских пряжек [Малашев 2000; Гороховский 1988: 45, рис. 5: 87, 91], бесщитковая пряжка с округлой рамкой, язычок которой охватывает переднюю часть рамки на всю её высоту, соответствующая типу П11 по В.Ю. Малашеву и П11б по И.О. Гавритухину (рис. 2: 3) [Малашев 2000: 196; Гавритухин и др. 2020: 238]; пряжки с язычком, выступающим за передний край рамки («хоботковидным») (рис. 2: 5–14, 16–18) [Гавритухин и др. 2020: 238]; пряжка с овально-округлой рамкой и узким язычком, выходящим за рамку (рис. 2: 15) [Перескоков 2018: рис. 94б: 8, 74]; «мечевидный» наконечник с приостренным основанием (рис. 2: 7) [Гавритухин и др. 2020: 238, рис. 2: 21]; наконечники «коробочкой» с выступающим валиком и пятью-шестью шпеньками-крепежами (рис. 2: 8, 28) [Засецкая 1993: 60–61; Засецкая 1994: 67; Красноперов 2012: 2018, рис. 1А]; накладки из прямоугольных узких вытянутых пластин (рис. 2: 6, 29, 30) Красноярского-IV; гривны с округлым, овальным или ромбическим сечением (рис. 2: 24-25); перстни с ромбовидным щитком (рис. 2: 20); полихромные бусы (рис. 2: 22, 23); спиралевидные украшения (рис. 4: 20, 21); зооморфные подвески (рис. 2: 26, 27).

Стоит отметить, что существенным образом изменяется состав керамических комплексов в отличие от предыдущего позднего этапа саргатской культуры и раннего бакальского времени, основу которых теперь составляют бакальские и карымские образцы посуды. Региональная специфика прослеживается в сочетании бакальской и карымской керамики в Притоболье при доминировании фигурно-штамповой посуды в прииртышских погребениях.

Керамика карымского типа памятников южно-таёжного Тоболо-Иртышья. К признакам керамики карымского типа отнесены гребенчатая и фигурно-штамповая орнаментация, сосуды низких пропорций при доминировании переходных низких-средних форм (рис. 3). Происхождение карымской керамики связано с развитием саровского гончарства в Нижнем Приобье, в среде кулайского населения, а в лесостепном и южнотаёжном Тоболо-Иртышье вследствие расселения нижнеобских групп на юг в эпоху переселения народов. Из-за динамичных контактов с бакальскими группами в

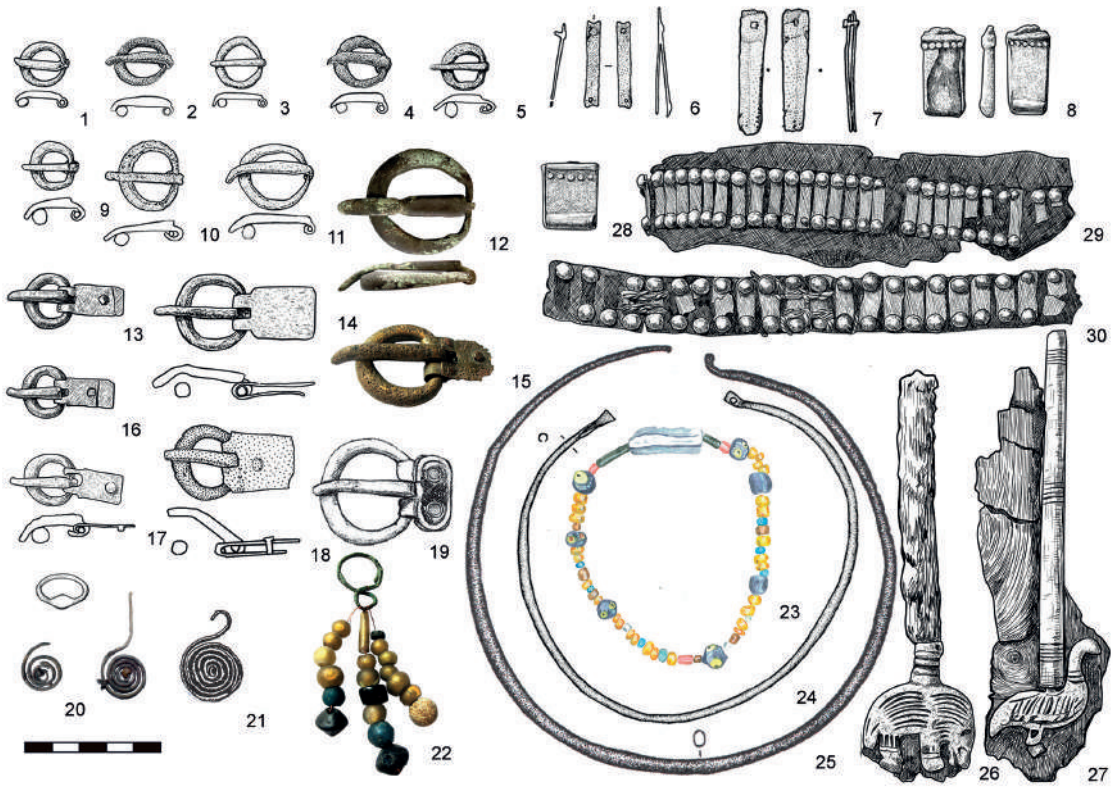

Рис. 2. Вещи из памятников карымского типа южнотаежного Тоболо-Иртышья: Козлов-Мыс-2 – 1–7, 9–11, 13–18, 22–25; Красноярский-IV – 20, 26, 27, 28–30; Усть-Тара-7 – 8, 14, Савинский курган – 19

Притоболье традиция не устоялась и быстро растворилась, тогда, как в Прииртышье стала одним из компонентов потчевашского гончарства.

Карымская посуда представлена в основном горшками (85,3 %), реже чашами (14,7 %). У более чем половины сосудов венчик отогнут внутрь (69,9 %). Реже встречаются плоские (14,1 %), округлые (6,7 %), отогнутые наружу (3 %) и острые (4,2 %).

Как для поселенческой, так и погребальной посуды определены две ведущие и дополняющие друг друга техники орнаментации – гребенчатая (69,9 %) и фигурная (61,3 %), существенно меньше сосудов, украшенных прочерченной (11,6 %) и резной (6,7 %) техниками. Карымская керамика отличается от других керамических типов Тоболо-Иртышья богатством орнаментальных схем и разнообразием элементов. Среди них выделяются округлые ямки (85,28 %), оттиски гребенки (67,48 %), ромбический штамп (55,2 %), псевдошнур (22,7 %), выполненный горизонтально поставленными оттисками гребенки. Вспомогательными выглядят следующие элементы: желобки (11,7 %), жемчужины (10,4 %), нарезы (6,7 %), наколы (1,8 %), фигурные штампы в виде уголков (1,2 %) и «змейки» (4,9 %).

Исходя из среднего значения показателей, сосуды карымского типа в целом низких-средних пропорций с низкой и широкой горловиной, наклоненной во внутрь, с высокими слабовыпуклыми плечиками и приплюснутым туловом. Анализируя локальные серии карымской посуды из Притоболья и Прииртышья, обнаруживаем определенные отличия. В частности, прииртышская серия обладает в среднем высокими горловинами и плечиками, а притобольская – средними горловинами и низкими плечиками.

Учитывая значительное количество сосудов-подражаний, можно предположить, что на ранних этапах формирования данной культурной традиции гончары стремились придерживаться низких пропорций. Их прототипами могли выступать позднекулайские сосуды саровского этапа кулайской культуры [Чиндина 1977: 130]. Вероятно, вследствие переселения на

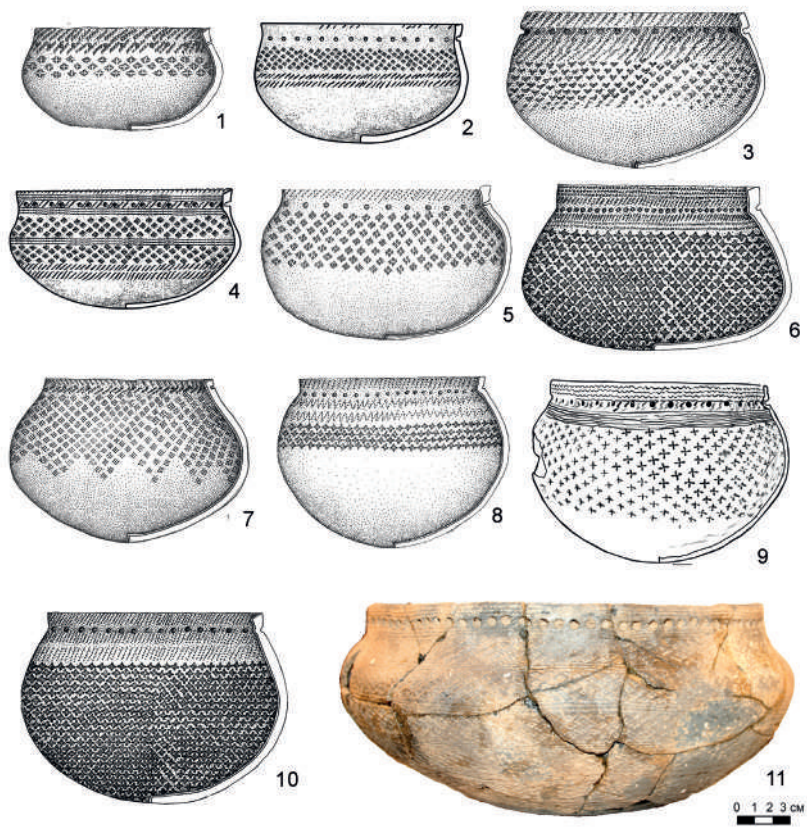

Рис. 3 Карымские сосуды из могильников Тоболо-Иртышья: Козлов-Мыс-2 (1, 3, 5–8, 10), Усть-Тара-7 (2, 4) , Красноярский-IV (11), Ипкульский (9)

южные территории у карымских гончаров произошла ломка традиции под влиянием носителей лесостепной бакальской культуры, что объясняет появление промежуточных форм.

Выделяются сосуды из могильника Усть-Тара-VII с тонкими желобками, разделяющими ряды ромбического штампа или формирующими узор в виде зигзага. Желобчатая орнаментация характерна для III типа карымской посуды Сургутского и Нижнего Приобья [Борзунов, Чемякин 2015: 59], позднее, в VI–VIII–IX вв. н. э., она распространяется более широко в среде гончаров потчевашской, релкинской Томско-Нарымского Приобья [Чиндина 1977: 130–131; Беликова, Плетнева 1983: 118–123], и кушнаренковской культур [Иванов 1999: 47–54]. Сегодня существует две версии происхождения данной традиции. По первой, появление желобчатой керамики связывается с переселениями восточносибирского населения Забайкалья под воздействием кочевников тюркского происхождения [Чиндина 1977: 130–131; Чемякин, Борзунов 2015: 60–62]. По второй версии, предложенной А.П. Зыковым и Н.В. Федоровой [Зыков, Федорова 2001: 26–30], данная орнаментика связана с подражаниями узорам с гуннских бронзовых котлов, с которыми карымское население могло познакомиться через торгово-обменные связи с племенами Средней Азии. Считаем, что обе версии имеют под собой основания, т.к. учитывая широкий ареал культуры, традиция желобчатой орнаментации могла быть заимствована карымским населением от разнородных кочевнических групп. Данный вопрос в дальнейшем может быть раскрыт на более широкой сравнительной источниковой базе.

Погребальный обряд карымского типа памятников Тоболо-Иртышья. К специфическим чертам ка-

рымской группы погребений (рис. 4) отнесены такие признаки, как совершение грунтовых или подкурганных захоронений в узких овальных или подпрямоугольных ямах, северная ориентировка погребённых, наличие кремаций и трупосожжений. При сравнении параметров южнотаёжных погребений карымского типа с практиками населения Нижнего Приобья обнаружены существенные отличия последних в отсутствии следов прижизненной деформации черепов, бедности погребального инвентаря, положении покойных, что указывает на быструю метисацию культуры в ареале лесостепного населения Тоболо-Иртышья.

При обращении к историко-культурным интерпретациям особо стоит вопрос о степени сходства погребальных практик карымского населения южнотаёжного Тоболо-Иртышья и родственного ему населения Нижнего Приобья IV–VI вв. н. э. К сегодняшнему дню на Севере Западной Сибири известен один могильник с погребениями карымского времени – Сайгатинский-VI в Сайгатинском урочище, в 30 км к западу от г. Сургут [Терехова, Карачаров 1994: 277–289; Чемякин, Карачаров 1999: 42–43; Зыков 2012: 53; Борзунов, Чемякин 2014: 64], содержавший не более 15 могил эпохи Великого переселения народов. В рамках данного грунтового некрополя погребения интересующей нас культурной группы представляли собой очень узкие (до 0,6 м шириной) подпрямоугольные одиночные ямы глубиной до 0,2 м с наклонными стенками, в которых умерший располагался головой на юго-запад или юг, сопровождался минимальным набором инвентаря из фрагментов или целых ёмкостей фигурно-штамповой керамики, располагавшихся у головы; железного ножа, редко точильного камня, единично зафиксированы случаи вместилища покойного в виде лодки [Борзунов, Чемякин 2014: 64, 66, рис. 1: 1–3]. У погребенных отсутствуют следы прижизненной деформации черепов, бусы, гривны, детали ременной гарнитуры и другие вещи, свойственные карымским памятникам Тоболо-Иртышья, включая признаки использования огня в обрядовых действиях и положение покойных в северный сектор.

Стоит учитывать локальные особенности погребений. В частности, как мы отмечали ранее, в Прииртышье могильники (Усть-Тара-VII, Красноярский-IV, Алексеевка) карымского типа курганные, с незамкнутыми

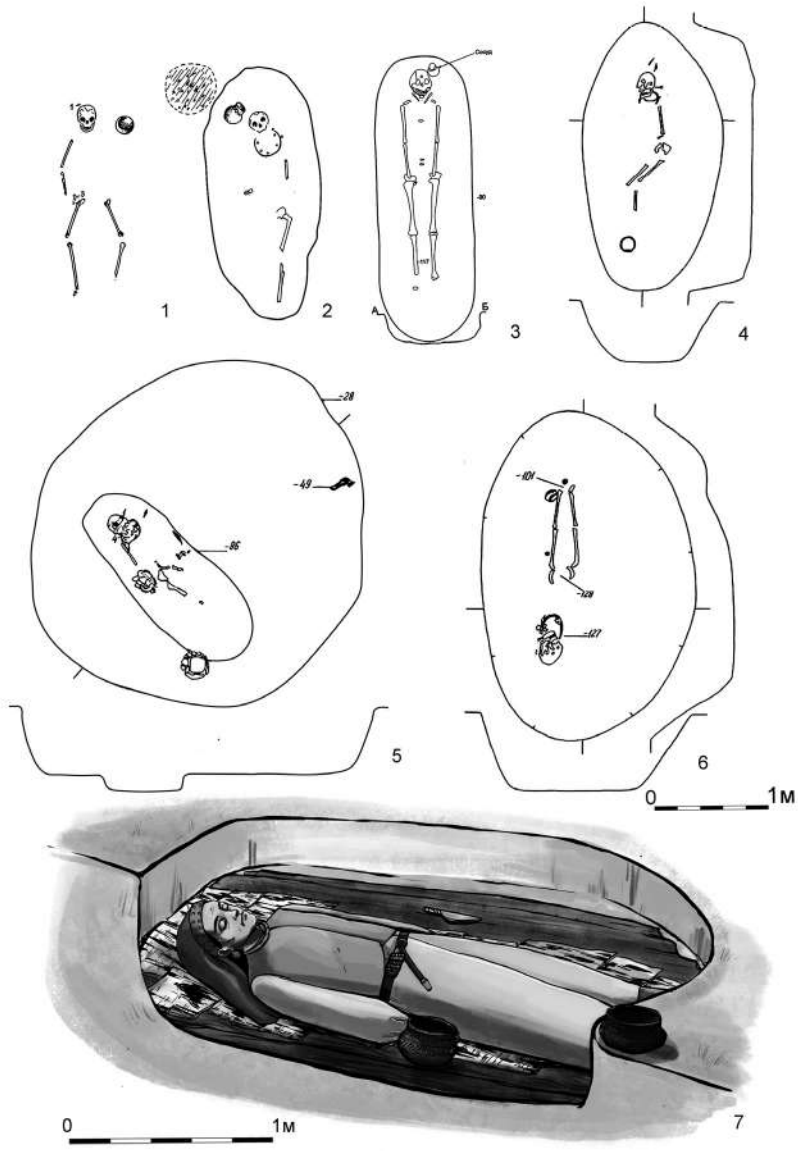

Рис. 4 Примеры погребений из памятников карымского типа (1–6) и реконструкция п. 1 к. 8 Усть-Тары-7. Козлов-Мыс-2: 1 – п. 53; 2 – п. 37; 3 – п. 63; Усть-Тара-7: 4 – п. 1 к. 14; 5 – п. 1 к. 8; 6 – п. 1 к. 9

ровиками и деревянными оградками, захоронений в лодках или деревянных гробах не зафиксировано. Первым двум конструкциям (курганы и ровики) находим прямые аналогии в саргатской [Матвеева 1994: 114] и преемственной ей бакальской традициях. Причём по данным Л.Н. Коряковой в Прииртышье превалировали именно незамкнутые рвы с несколькими входами к центральному погребению [Корякова 1988: 48]. Сооружения в виде деревянных оградок вокруг небольших курганов известны по Бродовскому и Верх-Саинскому могильникам Прикамья [Голдина, Водолаго 1990: 66, табл. 16]. Прямоугольные ограды, но облицованные камнем, были широко распространены в погребальных и ритуальных традициях предтюркского и древнетюркского периодов у степных кочевников на обширной территории степного пояса Евразии, от Восточной Монголии до Приуралья [Матренин, Сарафанов 2006: 204; Кубарев 2012: 143–152].

Часть грунтовых погребений в узких прямоугольных могилах, а также наличие гробов и лодок в качестве вместилища погребенного, обнаруженных в южнотаёжном Притоболье (Козлов-Мыс-2), косвенно указывают на прямое происхождение данного комплекса традиций из Нижнего Приобья. Но и здесь они сочетаются с лесостепными традициями бакальской культуры, что доказывается наличием погребений обоих групп в одних и тех же могильниках, в могилах сходных конфигураций (Ипкульский, Козлов-Мыс-2, Устюг-1). При этом карымские погребения содержат исключительно керамику таёжного облика с фигурно-штамповой и гребенчатой орнаментацией. Возможно, в будущем удастся соотнести этот признак с половозрастной спецификой погребений и/или характером брачных отношений между лесостепными и таёжными анклавами населений.

Общей для карымских погребений Тоболо-Иртышья является традиция трупосожжения. По мнению Т.Н. Троицкой, она возникает в Западной Сибири в конце раннего железного века и связана с расселением саровских групп в I до н. э. – III вв. н. э. по Оби и её притокам [Троицкая 1994: 182–183]. В их могильниках трупосожжение достоверно фиксируется крайне редко, как например, на Шеркалинском некрополе, где данный тип обряда представлен в виде неглубоких округлых ямок, заполненных пеплом, кальцинированными костями и вещами [Чиндина 1984: 50], что больше соответствует описаниям раннесредневековых погребений Окуневского могильника потчевашской культуры. Наиболее близкие нашим характеристики обнаруживаем в группе погребений первых веков нашей эры из Барабинской лесостепи [Молодин, Елагин 1991: 47–60], фоминской культуры Верхнего Приобья [Ширин 2003: 139], таштыкской культуре [Вадецкая 1982: 114–115]. На данных территориях практика трупосожжения считается привнесенной степными племенами из западных районов Центральной Азии [Азбелев 1992: 52; Вадецкая 1999: 190–192; Ширин 2003: 141], также известно, что трупосожжение являлось неотъемлемой характеристикой погребального обряда гуннских племен степей Восточной Европы [Засецкая 1994: 12–13].

Антропология. К сожалению, к сегодняшнему дню данных, позволивших охарактеризовать антропологическую специфику карымского населения, немного. Из таковых выделяются признаки прижизненной деформации черепов, фиксировавшиеся в 13 случаях (16 %), циркулярного (кольцевого) типа. По данным А.В. Слепцовой, в выборке обнаружены крайние проявления данного феномена, при котором черепная коробка приобретает удлиненную назад, широкую и несколько уплощенную форму с обширными плоскостями в области лба и затылка [Слепцова 2016: 3].

Результаты сопоставления индивидуальных размерных характеристик первых нижних моляров (рис. 5) свидетельствуют о возможных популяционных связях южнотаёжных и лесостепных групп раннесредневекового населения, что отчасти подтверждает гипотезу о тесных контактах бакальских и карымских групп в IV–VI вв. н. э. [Данченко 2008: 55–58]. Отделяется от общей совокупности выборки эпохи великого переселения народов Тоболо-Иртышья индивид 1 из карымского погребения 70 могильника Козлов Мыс.

При анализе одонтологических данных могильника Красноярский-IV была обнаружена существенная близость карымских популяций Прииртышья к группам населения позднего этапа (I–III вв. н. э.) саргатской культуры Ишимо-Иртышья, представителям кулайской культуры Верхнего Приобья (могильник Каменный Мыс), локальным группам карымского населения Притоболья (могильник Козлов-Мыс-2) [Грачев и др. 2021: 70, рис. 8]. Эти данные отчасти детализируют ранние наблюдения И.М. Золотаревой относительно сходства карымских черепов из некрополя Козлов-Мыс-2

с фоминской выборкой Верхнего Приобья [Золотарева 1957: 250]. Интересны предварительные результаты генетических исследований. Изучение образцов из могильника Усть-Тара-VII в общей западносибирской выборке выявило элементы матрилинейной ДНК популяций, ведущих своё происхождение из степей Алтая и Забайкалья [Szeifert et al. 2022: 3266–3280].

Выводы. Таким образом, все перечисленные выше характеристики карымского типа южной тайги Тобола-Иртышья в большей степени относятся не к таёжным культурам, а лесостепным (саргатская и бакальская) с долей степных компонентов [Зыков 2012: 58; Борзунов, Чемякин 2014: 68–69]. Вероятно, традиционные лесные черты сохраняли отдельные племенные группы, как это было продемонстрировано на примере могильников Притоболья. Но данный сюжет нуждается в дополнительном привлечении источников. Интересно, что, расселившись на южных окраинах ареала нижнеобской культуры, карымское население старалось сохранять свою принадлежность к северной «метрополии» через установку сосудов с традиционной фигурно-штамповой орнаментацией.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 20-49-720010, № 20-49-720001 и госзадания № 121041600045-8.

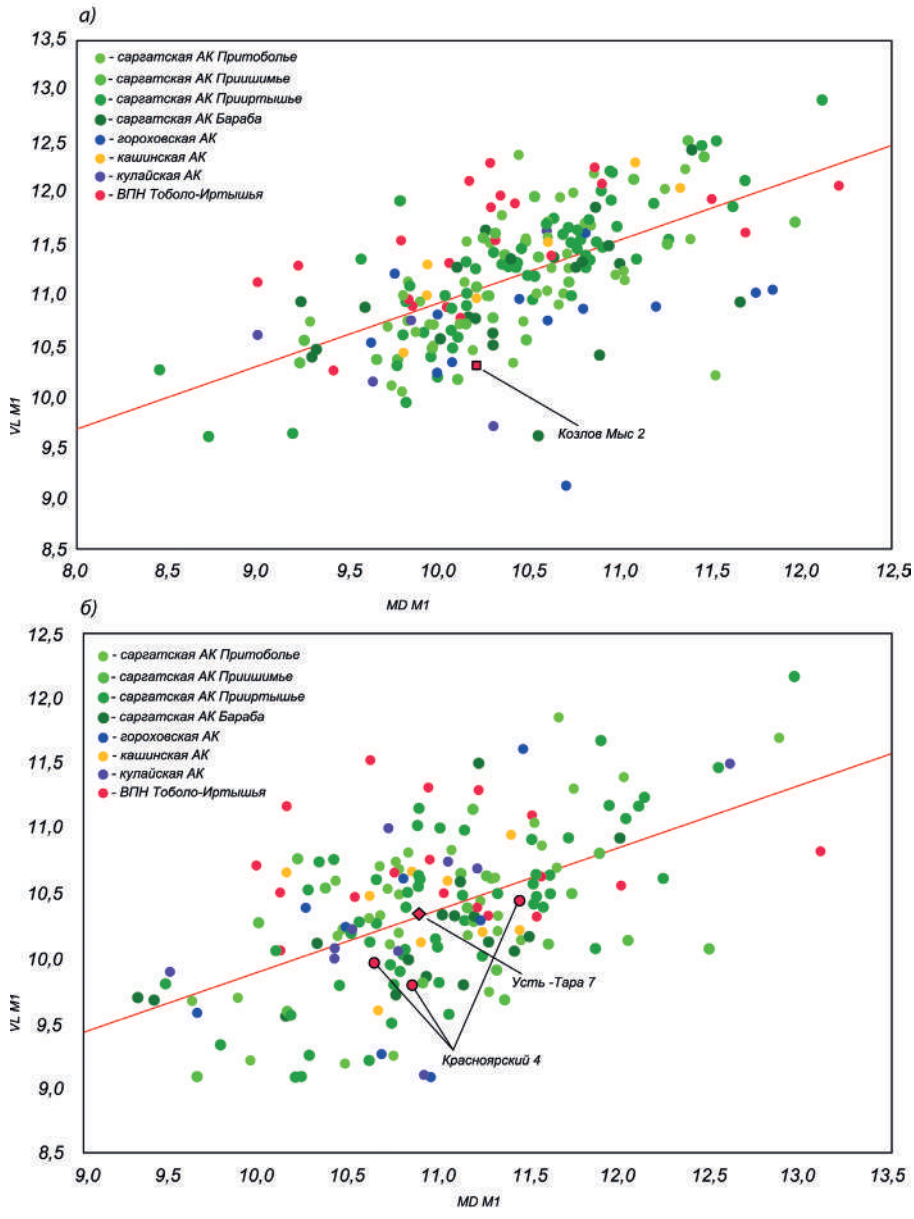

Рис.5 Соотношение продольных (MD M1) и поперечных (VL M1) диаметров коронок постоянных первых моляров верхней (а) и нижней (б) челюсти индивидов из памятников эпохи Великого переселения народов Тоболо-Иртышья и раннего железного века

Литература

Азбелев П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: Тезисы конференции. Т.

2. Красноярск, 1992. С. 48–52.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII в.н.э. – Томск: издательство Томского университета, 1983. 246 с.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С.56–66.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские могильники таёжного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №2. С. 64–70.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2. С.45–55.

Вадецкая Э.Б. Интерпретация существования двух обрядов в таштыкских грунтовых могильниках // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тезисы региональной конференции. Иркутск, 1982. С. 114–115.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.

Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. 2020. № 4. С. 235–247.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. // Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1990. 176 с.

Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. Екатеринбург: Наука Сервис, 2010. С. 239–240.

Грачев М.А., Зеленков А.С., Слепцова А.В. Курганный могильник Красноярский-IV эпохи великого переселения народов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4. С. 60–73.

Данченко Е.М. К изучению карымских памятников Среднего Прииртышья // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII западносибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 149–152.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Матер. семинара. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.

Данченко Е.М., Горькавая О.Е., Грачев М.А., Колесникова И.М. Некоторые итоги и перспективы изучения Красноярского археологического комплекса на севере Омской области // Гуманитарное знание. Серия. Преемственность: Ежегодник. Вып. 5: Сборник научных трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 76–89.

Данченко Е.М., Гришаева О.Е. Позднекулайская керамика Спирановского городища // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 53–56.

Данченко Е.М., Донцова М.А., Гришаева О.Е. К характеристике позднекулайских материалов Прииртышья // Проблемы этнической истории самодийских народов. Часть 1. Омск: ОмГУ, 1993. С. 50–52.

Данченко Е.М., Колесникова И.М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. Вып. 4. С. 154–172.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). Санкт-Петербург, 1994. 227 с.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 23–105.

Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. 1957. № 58. С. 247–250.

Зеленков А.С. Карымские погребения эпохи великого переселения народов (IV–VI вв. н.э.) южнотаежного Тоболо-Иртышья // Hadak útján. A népvándorláskor kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest. MŐK Kiadványok 4.2. 2022. С. 1–11.

Зеленков А.С. К вопросу о формировании керамических традиций Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья // Уфимский археологический вестник, 2023. Т. 23. №1. С. 159–177.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999. 124 с.

Карачаров К.Г. Средневековье на Средней и Нижней Оби // III Северный археологический конгресс. Тезисы докл. Ханты-Мансийск. 2010. С. 251–253.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Западной Сибири. Свердловск, 1988. 240 с.

Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3. Тула, 2012. С. 218–254.

Кубарев Г.В. Древнетюркская оградка №5 в местности Кызыл-Шин (юго-восточный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 143–152.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов–на–Дону, 2000. С. 194–232.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск, 1994. 152 с.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. С. 203–218.

Михалев В.В. Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Приртышье (предварительное сообщение // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 223–224.

Могильников В.А. Лесостепное Зауралье // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Серия: Археология СССР. – Москва, 1987. С. 179–183.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. М.: АН СССР, 1953. С. 189–221.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 320 с.

Скандаков И.Е. Отчет о раскопках курганного могильника Усть-Тара-VII в Тарском районе, и о разведках в Тарском, Мурамцевском и Саргатском районах Омской области в 1994 г. Омск, 1995 // Архив Омского пединститута, Р. 1–88.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таёжном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.

Слепцова А.В. Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи Великого переселения народов // Экология древних и традиционных обществ. Сборник мат. конференции. Вып. 5: в 2 ч. Ч.1. Тюмень, 2016. С. 57–60.

Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994. С. 277–289.

Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 169–184.

Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, 1991. С. 126–145.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. № 35. Москва, 1953. С.121–178.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. № 58. Москва, 1957. С. 136–245.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. Москва: Изд-во «Госкультпросветиздат», 1954. С. 163–192.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Международный Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 404–420.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.

Szeifert B., Gerber D., Csáky V., Langó P., Stashenko, D.A., Khokhlov A.A., Sitdikov A.G., Gazimzyanov I.R., Volkova E.V., Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Poshekhonova O.E., Sleptsova A.V., Karacharov K.G., Ilyushina V.V., Konikov B.A., Sungatov F.A., Kolonskikh A.G., Botalov S.G., Grudochko I.V., Szécsényi-Nagy A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th-14th century populations of the Volga-Ural region. Human molecular genetics, 2022, 31(19), P. 3266–3280.

М.Д. КАЛМЕНОВ,
А.Е. БИЖАНОВА

Мурат Дабылович Калменов,
Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет,
Уральск, Казахстан; kalmenoff@mail.ru
Алия Ермековна Бижанова,
Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет,
Уральск, Казахстан; aalyika@mail.ru

ГРУППОВЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С КОМПЛЕКСА СЕГИЗСАЙ (ЛЕБЕДЕВКА I) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

Аннотация. Статья посвящена предварительным результатам археологических раскопок кургана № 2 и № 3 комплекса Сегизсай (Лебедевка I.) Раскопки проводились под руководством к.и.н., М.Д. Калменова в 2019 г. Под насыпью курганов №2 и №3 выявлены захоронения, состоящие из двух и трёх погребённых. В работе рассматривается погребальный обряд племён, обитавших в западных регионах Казахстана в раннежелезном веке. Сопровождающий материал позволяет датировать все захоронения кургана концом VI–V в. до н. э. В пользу этой даты свидетельствуют многочисленные аналогии предметов вооружения (наконечники стрел), костяная ложечка, а также предметы культа.

Ключевые слова: курганный комплекс Сегизсай (Лебедевка I), Южное Приуралье, ранний железный век, сарматы, наконечники стрел

Мұрат Дабылұлы Калменов,
Батыс Қазақстан инновациялық-технологиялық университеті,
Орал, Қазақстан
Әлия Ермекқызы Бижанова,
Батыс Қазақстан инновациялық-технологиялық университеті,
Орал, Қазақстан

СЕГІЗСАЙ (ЛЕБЕДЕВКА I) КЕШЕНІНДЕГІ ТОПТЫҚ САРМАТ ҚОРЫМДАРЫ (АЛДЫН-АЛА НӘТИЖЕЛЕР)

Аннотация. Мақала Сегізсай кешенінің (Лебедевка I) №2 және №3 обаларына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының алдын ала нәтижелеріне арналған. Зерттеу жұмыстары 2019 ж. М.Д. Қалменов басшылығымен жүргізіліп, №2 және №3 обалардың астынан екі және үш адам жерленгендігі анықталды. Мақалада ерте темір дәуірінде Қазақстанның Батыс аймақтарын мекендеген тайпалардың жерлеу рәсімдері қарастырылған. Мәйіттің жанынан табылған материал обаны б.д.д VI–V ғасырдың аяғына жатқызуға мүмкіндік береді. Бұл мерзімді табылған қару-жарақ (жебе ұштары), сүйек қасық және тағы басқа жәдігерлердің ұқсастықтары растайды.

Түйін сөздер: Сегізсай (Лебедевка I) обалар кешені, Оңтүстік Орал аймағы, ерте темір дәуірі, сарматтар, жебе ұштары

Murat Kalmenov,
West Kazakhstan University of Innovation and Technology,
Uralsk, Kazakhstan
Aliya Bizhanova,
West Kazakhstan University of Innovation and Technology,
Uralsk, Kazakhstan

GROUP SARMATIAN BURIALS FROM THE SEGIZSAY COMPLEX (LEBEDEVKA I) (PRELIMINARY RESULTS)

Abstract. The article is devoted to the preliminary results of archaeological excavations of the burial mound No. 2 and No. 3 of the Segizsay complex (Lebedevka I). The excavations were conducted under the supervision of the Candidate of Historical Sciences M.D. Kalmenov in 2019. Under the embankment of mounds No. 2 and No. 3, burials consisting of two and three buried were revealed. The paper considers the funeral rite of the tribes that inhabited the Western regions of Kazakhstan in the Early Iron Age. The accompanying material allows us to date all the burial mounds of the end of the 6th–5th centuries BC. Numerous analogies of weapons (arrowheads), a bone spoon, as well as cult items testify in favor of this date.

Keywords: Segizsay burial mound complex (Lebedevka I), Southern Urals, early Iron Age, Sarmatians, arrowheads

Лебедевский погребальный комплекс занимает особое место среди курганных древностей Южного Приуралья. В указанном районе сконцентрировано около 300 курганных насыпей [Железчиков и др. 2006: 159]. Курганы могильника Лебедевка, расположенные на ровном плато между степными речками Калдыгайты и Утва, привлекли к себе внимание исследователей еще в 60-70 гг. XX века. После ряда замечательных находок, полученных в ходе раскопок курганов экспедицией Уральского педагогического института под руководством Г.И. Багрикова [Багриков и др. 1968: 63–76], исследователи в полной мере оценили, какое важное место среди памятников скифо-сарматского времени региона занимает открытый могильник, находящийся на границе Западно-Казахстанской и Актюбинской областей Республики Казахстан (рис. 1). Для его изучения была организована совместная экспедиция Уральского педагогического института и Института археологии АН СССР под руководством Г.А. Кушаева и М.Г. Мошковой [Мошкова и др. 1973: 72–74]. Дальнейшие раскопки на памятнике связаны с активной работой Б.Ф. Железчикова, с его участием, и позже под его руководством в 1977-1981 гг. было исследовано 160 курганов [Железчиков и др. 2006: 103]. После приостановки исследований на некоторое время, к раскопкам на памятнике в 2002 г. приступил С.Ю. Гуцалов.

С.Ю. Гуцаловым совместно с А.А. Бисембаевым было раскопано 10 курганов [Гуцалов 2008: 43]. Несмотря на тот информативный и весьма примечательный материал, полученный в ходе работ, в исследовании могильника снова наступает затишье. Раскопки на памятнике вновь возобновляются летом 2018 г. Были продолжены археологические раскопки на курганной группе Сегизсай (Лебедевка I) [Калменов 2021: 56]. Подробное описание курганных групп могильника, составленное Б.Ф. Железчиковым [Железчиков и др. 2006: 159], избавляет нас от необходимости повторно приводить её в настоящей работе, поэтому сразу перейдем к объекту исследования. Для исследования в 2019 году были выбраны курганы №2 и №3 расположенные в 30 м к юго-востоку от кургана №1 раскопаного в 2018 г.

Курган №2. Предполагаемый диаметр земляной насыпи составлял – 19 м, наиболее высокая точка – 1,2 м. Дневная поверхность вокруг объекта относительно ровная. На момент раскопок южный и северный сектора кургана были сильно деформированы от воронки, возможно, грабительской. По этой причине было принято решение отойти от общепринятой методики исследования и раскопать сохранившуюся часть кургана широкой траншеей, ориентированной по линии север-юг. Насыпь исследовалась вручную, под снос. После снятия насыпи кургана, в его центральной части, на уровне материка, выявлена могильная яма.

Погребение обнаружено в центральной части кургана. Могильная яма размером 2,2×1,5 м прямоугольной в плане формы, ориентирована длинными стенками по линии СВ-ЮЗ. Погребение разграблено. По сохранившимся отдельным in situ костям, установлено, что захоронённых было трое (рис. 2). Первый погре-

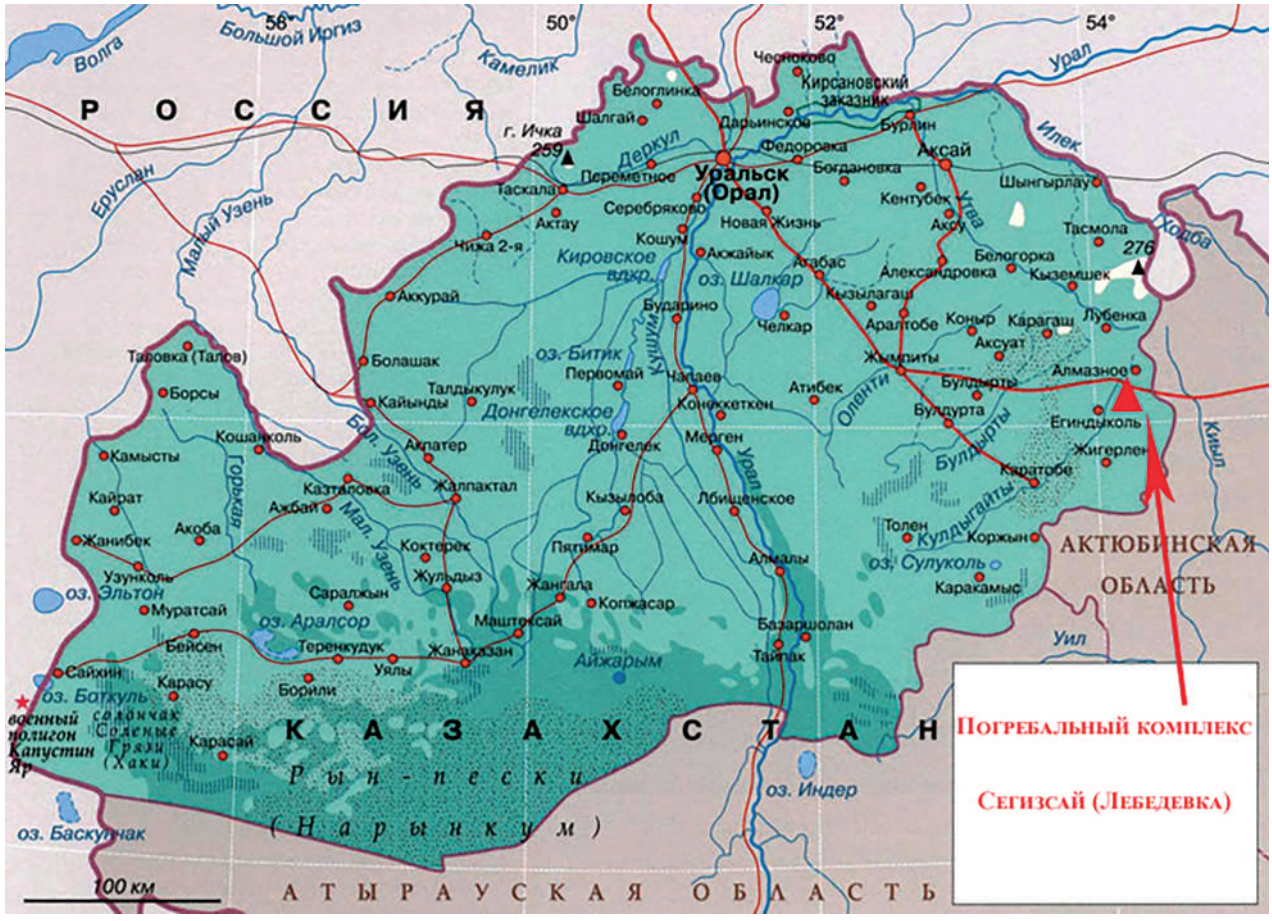

Рис. 1 Местоположение комплекса Сегизсай (Лебедевка I)

бённый уложен по центру могилы, на спине, сохранились тазовые и бедренно-берцовые кости. Чуть выше разбросаны кости грудной клетки и плечево-локтевые кости. От второго погребённого сохранились лишь бедренно-берцовые кости, поверх которого сохранился фрагмент бревенчатого настила. Останки третьего погребенного сохранились в более-менее удовлетворительном состоянии, отсутствует лишь левая локтевая кость и фаланги. На дне (глубина 2,3 м) в северо-восточном и северо-западном углах ямы уложены лопатка, поясничные кольца и рёбра мелкого рогатого скота. Рядом с ними расчищен развал керамического сосуда. Тулово горшка плавно переходит в прямую шейку, венчик прямой отогнут наружу, дно уплощенное. Сосуд объемом до 2-3 литров. В тесте фиксируются органика и шамот. Высота сосуда – 16 см. На стенке плеча имеется орнамент в виде зигзага. Горшок был изготовлен вручную. Удалось реконструировать 100 % сосуда, получив практически полный профиль от основания до венчика (рис. 3).

Курган №3 расположен в 10-12 м к северо-востоку кургана №2. Диаметр земляной насыпи составлял 17 м, наиболее высокая точка 1 м. В западном секторе имеется воронка. В ходе работ был заложен раскоп, ориентированный по линии север-юг. Насыпь исследовалась вручную, под снос. После снятия кургана, в его центральной части, на уровне материка, выявлена могильная яма.

Погребение выявлено в центральной части кургана. Могильная яма размером 2×1,4 м прямоугольной в плане формы, ориентирована длинными стенками по линии СВ-ЮЗ. Погребение разграблено. По сохранившимся отдельным in situ костям, установлено, что в камере захоронённых было двое. На дне могилы (глубина 1,8 м), расчищено два скелета. По-видимому, второй скелет принадлежал подростку, уложенному по

центру ямы, на спину, головой на северо-восток (рис. 4). У обоих захоронённых руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Чуть выше черепа условно – «взрослого скелета» обнаружен точильный камень со следами эксплуатации (рис. 5). В районе паха и правого бедра найден железный меч, к сожалению, сильно коррозированный, артефакт было невозможно сохранить. Удалось зафиксировать параметры: общая длина меча составляет около 83-85 см. Недалеко от клинка лежала костяная ложечка (рис. 6). Длина ложечки – 10,6 см. В районе левой плечево-локтевой кости обнаружено 18 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, из них три имели скрытую втулку (рис. 7). У второго скелета также, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые, поясничные кольца лежат криво. В районе шейных позвонков расчищена низка из 14 стеклянных бусин двух типов (рис. 8). Первый тип представлен 4 бусинами, изготовленными из стекла синего цвета, уплощенно-сферической формы, с крупными глазками в виде белых окружностей, в центре которых располагается синяя точка. Диаметр – 7-9 мм. Бусины второго

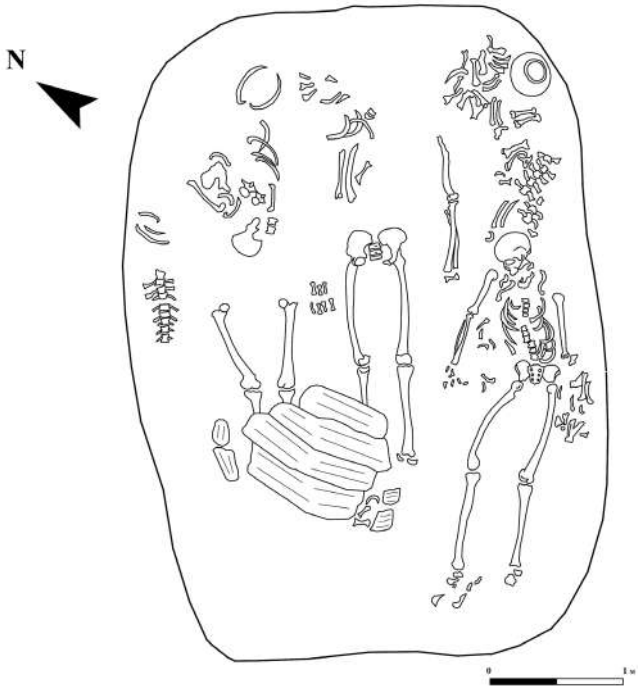

Рис. 2. Расположение погребений в кургане №2. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

Рис. 3. Керамический сосуд из погребения кургана №2. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

типа более крупные и изготовлены из белой стеклянной массы, глазки оформлены, как и в первом случае. Диаметр – 10-14 мм. В северо-западном углу камеры уложены ребра и кости ног мелкого рогатого скота, рядом с ними расчищен развал двух керамических сосудов. Первый сосуд – плоскодонный лепной сосуд с туловом биконической формы, с уступчатым плечиком, воронковидной горловиной (рис. 9). Высота сосуда – 24,5 см, диаметр тулова – 13,5 см. Второй лепной сосуд с бомбовидным расширяющимся в верхней части туловом и короткой воронковидной горловиной. На стенке плеча имеется орнамент в виде треугольника внутри, которого нанесены точки. В тесте примесь шамота. Высота сосуда – 23,5 см, диаметр горловины – 10 см, диаметр тулова – 21,4 см, диаметр дна – 9,5 см (рис. 10). Реконструировано оба сосуда (100 %), получив практически полный профиль от основания до венчика. Стоит отметить, что во время удаления насыпи кургана №3 также был обнаружен фрагмент ножки жертвенника выполненного в зооморфном стиле (рис. 11).

Предварительный анализ материала. Итак, в ходе раскопок кургана №2 и №3 было исследовано два погребения, где расчищены в первой – три, во второй – два человеческих скелета, захороненных если не одновременно, то в очень короткий промежуток времени. Планиграфия могил позволяет предположить, что под насыпью обоих курганов захоронены члены одной семьи. В целом, все захоронения типичны для Южного

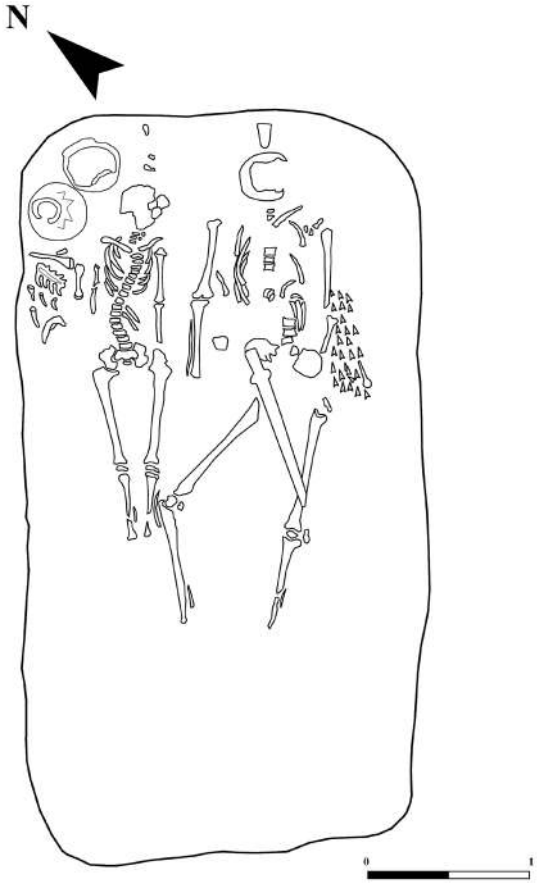

Рис. 4. Расположение погребений в кургане №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

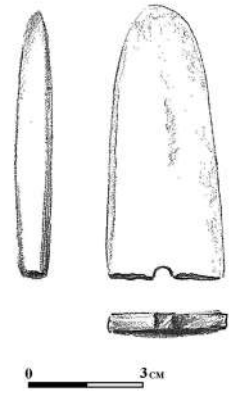

Рис. 5. Точильный камень из погребения кургана №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

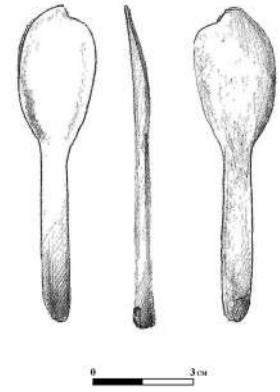

Рис. 6. Костяная ложка из погребения кургана №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

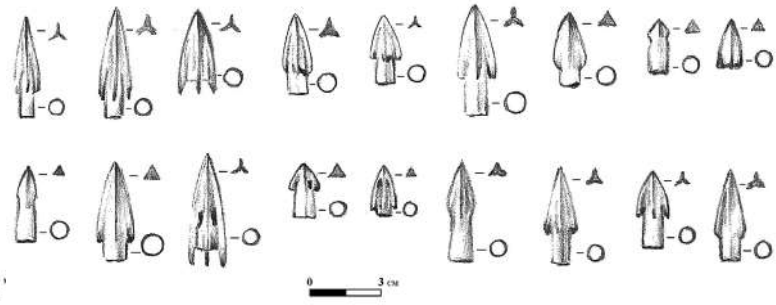

Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел из погребения кургана №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

Рис. 8. Стеклянные бусы из погребения кургана №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

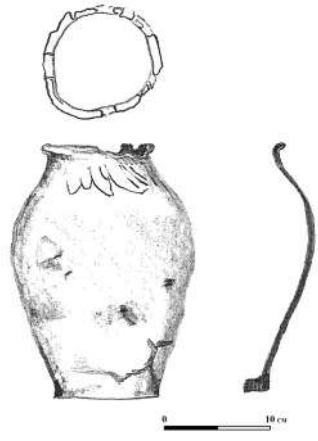

Рис. 9. Керамический сосуд из погребения кургана №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I))

Рис. 10. Керамический сосуд из погребения кургана №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

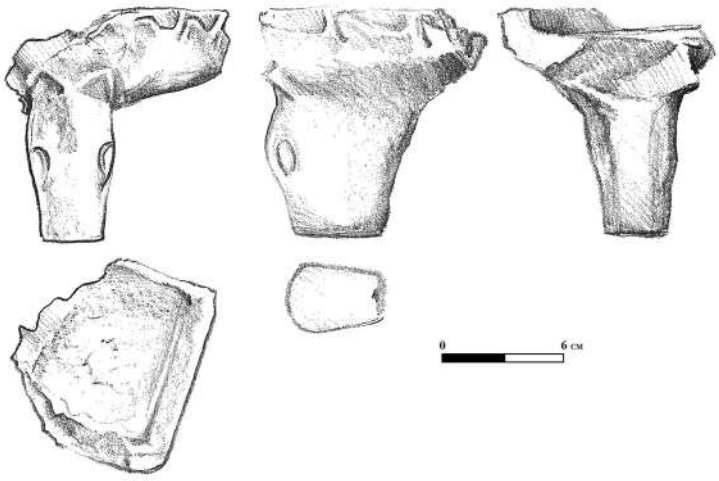

Рис. 11. Фрагмент ножки жертвенника выполненной в зооморфном стиле. Курган №3. Комплекс Сегизсай (Лебедевка I)

Приуралья и довольно чётко укладываются в рамки конца VI–V вв. до н. э. В пользу предложенной даты говорит, как погребальный обряд, так и весьма информативный сопровождающий инвентарь. Выявленные могильные ямы являются близкими по своей форме и размерам к приуральским аналогам. Наличие перекрытия, а также заупокойной пищи в виде частей мелкого рогатого скота характерно для комплексов изучаемого времени Южного Приуралья [Гуцалов 2004: 136]. Ориентировка погребённых в кургане демонстрирует некоторую вариативность, что также отмечают исследователи характерным для погребений региона конца VI–V вв. до н. э. [Гуцалов 2004: 138].

Для уточнения хронологической позиции исследованных погребений обратимся к анализу сопровождающего инвентаря. Дата погребения кургана №3 определяется набором стрел, относящихся к концу VI–V в. до н. э. [Гуцалов 2004: 146, табл.12]. Костяная ложечка из этого захоронения находит массу аналогий в погребениях Южного Приуралья конца VI–V вв. до н. э. [Смирнов 1964: 274].

Жертвенники выполненные в зооморфном стиле найдены в комплексах конца VI–V в. до н.э. [Смирнов 1964: 380; Кадырбаев 1977: 204; Железчиков и др. 2006: 103]. Набор бус из погребения кургана №2 также находит множество аналогий в могильниках VI–IV вв. до н. э. Южного Приуралья и Западного Казахстана [Самашев и др. 2007: 254; Яблонский 2013: 121].

Таким образом, анализ погребального обряда и сопровождающего инвентаря позволяет уверенно отнести исследованные погребения кургана 1 к концу VI–V в. до н. э. или даже к V в. до н. э. В целом, рассмотренные захоронения не выделяются из общей массы исследованных погребений этого времени могильника, что указывает на родственное отношение погребённых в этой части к захоронённым в других группах комплекса Сегизсай (Лебедевка I).

Литература

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия АН КазССР. 1968. Серия общественная, №2. С. 63–76.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья в VII–I вв. до н.э. // изд-во «Полиграфсервис», Уральск, 2004. 136 с.

Гуцалов С.Ю. Материалы раскопок курганов могильника Лебедевка II в 2002 г // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы межд. науч. Конференции "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 38–46.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.

Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. 1977. №3. С. 204–212.

Калменов М.Д. Сарматское погребение с комплекса Лебедевка // Труды VI (XXII) Всероссийского Археологического Съезда, II том. Самара, 2021. С. 56–61.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 72–74.

Самашев З., Кошербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Древние сокровища Устюрта и Мангыстау. Алматы: Археология, 2007. 400 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Е.М. КАРИЕВ,
Е.К. ОРАЛБАЙ,
Б.Б. КОЖАХМЕТОВ,
М.Д. ХАМИТОВ

Елдос Максатович Кариев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; eldos.05.82@gmail.com
Ердан Куанышбекулы Оралбай,
ТОО «Antique-KZ»,
Алматы, Казахстан; oralbai79@mail.ru
Багашар Болатович Кожахметов,
НАО «КазНУ им. Аль-Фараби»,
Алматы, Казахстан; kozhahmetov_b@mail.ru
Максут Дулатулы Хамитов,
Национальный музей РК,
Астана, Казахстан; Xamitov.98@bk.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ КУШАТА И ШОКТАС БЛИЗ ГОРОДА КЕНТАУ ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Весной 2020 года, в ходе решения задач контрактной и охранной археологии, были проведены научные исследования рекогносцировочного и раскопочного характера в пригородной зоне г. Кентау Туркестанской области – в пределах административной территории сел Кушата и Котырбулак. По результатам научно-исследовательских работ разведочного характера в общей сложности выявлено три группы памятников, состоящих из шести объектов курганного типа, и все они без исключения были исследованы. В настоящей статье описываются все зафиксированные группы памятников, а также подробно излагается весь цикл научно-исследовательских работ на каждом объекте. Помимо этого, представлены предварительные итоги атрибуции изученных памятников, отнесённых на основе первичного анализа материалов к сакскому и гунно-сарматскому периодам.

Ключевые слова: контрактная и охранная археология, рекогносцировка, раскопки, курганы, Кентау, Туркестанская область, саки, гунно-сарматский период

Елдос Мақсатұлы Қариев,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан
Ердан Қуанышбекұлы Оралбай,
«Antique-KZ» ЖШС,
Алматы, Қазақстан
Бағашар Болатұлы Қожахметов,
«Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ» КЕАҚ,
Алматы, Қазақстан
Мақсұт Дулатұлы Хамитов,
ҚР Ұлттық музейі,
Астана, Казахстан

ТҮРКІСТАН ОБЛЫСЫ КЕНТАУ ҚАЛАСЫНЫҢ МАҢЫНДАҒЫ ҒҰН-САРМАТ ДӘУІРІНІҢ КҮШАТА ЖӘНЕ ШОҚТАС ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУДІҢ АЛДЫН-АЛА НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Түркістан облысының Кентау қаласының маңындағы Күшата және Қотырбұлақ ауылдарының әкімшілік аумағында 2020 жылдың көктемінде келісім-шарттық және қорғау археологиясы аясында барлау және қазба сипатындағы ғылыми-зерттеу жұмыстары жүзеге асырылды. Барлау жұмыстарының нәтижесінде жалпы саны алты обадан тұратын үш ескерткіштер тобы айқындалды және олардың бәрі толықтай зерттелді. Ұсынылып отырған мақалада барлық табылған ескерткіштер тобының сипаттамасы беріліп, әр нысандағы қазба жұмыстарының барысы толық баяндалады. Сонымен қатар бірқатар белгілері бойынша сақ және ғұн-сармат кезеңдеріне жатқызылған зерттелген ескерткіштердің сараптамаларының алдын ала нәтижелері беріледі.

Түйін сөздер: келісім-шарттық және қорғау археологиясы, барлау, қазба, обалар, Кентау, Түркістан облысы, сақтар, ғұн-сармат кезеңі

Yeldos Kariyev,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan
Yerdan Oralbai,
«Antique-KZ» LLC,
Almaty, Kazakhstan
Bagashar Kozhakhmetov,
al-Farabi University,
Almaty, Kazakhstan
Maksut Hamitov,
National Museum of RK,
Astana, Kazakhstan

PRELIMINARY RESULTS OF THE HUN-SARMATIAN PERIOD MONUMENTS KUSHATA AND SHOKTAS INVESTIGATIONS NEAR THE KENTAU CITY, TURKESTAN REGION

Abstract. In the spring of 2020, in the course of solving the tasks of contract and security archaeology, scientific research of a reconnaissance and excavation nature was carried out in the suburban area of Kentau, Turkestan region – within the administrative territory of the villages of Kushata and Kotyrbulak. According to the results of scientific research of an exploratory nature, a total of three groups of monuments consisting of six kurgan-type objects have been identified, and all of them, without exception, have been investigated. This article describes all the recorded groups of monuments, as well as describes in detail the entire cycle of research work on each object. In addition, the preliminary results of attribution of the studied monuments attributed to the Saka and Hun-Sarmatian periods on the basis of the primary analysis of materials are presented.

Keywords: contract and security archaeology, reconnaissance, excavations, kurgans, Kentau, Turkestan region, Saka, Hun-Sarmatian period

Описание выявленных по результатам рекогносцировки в пригородной зоне г. Кентау Туркестанской области групп памятников археологии:

Группа курганов Кушата-I, расположена на равнинной долине в 6 км к югу от города Кентау, в 6,5 км к северо-востоку от села Кушата, в 1 км к востоку от с. Котырбулак, в 100 м к югу от автотрассы.

Группа состоит из двух грунтовых курганов округлых в плане форм, расположенных по линии СВ-ЮЗ. Размеры крайнего с юга крупного грунтового кургана: диаметр – 15 м, высота порядка 0,7 м. Диаметр второго по величине кургана составляет 14 м, высота также в районе 0,7 м. Расстояние между двумя курганами порядка 14 м.

В пределах расположения курганов и на сопредельной территории каких-либо других подсобных строений и структур историко-культурного характера не фиксировалось.

Группа курганов Кушата-I

Группа курганов Кушата-II

Рис. 1. Группа курганов Кушата-I, Кушата-II

На наземных сооружениях курганов и на смежных территориях четко просматриваются следы сельхоз распашек (рис. 1, 1).

Группа курганов Кушата-II, расположена в 280 м к юго-западу от группы Кушата-I, в 400 м к югу от автотрассы, в 1,3 км к востоку-юго-востоку от с. Котырбулак.

Группа состоит из двух грунтовых курганов округлых в плане форм, расположенных по линии СВ-ЮЗ. Диаметры курганов в районе 15 м, высота в пределах 0,5-0,7 м.

В пределах расположения курганов и на сопредельной территории каких-либо других подсобных строений и структур историко-культурного характера не фиксировалось.

Расстояние между двумя курганами составляет 15 м (рис. 1, 2).

Группа курганов Шоктас-I, расположена на равнинной долине в 7 км к югу от города Кентау, в 6,5 км к востоку от села Кушата, в 1,5 км к востоку-юго-востоку

от с. Котырбулак, в 300 м к югу от группы курганов Кушата-II, в 650 м к югу от автотрассы.

Группа состоит из двух курганов округлых в плане форм, расположенных друг от друга на достаточно значительном расстоянии, по линии СВ-ЮЗ.

Размеры крайнего со СВ крупного кургана: диаметр – 25 м, высота порядка 1,8 м.

Диаметр второго кургана составляет 12 м, высота в районе 0,6 м. Расстояние между двумя курганами составляет 100 м (рис. 2).

В пределах расположения курганов и на сопредельной территории каких-либо других подсобных строений и структур историко-культурного характера не фиксировалось.

На курганах и на смежных территориях чётко просматриваются следы сельхоз распашек.

Исследования объектов группы курганов Кушата-I.

Исследования кургана А.

Фиксируемый диаметр кургана до раскопа, с учётом деформации и оплыва вследствие антропогенных и техногенных факторов, был порядка 15 м, сохранившаяся высота в районе 70 см.

При первичном обследовании, до проведения раскопочных работ, поверхность наземного сооружения кургана была покрыта густыми зарослями с преобладанием полыни цитварной, ковыли перистой (боз), верблюжьей колючкой (жантак) (рис. 3, 1).

В целях фиксации возможных этапов сооружения и чередования слоёв наземного сооружения по линии север-юг (СЮ) был размечен раскоп – центральная часть наземной конструкции была удалена полностью до уровня древнего горизонта, с оставлением двух стратиграфических профилей с востока и с запада.

В ходе отмеченных работ, ближе к центральной части стратиграфического профиля, зачищен неокатанный камень, достаточно крупных размеров – 25х15х5 см.

Ситуация по профилю: наземное сооружение кургана состоит из однородного грунта (суглинок коричневого цвета), с примесью мелких камней, песка и супеси. По профилю фиксируется оплыв, по всей ви-

Рис. 2. Группа курганов Шоктас-I

димости, некогда подвыпуклого наземного сооружения (рис. 3, 2).

Осуществлена нивелировка и тщательная зачистка древнего горизонта с целью обнаружения внешних проявлений погребальных структур, по результатам этих работ каких-либо следов могильной ямы и др. выявить не удалось.

В рамках дальнейших работ по идентификации возможных погребально-поминальных сооружений подземного характера, в центральной части кургана заложен шурф размерами 2х2 м, на глубину порядка 15-20 см.

В ходе углубления по границам шурфа, практически у поверхности, обнаружено несколько неокатанных камней довольно крупных размеров – от 15х20 см до 30х50 см. Камни расположены друг от друга на расстоянии порядка 1,6 м по линии СЮ – три камня в северной части (некоторые, по всей вероятности, фрагменты одного камня) и один массивный камень в южной (рис. 3, *3*).

К востоку-северо-востоку от южного объемного камня размерами 30х50 см, выявлены остатки удлинённого зауженного железного изделия крайне плохой сохранности. На одном конце предмета, который примыкает к вышеотмеченному камню, прослеживается заострение. Судя по всему, это обломок узкого меча (может отсутствовать рукоять) или остатки относительно цельного длинного ножа. Размеры: длина – 40 см, ширина – от 1,2 до 2,5 см (рис. 3, *4*).

В ходе зачистки шурфа по уровню подошвы камней в южной части обнаружены мелкие фрагменты костей неудовлетворительной сохранности, видовую принадлежность которых определить не удалось.

После фиксации и изъятия вышеописанного материала раскоп был расширен на 70 см в восточном направлении и на 70 см в северном направлении.

В ходе раскопа в северной части шурфа, на глубине от 50 см до 1 м обнаружены камни, в скоплении и в разрозненном виде. Камни изымались по мере даль-

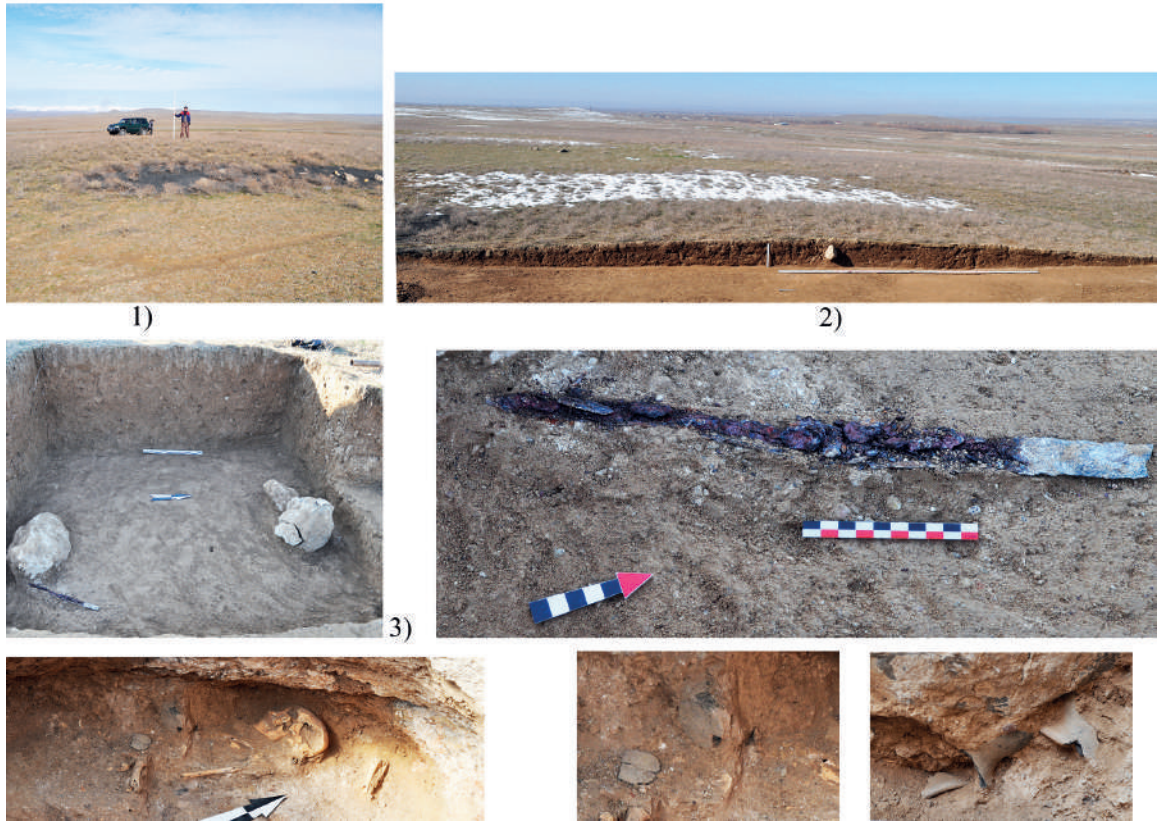

Рис. 3. Кушата-I. Курган А: 1) Вид до раскопа; 2) Стратиграфический профиль; 3) Камни в шурфе; 4) Железный предмет; 5) Подбойная ниша и остатки костяка человека; 6) Фрагменты керамики

нейшего углубления. Как стало ясно впоследствии это, по всей видимости, камни забутовки подбойной ниши.

На глубине 1,4 м были в северо-западной стенке раскопа выявлена подбойная ниша, содержавшая кости человека, обломки керамики и остатки каменного заклада в ЮЗ части.

Части скелета человека, по большей части, в разрозненном состоянии, относительно в изначальном положении находился череп и позвоночник, а также, вероятно, часть левой плечевой кости. Судя по положению частей скелета in situ, погребенный был ориентирован на северо-восток. Кости крайне неудовлетворительной сохранности. Следует отметить, что, визуальный обзор черепа показывает некоторую вытянутость затылочной части черепной коробки, хотя, учитывая степень сохранности, нельзя исключить и искажение вследствие продавливания черепа под массой грунта и в ходе грабительского вторжения, ввиду плохой сохранности череп корректно изъять не представилось возможным (рис. 3, *5*).

В области грудной клетки (у стенки) и ног человека (части венчика и горлышка среди камней заклада) были выявлены фрагменты керамики, по всей видимости, части разбитого и перемещенного грабителями одного сосуда, который изначально был у ног покойного (?) (рис. 3, *6*).

Исследования кургана В.

Объект расположен в 14 м к юго-западу от кургана А (рис. 1, *1*).

Фиксируемый диаметр кургана в текущем состоянии, с учётом деформации и оплыва вследствие антропогенных и техногенных факторов, порядка 14 м, сохранившаяся высота в районе 70 см.

При первичном обследовании, до проведения раскопочных работ, поверхность наземного сооружения кургана была покрыта густыми зарослями аналогичного вышеописанному памятнику характера.

Курган, судя по внешним характеристикам, каменно-грунтовый – основное число выступающих на поверхность камней фиксировалось в южной части наземного сооружения и ближе к центру (рис. 4, *1*).

В целях документации возможных этапов сооружения и чередования слоёв наземного сооружения по линии север-юг (СЮ) были размечены линии стратиграфического профиля.

Центральная часть наземной конструкции была удалена полностью до уровня древнего горизонта, с оставлением двух стратиграфических профилей с востока и с запада.

По результатам этих работ в центральной части кургана со смещением к югу, выявлено скопление, по большей части, неокатанных камней – по всей видимости, остатки потревоженной каменной конструкции, размерами в пределах 1х1 м (рис. 4, *2*).

Для полного оконтуривания вышеотмеченной каменной конструкции в западный профиль наземного сооружения была произведена врезка размерами: длина – 5,2 м и ширина – 1,5 м. По итогам этого полностью зачищена конструкция, которая представляет собой развал и остатки каменной кладки, по всей вероятности, бывшей некогда надмогильной выкладкой-оградой, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. В текущем состоянии конструкция значительно разрушена, в более или менее хорошем состоянии сохранилась часть северной кладки и отдельные участки на западной и южной сторонах, восточная стена разрушена полностью.

Элементы конструкции представлены, в основной своей массе, неокатанными камнями, но местами просматриваются и окатанные булыжники (рис. 4, *3*). Размеры остатков конструкции: длина – 5,6 м, ширина – 2,5 м.

В центре вышеописанных остатков надмогильной выкладки зачищена концентрация камней, некоторые из которых, очевидно, элементы разрушенной восточной (СВ) стенки конструкции, но основное число – это, по всей вероятности, части надмогильного заклада или перекрытия, в особенности это относится к двум плитам расположенным друг за другом в ряд по линии СЗ-ЮВ. Размеры: 40х80 и 40х85 см. Вероятней всего, это элементы перекрытия погребения (рис. 4, *3*).

Грунт в районе предполагаемого центрального перекрытия немного отличался по своему цвету – имел немного более насыщенный оттенок. Осуществлен раскоп по контурам данного пятна в пределах центральной концентрации камней – на площади в 1х2 м.

В ходе этого зафиксировано, что камни в центральной части продолжаются до глубины 37 см.

Заполнение могильной ямы, как и окружающая почва, отличается высокой степенью содержания солей.

На глубине 70 см, в южной (ЮВ) части и ближе к центру могильной ямы зафиксированы разрозненные фрагменты костей человека – отдельные фрагменты трубчатых костей, позвонки и другие трудноопределимые остеологические обломки (рис. 4, *4*).

Судя по некоторым характерным особенностям костных останков в южной части – это, по всей видимо-

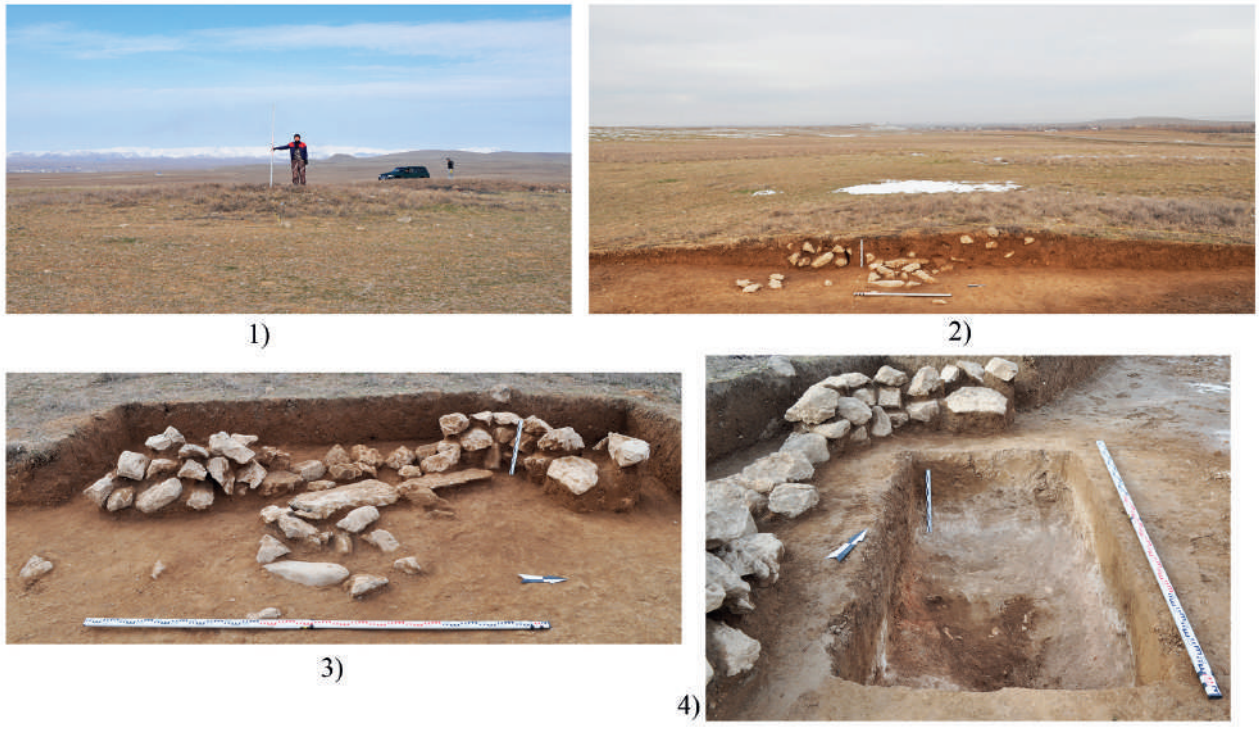

Рис. 4. Кушата-I. Курган В: 1) Вид до раскопа; 2) Стратиграфический профиль; 3) Остатки каменной выкладки; 4) Могильная яма с остатками костей человека

сти, кости ног, что дает возможность предположить, что покойный был ориентирован на СЗ.

Исследования на группе курганов Кушата-II.

Исследования кургана А.

Фиксируемый диаметр кургана в текущем состоянии, с учетом деформации и оплыва вследствие антропогенных и техногенных факторов, порядка 15 м, сохранившаяся высота в районе 70 см.

Травостой наземного сооружения аналогичен подобным элементам ранее описанных объектов (рис. 5, 1).

В целях фиксации возможных этапов сооружения и чередования слоёв наземного сооружения по линии север-юг (СЮ) были размечены линии стратиграфического профиля.

Центральная часть наземной конструкции была удалена полностью до уровня древнего горизонта, с оставлением двух стратиграфических профилей с востока и с запада.

В ходе этого, у стратиграфического профиля, ближе к центральной части с отклонением к югу, зачищен крупный неокатанный камень – 30х45 см. Вблизи данного камня ниже по уровню прослеживалось несколько сравнительно мелких (рис. 5, 2).

Ситуация по профилю: наземное сооружение кургана состоит из однородного грунта (суглинок коричневого цвета), с примесью мелких камней (рис. 5, *2*).

Осуществлена нивелировка и тщательная зачистка древнего горизонта с целью обнаружения внешних проявлений погребальных структур, по результатам этих работ каких-либо следов могильной ямы и др. выявить не удалось.

В рамках дальнейших работ по идентификации возможных погребально-поминальных сооружений подземного характера, в центральной части кургана размечен шурф размерами 1,5х1,8 м.

В пределах шурфа до начала углубления просматривались два ранее отмеченных камня – один у профиля, второй в 40 см к востоку. Раскоп по границам шурфа выявил, что это два достаточно объемных камня, уплощенной формы, располагавшиеся на ребре, у второго камня зачищен еще один малый по размеру (рис. 5, *3*).

В процессе дальнейшего углубления, на глубине 60 см, зачищена концентрация неокатанных и полуо-

катанных камней. Размеры скопления: 0,5х1,5 м (рис. 5, *4*).

После фиксации камни были убраны и произведены работы по нивелировке и зачистке горизонтальной поверхности и профилей шурфа на глубине 60 см. По результатам этих работ удалось зафиксировать некое пятно, отличающееся от окружающей просоленной почвы относительно чистой структурой. Пятно просматривалось как на полу, так и на северном профиле шурфа.

Для выяснения полного контура данного пятна была осуществлена врезка в западный профиль кургана на 40 см. По итогам этого выяснено, что пятно не имеет четкой геометрической формы, было предположено, что это, вероятно, место грабительского вторжения. Тем не менее, произведен раскоп пятна по читаемым контурам.

В ходе раскопа до глубины 1,6-1,7 м зафиксированы разрозненные камни, схожие с вышеописанными. В северном профиле раскопа, на глубине порядка 1 м, зафиксирована полукруглая ниша, с некой схожей с приступком структурой (рис. 5, *5*). Углубление по границам ниши на глубине до 1,7 м выявило разрозненные фрагментированные кости человека неудовлетворительной сохранности, скопление стеклянных бус и другие предметы.

Бусы в основном бочковидной формы с валиками по обоим краям (катушковидные), но также найдено несколько обычных округлых бусин и каплевидной формы с валиком на одном конце. Стеклянные бусы с внутренней стороны имеют позолоту. Найдено в общей сложности 19 бусин (рис. 6, 1, 2). Размеры: диаметры в поперечном сечении от 0,5-0,8 см, в продольном 0,7-1,4 см, толщина – 0,6-10 мм.

Также в пределах ниши обнаружено бронзовое кольцо, судя по характеристикам это печатка, которая имеет схематичные штрихи – своего рода узор на верхней площадке, смутно напоминающий зооморфное изображение (рис. 6, 3, 4). Размеры кольца: диаметр – 1,8х1,9 см (вместе с шинкой и иными элементами), ширина от 10 мм до 1 см (верхушка).

Судя по всем вышеперечисленным особенностям внутримогильные конструкции памятника разрушены при грабительском вторжении. Сохранившиеся отдельные элементы, к примеру, наличие довольно значительного количества камней, дают возможность предположить, что имело место подбойное погребение с закладом. Округлая форма ниши, в пределах которой обнаружены все находки, не исключает и то, что здесь могла быть небольшая катакомба, основная площадь которой разрушена при ограблении.

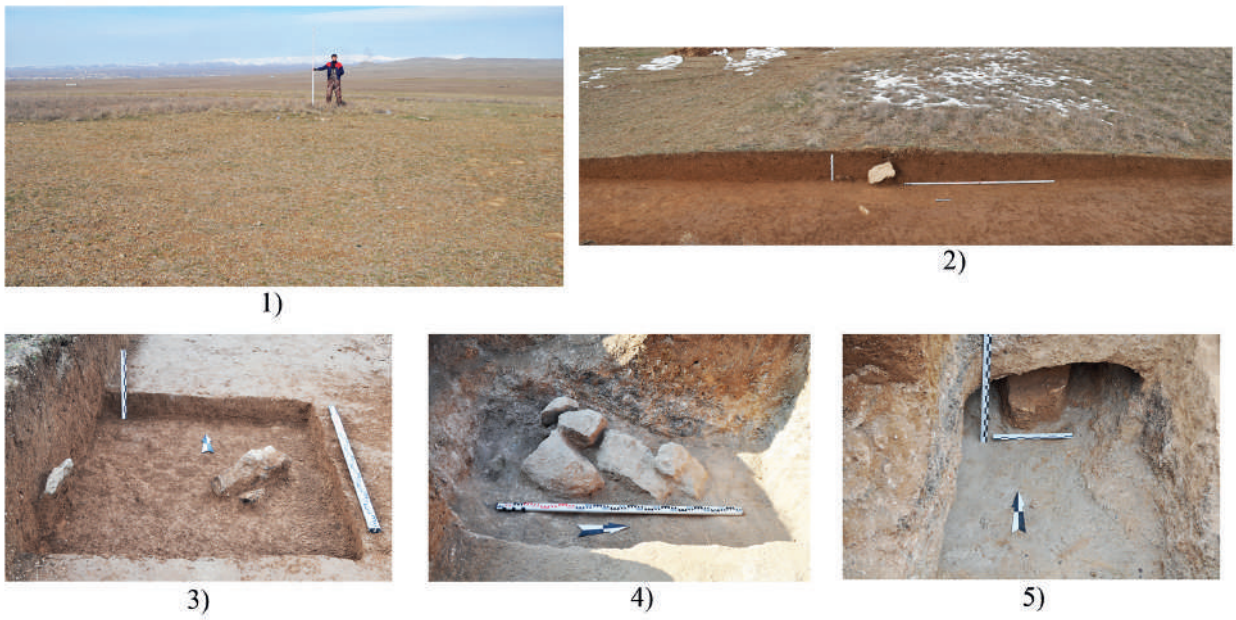

Рис. 5. Кушата-II. Курган А: 1) Вид до раскопа; 2) Стратиграфический профиль; 3) Шурф; 4) Скопление камней; 5) Ниша с приступкой (?) в северной стенке

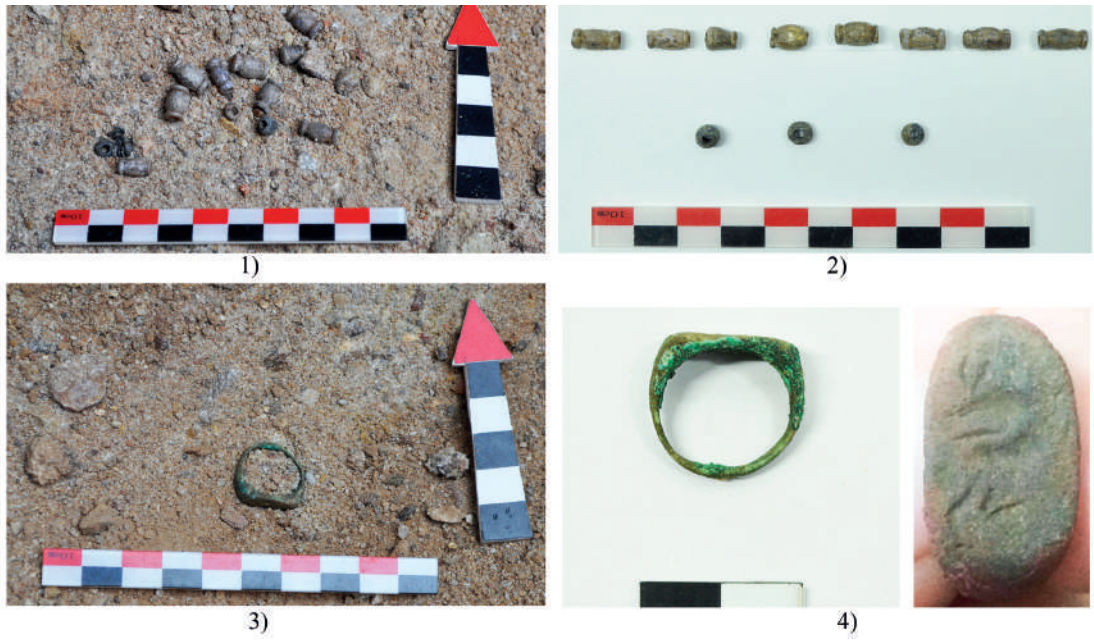

Рис. 6. Кушата-II. Курган А: 1) Бусы в погребении; 2) Бусы; 3) Кольцо в погребении; 4) Кольцо

Исследования кургана В.

Фиксируемый диаметр кургана в текущем состоянии, с учётом деформации и оплыва вследствие антропогенных и техногенных факторов, порядка 15 м, сохранившаяся высота в районе 50 см.

Расположен в 15 м к западу-северо-западу от Кургана А.

Растительность аналогична травостою ранее описанных курганов (рис. 7, *1*).

В целях фиксации возможных этапов сооружения и чередования слоёв наземного сооружения по линии север-юг (СЮ) были размечены линии стратиграфического профиля.

Центральная часть наземной конструкции была удалена полностью до уровня древнего горизонта, с оставлением двух стратиграфических профилей с востока и с запада. В ходе этого объемных камней и иных подобных конструкционных элементов не зафиксировано.

Ситуация по профилю: наземное сооружение кургана состоит из однородного грунта (суглинок коричневого цвета), с редкой примесью мелких камней (рис. 7, *2*).

Осуществлена нивелировка и тщательная зачистка древнего горизонта с целью обнаружения внешних проявлений погребальных структур, по результатам этих работ каких-либо следов могильной ямы и др. выявить не удалось.

В рамках дальнейших работ по идентификации возможных погребально-поминальных сооружений подземного характера, в центральной части кургана размечен шурф с врезкой в западный профиль на 1,3х2,2 м.

Непосредственно после начала углубления по шурфу в восточной части выявлены массивные неокатанные камни – расчистка по их расположению оконтурила концентрацию камней продолговато-удлиненной формы, по всей видимости, заклад могильной ямы (рис. 7, *3*).

После проведения документационных работ каменная выкладка была убрана и продолжен раскоп по контурам местоположения камней, залегание которых фиксировалась до глубины 60 см.

В ходе раскопа в западной-северо-западной стене выявлена подбойная ниша, ориентированная по линии СВ-ЮЗ (рис. 7, *4*).

В результате раскопа данной подбойной ниши, на глубине 1 м от поверхности расчищены останки человека крайне плохой сохранности – удалось зачистить отдельные кости скелета и фрагменты черепа

(рис. 7, *4*) – остальное всё разрушено агрессивной почвой с высоким содержанием щелочи и едких солей. Судя по всему, погребённый в состоянии in situ, но не сохранился в силу вышеотмеченных свойств окружающего грунта.

Исходя из расположения костных останков можно констатировать, что погребённый человек ориентирован на СВ.

На расстоянии 30 см от остатков черепа к востоку-северо-востоку, на северном краю подбойной ниши находились два керамических сосуда (рис. 8, 1, 2):

Сосуд №1. Крайний с юга – плоскодонный лепной вазовидный сосуд с широким раструбчатым устьем с отогнутым венчиком, тулово имеет сужение к низу, наибольшее расширение у сосуда в районе перехода тулова к короткой шейке, цвет серо-черный – костровый обжиг или следствие бытового использования (?). Сохранность удовлетворительная – фиксируются отдельные повреждения на внешней стороне тулова и на венчике (рис. 8, 2, 3). Размеры сосуда: высота – 18 см, диаметр устья – 12 см, диаметр тулова – 13 см, диаметр шейки – 10 см, диаметр дна – 8 см, толщина стенок – от 10 до 20 мм.

Сосуд №2. Расположен в 7 см к СВ от первого сосуда. Плоскодонный лепной сосуд, типа горшка, с устьем среднего диаметра и со среднеотогнутым венчиком. Тулово имеет небольшое сужение к низу, наибольшее расширение у сосуда в верхней части тулова, также от верхней части тулова до центра выполнена округлая в сечении вертикальная петлевидная ручка, цвет серо-черный – костровый обжиг или следствие бытового использования (?). Сохранность неудовлетворительная – обломан фрагмент верхней части сосуда, также фиксируются отдельные повреждения на внешней стороне тулова и на венчике (рис. 8, 2, 4). Размеры сосуда: высота – 15 см, диаметр устья – 9,5 см, диаметр тулова – 12,5 см, диаметр шейки – 8 см, диаметр дна – 10 см, диаметр ручки в сечении – 1,7-2 см, толщина стенок – от 0,8 мм до 20 мм.

Более каких-либо находок в пределах подбойной ниши выявлено не было.

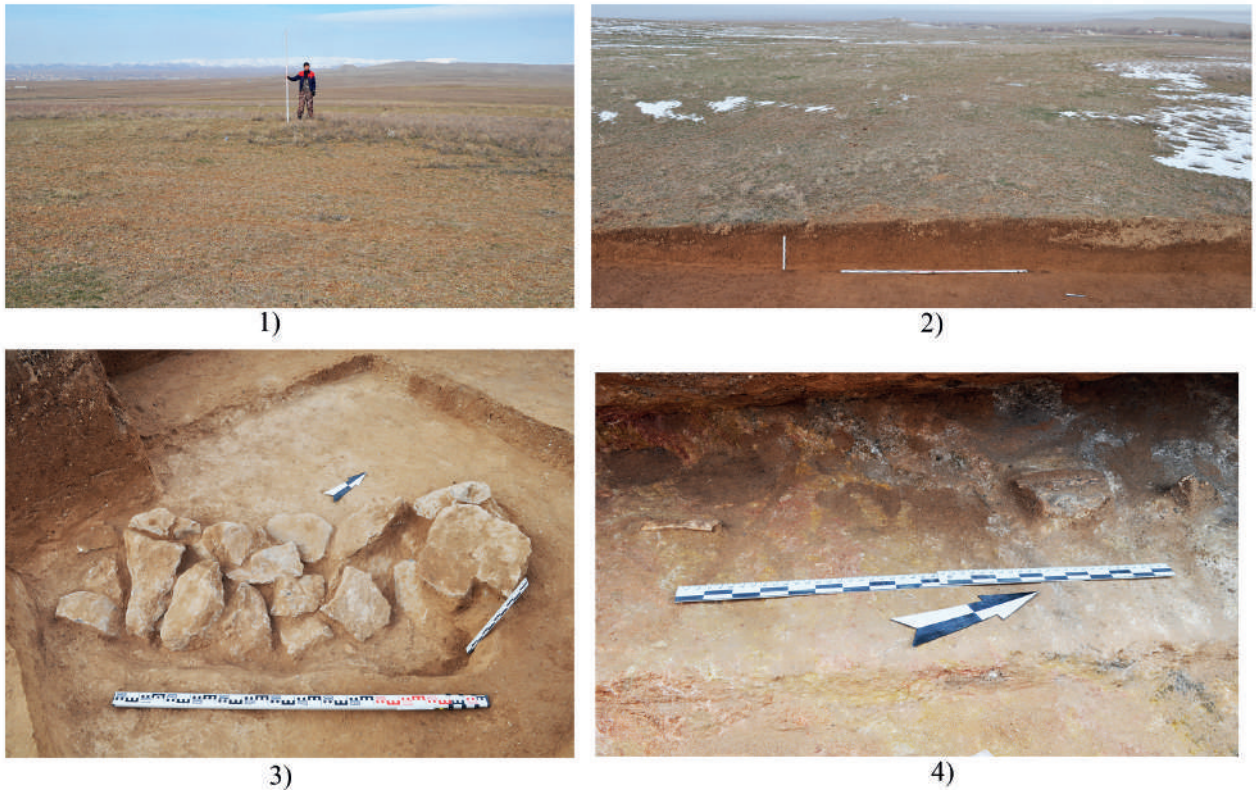

Рис. 7. Кушата-II. Курган В: 1) Вид до раскопа; 2) Стратиграфический профиль; 3) Каменная выкладка; 4) Остатки костяка человека

Рис. 8. Кушата-II. Курган В: 1) Подбойная ниша и входная яма; 2) Керамические сосуды в погребении; 3) Сосуд № 1; 4) Сосуд № 2

Исследования на группе курганов Шоктас-I.

Исследования кургана А.

Фиксируемый диаметр кургана в текущем состоянии, с учётом деформации вследствие антропогенных и техногенных факторов, порядка 25 м, сохранившаяся высота в районе 1,8 м.

При первичном обследовании, до проведения раскопочных работ, поверхность наземного сооружения кургана была с достаточно разреженным травостоем, в силу обилия выступающих на поверхность камней (рис. 9, *1*).

В центральной части наземного сооружения фиксируется воронка размерами: длиной 1,9х3,2 м, глубина порядка 0,5 м.

В целях фиксации возможных этапов сооружения и чередования слоёв наземного сооружения, по линии север-юг (СЮ) были оставлены профили с восточной и западной стороны, центральная часть наземной конструкции была убрана по линии СЮ полосой в 6 метров. Центральная траншея была заложена с определённым отклонением к востоку.

Далее произведена выемка грунта по вышеотмеченной разметке, до уровня древнего горизонта.

В процессе этого выяснено, что основа наземного сооружения кургана из камня со слоем грунта и дерна – зафиксирована каменная конструкция, состоящая из разновеликих булыжников и валунов, по большей степени среднего размера, также просматриваются достаточно крупные камни. Конструкция выполнена в основном из неокатанных камней, однако прослеживаются и окатанные, полуокатанные камни (рис. 9*, 2*).

В ходе дальнейших работ в центральной части кургана у западного профиля зачищена каменная выкладка размерами 0,70х2 м, ориентирована по оси СЗ-ЮВ,

состоит в основном из средневеликих камней, но имеются мелкие и отдельные крупные камни в СЗ части. Было предположено, что это заклад погребения (рис. 9: *3*).

После проведения всех документационных работ камни предполагаемого заклада были убраны и осуществлен раскоп по прослеживаемым по периметру камней пятну.

Камни заклада продолжаются до глубины 30-40 см в центре и в южной части.

По итогам раскопа возможной могильной ямы размерами – длина – 4 м, ширина – 1-1,2 м. На глубине 70 см в СВ углу выявлены тазовые кости и нижние конечности человека в скоплении – подвздошная кость таза, крестец, бедренная и берцовые кости (рис. 9, *4*).

Часть тазовой кости лежала на каменной плитке. Все кости находились не в положении in situ, однако, судя по ряду признаков на момент перемещения они были в связке (рис. 9, *5*), что даёт возможность предположить, что ограбление было совершено спустя непродолжительное время после акта ингумации, либо имело место ритуальное осквернение.

В южной части могильной ямы также выявлены кости человека, фрагментированные и в крайне плохом состоянии – у юго-восточной стенки части трубчатых костей и иные трудноопределимые обломки, у юго-западного угла остатки черепа человека – фрагменты черепной коробки, челюсти и другие мелкие части.

На основании того, что кости нижней части туловища человека были найдены на севере, остатки костей головы на южной, можно сделать предположение, что погребённый был ориентирован на юг-юго-восток.

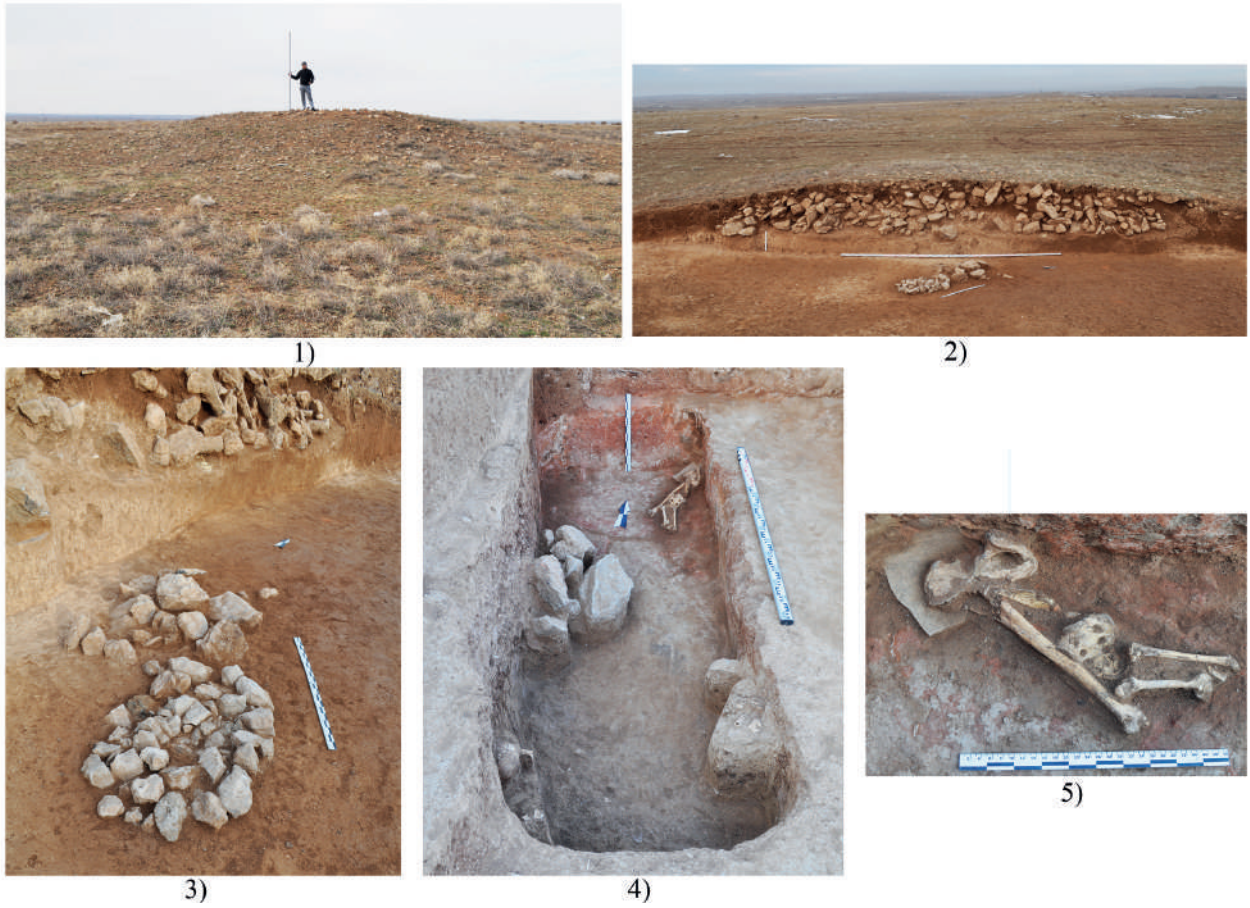

Рис. 9. Шоктас-I. Курган А: 1) Вид до раскопа; 2) Западный стратиграфический профиль; 3) Каменная выкладка у западного профиля; 4) Погребение № 1; 5) Погребение № 1. Кости человека в СВ углу

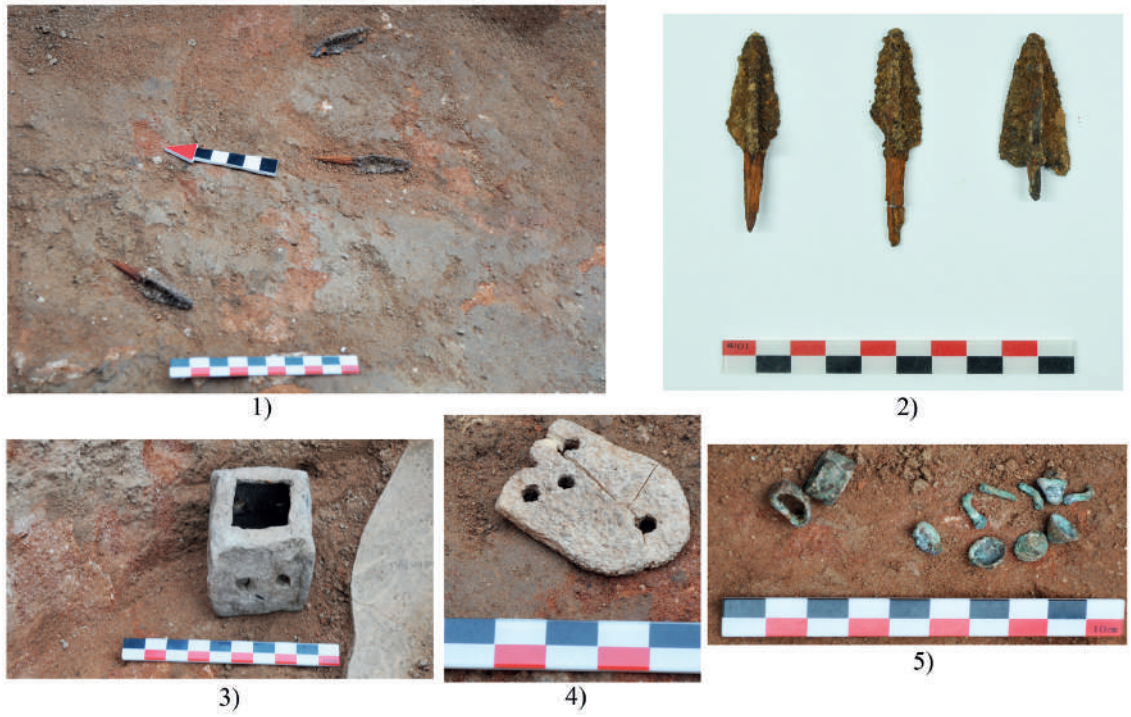

Рис. 10. Шоктас-I. Курган А: 1) Погребение № 1. Наконечники стрел в погребении; 2) Погребение № 1. Наконечники стрел; 3) Погребение № 1. Курильница; 4) Погребение № 1. Наконечник ремня в погребении; 5) Погребение № 1. Мелкие изделия из бронзы

В процессе расчистки могильной ямы на указанной глубине были выявлены следующие предметы инвентаря:

Три трёхлопастных черешковых железных наконечника стрелы средней степени сохранности и коррозированности. На двух наконечниках в районе черешка фиксируются остатки древесины (рис. 10, *1, 2*). Размеры: длина двух наконечников – от 3,5–3,7 см (без остатков древка) и 4,9 см длина третьего вместе с черешком. Диаметры в сечение – от 1,5 до 2 см.

Керамическая курильница в форме куба с достаточно объемным четырёхугольным отверстием-жерлом в верхней части и с двумя расположенными в ряд по горизонтали подокруглыми отверстиями в центральных частях двух стенок (рис. 10, *3*). Сохранность удовлетворительная. Размеры: 4-5 см, диаметр отверстия – 2х2,5 см, диаметры округлых отверстий – 0,5 см.

Роговой наконечник ремня – один конец выполнен округлым, второй ровный с выемкой в центральной части, имеется четыре функциональных крепёжных отверстия круглой формы – одно в центре округлого окончания и три, расположенных треугольником, на противоположной стороне. На одной из половин нижней части округлой оконечности фиксируется узкий желобок, не ясно это брак материала или некое функциональное решение (рис. 10, 4) Сохранность неудовлетворительная – изделие треснуло. Размеры: длина – 3,6 см, ширина – 2,5-2,7 см, диаметры отверстий – 0,3-0,5 см.

Детали мелкой фурнитуры из бронзы, судя по всему, от поясной гарнитуры и, возможно, украшения одежды: четыре бляшки в форме полого конуса. Размеры: 0,7–0,8 см. Две цельные обоймы. Размеры: диаметры от 0,6-0,7х1-1,1 см, ширина – 0,6-0,7 см. А также порядка четырёх искривлённых стержня размерами: длина – 0,7-0,9 см, ширина – 20 мм, неизвестного назначения, вероятно, крепежи, и другие трудноопределимые элементы (рис. 10, *5*).

Помимо всего описанного, были обнаружены маловыразительные фрагменты керамики.

Артефакты были обнаружены в разных местах погребения и однозначно были перемещены при ограблении, в силу этого перегружать текст точным местоположением того или иного предмета не имеет смысла.

После сбора всего вышеописанного материала был произведен контрольный раскоп, не принесший результатов.

В ходе расчистки центральной части кургана, в восточном профиле, ниже уровня наземной конструкции была зафиксирована концентрация камней схожая с забутовкой могильной ямы (рис. 11, *1*).

Для прояснения ситуации в восточный профиль была произведена врезка на 1,5х3 м и осуществлена полная зачистка камней (рис. 11, *2*). Далее проведены работы по поэтапной разборке и фиксации каменного заклада. По итогам этим работ оконтурен заклад полукруглой формы (рис. 11, *3*).

После фиксационных работ произведена выемка камней и раскоп по контурам заклада. В результате этих работ на глубине 40 см, с северо-западной части стороны выявлена подбойная ниша (рис. 12, *1*).

Раскоп подбоя на глубине 1,3 м показал наличие костяка человека в состоянии in situ (*погребение № 2*) (рис. 12, *1, 2*):

Погребённый ориентирован головой на СЗ, положен в вытянутом положении на спину, череп имеет наклон к правому плечу, плечи в позе «пожимания», ключицы на месте, позвоночник слабо изогнут, правая рука вдоль тела, левая плечевая кость вдоль туловища, в районе локтя левая рука согнута под небольшим углом и кости предплечья лежат по диагонали в районе нижней части рёбер и в месте соединения верхних частей подвздошных костей таза. Кисти рук практически отсутствуют, фиксируется лишь несколько фаланг. Ноги располагались ровно, лишь левая нога имеет едва заметный уклон в сторону правой в районе коленного сустава. Правая стопа практически не сохранилась,

Рис. 11. Шоктас-I. Курган А: 1) Восточный стратиграфический профиль; 2) Врезка в восточный профиль; 3) Восточный профиль. Каменный заклад

левая на положенном месте. Сохранность скелета неудовлетворительная, длина – 1,75 м (рис. 12, *2*).

Ниже таза в промежности расчищено пять втульчатых двухлопастных бронзовых наконечников стрел (обращены острием к низу под разными углами) (рис. 12, *2*), четыре имеют крестовидные ребристые усиления (рис. 12, *3*).

Более каких-либо предметов инвентаря при погребённом обнаружено не было.

Таким образом, в пределах кургана А, группы курганов Шоктас-I исследовано два погребения.

Исследования кургана В.

Курган В расположен в 100 м к югу-юго-западу от кургана А.

Диаметр – 12 м, высота – 0,60 м.

Курган судя по внешним характеристикам каменно-грунтовый, растительность достаточно разреженная (рис. 13, *1*).

В целях фиксации возможных этапов сооружения и чередования слоёв наземного сооружения, по линии север-юг (СЮ) были оставлены профили с восточной и западной стороны, центральная часть наземной конструкции была убрана по линии СЮ полосой в 4 метров.

Далее произведена выемка грунта по вышеотмеченной разметке до уровня древнего горизонта.

Демонстрационным разрезом был обозначен западный профиль наземного сооружения.

Ситуация по профилю: наземное сооружение кургана состоит из однородного грунта (суглинок коричневого цвета), с примесью мелких и местами крупных камней, незначительного количества песка и супеси (рис. 13, *2*).

Далее осуществлена нивелировка и тщательная зачистка древнего горизонта с целью обнаружения внешних проявлений погребальных структур, по ре-

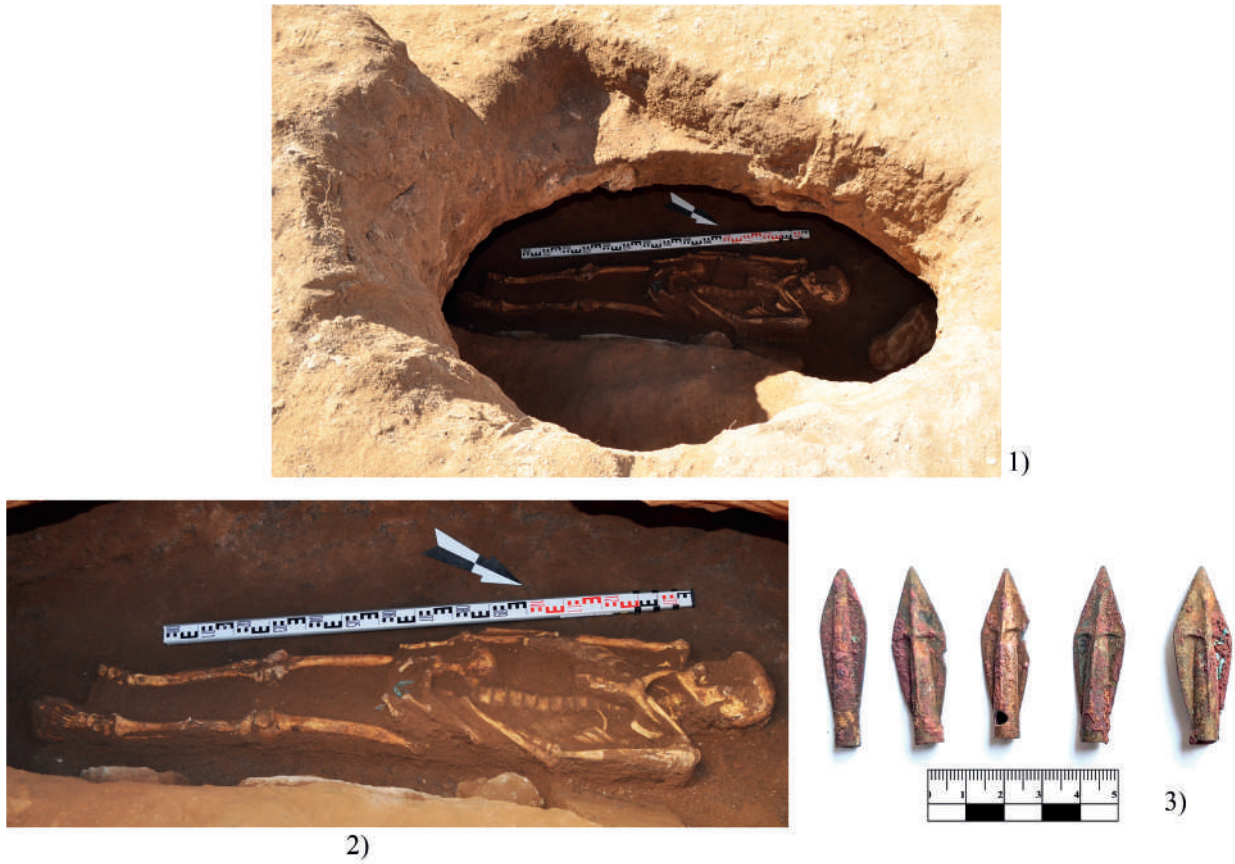

Рис. 12. Шоктас-I. Курган А: 1) Погребение № 2. Входная яма и подбойная ниша; 2) Погребение № 2. Костяк человека; 3) Погребение № 2. Наконечники стрел

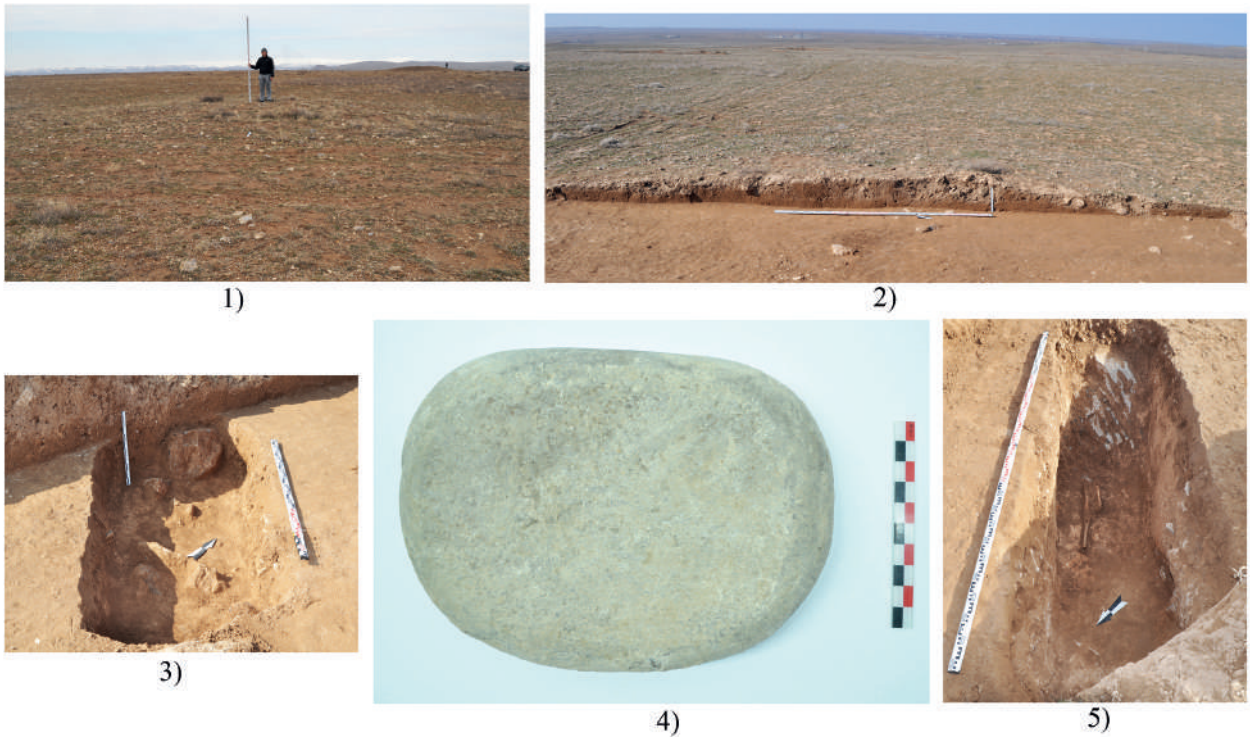

Рис. 13. Шоктас-I. Курган В: 1) Вид до раскопа; 2) Стратиграфический профиль; 3) Камни у западного профиля; 4) Зернотерка; 5) Могильная яма с останками человека

зультатам этих работ у западного профиля зафиксирована концентрация среднеразмерных камней. Раскоп и расчистка по границам камней на глубине 30 см окантурил достаточно разреженную (вероятно, следствие ограбления) каменную выкладку (рис. 13, *3*).

В процессе дальнейшего углубления по раскопу, на глубине 50 см выявлена каменная зернотёрка овально-округлой формы (рис. 13, *4*). Размеры: 15,5х24 см.

По читаемым следам раскоп был расширен к востоку, в ходе продолжения раскопа на глубине 70 см в восточной-юго-восточной части, предполагаемой могильной ямы, выявлены берцовые кости и левая бедренная кость человека (рис. 13*, 5*).

Судя по расположению костей, они относительно непотревоженные, на основании чего можно предположить, что покойный был ориентирован на СЗ.

Кроме всего вышеописанного, других находок в пределах погребения не было.

Подводя предварительные итоги проведённых археологических изысканий, рассмотрим культурно-хронологическую атрибуцию каждого памятника по отдельности:

Кушата-I. Курган А. Наличие в данном памятнике подбойного погребения соответствует вышеуказанному периоду, хотя следует отметить, что подбойные погребения фиксируются еще в раннесакское время [Кариев, Оралбай 2013: 51], повсеместное распространение они получают в конце I тыс. до н. э. [Кариев 2016: 158] и становятся преобладающим типом погребений именно в гунно-сарматский период.

Северная ориентация с определенными отклонениями также характерна для культур гунно-сарматского времени [Кариев 2016: 158, 159].

Вероятная деформация черепа тоже является одним из основных маркеров указанного временного отрезка [Трофимова 1968: 179–189].

Практическое отсутствие инвентаря не дает возможность более точно обосновать датировку данного кургана, но, тем не менее, имеющиеся данные не противоречат приведённым хронологическим рамкам.

Кушата-I. Курган В. Тотальное разграбление и полное отсутствие инвентаря затрудняют культурно-хронологическую идентификацию этого кургана, но внешние признаки и некоторые характерные особен-

ности погребальных конструкций, такие как надмогильная выкладка-ограда, позволяют соотнести их к кругу памятников гунно-сарматского времени [Кариев 2016: 157, 158].

Кушата-II. Курган А. Погребальные конструкции данного кургана весьма близки двум вышеописанным. Полученный инвентарь даёт возможность более точно датировать этот памятник – аналогии найденным в погребении стеклянным бусам с позолотой встречаются в памятниках античного Причерноморья и датируются первой половиной I тысячелетия нашей эры [Алексеева 1975: табл. 26; Рыбаков 1984: 347, табл. CLVI].

Территориально одни из наиболее близких аналогий бусам и кольцу-печатке из кургана А группы Кушата-II находятся на территории западной Ферганы и датируются II–V вв. н. э. [Литвинский 1973б: 14–29, 93–172, табл. 11—-15].

Кушата-II. Курган В. Все приведенные элементы погребальных конструкций и обряда, в особенности подбойное захоронение и ориентация покойного говорят в пользу указанных хронологических рамок. Выявленные в подбойной нише два керамических сосуда по своим характеристикам схожи с посудой указанного временного диапазона западной Ферганы, северной Киргизии, южного Казахстана и Семиречья [Литвинский 1973а: табл. 1–56; Бернштам 1940: 16, табл. 13; Кариев 2016: 156–170].

Таким образом, все четыре исследованных объекта групп Кушата, по всей видимости, соотносимы к одной культурно-хронологической общности и предварительно датируются I–V вв. н. э.

Рассмотрим также культурно-хронологическую атрибуцию каждого объекта группы Шоктас по отдельности:

Шоктас-I. Курган А. Наземная конструкция кургана, по своим параметрам является примером классических объектов сако-скифского круга, однако выявленные в данном кургане погребения по своим характеристикам не соответствуют канонам сакских захоронений – в погребении № 1 выявлены материалы, которые соотносимы к гунно-сарматскому времени, конкретно к сарматской культуре, это и железные наконечники стрел [Хазанов 1971: 35–37], и керамическая курильница [Абрамова 1959: 52–71], и другие элементы инвентаря. Во втором погребении зафиксировано подбойное захоронение с северо-западной ориентацией, что также является не чуждыми чертами для погребений гунно-сарматского круга, но выявленные в данном погребении бронзовые наконечники стрел соотносимы к раннесакскому времени, и согласно одному из компетентных обзоров последних лет датируемы VIII – началом VI вв. до н.э. [Иванов 2017: 39–40], т. е. порядка полувека до момента повсеместного и массового распространения подбойных захоронений. По всей вероятности, мы тут имеем дело с ранними подбоями [Кариев, Оралбай 2013: 51] с северной ориентировкой, что может быть связано с проникновением неких племен и групп из ареала хунноидных культур (?), либо здесь имеет место вторичное использование бронзовых наконечников, которые, возможно, были взяты из ограбленного памятника раннесакского времени.

Шоктас-I. Курган В. По некоторым зафиксированным признакам погребальных конструкций и обряда соответствует заявленным ранее хронологическим рамкам [Кариев 2016: 156–170]. Для более твёрдых выводов слишком мало данных, вследствие тотального ограбления.

Все исследованные памятники предварительно датируются нами промежутком III–II вв. до н. э. и III–V вв. н. э. Причем, по большей части, изученные объекты отмеченных групп курганов по своим основным признакам соотносимы к начальному этапу гунно-сарматского культурно-хронологического периода в истории Евразии, конкретно конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. На это, в частности, могут указывать погребальные конструкции, погребальный обряд и характерные особенности сопроводительного инвентаря.

Понятно, что всё сказанное носит предварительный характер и может быть скорректировано в ходе последующих работ в рамках дальнейшего анализа и интерпретации представленных материалов. Более точные выводы и хронологические даты возможны лишь после проведения всех лабораторных исследований и обработки массива, библиографических и архивных данных по соответствующим эпохам Евразии, в частности, Центральной Азии и Восточной Европы, и как показывают некоторые материалы, с корреляцией полученной информации с данными по материальной культуре античного мира.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. // СА. 1959. № 1. С. 52–71.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Г1-12. Москва: Наука, 1975, 121 с.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. Ленинград, 1940. 34 с. + 36 табл.

Иванов С.С. Новые находки бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников на территории Кыргызстана // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017 г. №1. С. 38–57.

Кариев Е.М. Параллели некоторых археологических памятников гунно-сарматской эпохи Евразии // Материалы международной конференции «Кадырбаевские чтения – 2016», – Актобе: ИП Жанадилова С.Т., 2016. С. 156–170.

Кариев Е., Оралбай Е. Х-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК: Серия общественных наук. 2013. № 3 (289). С. 50–60.

Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н.э.) [Могильники Западной Ферганы II]. Москва: Наука, 1973а. 260 с.

Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы [Могильники Западной Ферганы III]. Москва: Наука, 1973б. 211 с.

Рыбаков Б.А. (отв. ред.). Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. Т. 9. Москва: Наука, 1984. 392 с.

Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. Москва: Наука, 1968. С. 179–189.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов, Москва: Наука. 1971. 172 с.

Е.М. КАРИЕВ,
М.Н. ДУЙСЕНГАЛИ,
Н.М. БАИРОВ,
Е. ЖОЛДЫБАЙ

Елдос Максатович Кариев,
Международный университет Астана,
Астана, Казахстан; eldos.05.82@gmail.com
Мейрам Нурланович Дуйсенгали,
ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей»,
Актобе, Казахстан; duisengalimeiram@mail.ru
Нурсултан Майлибаевич Баиров,
ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей»,
Актобе, Казахстан; nmbairov@mail.ru
Ерасыл Жолдыбай,
ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей»,
Актобе, Казахстан; kraeved29@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ГЛУБИННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ МОГИЛЬНИКА ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ АККИСЫК В АЙТЕКЕБИЙСКОМ РАЙОНЕ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья описывает результаты электромагнитного профилирования аппаратом АЭМП-14 погребально-поминальных объектов могильника гунно-сарматского периода Аккисык. Подробно описывается ход и содержание работ, и приводятся результаты по каждому зондированному памятнику и в целом по могильнику.

Ключевые слова: электромагнитное профилирование, глубинное зондирование, могильник Аккисык, погребально-поминальные памятники, Актюбинская область

Елдос Мақсатұлы Қариев,
Астана халықаралық университеті,
Астана, Қазақстан
Мейрам Нұрланұлы Дүйсенғали,
«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі» МҚКМ,
Ақтөбе, Қазақстан
Нұрсұлтан Майлыбайұлы Баиров,
«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі» МҚКМ,
Ақтөбе, Қазақстан
Ерасыл Жолдыбай,
«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі» МҚКМ,
Ақтөбе, Қазақстан

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ ӘЙТЕКЕ БИ АУДАНЫНДАҒЫ АҚҚИСЫҚ ҒҰН-САРМАТ ДӘУІРІ ҚОРЫМЫНЫҢ НЫСАНДАРЫНА ЖҮРГІЗІЛГЕН ЭЛЕКТРОМАГНИТТІ ТЕРЕҢ ЗОНДЫЛАУ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Мақала ғұн-сармат дәуірінің Аққисық қорымының жерлеу-ғұрыптық нысандарында АЭМП-14 құрылғысымен жүргізілген электромагнитті профильдеу нәтижелерін сипаттайды. Жұмыстың барысы мен мазмұны толық сипатталып, әр зерттелген нысан және жалпы қорым бойынша нәтижелер ұсынылады.

Түйін сөздер: электромагнитті профильдеу, терең зондылау, Аққисық қорымы, жерлеу-ғұрыптық ескерткіштері, Ақтөбе облысы

Yeldos Kariyev,
Astana International University,
Astana, Kazakhstan
Meiram Duisengali,
State-owned municipal enterprise «Aktobe Regional Museum of Local History»,
Aktobe, Kazakhstan
Nursultan Bairov,
State-owned municipal enterprise «Aktobe Regional Museum of Local History»,
Aktobe, Kazakhstan
Erasyl Zholdybai,
State-owned municipal enterprise «Aktobe Regional Museum of Local History»,
Aktobe, Kazakhstan

RESULTS OF ELECTROMAGNETIC DEEP SENSING OBJECTS OF THE AKKISYK BURIAL GROUND IN AITEKEBI DISTRICT OF AKTOBE REGION

Abstract. The article describes the results of electromagnetic profiling by the AEMP-14 apparatus of funerary and memorial objects of the burial ground Akkisyk of the Hun-Sarmatian period. The progress and content of the work is described in detail, and the results are given for each probed monument and for the burial ground as a whole.

Keywords: electromagnetic profiling, deep sounding, Akkisyk burial ground, funeral and memorial monuments, Aktobe region

Как всем известно, в последние десятилетия в археологии общераспространенными становятся мультидисциплинарные методы исследований, зачастую с кооперацией порой далеких друг от друга естественных и гуманитарных наук. Одним из подобных примеров могут явиться археолого-геофизические дораскопочные обследования погребально-поминальных памятников гунно-сарматского времени могильника Аккисык в Айтекебийском районе Актюбинской области (в 34 км к югу-юго-востоку от с. Талдык, между селами Шетыргыз и Шенбертал). Сводной научной группой осуществлено электромагнитное глубинное зондирование площади и примыкающей территории шестидесяти единиц историко-культурного (археологического) наследия разных размеров и характеров (рис. 1) и цифровая обработка полученных данных.

Полевые геофизические изыскания проводились при помощи Аппаратуры электромагнитного профилирования (АЭМП-14), разработанной в лаборатории электромагнитных полей Института геофизики СО РАН (г. Новосибирск, РФ).

Названная аппаратура реализует метод электромагнитного индукционного частотного зондирования и представляет собой трёхкатушечный зонд. Генераторный контур излучает электромагнитное поле на 14 частотах в диапазоне 2,5-250 кГц [Балков, Манштейн 2001: 17]. Он является автономным устройством с внутренним аккумулятором и постоянным запоминающим устройством. Работает без гальванического контакта со средой и устойчива к воздействию внешних электромагнитных помех, предназначена для круглогодичных исследований приповерхностной части приповерхностного пространства для решения широкого спектра задач, в том числе и археологии [Балков, Манштейн 2001: 18].

Оборудование уже достаточно давно успешно применяется при обследованиях памятников археологии в Российской Федерации и в Казахстане [Балков и др. 2006: 43–50; Омаров и др. 2020: 49–56].

В ходе представленных вниманию геофизико-археологических работ применено следующее содержание и алгоритм работ: производится разметка памятника в требуемой площади, 0-ая исходная точка маркируется и осуществляется аэрофотосъемка методами фотограмметрии, далее от исходной точки по линиям профилей проводится зондирование размеченного

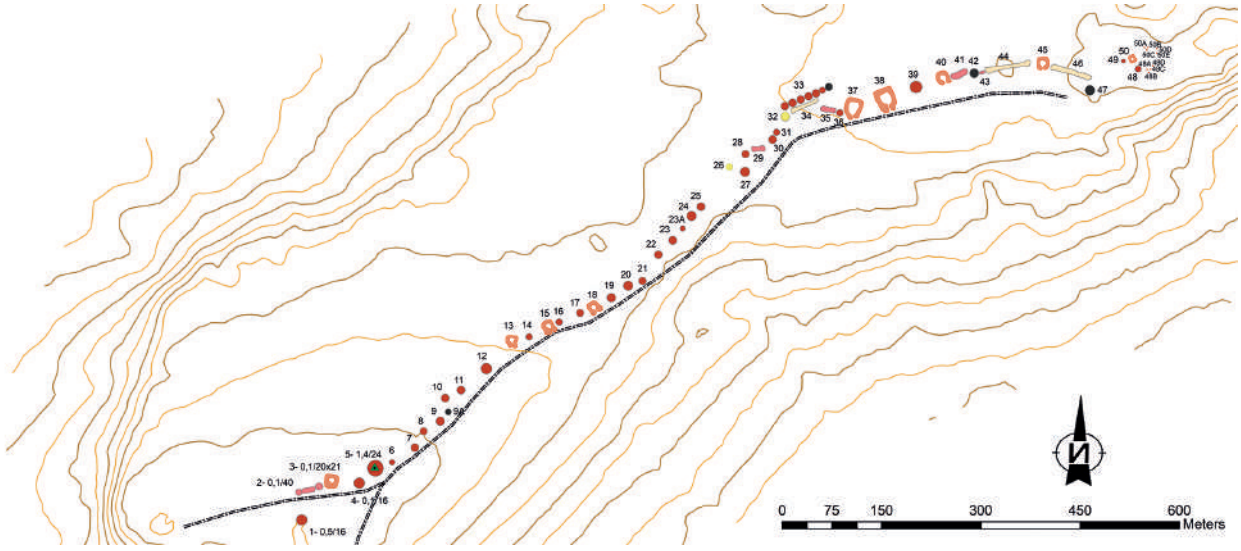

Рис. 1. Топографический план могильника Аккисык

участка в запрограммированном интервале (X-шаг – расстояние между точками (пикетами), Y-шаг расстояние между профилями). Для облегчения последующего обнаружения исходного пункта зондирования и ориентации по площади памятника перед раскопками 0-ю точку или все четыре угловые точки зоны сканирования нужно зафиксировать лазерным тахеометром в локальных или абсолютных координатах с соответствующим прописным кодом.

Зондирование проводилось на 14 частотах, с учётом характера надземных и подземных структур целевого могильника. Согласно опыту уже имевших место археологических раскопок и в зависимости от точных и потенциальных параметров наземных сооружений, компетентными признаны частоты от 14 до 10 (1 частота охватывает порядка 1 метра, к примеру, 14 частота до глубины 1 м и т.д.). В данном случае частоты ниже указанных. Частоты компетентны в зависимости от вышеуказанных свойств каждого конкретного объекта.

Описание процесса и результатов зондирования: Объект № 1 (курган).

Осуществлена высотная съемка с БПЛА и привязка объекта к данным электромагнитного зондирования методами фотограмметрии (рис. 2) [Отчет 2022: 13–192, рис. 9–313]. Электромагнитное зондирование проводилось по оси север-юг (СЗ-ЮВ), X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 9 профилей и 108 пикетов на 14 частотах (рис. 3).

Ситуация по частотам. Все частоты показывают наличие неких структур – чётко просматривается центральная, от которой к западу фиксируется некая дополнительная структура. На частоте № 14 данная структура расположена отдельно, но на остальных примыкает к центральному погребению, причем на частоте № 13 две структуры соединяет перемычка. На частотах № 12 и № 10 отчётливо прослеживаются две локальные структуры [Отчет 2022: 10–192, рис. 3–313]. По всей вероятности, объект № 1 (курган) имеет два погребения – центральное и боковое (50 %). Однако также не исключается версия, что здесь имеет место грабительское вторжение либо отражение структуры №2 может быть резонансом некой достаточно твёрдой структуры в насыпи объекта или рва (50 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имею отражение в разрезе – глубина до 1 метра. В целом глубина колеблется от 30 до 70 см [Отчет 2022: 12–192, рис. 7–313].

Объект № 2 (гантелевидное сооружение).

Осуществлена высотная съемка и привязка объекта. Зондирование проводилось по оси восток-запад (СВ–ЮЗ), X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 6 профилей и 126 пикетов на 14 частотах (рис. 3). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м, учитывая от-

носительную «плоскость» гантелевидного сооружения наиболее оптимальными и приемлемыми частотами являются № 14 и № 13.

Ситуация по частотам. Все частоты показывают наличие некой подпрямоугольной структуры в юго-западной части гантелевидного сооружения. Данная структура имеет твёрдые не проводящие геоэлектро-импульс края и достаточно проводимую центральную часть, по всей видимости, рыхлость. Все частоты также показывают наличие ещё одной структуры к западу от первой, на соответствующем конце «гантели» – вероятно, погребение (75 %). Частоты ниже 13 отличаются значительной деформацией и репетативным (повторяющим) резонансом верхних частот.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имею отражение в разрезе – глубина в районе 1 метра. В целом глубина колеблется от 0,8-1 м.

Объект № 3 (подковообразное сооружение).

Произведена высотная съемка и привязка объекта. Электромагнитное зондирование проводилось по оси запад-восток (ЮЗ-СВ), X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 9 профилей и 81 пикет на 14 частотах (рис. 3). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м.

Ситуация по частотам. Частоты показывают наличие некой структуры, расположенной с отклонением к западу-северо-западу от центра кургана и, соответственно, от середины сканированной площади, по всей видимости, погребение (80 %). Вероятно, имеет место оплыв наземного сооружения объекта к востоку-юго-востоку либо в силу наличия в наземной конструкции

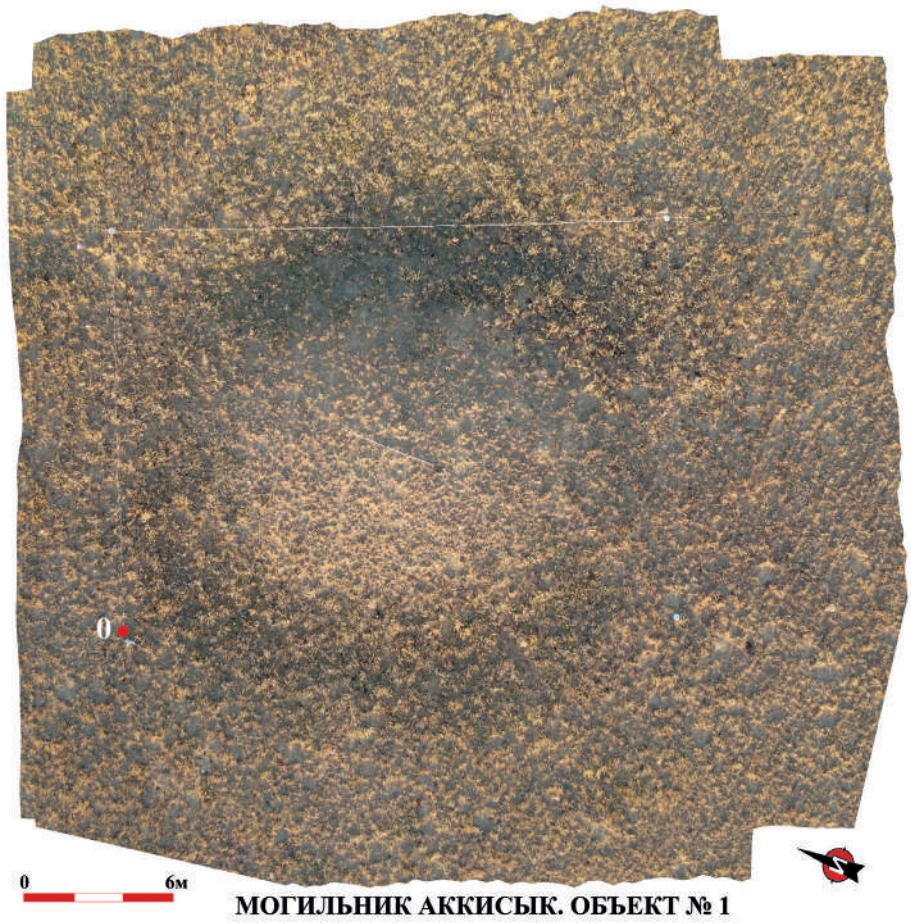

Рис. 2. Ортофотоплан объекта № 1

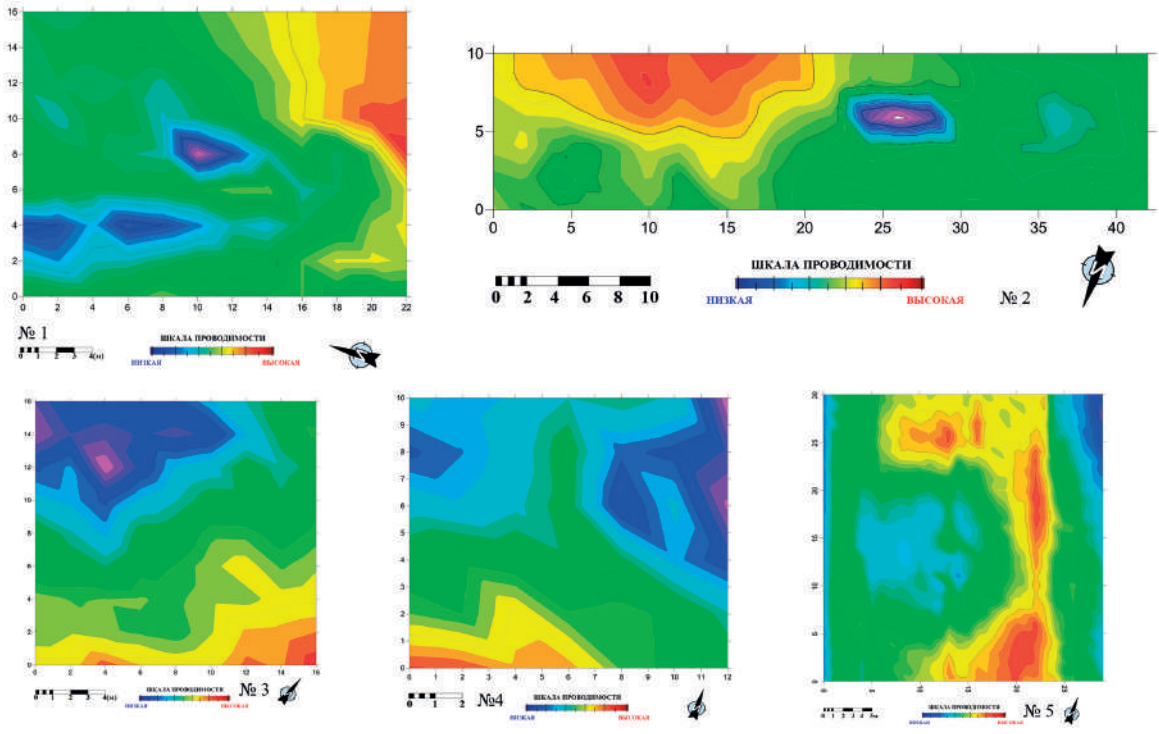

Рис. 3. Картина зондирования объектов № 1–5 на частоте 14

металла и иных искажающих структур расшифровка результатов показала отклонение от центральной оси.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что отмеченная структура, расположенная в плане с отклонением, также не отражается в соответствующих разрезах (профиль № 8) и видна в северных профилях (№ 12). Глубина в районе 0,7 м.

Объект № 4 (курган).

Через объект проходит проселочная полевая дорога. Осуществлена высотная съемка с БПЛА и привязка объекта. Электромагнитное зондирование проводилось по оси запад-восток (ЮЗ-СВ), X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 11 профилей и 143 пикета на 14 частотах (рис. 3). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м.

Ситуация по частотам показывает наличие двух структур, расположенных с отклонением к северу от центра кургана и, соответственно, от центра сканированной площади, вероятно, это погребения (70 %). Возможно, имеет место оплыв наземного сооружения объекта к востоку-юго-востоку либо в силу наличия в наземной конструкции металла и иных искажающих факторов (усадка грунта автодорогой и т.п.) расшифровка результатов показала отклонение от центральной оси.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что из отмеченных структур, расположенных в плане с отклонением, в центральном разрезе отражается лишь северо-восточная (профиль № 5), обе же видны в северных профилях (№ 8) – глубина в районе 0,7 м.

Объект № 5 (курган).

Объект является самым крупным курганом могильника Аккисык. Он расположен пятым по счёту с юго-запада. На вершине имеется геодезический тригопункт. Осуществлена высотная съемка с БПЛА и привязка объекта к данным электромагнитного зондирования. Электромагнитное зондирование проводилось по оси юг-север, X-шаг 1 м, Y-шаг также 1 м. В общей сложности отработано 31 профиль и 961 пикет на 14 частотах (рис. 3). Представлены результаты сканирования на 5 частотах – № 14, № 13, № 12, № 11 и № 10 с общей глубиной в 3,5-4,5 м.

Ситуация по частотам. Частота 14 в силу сильного фона тригопункта малоинформативна. Расшифровка показывает значительное количество аномальных

пятен, но, тем не менее, в центральной части и к югу просматривается некие структуры. На расшифровках нижних частот к востоку, к юго-востоку и к северо-востоку от центрального пятна наряду с данной вероятной центральной погребальной ямой фиксируются ещё порядка 4-х разноразмерных пятен средней проводимости. Наиболее чётко они видны на частоте 12 (глубина порядка 2,8-3 м). Частоты 11 и 10 больше резонансные. По всей видимости, имеется центральное (90 %) и несколько впускных захоронений либо курган является местом коллективного погребения (60 %). Однако следует учитывать сильный фон тригопункта и иметь в виду, что местоположения и характер данных структур могут отличаться от представленной картины.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имеют отражение в разрезе – глубина до 1 метра. В целом глубина колеблется от 0,7-1 м.

Объект № 6 (курган).

Осуществлена высотная съемка и привязка объекта. Электромагнитное зондирование проводилось по оси запад-восток, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 11 профилей и 99 пикетов на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м.

Ситуация по частотам показывает наличие некой структуры, расположенной с отклонением к северо-востоку от центра кургана и, соответственно, от середины сканированной площади, судя по всему это погребальная структура (85 %). Вероятно, имеет место оплыв наземного сооружения объекта к югу-юго-западу либо в силу наличия в наземной конструкции металла и иных искажающих структур расшифровка результатов показала отклонение от центральной оси.

По стратиграфическим профилям, отмеченная структура, расположенная в плане с отклонением, отражается во всех разрезах: от 0 профиля до северного № 7 – глубина в районе 0,7-1 м.

Объект № 7 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 7 профилей и 63 пикета на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11,

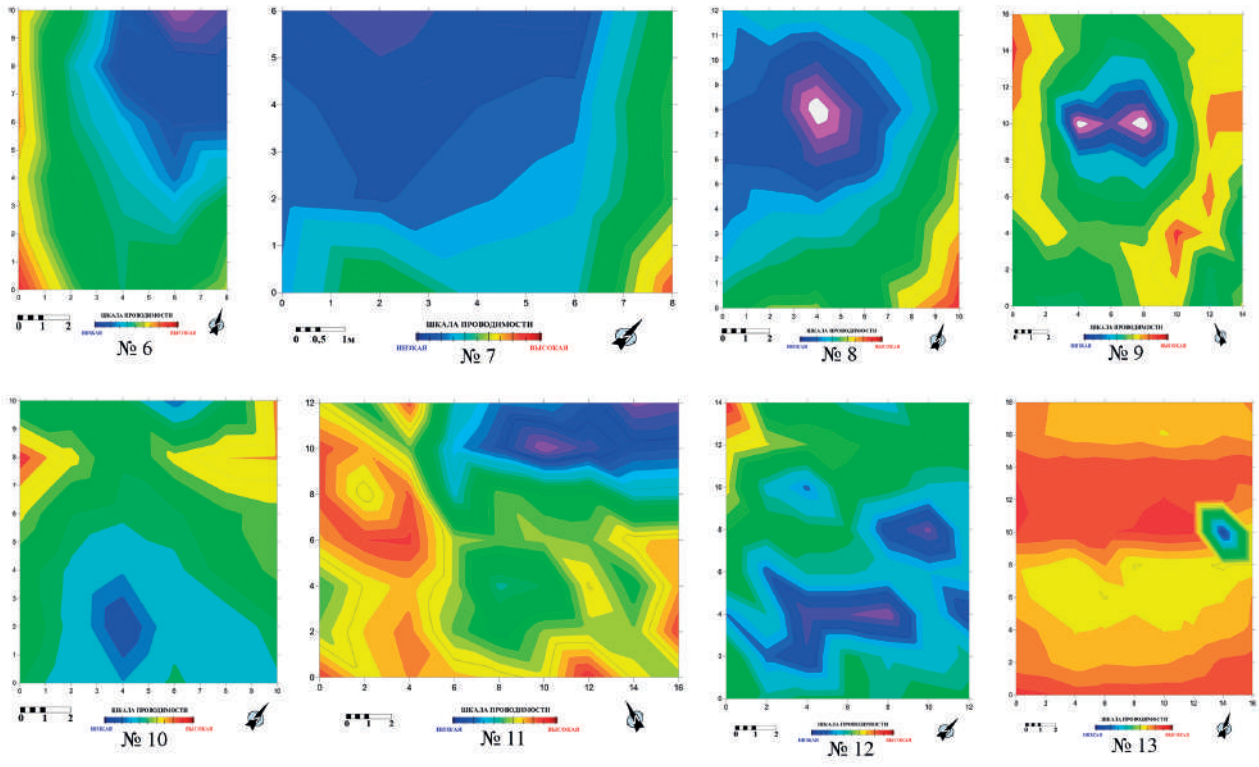

Рис. 4. Картина зондирования объектов № 6–13 на частоте 14

с общей глубиной в 2,5-2,8 м.

Ситуация по частотам. Частота 14 показывает наличие некой структуры, расположенной со смещением от центра кургана к западу и к северо-западу и, соответственно, от центра сканированной площади. Данная структура достаточно крупных размеров и отличается достаточной твёрдостью и непроводимостью, но центральная часть более пропускаема, не исключено, что погребение (50 %). Однако остальные частоты показывают вариативное расположение структуры по всей зондированной площади. По всей видимости, это указывает на оплыв наземного сооружения в противоположную сторону, т.е. к западу, также не исключено, что здесь имеет место аномальное отклонение от центральной оси в силу наличия в наземной конструкции металла и иных искажающих элементов (50 %).

По стратиграфическому профилю № 7 фиксируется, что имеется две структуры, расположенные в ряд со смещением к востоку-юго-востоку – глубина до 0,5 метра.

Другие профиля показывают наличие одной сплошной твёрдой структуры, вероятно, материк.

Объект № 8 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 13 профилей и 143 пикета на 14 частотах (рис. 4): все показывают наличие явной погребальной структуры, расположенной с определенным смещением к северо-западу (95 %). Данная подпрямоугольная структура имеет твёрдые не проводящие геоэлектроимпульс края и достаточно проводимую центральную часть, по всей видимости, рыхлость. Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане погребальная структура также имеет отражение в разрезе, но видна она не в местах расположения в плане, а ближе к центру сканированной площади – глубина колеблется в районе 0,5-0,7 м.

Объект № 9 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси СЗ-ЮВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 90 пикетов на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12, № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все показывают наличие центральной структуры. Однако, на частоте № 14 это сдвоенная структура в виде цифры «8». Данные две локальные структуры просматриваются на частотах № 14 и № 11, причём на последней из указанных частот две структуры более параллельны, а на первой расположены в ряд друг за другом, на остальных видно одинарное пятно. Вполне вероятно, что здесь имеет место грабительское вторжение, также не исключено, что отражение двойной структуры на частоте № 14 может быть резонансом некой достаточно твёрдой субстанции в насыпи объекта, а на частоте № 11 репетитивным резонансом самой верхней частоты. Можно с уверенностью говорить, что как минимум имеется одно центральное погребение (90 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имеют отражение в разрезе, однако двойной характер структуры просматривается в южной части сканированной площади, севернее показывает сплошную картину – глубина до 0,5 метра, в целом глубина варьируется в районе 0,4-0,5 м.

Объект № 10 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси С-Ю, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 11 профилей и 121 пикет на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: частота 14 показывает наличие подпрямоугольной структуры, которая расположена длинной осью по линии ВЗ с общим смещением к юго-востоку – у нижних границ площади зондирования. По всей видимости, это центральное погребение (85 %). На остальных частотах данное пятно имеет более расширенную площадь, что, скорее всего, является следствием слияния с более твёрдой материковой почвой нижних уровней.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе, однако пятно просматривается ближе к центральной части сканированной площади – глубина до 0,5 метра. В целом глубина варьируется в районе 0,4-0,5 м, в месте расположения в плане видна слабо, а севернее вовсе не фиксируется, видимо, имеет место смещение вследствие технических и иных причин.

Объект № 11 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси СЗ–ЮВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложно-

сти отработано 8 профилей и 80 пикетов на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м. На частоте 14 просматривается центральная структура, которая по характеру идентична окружающему грунту – выделяется контурами и более слабо проводимой центральной частью, к северо-востоку от центральной структуры имеется еще одна более объемная, отличающаяся малыми пропускными свойствами. На указанной частоте дополнительные структуры фиксируются и к северо-западу, и к югу – несколько большей проводимости. На остальных частотах достоверно прослеживаются центральное и северо-восточное пятно. По всей видимости, имеется центральное погребение (70 %) и боковое (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имею отражение в разрезе, однако двойной характер структуры просматривается в южной части сканированной площади, севернее показывает сплошную картину – глубина до 0,5 метра. В целом глубина варьируется в районе 0,4-0,5 м.

Объект № 12 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 8 профилей и 56 пикетов на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13, с общей глубиной до 2 м: все показывают наличие функциональных структур. Однако на частоте 14 просматриваются лишь боковые пятна, расположенные в северо-западной части зондированной площади. Центральная структура на данной частоте видна лишь контуром, другие характеристики идентичны окружающему грунту. Наиболее четкая картина фиксируется на частоте № 13: фиксируется 4 пятна – центральное, по всей видимости, погребение (85 %), имеющее нечеткие искаженные формы, возможно следствие грабительского или иного вторжения, и три структуры к северу, к северо-востоку и к северо-западу от него, по всей вероятности, впускные захоронения или коллективное погребение (50 %). Частоты № 12 и № 11 большей частью бесформенны – резонанс и слияние с материком.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имею отражение в разрезе, однако двойной характер структуры просматривается в южной части сканированной площади, севернее показывает сплошную картину – глубина до 0,5 метра. В целом глубина варьируется в районе 0,4-0,5 м.

Объект № 13 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 90 пикетов на 14 частотах (рис. 4). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5–2,8 м: частота 14 показывает наличие структуры в форме удлиненного шестиугольника, которая расположена длинной осью по линии СЗ-ЮВ в северо-восточной части подковообразного сооружения, имеет достаточно слабую проводимость в центре и среднюю на периферии, вероятно, погребение (70 %). На этой частоте более каких-либо читаемых структур не просматривается, это при относительно хороших пропускных качеств грунта. Частота № 13 также показывает указанную структуру, что примечательно вся остальная площадь практически единообразно слабой проводимости, помимо всего, можно отметить небольшое пятно к западу от описанной структуры, которое на частоте № 12 имеет среднюю проводимость. На частоте № 12 к северу и к северо-западу от описанной первой структуры просматривается два пятна, второе из которых довольно крупных размеров. На частоте № 11 видна лишь первая структура, остальная площадь – материк со слабой проводимостью.

По стратиграфическим профилям фиксируется лишь видимая в плане структура в северо-восточной части сооружения – глубина до 1 метра. В целом глубина варьируется в районе 0,8-1 м. На остальных разрезах характерных признаков подземных структур не видно, лишь небольшие колебания на уровне наземной части сооружения.

Объект № 14 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 13 профилей и 169 пикетов на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: частота № 14 показывает наличие довольно объемной структуры искаженных форм и малой проводимости на периферии – имеет продолжение к юго-востоку. К западу и к северу от указанного просматриваются ещё две структуры, которые более проводимы. На частоте № 13 отчетливо прослеживается центральная структура неправильной

треугольной формы и уже без продолжения к юго-востоку, от вышеотмеченных двух структур на данной частоте видно лишь западную. По всей вероятности, это центральное (90 %) и боковое (30 %) погребения. На частотах № 12 и № 11 центральная структура также чётко видна, но уже вместе с явными следами резонанса и слияния с материковой почвой, остальные из указанных дополнительных структур к западу и к северу уже выделяются лишь контурами.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что из прослеживаемых в плане структур в разрезе просматривается лишь центральная – глубина варьируется в районе 0,5-0,6 м. Вышеуказанные не отражаются.

Объект № 15 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 11 профилей и 121 пикет на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: частота 14 показывает наличие структуры, расположенной со смещением к западу от центра зондированной площади – достаточно объемный со слабыми пропускными свойствами участок более проводим в середине. Данное пятно соединяется в восточной части с расположенной далее к северо-западу (у границ зоны сканирования) ещё одной структурой, которая также обладает сравнительно большими пропускными качествами в центре. По абрису указанных структур на частоте № 13 становится более или менее понятно, что вторая из указанных структур это, вероятней всего, материк за границами сооружения – можно проследить левый вал «подковы» между двумя структурами, правый вал менее проводим, и сливается с отмеченной первой структурой, которая на данной частоте имеет подквадратные формы и значительно проводима – по всей видимости, это структура погребального (80 %) или иного характера. Частота № 12 показывает уже две структуры в районе первой – по всей вероятности, резонанс. Частота № 11 демонстрирует разнопроводимый материк.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе, но, что примечательно местоположение отражается в расположенных южнее профилях – глубина до 1 метра. В целом практически все разрезы показывают колебания, за исключением разрезов не-

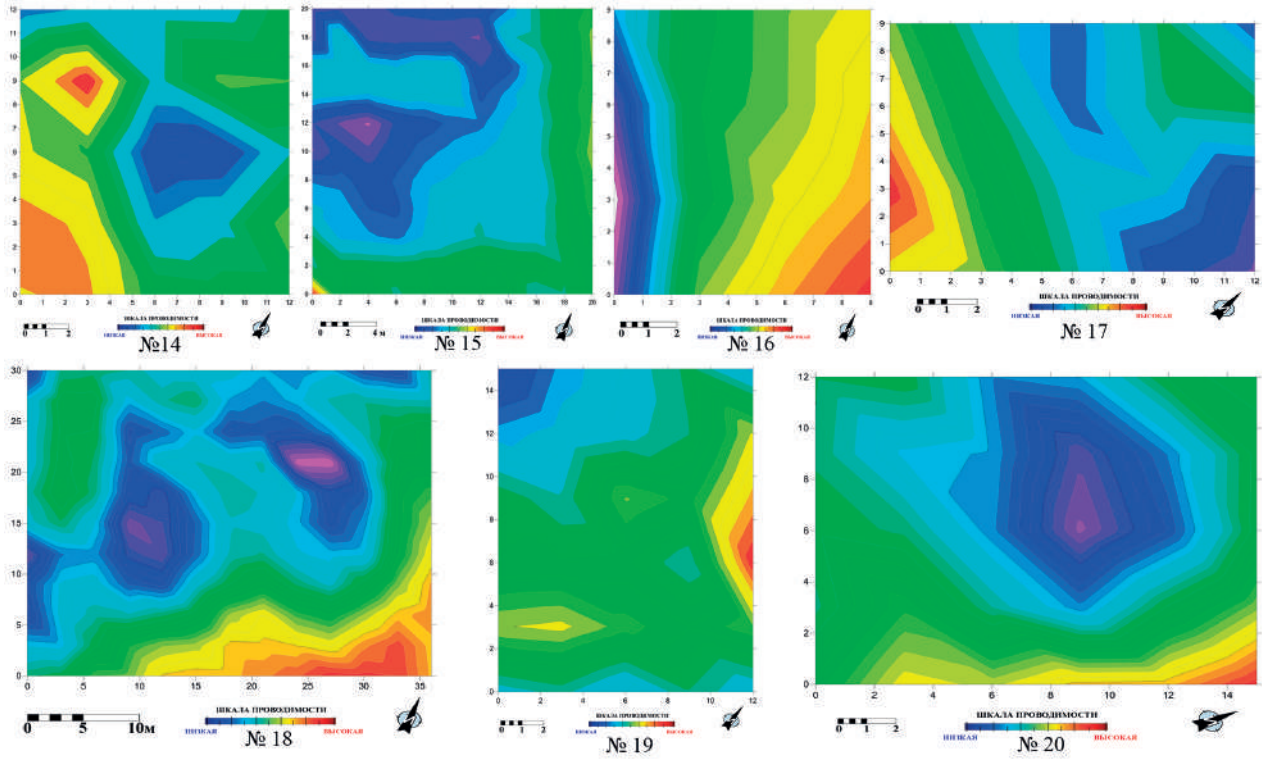

Рис. 5. Картина зондирования объекта № 14–20 на частоте 14

посредственно в районе центральной структуры.

Объект № 16 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 100 пикетов на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все показывают отсутствие каких-либо проявлений погребальных и иных структур в центральной части, лишь у западной (юго-западной) границы площади зондирования фиксируется некая твёрдая структура с относительно проводимой центральной частью. Тут либо имеет место значительный оплыв наземного сооружения (30 %), либо просматривается соседняя конструкция (50 %), а сам объект № 16 является кенотафом или сооружением жертвенно-поминального характера (40 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется только указанная периферийная структура, прослеживаемая вдоль западных границ зоны сканирования – глубина в районе 1 метра.

Объект № 17 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 130 пикетов на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все показывают наличие нескольких структур, однако они расположены со смещением от центра. На частоте № 14 фиксируются три структуры – все по краям площади зондирования. На остальных частотах та же картина с небольшой вариацией площади и форм. По всей видимости, здесь прослеживается центральное (70 %) и, возможно, боковые погребения (30 %), хотя не исключено, что это соседние погребальные структуры (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имеют отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 18 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 16 профилей и 304 пикета на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: на частотах сравнительно чётко, но с разной степенью вариаций просматриваются валы подковообразного сооружения, которые отличаются малой проводимостью. На частоте 14 во внутренней части «подковы» фиксируется подтреугольных форм участок (небольшое подобное пятно есть и к ВСВ), выделяющийся несколько большими пропускными свойствами, чем окружающий грунт, в пределах двух продольных валов имеются участки с достаточно хорошей проводимостью. В отличие от структуры во внутренней площади «подковы» участки в пределах валов прослеживаются и на частотах № 13 и № 12 – вероятней всего, это элементы погребально-поминального характера (85 %).

Стратиграфические разрезы в районе вышеуказанных структур в валах, синхронно их характеру, показывают волнообразное понижение уровня – до 1 м в глубину.

Объект № 19 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 8 профилей и 56 пикетов на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все частоты, кроме 11-ой (на ней 4), показывают наличие порядка 5-и структур, четыре их которых расположены по краям, а пятая ближе к центру. Возможно, это центральное погребение (60 %) и боковые (30 %), не исключено и то, что это локальные погребально-поминальные структуры у объекта № 19 (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры также имеют отражение в разрезе – глубина до 0,5 метра.

Объект № 20 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси Юг-Север, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 7 профилей и 56 пикетов на 14 частотах (рис. 5). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все без исключения частоты показывают наличие центральной погребальной структуры, ориентированной длинной осью по линии ВЗ (СЗ-ЮВ) – более чем очевидно, что это погребение (95 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 21 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-

СВ, Х-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 13 профилей и 169 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все указанные частоты показывают наличие центральной погребальной структуры, ориентированной длинной осью по линии СВ-ЮЗ – однозначно, что это погребение (95 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 22 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси юг-север, Х-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 8 профилей и 56 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие центральной погребальной структуры, ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ, отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине – вполне очевидно, что это погребение (95 %). Помимо этого, фиксируются ещё несколько разнопроводимых пятен по периметру центрального, вероятно, внешние структуры, но не исключено, что это впускные погребения и следы грабительского вторжения (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 23 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси запад-восток, Х-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 100 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие центральной погребальной структуры, ориентирована длинной осью по линии В-З, отличается слабой проводимостью на периферии, за исключением небольшого участка в центре, очевидно, что это погребение (95 %). Помимо этого, фиксируется искажение структуры с севера, возможно, это след вторжения (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

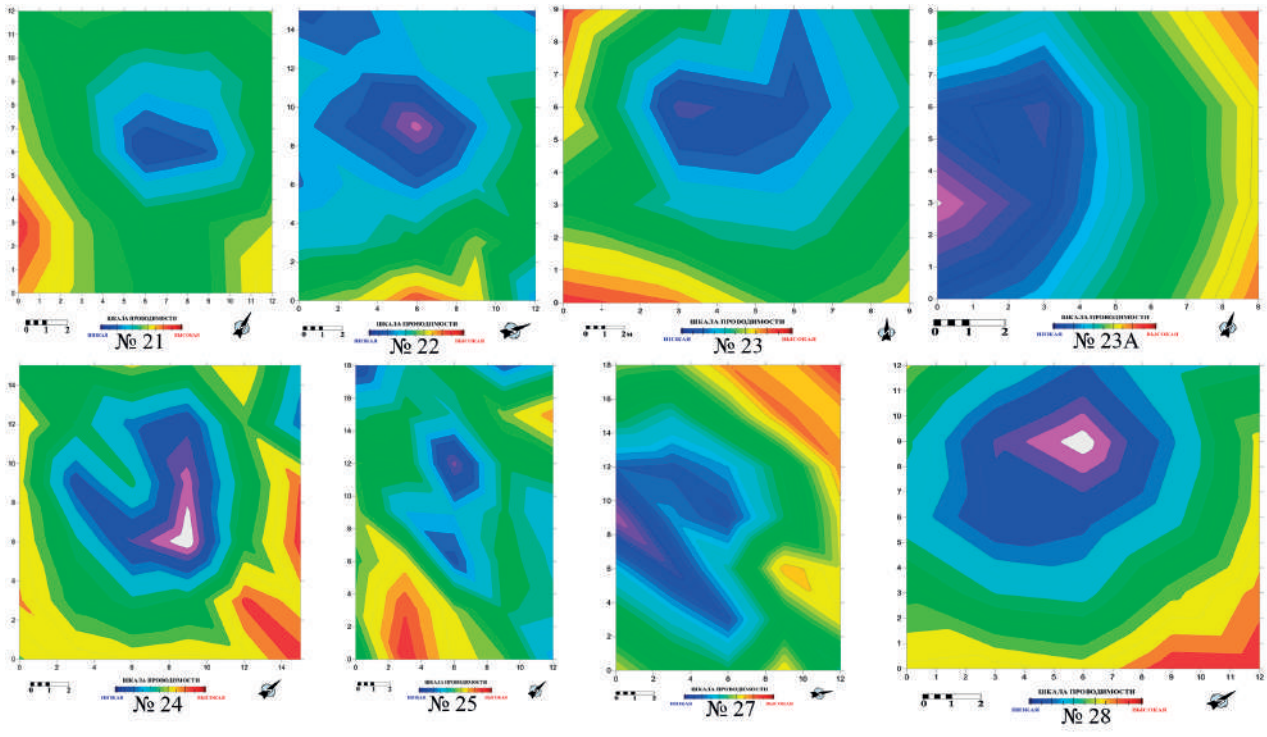

Рис. 6. Картина зондирования объекта № 21–28 на частоте 14

Объект № 23А (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ–СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 100 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все без исключения частоты показывают наличие структуры, расположенной со смещением к западу (северо-западу) от центра, ориентирована длинной осью по линии В-З (варьируется по частотам), отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине. С большой долей вероятности можно предположить, что это погребение (85 %), отклонение от центра объяснимо либо оплывом наземного сооружения, либо отклонениями в процессе зондирования вследствие помех в виде металла и т.д.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 24 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ–СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 9 профилей и 81 пикет на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие центральной структуры, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине – очевидно, что это погребение (95 %). Форма пятна искажается примыканием с юга – вполне может быть грабительским вторжением (30 %) либо же имеет место простое слияние с идентичным по свойствам материком (50%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 25 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 70 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие центральной структуры и нескольких на периферии, однако частота № 14 показывает два пятна, которые соединяются на остальных. Центральная структура ориентирована длинной осью по линии В-З (варьируется по частотам), отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине – очевидно, что это погребение (95 %), раздвоение на верхней частоте может говорить о грабительском или ином вторжении (30 %), хотя и не исключается и наличие двух могильных ям (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 27 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси юг-север, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 70 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: частоты показывают наличие центральной структуры, которая на частотах № 14 и № 13 двойная – на верхней частоте показана раздельно, на второй слитна, но чётко прослеживаются два раздельных пятна, отличающиеся хорошей проводимостью – расположена структура со смещением к западу (юго-западу) от центра, ориентирована длинной осью по линии ЮВ-СЗ (варьируется по частотам), отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине – с большой долей вероятности можно предположить, что это погребение или погребения (85 %). На частоте № 12 различается лишь одна структура. К северо-востоку от описанной структуры просматривается ещё одна – средней и хорошей проводимости. Возможно, что – это боковое захоронение (30 %).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра, причем она монолитна, но далее от нее фиксируется небольшое колебание уровня.

Объект № 28 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ–СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 13 профилей и 169 пикетов на 14 частотах (рис. 6). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8–2,1 м: все частоты показывают наличие погребальной структуры, расположенной со смещением к западу (северо-западу) от центра, отличается слабой проводимостью на периферии и хоро-

шей в середине – очевидно, что это погребение (95%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 29 (гантелевидное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ–СВ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 6 профилей и 54 пикета на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие структуры, расположенной со смещением от основной линии гантели к низу – к юго-востоку, ориентирована длинной осью по линии В-З (есть небольшая вариация по частотам), отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине, особенно на частоте № 13 – с большой долей вероятности можно предположить, что это погребение (85%), отклонение от центра объяснимо либо оплывом наземного сооружения, либо отклонениями в процессе зондирования вследствие помех в виде металла и т.п.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объекты № 30 и № 31 (курганы).

Два объекта, наземные конструкции которых примыкают к друг другу.

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси юг-север, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 9 профилей и 117 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8–2,1 м: все частоты показывают наличие структур в обеих курганах. На частоте № 14 их три – два по курганам, причем структура в пределах объекта № 31 показана со смещением к западу, третье крупное пятно примыкает с восточной, юго-восточной стороны. Однако, на остальных частотах третья структура не фиксируется. Вероятно, это некая надземная субстанция. Структуры курганов ориентированы длинной осью по линии В–З, отличаются слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине – с большой долей вероятности можно предположить, что это погребения (95%), смещение от центра объяснимо либо оплывом наземного сооружения, либо отклонениями в процессе зондирования вследствие помех.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры обеих курганов также имеют отражение в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 33 (цепочка курганов).

Цепочка курганов из 6 объектов.

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта (рис. 39), проводилось по

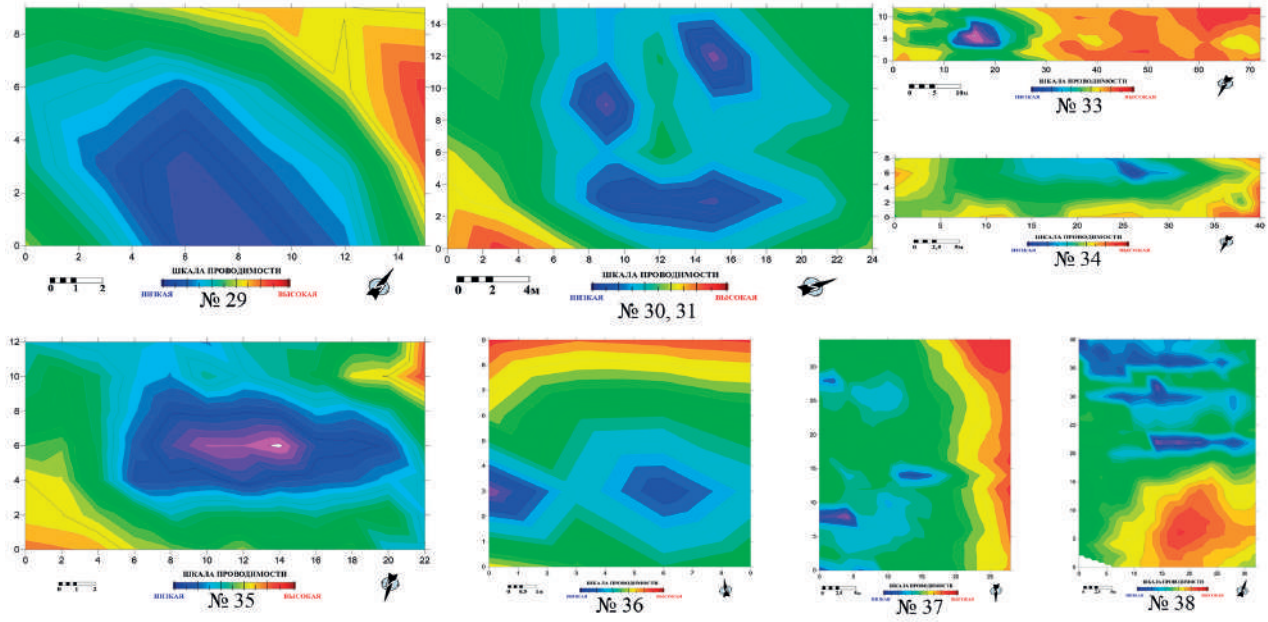

Рис. 7. Картина зондирования объекта № 29–38 на частоте 14

оси север-юг, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 6 профилей и 210 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5–2,8 м: на всех частотах четко просматриваются лишь от 2 до 5 объектов – первый и третьи объекты слабо фиксируются либо вовсе не видны на отдельных частотах, однако в центральном разрезе все шесть объектов отражаются, все без исключения частоты показывают наличие второго объекта, которые отличается твердостью на периферии и относительной проводимостью в центре. По всей вероятности, указанные слабо прослеживаемые объекты скрыты наплывшими наземными сооружениями соседних курганов либо имеют идентичную окружающему грунту проводимость. Все описанные структуры, с большой долей вероятности являются погребениями (95%).

Объект № 34 (гантелевидное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси СВ–ЮЗ, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 5 профилей и 105 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все частоты показывают контуры гантелевидного сооружения и некую структуру в юго-западной части внутреннего пространства «гантели». Ориентация по оси ВЗ. Четко видно данную структуру на частотах № 14 и № 13, на частоте № 12 она сливается с окружающей материковой почвой, а на частоте № 11 выражена чрезмерно – видимо, репететивное резонансное отражение. По всей видимости, структура имеет подземный характер – возможно погребение (80%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение и в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 35 (малое гантелевидное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси восток-запад, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 7 профилей и 84 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5–2,8 м: все частоты показывают контуры гантелевидного сооружения и структуру в центральной части внутреннего пространства «гантели». Ориентация по оси ВЗ (с незначительным отклонением по линии СВ-ЮЗ), периферия твердая, центр более проводим. Четко видно данную структуру на частотах № 14, № 13 и № 12, на частоте № 11 она сливается с окружающей материковой почвой и, очевидно, репететивное резонансное отражение. По всей видимости, структура имеет подземный характер – скорее всего, погребение (90%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также имеет отражение и в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 36 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси запад-восток, расстояние между пикетами 2 м, расстояние между профилями также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 100 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5–2,8 м: все частоты показывают контуры некой структуры, которая на частоте № 14 расположена ближе к центру зондированной площади – проводимость малая, расположена по оси СЗ–ЮВ, к западу от нее просматривается еще одна, но на остальных частотах центральная структура смещена к востоку и выходит за пределы зоны сканирования, вторая видна лишь на частоте № 13. Не исключено, что эта структура погребального характера (80%), смещение от центра объяснимо либо оплывом наземного сооружения, либо отклонениями в процессе зондирования вследствие помех.

По стратиграфическим разрезам указанная структура прослеживается слабо – вся площадь практически однородна.

Объект № 37 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси восток-запад, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 8 профилей и 56 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: адекватную и читаемую картину показала лишь частота № 14 – достаточно четко просматриваются западные границы сооружения, фиксируются шесть структур, разбросанных по всей площади сканирования, с определенным смещением к востоку и к северо-востоку, в центре по оси ВЗ располагается удлиненная структура, к северо-востоку от нее находятся три пятна (крайнее выходит за границы площади сканирования), причем первое в непосредственной близости к центральному. К юго-востоку расположены две структуры. Все остальные частоты имеют значительное слияние с материком и по отдельным

проводимым участкам фиксируется от трех до четырех структур. По всей видимости, имеется центральная погребальная структура (80%) и несколько периферийных, которые, вероятней всего, сконцентрированы под восточным и северным валами сооружения (40%), также не исключено, что боковые структуры могут быть отражением свойств самих валов (30%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры в той или иной степени также имеют отражение и в разрезе – глубина до 1 метра, однако следует отметить определенное отклонение в местоположениях.

Объект № 38 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси запад-восток, расстояние между пикетами 2 м, расстояние между профилями также 2 м. В общей сложности отработан 21 профиль и 336 пикетов на 14 частотах (рис. 7). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все представленные частоты показывают наличие структур, расположенных по большей части со смещением – к югу и к северу от середины зондированной площади, большинство отличаются слабой проводимостью на периферии и удовлетворительной в середине, южная самая объемная структура в целом хорошо проводима. Частота № 14: практически по центру расположена структура, ориентированная длинной осью по линии В-З (СВ-ЮЗ) – имеет двойной характер, как бы соединяется перемычкой, к юго-востоку от нее объемных неправильных подовальных форм пятно, длинной осью ориентированная по оси СЮ, проводимость хорошая. К северо-западу от центральной структуры несколько объектов, расположенных как в комплексе, так и раздельно. Частота № 13: здесь отмеченной центральной структуры не просматривается, лишь южная объемная структура и 3-5 структур на севере (3 явных и 2 не очевидных). Частота № 12 показывает наличие только южной структуры, вся остальная площадь сливается с материком. Частота № 11: видно южную, центральную и 5 северных, также несколько структур к юго-западу от центральной. С большой долей вероятности можно предположить, что имеется несколько структур, возможно, имеющие погребальный характер, расположены они в центре и в районах северного и южного участков наземного сооружения «подковы» (85%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры в той или иной степени также имеют отражение и в разрезе – глубина до 1 метра, причем 0-й профиль показывает резкое по-

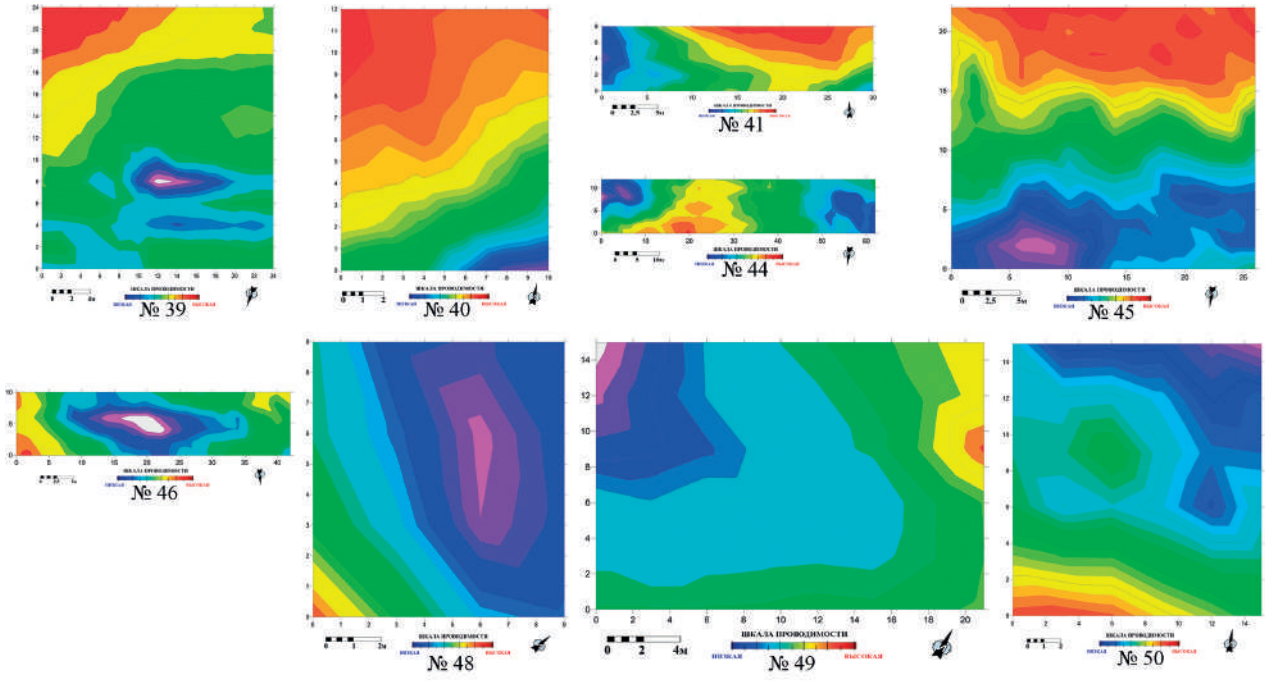

Рис. 8. Картина зондирования объекта № 39-50 на частоте 14

нижение уровня по всей площади. Следует отметить, что северные структуры слабо отражаются в разрезах.

Объект № 39 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси восток–запад, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 13 профилей и 169 пикетов на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все представленные частоты показывают наличие центральной структуры – расположена по оси ВЗ, отличается твердостью по краям и хорошей проводимостью в центре – с большой долей вероятности погребение (90%), на частотах № 14 и № 13 по периметру читается еще несколько пятен, одна в непосредственной близости – вполне вероятно, что это боковое погребение (40%). На частотах № 12 и № 11 просматривается только центральная структура и несколько маловыразительных пятен.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане центральные структуры также имеют четкое отражение и в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 40 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси запад–восток, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 13 профилей и 143 пикета на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8–2,1 м: все без исключения частоты показывают отсутствие центральных структур, единственное – в юго-восточном углу зондированной площади просматривается край довольно объемной структуры с твердыми краями и с хорошо проводящим центром. Возможно, это часть соседнего объекта, хотя не исключено, что имеет место значительный оплыв наземных сооружений целевого объекта или отклонение в ходе сканирования в силу помех – металл и т.п. (60%). В пользу последних версий говорит то, что по центральному стратиграфическому разрезу просматривается некая структура глубиной в районе 1 м.

Следует отметить, что по разрезам 0 и 1 видно указанную структуру и в районе расположения в плане.

Объект № 41 (гантелевидное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси запад-восток, расстояние между пикетами 2 м, расстояние между профилями также 2 м. В общей сложности отработано 5 профилей и 80 пикетов на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: по частотам четких контуров сооружения не фиксируется, каких-либо структур в центральной части не просматривается, несколько структур имеется по краям зондированной площади – на севере участок с хорошей проводимостью, возможно, часть наземной конструкции объекта (40%), на восточной стороне небольшой участок у угла сканированной площади, в западной части расположено две структуры – первая достаточно объемная непосредственно у края зоны сканирования, отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине, вторая имеет среднюю проводимость и расположена востоку от первой на частоте № 14, на остальных обе структуры сливаются. Не исключено, что эти две структуры могут быть погребениями (30%), но также возможно, что это единая структура, отличающаяся на некоторых частотах проводимостью (30%). Это либо периферийная структура погребально-поминального характера (70%), либо имеет место смещение от центра вследствие оплыва наземного сооружения, либо отклонений в процессе зондирования по причине помех (20%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане вышеуказанные структуры в западной части площади зондирования также имеют отражение в разрезе – глубина до 1 метра, также видно восточную, южная не просматривается.

Объект № 44 (гантелевидное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси восток-запад, расстояние между пикетами 2 м, расстояние между профилями также 2 м. В общей сложности отработано 6 профилей и 132 пикета на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: все частоты показывают наличие неких структур. На частоте № 14 просматривается центральная структура с хорошей проводимостью, к северу от нее видна более объемная, которая выходит за пределы площади зондирования, к востоку от последней также фиксируется край еще одного пятна. На восточной оконечности «гантели» прослеживаются две структуры с твердыми краями и с хорошей проводимостью в центре, расположены со смещением к юго-востоку. В западной части находится достаточно объемная структура, на данной частоте малой проводимости. На остальных частотах все структуры, кроме центральной, которая не отображается вовсе либо

слабо выражена, дублируются с определенными вариациями в размерах, в форме и в ориентации. По всей видимости, это погребения (70%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемые в плане структуры, за исключением центральной, имеют отражение и в разрезе – глубина до 1 метра.

Объект № 45 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси восток–запад, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 12 профилей и 168 пикетов на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают, что центральная часть сооружения не имеет каких-либо структур. Достаточно четко видны валы «подковы» – южный с хорошей проводимостью, северный обладает слабой пропускной способностью и в восточной части данного участка прослеживается структура, отличающаяся хорошей проводимостью в центре, ориентирована по оси ВЗ, вполне может быть погребением (80%). Отдельные контуры разной проводимости просматриваются и на других участках валов, пропускная способность идентична окружающему грунту либо отличается незначительно.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура в восточной части северного вала также отражается и в разрезе, центральный профиль также показывает колебания в разрезе – глубина до 1 метра. Не исключено, что имеются отдельные структуры по свойствам идентичные окружающему грунту.

Объект № 46 (гантелевидное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси восток-запад, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 6 профилей и 132 пикета на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие центральной структуры, ориентирована длинной осью по линии В-З, отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине (за исключением частоты № 13). С большой долей вероятности можно предположить, что это погребение (90%).

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также хорошо отражается и в разрезе.

Объект № 48 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси ЮЗ-СВ, расстояние между пикетами 2 м, расстояние между профилями также 2 м. В общей сложности отработано 10 профилей и 100 пикетов на 14 частотах (рис. 8). Компетентные частоты – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все частоты показывают наличие центральной структуры, расположенной с небольшим смещением к северу от центра, ориентирована длинной осью по линии ВЗ (СЗ–ЮВ), отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине – с большой долей вероятности можно предположить, что это погребение (90%), отклонение от центра объяснимо либо оплывом наземного сооружения, либо отклонениями в процессе зондирования вследствие помех в виде металла и т.д.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также хорошо отражается и в разрезе.

Объект № 49 (курган).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси север–юг, X-шаг 2 м, Y-шаг также 2 м. В общей сложности отработано 9 профилей и 108 пикетов на 14 частотах (рис. 8).

С учетом схожести картин зондирования по частотам компетентными признаны результаты сканирования на 3-х – № 14, № 13 и № 12, с общей глубиной в 1,8-2,1 м: все данные частоты показывают наличие определенной структуры, расположенной со значительным смещением к западу-северо-западу от центра – выходит за пределы площади зондирования, отличается слабой проводимостью на периферии и хорошей в середине –можно предположить, что это погребение (80%), отклонение от центра объяснимо либо оплывом наземного сооружения, либо отклонениями в процессе зондирования вследствие помех. Некая более проводимая структура фиксируется к северо-востоку от центра на частотах № 14 и № 13.

По стратиграфическим профилям фиксируется, что прослеживаемая в плане структура также хорошо отражается в разрезе и в том же месте.

Объект № 50 (подковообразное сооружение).

Электромагнитное зондирование, после высотной съемки и привязки объекта, проводилось по оси запад-восток, расстояние между пикетами 2 м, расстояние между профилями также 2 м. В общей сложности отработано 9 профилей и 81 пикет на 14 частотах (рис.

8). Компетентные частоты – № 14, № 13, № 12 и № 11, с общей глубиной в 2,5-2,8 м: на всех частотах видны границы продольных валов сооружения – северная слабо проводима, южная средне. Частота № 14 показывает наличие двух структур в центральной части, расположены в ряд, восточная отличается слабой проводимостью, западная обладает средними пропускными качествами. На всех других частотах просматривается лишь западная структура, имея определенные вариации в форме, размерах и ориентации. Со средней долей вероятности можно предположить, что это погребение (50%).

По всем стратиграфическим профилям прослеживаемые в плане структуры не фиксируются.

Помимо всех вышеописанных памятников, на восточной (северо-восточной) оконечности могильника прозондировано 9 малых объектов в районе кургана № 48 и подковообразного сооружения № 50 – № 48A, 48B, 48C, 48D, 50A, 50B, 50C, 50D, 50E. Все данные объекты показали отсутствие каких-либо погребальных и иных структур [Отчет. 2022: 167–175, 183–192]. По всей вероятности, это природные образования техногенного или, не исключено, антропогенного либо зоогенного характеров.

Таким образом, при помощи аппаратно-программного комплекса АЭМП-14 были получены детальные карты в плане и профильные геоэлектрические разрезы, построенные с учетом рельефа земной поверхности.

В ходе работ в пределах памятника Аккисык в общей сложности произведено глубинное зондирование шестидесяти объектов, из них:

- гантелевидные сооружения – 7 объектов;
- подковообразные сооружения – 9 объектов;
- погребально-поминальные сооружения курганного типа – 44 объекта.

В рамках описанных геофизико-археологических исследований осуществлены следующие задачи:

- проведено отдельное электромагнитное зондирование каждого объекта согласно его размерам, с обязательным охватом всей площади и прилегающей территории памятника, с предоставлением результатов также отдельно по каждому объекту в виде карт и разрезов с позиционной глубиной от 1 до 7 м минимум;
- тахеометрическая привязка по абсолютным или локальным координатам к данным электромагнитной и высотной съемки с БПЛА каждого объекта – синкретизация методов фотограмметрии, геодезии и электромагнитного профилирования;
- предоставление археологической интерпретации зафиксированной ситуации по каждому объекту, с конкретизацией той или иной структуры – погребение и т.п. с указанием процентной вероятности точности обозначения.

Результаты глубинного зондирования достаточно ясно показали, что основное число объектов содержат структуры погребального характера.

По итогам геоэлектромагнитных изысканий можно констатировать, что площадь памятника имеют достаточную проводимость, что положительно отразилось на получение результатов – удалось локализовать значимое количество специфических структур. Получены новые данные о расположении и структуре возможных археологических объектов.

Комплекс геоэлектромагнитных данных дал блок важной информации, позволяющий локализовать подземные объекты и составить представление о фронте предстоящих работ.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Балков Е.В., Манштейн А.К. Трехкатушечный зонд в ннндукционном зондировании. Геофизический вестник, 2001, № 12, С. 17–20.

Балков Е.В., Манштейн А.К., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Эпов М.И. Опыт применения электромагнитного частотного зондирования для решения археолого-геофизических задач // Геофизика, 2006, № I. С.43–50.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М., Сагындыкова С.Т. Полевые исследования в Жарминском районе Восточно-Казахстанской области (результаты электромагнитного профилирования) // Материалы международной научно-практической конференции «Естественнонаучные методы в современных археологических исследованиях: теория и практика». Алматы, 2020. С. 49–56.

Отчет по результатам проведения геофизических работ (производство комплекса междисциплинарной съемки историко-культурных (археологических) объектов могильника Аккисык в Актюбинской области // Архив ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей», 2022. 196 л.

М.Б. КОЖА

Мухтар Бакадырулы Кожа,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
Международный казахско-турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави,
Туркестан, Казахстан; mukhtar_kozha@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ В НЕКРОПОЛЕ КОК-МАРДАН (ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ А)

Аннотация. Статья посвящена раскопкам объекта А некрополя городища Кок-Мардан – одного из значимых памятников периода государства Кангюй. В ней изложены результаты стратиграфических наблюдений и материалы, полученные при исследованиях 12 погребений. Погребальное сооружение датируется III–V вв. Использованы некоторые выводы антропологического изучения скелетов с половозрастными определениями, предоставленные антропологами.

Ключевые слова: археология, Кангюй, некрополь городища Кок-Мардан, III–V вв.

Мұхтар Бақадырұлы Қожа,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан
Қожа Ахмет Ясауи ат. халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан, Қазақстан

КӨКМАРДАН ҚОРЫМЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР (А ЖЕРЛЕУ ҚҰРЫЛЫМЫНЫҢ КӨЛДЕНЕҢ СТРАТИГРАФИЯСЫ)

Аннотация. Мақала Қаңлы мемлекеті кезеңінің маңызды ескерткіштерінің бірі Көкмардан қаласы қорымының А нысанындағы қазба жұмыстарына арналған. Онда стратиграфиялық бақылаулардың нәтижелері мен 12 жерлеу орнын зерттеу барысында алынған материалдар берілген. Жерлеу құрылымы III–V ғғ. мерзімделеді. Антропологтар берген жыныс және жас анықтамалары бар қаңқаларды антропологиялық зерттеудің кейбір қорытындылары пайдаланылған.

Түйін сөздер: археология, Қаңлы, Көк-Мардан қаласы қорымы, III–V ғғ.

Mukhtar Kozha,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan
International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi,
Turkestan, Kazakhstan

RESEARCH IN THE NECROPOLIS OF KOK-MARDAN (HORIZONTAL STRATIGRAPHY OF BURIAL STRUCTURE A)

Abstract. The article is devoted to the excavation of object A of the necropolis of the Kok-Mardan settlement – one of the most significant monuments of the Kangju state period. It presents the results of stratigraphic observations and materials obtained during the research of 12 burials. The burial structure dates from the 3rd–5th centuries. Some conclusions of the anthropological study of skeletons with gender and age definitions provided by anthropologists are used.

Keywords: archaeology, Kangju, necropolis of Kok-Mardan settlement, 3rd–5th centuries

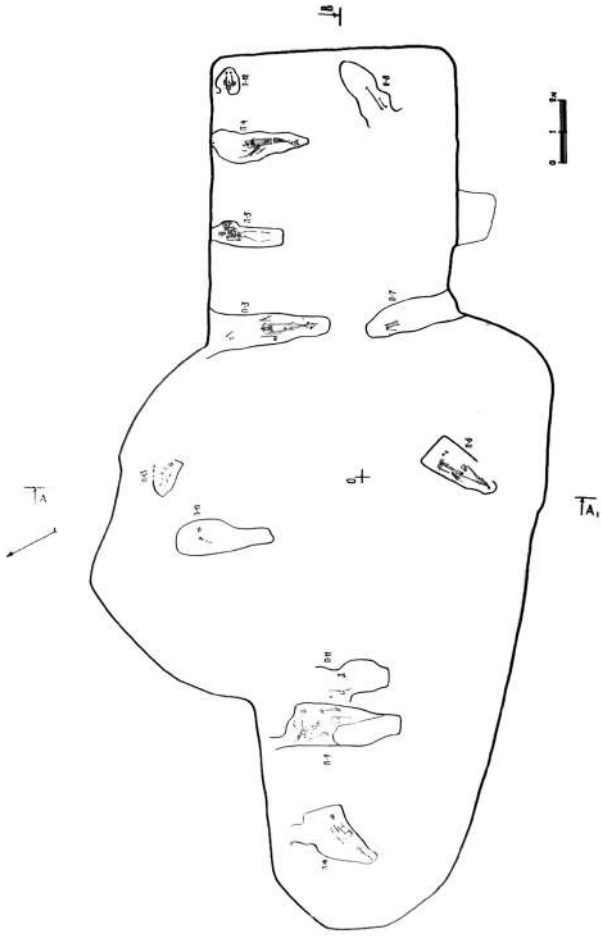

Рис. 1. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. План

Некрополь Кок-Мардан был открыт 1977 г. археологическим отрядом ЮККАЭ под руководством Б.Н. Нурмуханбетова и раскапывался в течение трёх сезонов [Нурмуханбетов 1978: 517; Нурмуханбетов и др. 1979: 539–540; Нурмуханбетов 1980: 438–439]. В 1989-1990 гг. под руководством автора были осуществлены охранные раскопки двух объектов (А, Б), которые располагались на трассе большого арыка и ежегодно подвергались разрушениям при очистке ирригационной сети. До раскопок объект А (географические координаты: N 42° 45′ 151′′, E 068° 19′ 259′′) представлял овальное в плане сооружение высотой 2,65 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток, длиной 32 м. Ширина от северо-восточного края до подрезанного арыком части 15 м.

Стратиграфические зачистки и разрезы, произведенные в ходе раскопок, показали, что объект А состоит из центральной части и двух пристроек, возведённых и использованных для погребений в определенной хронологической последовательности (рис. 1, 2). В различных частях сооружения выявлено 12 захоронений. Горизонтальная стратиграфия позволяет выделить три периода функционирования объекта А как погребального сооружения.

I период. Строится центральная часть, имеющая форму усечённого конуса диаметром 11,2 м в основании и высотой 2,60 м. Внешний фас стен имеет крутизну 70-80°. Горизонтальные зачистки (рис. 3) и стратиграфические разрезы показали, что усечённый конус неоднороден и сложен из двух видов пахсы. В основе конструкции находится возведённая из пахсовых блоков усечённая пирамида. Основание пирамиды представляет квадрат со сторонами: длина северо-восточной – 6,85 м, юго-восточной – 6,85 м, юго-западной – 6,85 м, северо-западной – 6,9 м. Нынешняя высота пирамиды – 2,60 м и состоит она из 4 рядов пахсы. Верхний ряд пахсовых блоков сохранился частично. Впритык к пирамиде была возведена новая облегающая как панцирь стена, придавшая конструкции вид усечённого конуса. Облегающая стена сложена из лен-

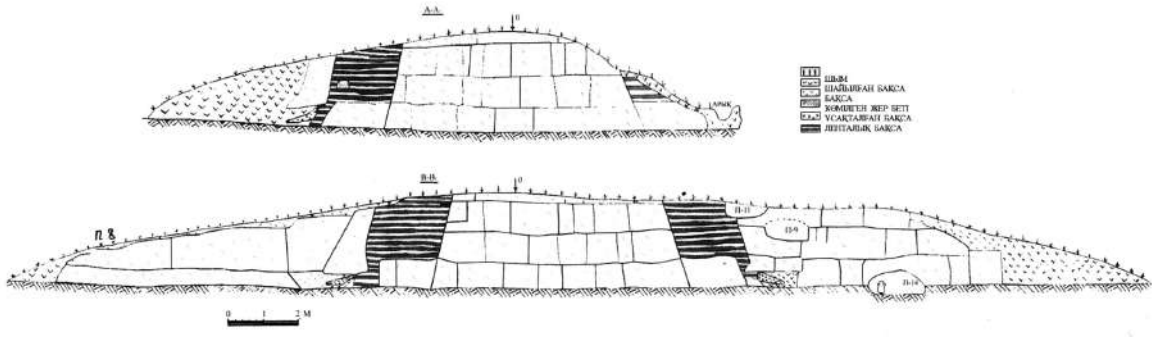

Рис. 2. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Разрезы.

Рис. 3. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Центральная часть. Различия в структуре пахсы

точной пахсы. Чётко различаются 33 слоя ленточной пахсы, толщина одного слоя колеблется от 5 см до 8 см. Слои отличаются по цвету. Слой с тёмным оттенком более твёрдый, чем слой светлого оттенка, который после расчистки приобретает вид высохшего такыра. В структуре этого слоя встречаются, хотя и редко мелкие фрагменты керамики и ракушки. Видимо, для раствора этого слоя использовался грунт, находившийся долгое время под водой. Возможно это ил, накопившийся на дне рва городища. Другой слой имеет цвет сырцового кирпича, скорее всего для него использовалась глина, из которого отливались кирпичи.

В центральной части сооружения выявлены погребения 6, 10, 13 (рис. 1).

Погребение 6. Погребальная камера расположена в южном секторе усечённого конуса. Пол камеры находится на уровне – 0,9-0,95 м от точки 0. Её конструкция отличается от вышеотмеченных камер. К погребальной камере с юга прилегал проём, остатки которого четко прослеживаются. Камера в плане трапециевидной формы с закруглёнными углами. Длина – 2 м, ширина основания трапеции – 0,95 м, ширина противолежащей стороны – 0,3 м. Костяк сохранился не полностью. Погребённый был уложен, вытянуто на спине и головой на восток. Ноги прямо вытянуты и соединены в коленных суставах. Причем часть большой правой берцовой кости и кости стопы зафиксированы над соответствующими костями левой ноги. Рядом с тазовой костью выявлена бесщитковая железная пряжка диаметром 3,5 см с подвижным язычком и остатки ножа длиной 8 см, шириной 2 см.

Погребение 10 располагается в северном секторе усеченного конуса близко к современной поверхности памятника. Уровень пола камеры – 0,70 м от точки 0. Длина камеры – 2,3 м, ширина – 1 м. В камере расчищены перемещённые с первоначального положения кости: ребра, лопатки, крестец. В камере обнаружен следующий инвентарь: фрагмент бронзового колечка диаметром 12 мм, бусина из хрусталя диаметром 10 мм, длиной 12 мм, янтарная бусина диаметром 13 мм, длиной 7 мм, стеклянная бусина диаметром 8 мм, длиной 9 мм, две сердоликовые и три мелких стеклянных бусин. Всего в погребении 10 найдено 8 бусин.

Погребение 13 располагалось в восточном секторе центрального усечённого конуса. Пол камеры находится на уровне – 1,55 м от точки 0. Длина камеры – 1,1 м, ширина – 50 см. Погребение детское, судя по зубам 5-6 лет. Погребённый был положен на спину го-

ловой на юго-восток, руки вытянуты вдоль тела (рис. 4). В районе тазовой кости найдена округлая железная пряжка диаметром 3 см с подвижным язычком. Вблизи пряжки расчищен железный ножик длиной 5 см, шириной 1,5 см. Справа от скелета была положена кружка баночной формы диаметром 4,5 см, высотой 5,5 см.

Судя по тому, что в нижней части облегающей стены до 20-30 см от основания прослеживаются следы разрушения пахсы глубиной до 25 см в глубь от внешней поверхности и натечные слои. Можно предполагать, что в таком виде погребальный памятник простоял некоторое время. Возможно, следы разрушений в нижних частях сооружения связано со следами разлива вод рек Арысь или Сырдарья. О наводнениях в Отрарском оазисе писал ещё Масуди: «во время половодий река заливала пространства шириной более 30 фарсахов, и тогда деревни и поместья, расположенные на вершинах холмов, сообщались при помощи лодок». Большие паводки были в 1944 г., 1947 г., 1969 г. [Акишев и др. 1972: 9–10].

II период. К центральной части сооружения, с северо-запада пристраивается северо-западная платформа, длиной у основания 6,5 м, шириной на месте соединения с центральной частью сооружения 6,5 м (рис. 5). Северо-западный конец пристройки сужается и принимает килевидную форму. Высота пристройки также убывает к северо-западному концу от 2,2 м до 1 м. Платформа возведена из трёх рядов пахсы. Для связки пристройки с центральным сооружением в 0,4 м от уровня дневной поверхности подрубались углубления глубиной в 30-40 см в стене укрепительной стены, куда заливалась комковая пахса. Стены пристройки выше углубления вплотную прилегают к центральной части сооружения. Небольшое пространство между основаниями центрального сооружения и пристройки заполнены не утрамбованным грунтом и разрушенными в ходе углубления пахсовой крошкой.

На территории северо-западной платформы выявлены погребения 9, 11, 14. *Погребение 9* располагается внутри северо-западной платформы. Погребальная камера с закруглёнными углами и входным проёмом. Длина камеры – 2,8 м, ширина – 1,3 м. Пол камеры ступенчатый. Западная часть выше северо-восточной на 8-10 см. Уровень нижнего пола камеры находится на отметке -1,5 м от точки 0. Входной проём в камеру располагался в северном углу камеры. Её ширина – 25 см. Судя по абрису юго-восточной стенки, высота камеры достигала 40-50 см. Большая часть костяка оказалась перемешенной. В первоначальном положении сохранились тазовые кости и левая бедренная кость и кости левой руки. Судя по сохранившимся в первоначальном положении костям, погребённая была положена на спину в вытянутом положении. Возраст погребенной 55-60 лет. В северо-восточной части камеры найдено бронзовое зеркало диаметром 14,5 см (рис. 6, 3). В западной части на полу камеры выявлен амулет – бронзовая фигурка в виде стоящего оленя, размером 23 мм х 23 мм (рис. 6, 2). В передней части туловища оленя имеется сквозное отверстие для подвешивания. Среди находок бронзовый кулон длиной 30 мм, диаметром 20 мм с отверстием. В 10 см к северу от края тазовой кости выявлены агатовая бусина диаметром 15 мм, длиной 12 мм. Вторая агатовая бусина найдена на месте скопления перемешенных костей вблизи черепа. Её диаметр – 15 мм, длина – 11 мм. Под перемешен-

Рис. 4. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Центральная часть. Погребение 13

Рис. 5. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Стыковка центральной части сооружения с северо-западной платформой

ными костями найдены нефритовая бусина диаметром 16 мм, длиной 10 мм, сердоликовая, стеклянная и другие более мелкие бусины. Всего в камере найдено 10 бусин.

Погребение 11 располагалось на стыке облегающей центральную часть стены и северо-западной пристройки. Пол камеры на уровне -0,8 м от точки 0. Погребение находилось очень близко к современной оплывшей поверхности памятника. Поэтому сохранилась нижняя часть камеры и часть костяка. В первоначальном положении сохранились плечевая и локтевая кости правой руки и локтевая с лучевой кости левой руки. Рядом с костями правой руки зафиксированы два слоя костяных накладок (рис. 7). В верхней части две отдельные детали. Одна почти целая накладка – пластинка в виде прямоугольной узкой планки с прямым срезом концов длиной 8 см, шириной 8 мм, толщиной 5 мм. На обоих противоположных концах ближе к краям имеются сквозные отверстия диаметром 3 мм. Накладка в нижней части плоская, лицевая часть вогнутая. Нижняя костяная накладка проклеивалась с внутренней стороны лука. Находящаяся рядом пластинка сохранилась фрагментарно. Скорее всего, это боковая накладка на рукоять. Ниже выявлена вторая боковая костяная накладка. Основание длинной стороны на-

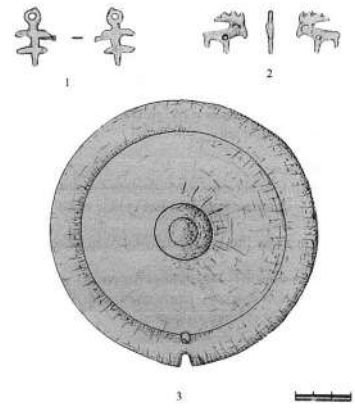

Рис. 6. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Северо-западная платформа. Погребение 11. Костяные накладки на лук

кладки имела длину в 17 см. Безусловно, перед нами костяная накладка на рукоять, имевшая трапециевидную форму. В 15 см от нижнего края трапециевидной накладки вблизи локтевой кости было обнаружено шесть железных наконечников стрел.

Погребение 14 располагалось под северо-западной платформой, под пахсовыми блоками. Пол камеры находится на уровне -3 м от точки 0. В камеру ведёт входной коридор длиной 0,4 м, который у входа имеет ширину – 0,45 м, расширяясь до 0,65 м. Камера представляет пятиугольник в плане с закруглёнными углами. Длина северной стенки вместе с проёмом – 1,35 м, восточной – 0,95 м, южной – 1,9 м, западной – 0,4 м, северо-западной – 1 м. Потолок камеры углублен в пахсовый монолит в виде свода. Высота камеры от 0,35 м у стенки камеры доходит к центру камеры до 0,6 м. Погребённый лежит, вытянуто на спине головой на восток, лицо несколько повернуто на юг накладок (рис. 8). Руки вытянуты вдоль тела. Часть большой правой берцовой кости и кости стопы лежат над соответствующими костями левой ноги. В левой части тазовой кости находиться железный нож длиной 21,6 см, шириной 2,5 см. На крестце найдено обработанное костяное (кость животного) изделие длиной 8 см, диаметром 7-8 мм, в виде полой палочки – игольник. В правой части тазовой кости найдена овальная пряжка с подвижным язычком длиной 3,5 см, шириной 2,5 см. На полу найдены два металлических предмета: подтреугольные изогнутые бронзовые пластинки длиной 3 см, шириной 1,3 см, которые скреплены медными гвоздиками. Гвоздики имеют шляпу диаметром 5 мм, стержень длиной

Рис. 7. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Северо-западная платформа. Погребение 14

Рис.8 Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Юго-восточная платформа. Погребение 12

10-12 мм. Видимо, это заклепки от не сохранившейся сумки. В северо-восточном углу камеры поставлен шаровидным туловом кувшин высотой 35 см, диаметром тулова 28 см, диаметром горловины 10,5 см с петлевидной ручкой на плечике, с цилиндрическим носиком сливом. Основание горловины, плечики, а также пространство вокруг слива и ручки украшены орнаментом, прочерченным по сырой глине до обжига.

III период. К центральной части сооружения пристраивают юго-восточную платформу. Когда воздвигли первый ряд пахсы новой пристройки площадью около 49 м2 начали сооружать вокруг центрального сооружения новую облегающую стену из комковой пахсы, которая несомкнутым концом окружила центральное сооружение и концами зажала северо-западную пристройку. Причём для связки различных по времени сооружений на высоте 40-45 см от уровня дневной поверхности была подрублена выемка-ступенька глубиной в 30-40 см вокруг старой облегающей стены, которая вместе с утрамбованной глиной и пахсовой крошкой явилась основанием новой укрепляющей стены. Только после этого возводится ещё один ряд пахсы новой юго-западной пристройки, которая уже впритык прилегает к новой облегающей стене центрального сооружения. Внутри юго-восточной платформы выявлены погребения 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12.

Погребение 3. Скелет сохранился не полностью. Череп оказался вне камеры в затечных слоях, отсут-

ствуют кости верхнего туловища. Покойник, судя по нетронутым костям, был уложен на спину, руки вытянуты вдоль тела. Правая берцовая кость ноги лежит поверх левой кости. Скелет ориентирован головой на С-В к входному проёму. Рядом с кистью правой руки обнаружены спекшиеся наконечники стрел. У бедренной кости находился железный нож длиной 13,5 см, шириной 1,5 см, толщиной 0,5 см. На крестовой кости обнаружена бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком диаметром 3,5 см. Вблизи правой бедренной кости обнаружена бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком. Верхняя часть погребальной камеры не прослеживается. Об её устройстве можно судить по очертаниям камеры, сохранившимся на высоту 15-20 см. Ширина входного проёма 0,95 м. Камера с закруглёнными углами. Длина камеры – 2,8 м. Она постепенно сужается в направлении от входа во внутрь до 0,35 м. Пол камеры находится на уровне – 0,65 м от точки 0.

Погребение 4. Погребальная камера расположена у северного края юго-восточной платформы. Скелет сохранился не полностью. Погребённый лежит в вытянутом положении на спине, руки вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки расположена над правой бедренной костью. Часть большой правой берцовой кости, фаланги правой ноги зафиксированы над аналогичными костями левой ноги. Рядом с лучевой костью правой руки обнаружены костяные накладки (фронтальные) на рукоять лука. Они трапециевидной формы, нижнее основание – 23,5 см, верхнее основание – 17,5 см, ширина накладки – 3 см, толщина – 2,5 мм. Над тазовой костью зафиксирован железный нож. В восточной части камеры найдена бесщитковая пряжка, диаметром 3,5 см, с подвижным язычком и железное колечко диаметром 1,5 см.

Верхняя часть погребальной камеры не прослеживается. Об её устройстве можно судить по очертаниям камеры, сохранившимся на высоту 10-30 см. Длина камеры – 2,5 м, наибольшая ширина – 85 см. Углы скруглены, одна из длинных сторон имела широкий изгиб, увеличивающее пространство. Пол камеры находится на уровне -1,2 м от точки 0.

Погребение 5. Погребенный был уложен, вытянуто на спине головой к входу в камеру, лицом вверх. В нишу поставлен водоносный кувшин грушевидной формы с короткой, выраженной горловиной и носиком-сливом. Перевитая ручка верхним основанием крепится к венчику, нижним к плечику кувшина. Высота сосуда – 38 см, диаметром тулова – 29 см, диаметр дна – 17 см, диаметр горла – 8 см. Рядом с ним найдена, покрытая красным ангобом кружка шаровидной формы с плавными плечиками, закраиной, слегка отогнутой наружу и петлевидной ручкой на тулове. Высота сосуда – 11 см, диаметром тулова 10 см, диаметром дна 6,5 см. Вместе с посудой положена часть разбитой каменной зернотёрки, имеющей следы пребывания на огне. У шейных позвонков обнаружены бусины из сердолика, цветных камушек. На кончике правой плечевой кости зафиксированы мелкие стеклянные бусы. Согласно определению антрополога О.И. Исмагулова здесь погребена женщина 20 лет. Длина камеры – 1,8 м, ширина – 60 см, высота – 55 см. В восточной стенке камеры у входного проёма имеется ниша шириной 50 см, глубиной 50 см. Пол камеры находится на уровне -1,9 м от точки 0.

Погребение 7. Погребальная камера под прямоугольная в плане, с закруглёнными углами, длиной 2,3 м, шириной 95 см, высотой 40 см. Пол камеры находится на уровне – 1,5 м от точки 0. Большая часть костяка отсутствует. В первоначальном положении сохранились лишь берцовые кости. Судя по ним, погребённый был ориентирован головой к входному проёму.

Погребение 8. Большая часть камеры не сохранилась. Пол камеры находится на уровне – 1,55 м от точки 0. Ширина сохранившейся камеры 0,8 м. В первоначальном положении сохранились лишь берцовые кости. Судя по этим костям, погребённый был ориентирован головой к входному проёму.

Погребение 12 располагалось в крайнем восточном углу юго-восточной платформы. Камера в плане овальной формы, несколько вытянутая по оси юго-восток – северо-запад, длина – 0,85 м, ширина – 0,6 см. Входной проём фиксируется в северо-западной стене камеры. Ширина проема – 20 см. Пол камеры находится на уровне - 2,3 м от точки 0. Детский скелет находится в первоначальном положении. Погребённый положен на спину в вытянутом положении головой на северо-запад, лицом на северо-восток (рис. 9). У изголовья, ближе к проходу поставлена кружка с прямыми стенками и петлевидной ручкой на тулове, покрытой ангобом светло-коричневого цвета. Высота кружки – 6 см, диаметр горла – 8 см, диаметр дна – 6 см. Рядом обнаружен железный колокольчик с подвижным язычком. Диаметр колокольчика – 33 мм, длина язычка – 27 мм. В районе шейных позвонков обнаружено 174 мелких бусин из пасты и цветных камней. Под шейны-

Рис. 9. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Металлические изделия из погребений

ми позвонками железная цепочка, к которой был подвешен бронзовый антропоморфный амулет высотой 33 мм со сквозным отверстием 5 мм. Диаметр железных колец цепочки – 14 мм (рис. 6, 1).

Мы не можем указать аналога конструктивным особенностям объекта А некрополя Кок-Мардан, представлявший в первый период функционирования сооружение в виде конуса или усеченного конуса, ядром которого является пирамида. Возможно, в ней отражена религиозно-мифологическая система древних индоевропейцев, представлявших структуру мира (т.е. земли и неба) в виде круга и квадрата с общим центром [Лелеков 1976: 7–18]. Погребальная конструкция вскрытых камер представлена катакомбами первого типа, где дромос перпендикулярен сводчатой камере, и второго типа, где погребальная камера катакомба является продолжением входной ямы-дромоса. Они известны в могильниках первых веков до н. э. – V вв. в Южном Казахстане [Байпаков, Подушкин 1989: 97–98; Нурмуханбетов 1975: 108–113; Подушкин 2000: 53–67].

Артефакты из погребений позволяют датировать объект А некрополя Кок-Мардан. Близкие по форме сосуды представлены в керамике Отрарского оазиса III–V вв. [Байпаков, Подушкин 1989: 111,116,118].

Кувшины с перевитыми ручками, орнаментация сосудов в виде изображений на ручках фигурок животных, так и стилизованных характерна для керамического комплекса Каунчи-II, которая датируется II–IV вв. [Буряков 1982: 74–75]. Бронзовая антропоморфная подвеска из погребения 12 имеет сходство с изображениями в виде бляшек и пряжек с подчеркнутыми половыми признаками, распространёнными в джетасарской культуре. Их находят в погребениях девочек 4-7 лет. Причем 64 % бронзовых антропоморфных фигурок встречены в погребениях последних веков до н. э. – первых веков н. э., 18% отмечено в погребениях IV–V вв. н. э. и 18 % – в материалах V–VII вв. н. э. [Левина 1996: 246–247]. Наши материалы не противоречат датировке Б.Н. Нурмуханбетова могильника Кок-Мардан III–V вв. [Нурмуханбетов 2011: 42–73].

Объект А представляет погребальное сооружение семейной группы проживавшей на территории городища Кок-Мардан. Данные стратиграфии позволяют считать, что погребальная платформа А содержала в себе не менее 3 поколений членов группы, соорудивших первоначально центральную часть и позже две пристройки в хронологической последовательности.

Вне глинобитных конструкций в натечных слоях, образовавшихся в ходе разрушения памятника, выявлено впускное погребение 1. Могильная яма не прослежена. Костяк лежит на правом боку, головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая несколько согнута в локте, так что кисть левой руки лежит на запястье правой. Фаланги ног сомкнуты. Согласно определению антрополога О.И. Исмагулова захоронённый мужчина (?) 55 лет, европеоид без монголоидных примесей. Погребальный инвентарь не обнаружен. Схожие погребения раскопаны в Отрарском оазисе близ городища Куйруктобе [Нурмуханбетов 1974: 86–88]. Северо-западная ориентация, отсутствие погребального инвентаря позволяет предположить, что это впускное средневековое мусульманское погребение IX–XII вв.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023 гг., ИРН проекта BR11765630.

Литература

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1972. 214 с.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1989. 160 с.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1982. 212 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 396 с.

Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // История и культура народов Средней Азии / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М.: ГРВЛ., 1976. С.7–18.

Нурмуханбетов Б.Н. Исследования могильника Кок-Мардан // Археологические открытия 1979 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 438–439.

Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарскго могильника // Древности Казахстана / Отв. ред. К.А.Акишев. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1975. С. 108–113.

Нурмуханбетов Б.Н. Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. Вып.3. Сборник научных статей / Отв. ред. А.З.Бейсенов. Алматы, 2011. С.42–73.

Нурмуханбетов Б.Н. Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе // В глубь веков / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1974. С. 85–94.

Нурмуханбетов Б.Н. Раскопки некрополя Кок-Мардан // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 517;

Нурмуханбетов М., Бейсебаев А. Некрополь городища Кок-Мардан (погребальный обряд) // Археологические исследования в Казахстане. Шымкент-Алматы, 2002. С.104–110.

Нурмуханбетов Б.Н., Кожаков Д.А. Новый тип погребального сооружения в Южном Казахстане // ИМН АН РК. Серия общественных наук, 1997, №1. С.29–34.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И., Акишев А.К. Исследования могильника Кок-Мардан // Археологические открытия 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука,1979. С. 539–540.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан. 2000. 202 с.

Я.А. ЛУКПАНОВА

Яна Амангелдиевна Лукпанова,
Западно-Казахстанский историко-краведеческий музей,
Уральск, Казахстан; Yana_2004_75@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье прослеживается история исследования позднесарматских памятников в Западно-Казахстанской области. Неоценимый вклад в изучение могильников II–IV вв. н. э. внесли известные археологи П.С. Рыков, Г.И. Багриков, М.Г. Мошкова, Г.А. Кушаев, Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер. Экспедициями под их руководством были открыты десятки памятников позднесарматского периода. Всего за столетний период исследовано более 100 памятников II–IV вв. н. э. Из них на могильнике Лебедевка в разные годы раскопано около 50 курганов, на сегодняшний день это опорный могильник в регионе. Г.А. Кушаевым исследовано 40 курганов. За все время исследования памятников позднесарматской культуры (II–IV вв. н.э.) на территории Западно-Казахстанской области можно выделить три района на территории которых раскопаны памятники данного периода. М.Г. Мошкова выделяя памятники Приуралья, высказала мнение о возможном отношении их к особой археологической культуре.

Түйінді сөздер: Казахстанское приуралье, археология, поздние сарматы, деформация черепа, фибула

Яна Амангелдиевна Лукпанова,
Батыс Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Орал, Қазақстан

БАТЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ КЕЙІНГІ САРМАТ МӘДЕНИЕТІН ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫ

Аннотация. Мақалада Батыс Қазақстан облысындағы кейінгі сармат ескерткіштерін зерттеу тарихы баяндалады. Б.д. II–IV ғғ. қорымдарды зерттеуге белгілі археологтар П.С. Рыков, Г.И. Багриков, М.Г. Мошкова, Г.А. Кушаев, Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер баға жетпес үлес қосты. Экспедициялар олардың басшылығымен кейінгі сармат кезеңінің ондаған ескерткіштерін ашты. Бір ғасыр ішінде б.д. II–IV ғғ. 100-ден астам ескерткіштері зерттелді, оның ішінде Лебедевка қорымында әр жылдары 50-ге жуық оба қазылды, бүгінгі күні бұлар аймақтағы басты қорым. Г.А. Кушаев 40 обаны зерттеді. Батыс Қазақстан облысының аумағында кейінгі сармат мәдениетінің (б.д. II-IV ғғ.) ескерткіштерін зерттеу барысында осы кезеңнің ескерткіштері зерттелген үш ауданды атауға болады. М.Г. Мошкова Орал маңындағы ескерткіштерді бөліп көрсете отырып, олардың ерекше археологиялық мәдениетке қатынасы болуы мүмкіндігі туралы өз ойын айтты.

Ключевые слова: Қазақстандық орал маңы, археология, кейінгі сарматтар, бас сүйегінің деформациясы, фибула

Yana Lukpanova,
West Kazakhstan Historical and Cultural Museum,
Uralsk, Kazakhstan

HISTORY OF THE STUDY OF THE LATE SARMATIAN CULTURE OF WESTERN KAZAKHSTAN

Abstract. The article traces the history of the study of Late Sarmatian monuments in the West Kazakhstan region. An invaluable contribution to the study of burial grounds of the 2nd-4th centuries AD was made by famous archaeologists P.S. Rykov, G.I. Bagrikov, M.G. Moshkova, G.A. Kushaev, B.F. Zhelezchikov, V.A. Krieger. Expeditions under their leadership have discovered dozens of monuments of the late Sarmatian period. In total, over a hundred-year period, more than 100 monuments of the 2nd–4th centuries AD have been studied. Of them, about 50 burial mounds have

been excavated at the Lebedevka burial ground in different years, today it is a reference burial ground in the region. G.A. Kushaev examined 40 mounds. For all the time of the study of monuments of the Late Sarmatian culture (2nd–4th centuries AD) on the territory of the West Kazakhstan region, three districts can be distinguished on the territory of which monuments of this period have been excavated. M.G. Moshkova, highlighting the monuments of the Urals, expressed an opinion about their possible relation to a special archaeological culture.

Keywords: Kazakhstan Urals, archaeology, late Sarmatians, skull deformity, fibula

Памятники позднесарматского периода в Западно-Казахстанской области стали исследоваться довольно поздно, в отличии от других близлежащих регионов и на сегодняшний день они составляют наименьший процент по отношению с исследованными курганами более раннего периода железного века. Основными диагностическими признаками погребений позднесарматского времени являются:

1. Ориентировка погребенных на С, С-З;

2. Типы могильных ям узкие подбойные, узкие грунтовые, реже всего широкие ямы;

3. Скелеты, как правило, с деформированными черепами.

М.Г. Мошкова выделяла памятники Приуралья II–IV вв. до н. э. от позднесарматских памятников Зауралья, Волго-Донского Междуречья, при этом отмечая отдельные особенности погребального обряда. В позднесарматской культуре Приуралья сохранялись среднесарматские черты и несмотря на родственность населения Поволжья и Приуралья, по мнению М.Г. Мошковой [Мошкова 1994: 21–23], приуральские погребения могли относиться к особой археологической культуре.

Впервые памятники позднесарматского периода были исследованы в 1925 г. профессором П.С. Рыковым (рис. 1) совместно с сотрудниками Областного Государственного музея и Южно-Волжского института краеведения и студентами педфака СГУ. Им были проведены исследования в районе Чижинских и Дюринских разливов [Кушаев 1993: 11], расположенных в северо-западной части области, на территории современных Зеленовского, Таскалинского, Теректинского, Бурлинского районов. П.С. Рыков провёл разведку и раскопки курганов вдоль железной дороги Саратов–Уральск от ст. Семиглавый Мар до г. Уральска, а затем вверх по р. Урал до с. Рубежка [Железчиков 1998: 5]. Из исследованных памятников к позднесарматскому периоду относятся курганы, обнаруженные близ п. Шипово, у ст. Семиглавый Мар, пос. Зеленый, кордона Деркульский. Характерными особенностями, которыми явились деформированные черепа, положение головой на север, узкие ямы. В Шипово П.С. Рыковым было раскопано две курганные группы, первая состояла из 5

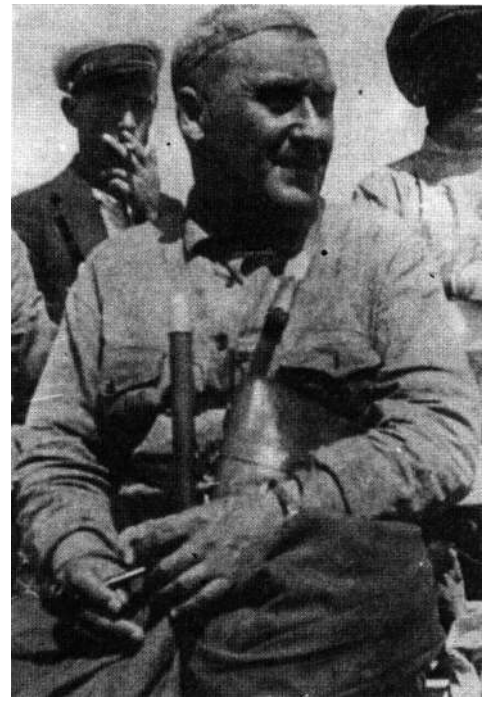

Рис. 1 Профессор П.С. Рыков

курганов, вторая из 6 курганов. Если в кургане 2 первой группы погребение было разграблено, то вторая группа курганов, расположенная от ст. Шипово к С-В в «1½ версте от посёлка на сырте» [Рыков 1926: 98] оказалась непотревоженной и курганы 2, 3 этого могильника дали содержательный материал, относящийся к позднесарматскому периоду. Полы двух курганов сливались, возможно, они были выполнены одновременно и представляли захоронения мужчины и женщины, относящихся к одной семье, роду.

В кургане 2 диаметром 9 м, высотой 0,50 м в узкой яме шириной 0,90 м и длиной 2,40 м на глубине 2,20 м было обнаружено погребение женщины. На её голову была надета диадема, составляющей которой являлись три пластинки инкрустированные цветными стеклами, центральная пластинка отличалась прикрепленным стилизованным цветком, также инкрусти-

рованный цветными стеклами. Диадема скреплялась шнурком. На шею женщины была надета гривна, у виска была найдена золотая круглая серьга, такая же была найдена на правом бедре погребённой. Были выявлены две пряжки одна от пояса, другая, как предполагает П.С. Рыков от обуви. На ногах пряжка покрыта чеканным орнаментом в виде точек и рубчиков [Рыков 1926: 99].

В кургане 3 диаметром 15 м, высотой 0,55 м, в могильной яме шириной 0,90 м, длиной 2,25 м на глубине 2 м обнаружено погребение мужчины покоившегося в деревянном гробовище. В заполнении ямы обнаружены седло с золотыми пластинами, прикреплёнными бронзовыми гвоздиками и конская узда с квадратными и прямоугольными бляхами с накладными позолоченными орнаментированными пластинами. На мужчину был надет кафтан, который обшит ромбовидными бронзовыми бляшками крытыми золотым листом. Пояс кафтана также украшен бляшками. На шею надето ожерелье с эллипсовидными и круглыми подвесками, покрытыми белой эмалью. На запястьях двух рук обнаружены браслеты. К поясу кафтана на железной пряжке подвешен кинжал. Также в могиле были найдены меч, берестяная коробка с разбитым зеркалом и кружка. Черепа и мужчины и женщины деформированы [Рыков 1925: 100–101]. Впервые основные диагностические признаки, датировка позднесарматской культуры была дана П.С. Рыковым [Малашев 2013: 9].

В 1966-67 гг. краевед Г.И. Багриков со студентами Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина провёл археологические раскопки нескольких курганов в нынешних Теректинском и Шынгырлауском районах [Железчиков 1998: 6]. Г.И. Багриков положил начало изучению восточной части области и открыл археологический памятник Лебедевку, состоящий из 8 курганных комплексов [Кушаев 1993: 12]. На некрополе Лебедевка экспедицией под руководством Г.И. Багрикова было раскопано 2 кургана из двух комплексов [Багриков, Сенигова 1968: 72]. В результате исследований был получен уникальный материал по истории позднего периода железного века Западного Казахстана. Раскопанный ими большой курган №2, содержал богатое женское погребение (рис. 2) позднесарматского времени, оно отличалось конструкцией погребальной камеры и наличием большого количества импорта. Аналогичным был и второй курган №1 с захоронением воина. В 1968 г. в серии «Известия Академии наук Казахской ССР» вышла статья Г.И. Багрикова и Т.М. Сенигово, где были опубликованы результаты работ на комплексе Лебедевка. Известный археолог М.Г. Мошкова погребения, раскопанные Г.И. Багриковым называет уникальными, «не находящими себе равных на всей территории южноуральских сарматов» [Мошкова, Кушаев 1975: 258].

В 1969 году под руководством М.Г. Мошковой и Г.А. Кушаева был раскопан один курган позднесарматского времени на могильнике Лебедевка-II курган 1. Здесь было обнаружено погребение женщины, одежда которой была украшена бляшками, на шею было на-

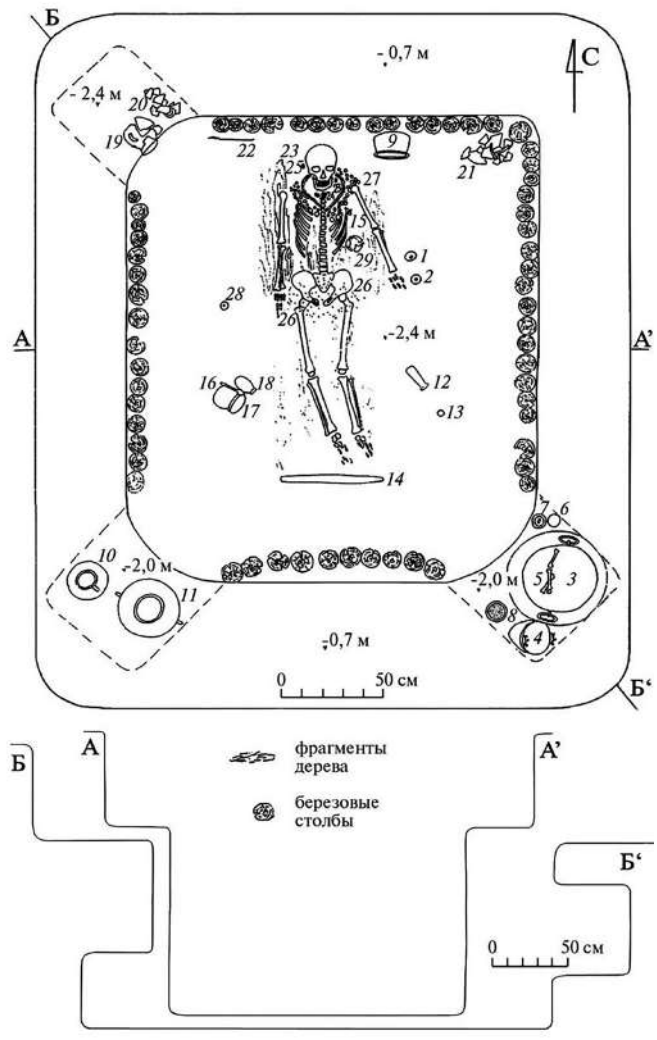

Рис. 2. Лебедевка-1,курган 2, погребение знатной женщины (по Мошковой М.Г.)

дето ожерелье с двумя круглыми медальонами с темно-синими стеклянными вставками. У височных долей женщины были найдены две калачиковидные серьги со стеклянными и гранатовыми вставками. На шею также было надето ожерелье из набора янтарных и стеклянных бусин [Мошкова, Кушаев 1975: 267].

С 1977 по 1982 год археологические исследования на комплексе Лебедевка были продолжены Уральским педагогическим институтом им. А.С. Пушкина под руководством Б.Ф. Железчикова и В.А. Кригера совместно с отрядом ИА АН СССР под руководством М.Г. Мошковой. Значительная часть раскопанных курганов из Лебедевки I, II, V, VI принадлежала позднесарматскому времени [Железчиков и др. 2006: 6; Яблонский 2009: 14]. Материал был представлен вооружением, фибулами, керамикой, предметами импорта среди них можно выделить бронзовые сосуды, украшения и стеклянный кубок с изображением четырёх гладиаторов, относящийся к статусным предметам, изготовленный в мастерских Восточного Средиземноморья [Мошкова, Трейстер 2014: 116, 112 рис. 4,5].

Лебедевский могильник является единственным опорным погребальным памятником региона, он отличается плотностью, компактностью, где сосредоточены, более 50 могил позднесарматского периода [Малашев 2013: 14]. К сожалению, материал опубликован частично.

С 1971 по 1980 гг. в планах девятой и десятой пятилеток, в области намечалось строительство обводнительных каналов, групповых водопроводов в Жанибекском, Фурмановском, Чапаевском, Тайпакском, Каратобинском районах. В соответствии с этим в 1971 г. была проведена разведка памятников в зоне проектируемых объектов. Протяженность маршрута экспедиции составила 40-50 км, было выявлено 508 памятников археологии. За эти годы Уральским пединститутом под руководством Г.А. Кушаева были исследованы новые позднесарматские погребения из могильников Барбастау I-V, Мамай, Карасу-I, Сакрыл-1, Бубенцы-2.

В могильнике Барбастау-III (Теректинский район) в кургане 11 диаметром 8 м, высотой 0,47 выявлено погребение женщины. Погребение выполнено в узкой яме шириной 0,6 м, длиной 2,05 м. Головой ориентировано на СВ, вещевой материал представлен пряслицем биконической формы, пряжками круглой и прямоугольной формы, сосудом и бусинами разных форм из камня, стекла и пасты. У черепа женщины обнаружен фрагмент бронзовой серёжки. В кургане 16 было выявлено два погребения с западной и восточной стороны принадлежащие женщине и мужчине. Рядом с женщиной было найдено пряслице конической формы. Погребение мужчины – восточное. Трупоположение было

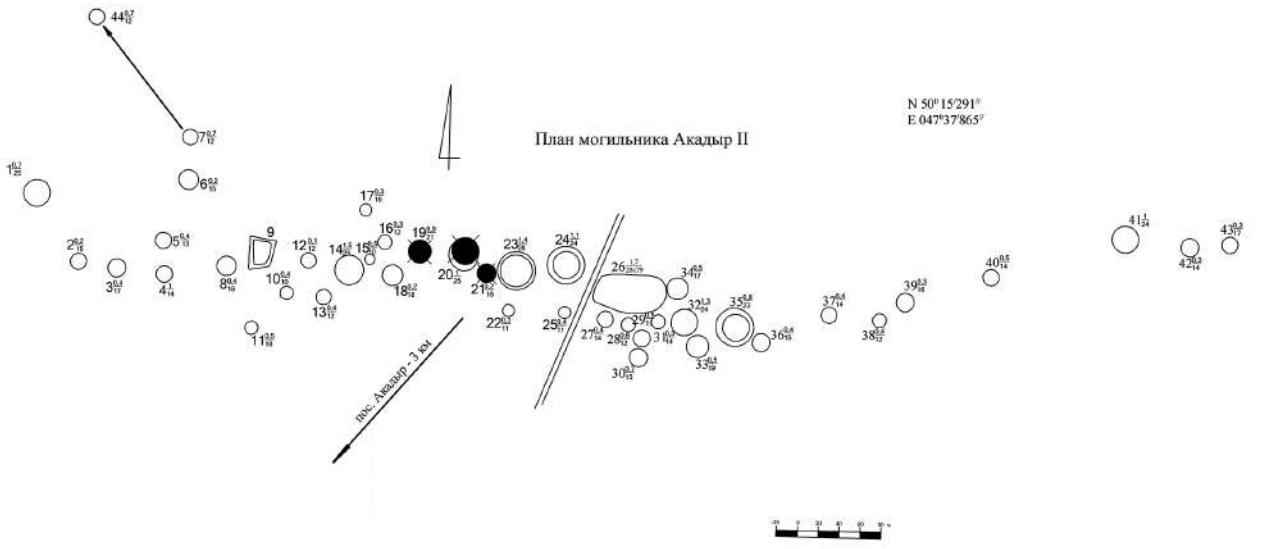

Рис. 3. Курганный комплекс Акадыр II

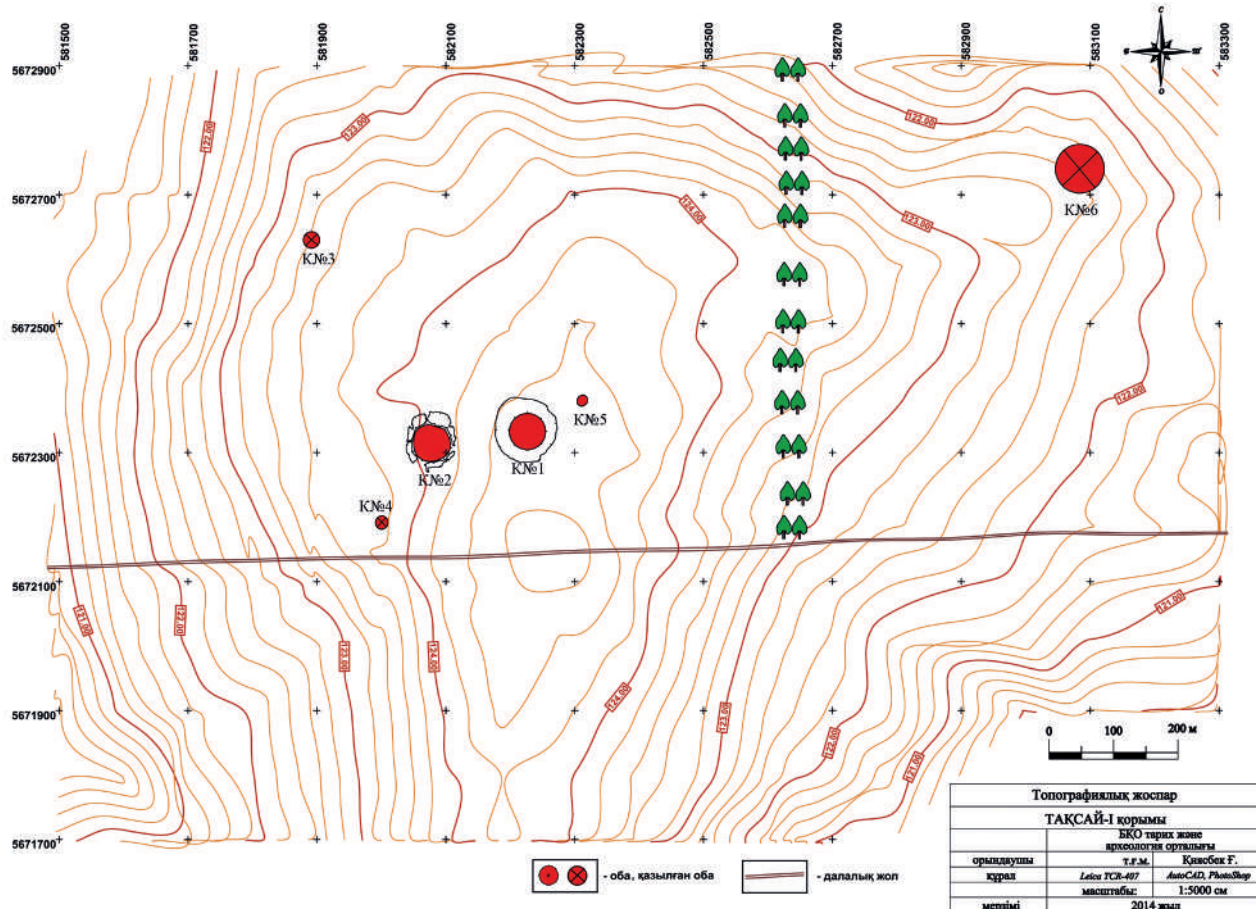

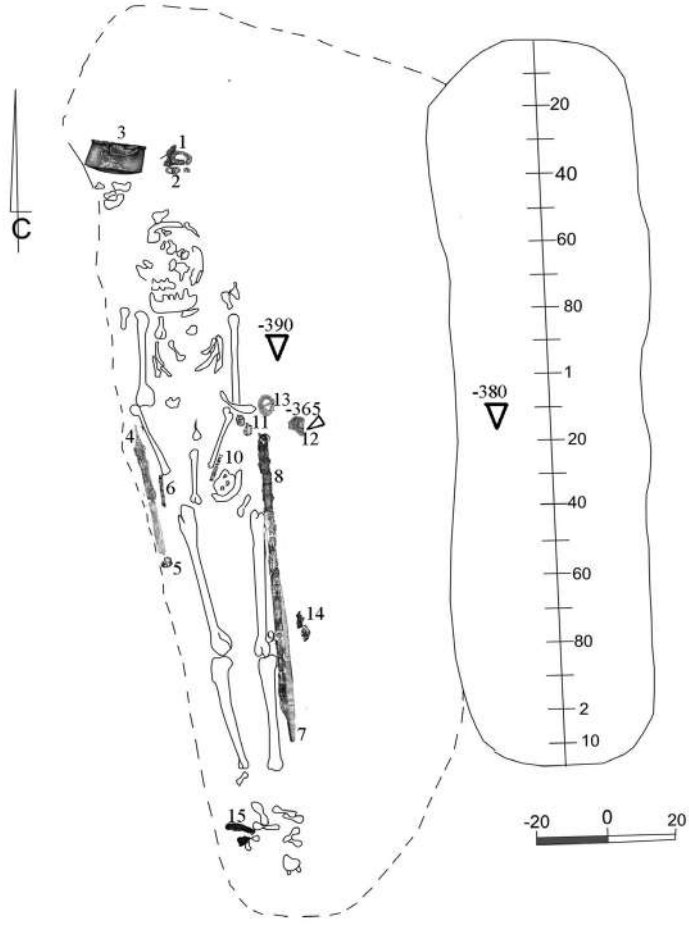

Рис. 4. План курганного комплекса Таксай 1. Выполнил Киясбек Г.

необычным, мужчина лежал на левом боку с руками, заложенными за спину, правая нога согнута в колене, и стопой упиралась в южную стенку. Череп со следами искусственной деформации упирался лицом в северную стенку [Кушаев 1973: 23, 27]. Самый большой процент, относящихся к позднесарматским из раскопанных памятников Г.А. Кушаева дал могильник Мамай [Кушаев, Кукебаева 1978; Кушаев, Жамбулатов 2023]. Могильник Мамай расположен в нескольких километрах южнее поселка Коктерек, на левом берегу р. Сарыозен (Казталовский р-н). Здесь раскопано 5 курганов данного периода – №1, 2, 5, 7, 8. Погребения из курганов 1, 7, 8 впускные. Погребения из курганов 2, 5 выполнены под индивидуплльной насыпью. Могильные ямы представлены как узкими, среднеширокими прямоугольной формы, так и с подбойной нишей под западной стенкой. В курганах 1, 2 погребения принадлежали мужчинам, в курганах 5, 8 женщинам. Черепа погребённых деформированы. Вещевой материал представлен мечом, пряжками, тремя фибулами, бусинами, бубенчиком, пряслицем и керамическим материалом, среди которого, выделяется импортная посуда. В основном она происходит из северокавказского производственного центра, что отражает хозяйственно-экономическое и торговое взаимодействие правобережного Урала с Северным Кавказом [Кушаев, Жамбулатов 2023: 107].

Г.А. Кушаевым исследовано более 40 курганов II–IV вв. н. э. Характерным инвентарём в позднесарматских погребениях являются амфоры, керамика, фибулы. Кушаев отмечает, что поздние сарматы активно поддерживали контакты с Западом и Востоком [Кушаев 1993: 88–89]. Материал также как и Лебедевский опубликован частично, в монографии «Этюды древней истории Степного Приуралья» Г.А. Кушаев представляет результат его 20-летних исследований. В работе даны материалы 300 курганов из всех курганных комплексов,

раскопанных автором на территории области, но материал очень сжатый и требует обработки всех чертежей, научных отчетов Г.А. Кушаева и их публикации. Материал по могильнику Мамай, раскопанного в 1978 году был опубликован К.А. Жамбулатовым в соавторстве с Г.А. Кушаевым, где очень подробно проанализирован отчет 1978 года, введен в научный оборот материал могильника Мамай, приведена чертежно-графическая документация в соответствие с современными требованиями, предоставлены новые рисунки и фотографии находок из фондов музея.

С 2009 по 2011 гг. научными сотрудниками центра истории и археологии Я.А. Лукпановой, Д.В. Марыксиным и У.А. Утепбаевым были проведены разведочные работы в Жанибекском районе, в ходе которых было выявлено около 200 памятников археологии. По ре-

1. Удила
2. Бронзовая пряжка
3. Котелок
4.Кинжал
5.Фрагмент ножен кинжала
6. Железный нож
7. Подквадратная пластина с пряжкой
8. Железный нож с бронзовой рукояткой.
9. Фрагменты железа, бронзовая пластина
10. Железная пряжка
11. Фрагменты кожи

Рис. 5 Таксай-1, курган 4, погребение воина

зультатам разведки 2010-2011 гг. отряд под руководством Я.А. Лукпановой провёл раскопки курганного комплекса Акадыр II. За два года на памятнике раскопано 3 кургана (19, 20, 21). Курганный комплекс Акадыр II расположен в 3 км северо-восточнее пос. Акадыр (бывшее отделение №1 Жаксыбайского сельского округа пос. Молочное Жанибекского района), на возвышенности, вытянутый цепочкой на расстоянии 1,2 км с запада на восток (рис. 3). Состоял из 43 земляных насыпей и 1 святилища прямоугольной формы. Курган 21 датируется II–IV вв. до н. э. В кургане №21 диаметром 16 м, высотой 0,5 м было выявлено одно погребение под насыпью, могильная яма овальной формы, длина её – 2,30 м ширина по дну – 1,5 см, яма была с подбоем, конструкция её была разрушена грабителями в древности. Погребение принадлежало мужчине, головой он был ориентирован на север. Вещевой материал был представлен бронзовой составной рукоятью ножа, с деревянной вставкой, бронзовыми клепками, фрагментами железа и курильницей.

В 2012 году отрядом под руководством Я.А. Лукпановой в курганах 3, 4 могильника Таксай-1 (рис. 4) были обнаружены погребения двух воинов с деформированными черепами позднесарматского периода. Курганный комплекс Таксай-1 расположен в 8 км южнее пос. Долинный и в 2 км севернее железнодорожного разъезда Таксай (Теректинского района). Комплекс состоял из 6 земляных насыпей. Курганы 3, 4 представляли собой насыпи высотой до 1,0 м диаметром 36, 34 м. Под насыпью двух курганов обнаружена округлая площадка, выложенная из материковой глины над ямой.

Могильная яма кургана 3 подпрямоугольной формы вытянутая длинными сторонами с северо-запада на юго-восток. Длина ямы – 2,20 м, ширина ямы – 0,80 см, глубина – 2,60 см с подбоем. На дне подбоя было зафиксировано потревоженное погребение мужчины. На поверхности выкида был найден фрагмент железного ножа и в заполнении ямы бронзовая пряжка округлой формы с язычком.

Могильная яма кургана 4 вытянута длинной осью по линии С-Ю. Длина ямы –2,12 м, ширина – 0,6 м, глубина – 3,80 м. В западной стенке входной ямы устроен подбой, отделенный ступенькой высотой до 0,1 м. На дне подбоя, вдоль западной стенки было обнаружено погребение воина (рис. 5). Рядом с воином найдены конская узда, полный набор клинкового вооружения, состоящий из длинного меча, кинжала и боевого ножа с бронзовыми деталями рукояти. Также найден бронзовый кованый котелок (рис. 6). Погребение принадлежало воину-всаднику, относящемуся к особому социальному рангу [Кривошеев, Лукпанова 2015: 101].

Таким образом, за почти 100 летний период исследования памятников позднесарматской культуры (II–IV вв. н. э.) на территории Западно-Казахстанской области можно выделить три региона: 1. Шынгырлауский район, расположенный в восточной части области, в котором открыт и исследован самый крупный могильник Лебедевка; 2. Теректинский район, расположенный в северо-восточной части региона. На территории района два могильника недалеко расположенные друг от друга Барбастау-3, Таксай-1. 3. Казталовский район, расположенный в юго-западной части области, один из больших могильников в районе относящийся к позднесарматскому периоду является могильник Мамай [Кушаев 1993: 88; Кушаев Жамбулатов 2023], Сакрыл-1, Карасу и др. Всего Г.А. Кушаевым раскопано более 40 курганов II–IV вв. н. э. [Кушаев 1993: 89]. Материал также как и Лебедевский опубликован частично. В Жанибекском районе на могильнике Акадыр-2 исследован только один курган позднесарматского периода, но стоит отметить, что памятник перспективный и содержит более 40 курганов, которые включают в себя разновременные объекты археологии, в большинстве своём раннежелезного века, в том числе и позднесарматского периода. Очень важно отметить открытия П.С. Рыкова по Таскалинскому району.

В результате анализа литературы по памятникам позднесарматского периода в Западно-Казахстанской области выявлено, что по региону раскопано более 100 курганов. Они опубликованы частично. Вещи из этих могил хранятся в фондах разных музеев, как Казахстана, так и РФ. Отчеты по исследованиям могильников XX века в архиве краеведческого музея ЗКО, института археологии им. А.Х. Маргулана в большинстве представлены отчетами Г.А. Кушаева. Отчеты М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова, В.А. Кригера хранятся в архиве г. Волгограда РФ, в ИА РАН г. Москвы хранится один отчет 1969 года по исследованиям могильников Лебедевка, Шалкар. Отдельный вопрос по отчётам П.С. Рыкова, также представленный в библиотеке ИИиМК г. Санкт-Петербург за три года, один отчет опубликован за 1925 год в Известиях [Рыков 1926: 89–134], но он без чертежей, рисунков. Очень важно на сегодняшний день для полной реконструкции культуры поздних сармат региона, восстановить все научные отчеты, ввести их в научный оборот, восстановить рисунки и

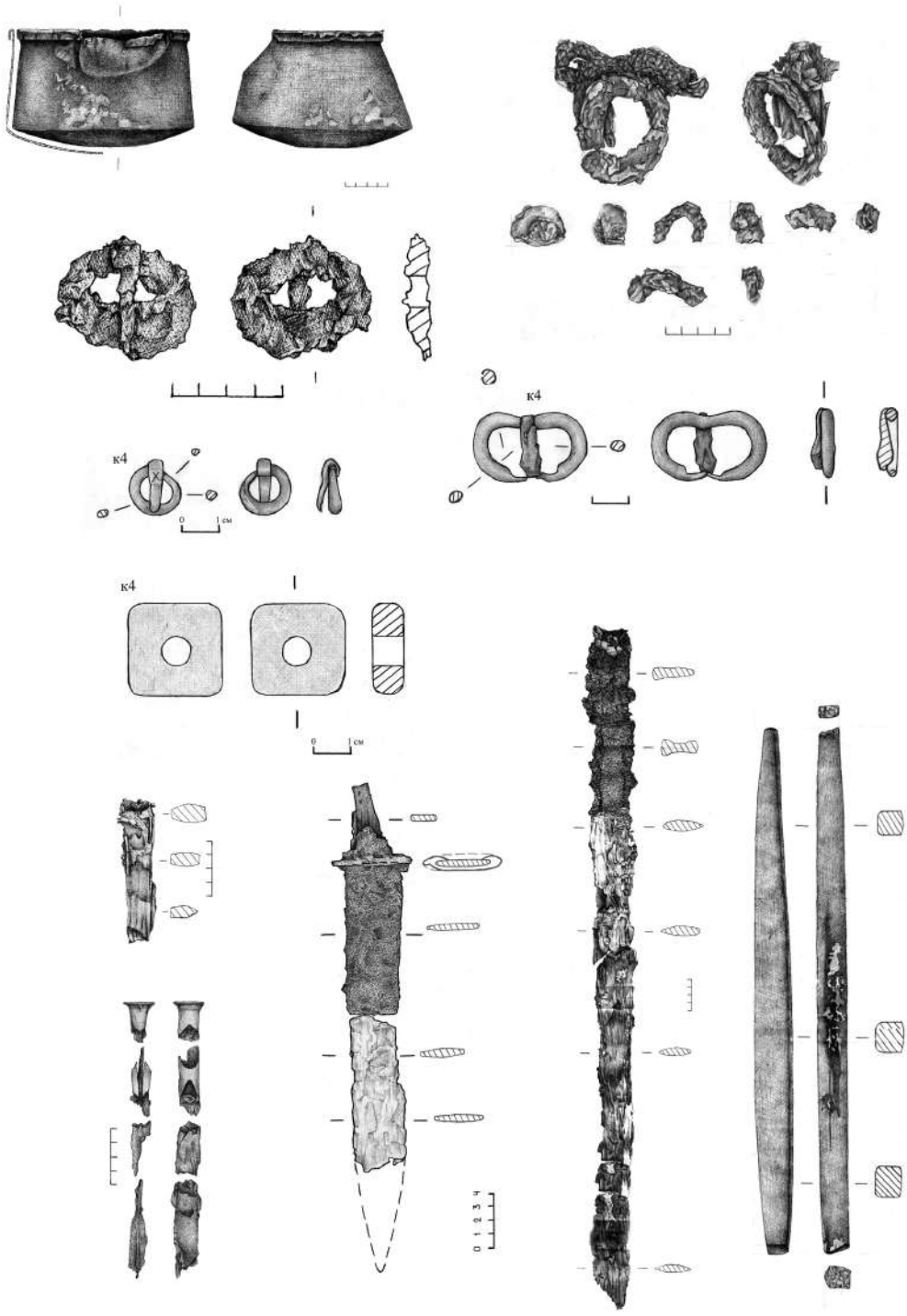

Рис. 6. Таксай -1, курган 4 . Предметы из погребения

чертежи полевых исследований по современным требованиям. Выполнить ряд графических реконструкций погребального обряда, костюма погребённых по результатам раскопок П.С. Рыкова, Г.И. Багрикова. В фондах музеев г. Саратова, г. Москвы провести работу по описанию, фотофиксации, отрисовки всех имеющихся вещей из позднесарматских могильников исследованных на территории ЗКО.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 2. С. 71–90.

Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. Волгоград, 1998. 136 с.

Железчиков Б.Ф. Древности Лебедевки (VII–II вв. до н.э.) // Б.Ф.Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков; отв. ред. М.Г.Мошкова. Москва, 2006. 159 с.

Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2015. Сер. История. Регионоведение. Междунар. отношения. № 5 (35). С. 98–111.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск, 1993. 171 с.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Научный отчет об археологических раскопках в Уральской области в 1978 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, д. 1675, оп. 2, 39 л.

Кушаев Г.А. и Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических раскопках в Уральской области в 1972 году. // ЗКО ИКМ УОМ № 2905. 31 л.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Мошкова М.Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. С. 18–23.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 258–272.

Мошкова М.Г., Трейстер М.Ю. Стеклянный кубок со сценой поединка гладиаторов из кочевнического погребения могильника Лебедевка V (Западный Казахстан) // Российская археология, 2014, № 2, с. 108–119

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Изв. Краевед. Инта изучения Южно-Волжск. обл. при СГУ. Т. I. Саратов, 1926. С. 89–134.

Яблонский Л.Т. К юбилею Марины Глебовны Мошковой // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. С. 13–19.

А.В. ЛОГВИН,
И.В. ШЕВНИНА

Андрей Викторович Логвин,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; Logvin_@mail.ru
Ирина Викторовна Шевнина,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; Shevnina_i@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ «ГЕОГЛИФА» КАРА-ТУРГАЙСКОЙСКОЕ КОЛЬЦО (КЫЗЫЛ ЖУЛДЫЗ 1): ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Аннотация. Ритуально-погребальный комплекс «геоглиф» Кара-Тургайское кольцо (курганная группа Кызыл Жулдыз 1) находится в южной части Тургайского прогиба, в 83 км к юго-западу от города Аркалык, на правом берегу р. Кара-Тургай. Памятник представляет собой насыпи диаметром 7-9 м, расположенных по окружности диаметром 45 м. В 2023 г. начаты археологические исследования объекта, в результате которых было раскопано четыре насыпи и участок внутри кольца. В насыпях обнаружены каменные оградки ритуального назначения, и парное погребение ранне-среднесарматского времени. Сопроводительный инвентарь представлен: коротким железным мечем, керамическим сосудом, бронзовым зеркалом и каменными бусинами.

Ключевые слова: Тургай, геоглиф, Кара-Тургайское кольцо, Кызыл Жулдыз 1, сарматы

Андрей Викторович Логвин,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан
Ирина Викторовна Шевнина,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ҚАРА-ТОРҒАЙ САҚИНАСЫНДАҒЫ «ГЕОГЛИФТІ» ЗЕРТТЕУ (ҚЫЗЫЛ ЖҰЛДЫЗ 1): АЛДЫН-АЛА ЖАРИЯЛАНЫМ

Аннотация. «Геоглиф» Қара-Торғай сақинасы (Қызыл Жұлдыз 1 обалар тобы) ғұрыптық-жерлеу кешені Торғай ойысының оңтүстік бөлігінде, Арқалық қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 83 км жерде, Қара-Торғай өзенінің оң жағалауында орналасқан. Ескерткіш үйіндісінің диаметрі 7-9 м, шеңбер бойымен орналасқан үйінділер диаметрі 45 м. 2023 ж. нысанда археологиялық зерттеулер басталды, нәтижесінде төрт үйінді мен шеңбер ішіндегі аймақ қазылды. Үйінділерден ғұрыптық мақсаттағы тас қоршаулар және ерте-орта сармат кезеңіне жататын жұптық жерлеу орны табылды. Мәйіттің жанынан табылған заттардың қатарында қысқа темір қылыш, керамикалық ыдыс, қола айна және тас моншақтар бар.

Түйін сөздер: Торғай, геоглиф, Қара-Торғай сақинасы, Қызыл Жұлдыз 1, сарматтар

Andrey Logvin,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan
Irina Shevnina,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

STUDY OF THE “GEOGLYPH” KARA-TURGAI RING (KYZYL ZHULDYZ 1): PRELIMINARY REPORT

Abstract. The ritual and burial complex "geoglyph" Kara-Turgay ring (burial mound group Kyzyl Zhuldyz 1) is located in the southern part of the Turgay trough, 83 km southwest of the city of Arkalyk, on the right bank of the Kara-Turgay river. The monument consists of mounds with a diameter of 7-9 m, arranged around a circumference with a diameter of 45 m. In 2023, archaeological research of the object began, as a result of which four mounds and a section inside the ring were excavated. Stone fences of ritual purpose and paired burial of the early-middle Sarmatian time were found in the mounds. The accompanying inventory is represented by a short iron sword, a ceramic vessel, a bronze mirror and stone beads.

Keywords: Turgay, “geoglyph”, Kara-Turgay ring, Kyzyl Zhuldyz 1, Sarmatians

Введение. В пределах Костанайской области выявлен новый тип памятников, обозначенный условным термином «геоглифы». Памятники в основном сооружены из курганообразных насыпей, которые образуют геометрические фигуры «кольца», «линии», «квадрат» и «ромб». В настоящее время такие объекты обнаружены и за пределом Тургайского прогиба, к югу от Улытаю и на Южном Урале.

Впервые информация об объектах, получивших позднее название «геоглифы Тургая», была представлена на общем собрании Оренбургской Учёной Архивной комиссии в 1909 г. в докладе Б.А. Скалова, сообщение которого приведено в труде И.А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». Б.А. Скалов доложил о наличии в пределах первой Наурзумской волости «…курганов, расположенных в ряд, образующих геометрические фигуры вроде треугольников и четыреугольников расположены на одинаковом друг от друга расстоянии» [Кастанье 1910: 64]. В 2007 году в результате изучения космоснимков, доступных в программе Google Earth, Д. Деем состоялось повторное открытие данного вида памятников (Уштогайский квадрат, Тургайская свастика) и дано условное название «геоглифы».

Впоследствии сотрудниками археологической лаборатории Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Тургайская археологическая экспедиция) под руководством А.В. Логвина была проведена работа по поиску и фиксации данного типа памятников. Исследования космоснимков 2007-2018 гг. позволили выявить более 90 объектов, на некоторых из них полевые и георадиолокационные исследования с применением комплекса Лоза-В: *Уштогайский квадрат* (2007 г.), Малый Ашутастинский крест (2013 г.), сооружение № 14 комплекса Урпек (*Тургайская свастика*) (2016 г.), «южного «луча» *Большого Ашутастинского креста* (2013 г.). В результате данных исследований никаких артефактов и конструкций не было выявлено.

Для более точной датировки были отобраны образцы почв для OSL анализа (2012 г.). Для этого были заложены разведочные шурфы в насыпях Тургайского кольца, Большого Ашутастинского креста. Результаты OSL-анализа дали практические идентичные даты. Большой Ашутастинский крест – 2800 и Тургайское кольцо – 2750 лет назад, то есть переходный период от финала эпохи бронзы к раннему железному веку.

В разведочной траншее Тургайского кольца, в слое, была обнаружена кость мелкого рогатого животного, радиоуглеродный анализ которой показал период поздней древности [Motuzaite Matuzeviciute, Logvin et al. 2016: 6].

В дальнейшем вся имеющаяся информация о «геоглифах» была обобщена в монографии коллектива авторов [Логвин и др. 2018].

В связи с отсутствием в археологии Евразийских степей, аналогичных тургайским объектам памятников, авторами для обозначения огромных рукотворных геометрических фигур Тургая используется термин «геоглиф», но необходимо пояснить, что этот термин достаточно условен, так как не отражает сути тургайских объектов и их функционального назначения. Так термин «геоглиф» соотносится, прежде всего, с известными геоглифами Наска, открытых в первой половине XX века в Южной Америке, и имеют совсем иное функциональное назначение. Поскольку они относятся к сакральной сфере человека, точнее данные объекты называть геометрическими ритуально-сакральными комплексами, что и было сделано костанайскими археологами ранее [Логвин и др. 2017: 360; Логвин и др. 2018: 132]. Но на сегодняшний день термин «геоглифы Тургая» стал широко известен, как в научном мире, так и в «народе», поэтому для обозначения тургайских объектов резонно употреблять оба предложенных

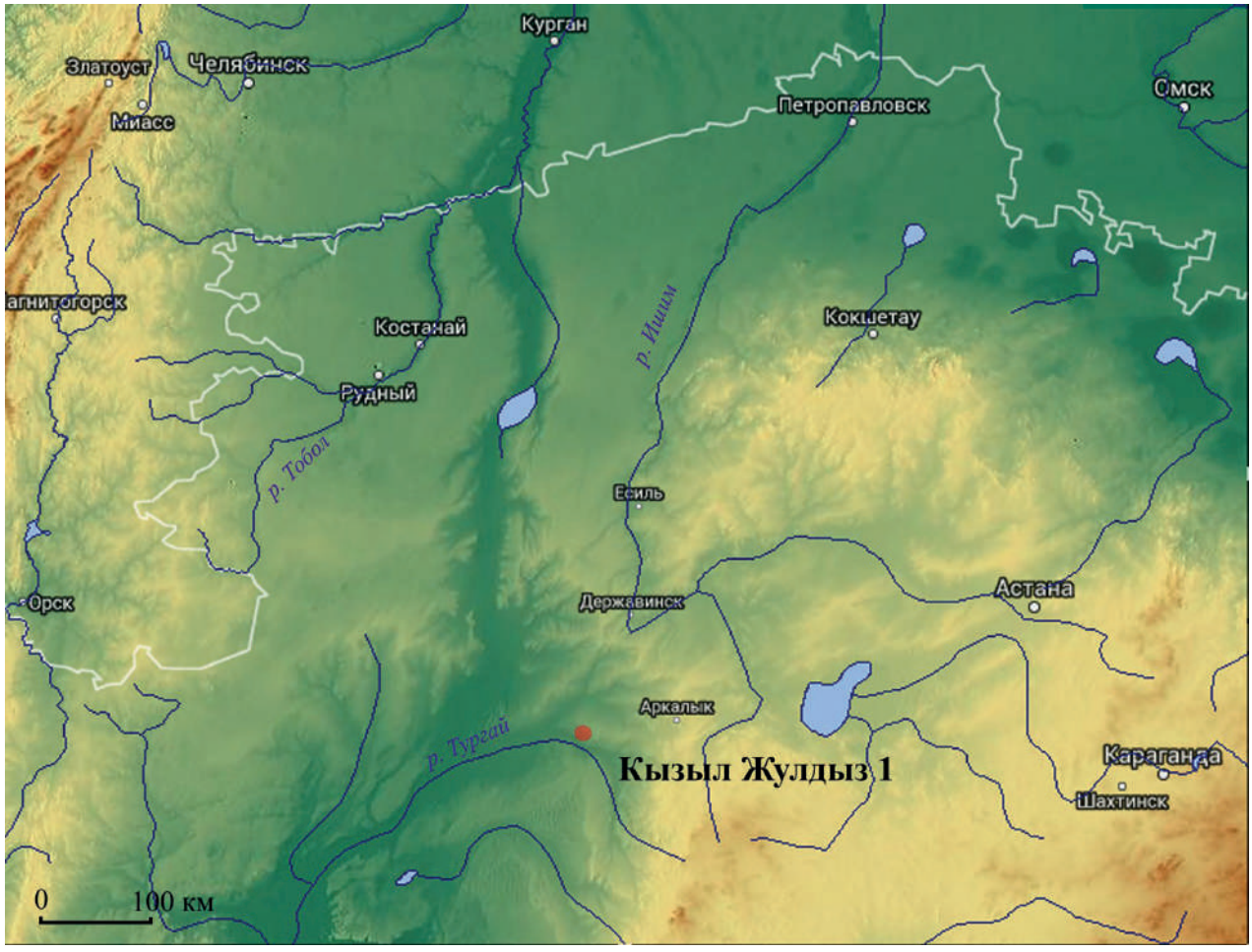

Рис. 1. Карта расположения «геоглифа» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1)

варианта.

Результаты исследований. Курганная группа Кызыл Жулдыз 1 находится в южной части Тургайского прогиба, в 83 км к юго-западу от города Аркалык, в 21 км к западу от посёлка Кайынды, в 10,5 км северо-западу от посёлка Кызылжулдыз на границе Амангельдинчкого района и территории подчинённой Аркалыкскому городскому акимату Костанайской области. Расположен на правом берегу реки Кара-Тургай, в 2 км от берега, на высоте 18 м от современного уреза воды. Координаты памятника: 50˚ 03′ 02,07″ N; 65˚ 47′ 32,56″ E (WGS 84) (рис 1, 2).

Памятник обнаружен в 1982 г. [Гребенюков 1983]. После изучения космоснимков, в 2015 году, при повторном исследовании было выяснено, что данный памятник является геометрическим ритуальным объектом, «геоглифом» Кара-Тургайское кольцо [Логвин 2015].

Кара-Торгайское кольцо диаметром 45 м, состоит из девяти насыпей, расположенных по кругу. Насыпи диаметром 7-9 м, высотой 0,2-0,3 м, в каждой насыпи имеется каменная кладка.

В 2023 г., Тургайским отрядом Института археологии имени А.Х. Маргулана, на памятнике были произведены археологические раскопки, в результате которых было исследовано четыре насыпи (№ 1-4) и участок внутри кольца.

Насыпь № 1, диаметром 7 м, высотой 0,08 м, на поверхности фиксировались вкопанные камни. После снятия насыпи была обнаружена оградка диаметром 3,3 м, состоящая из плоских плит песчаника, часть которых установлена на ребро, часть лежала под наклоном, часть горизонтально (рис. 3, 1). Находок внутри

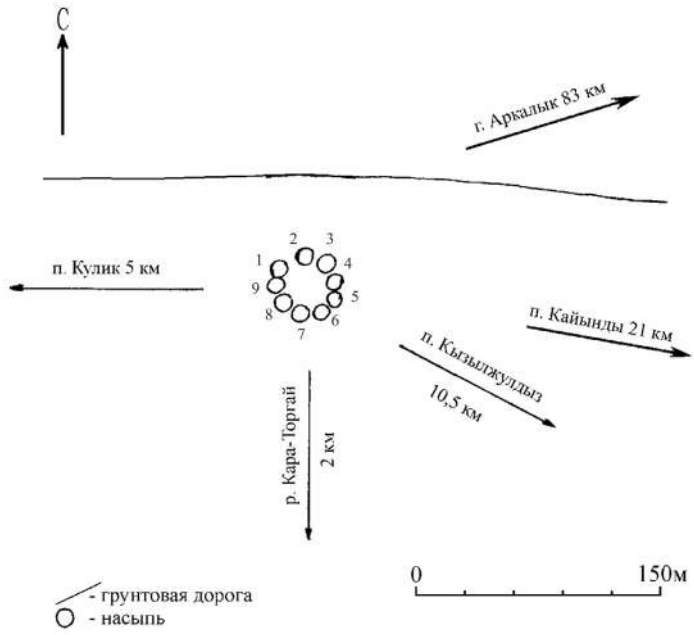

Рис. 2. «Геоглиф» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). Ситуационный план

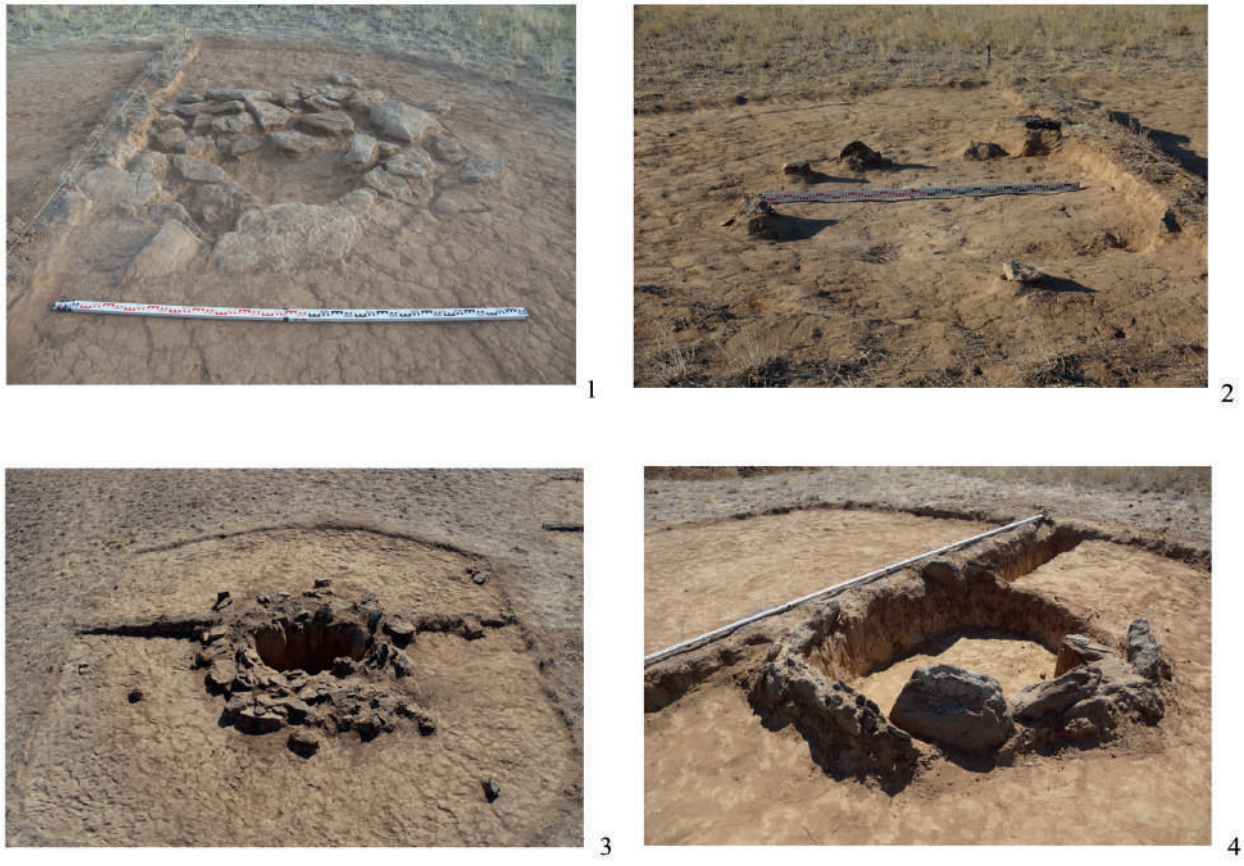

Рис. 3. «Геоглиф» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). 1 – насыпь 1; 2 – насыпь 2; 3 – насыпь 3; 4- насыпь 4

оградки и за её пределами нет.

Насыпь № 2, диаметром 7,5 м, высотой 0,1 м, на поверхности фиксировались вкопанные камни. После снятия насыпи, были обнаружены разрозненные камни, располагающиеся по окружности диаметром 2,4 м, которые, по нашему мнению образуют поминальную оградку (рис. 3, 2). Находок внутри оградки и за её пределами нет.

Насыпь № 3, диаметром 8,5 м, высотой 0,2 м, на поверхности фиксировалось значительное количество вкопанных камней. После расчистки была обнаружена конструкция в виде округлой оградки диаметром 4,5 м из вертикально установленных в несколько рядов плит песчаника, вокруг которых располагались массивные плиты уложенные горизонтально. Во внутренней части оградки размером 1,6 х 2,4 м камни отсутствовали (рис. 3, 3). В ходе расчистки оградки, с южной стороны была зафиксирована антропоморфная стела. В ходе раскопок внутренней части оградки, была обнаружена погребальная камера, облицованная каменными плитами на всю глубину, от поверхности до придонной части. В придонной части камеры на глубине 2 м, было найдено парное захоронение (рис.4). На дне погребальной камеры были зафиксированы деревянные доски, (носилки?) расположенные поперек ямы. Погребённые мужчина и женщина 40-50 лет (определения А.В. Колбиной) были уложены на спину, в вытянутом положении, головами на юг, руки вытянуты вдоль тела. Костяк женщины располагался по правую сторону от мужчины. У правого бедра мужчины найден короткий железный меч (рис. 5, 1), в районе таза находились фрагменты железных пластин (фрагменты поясного набора). Голова погребённой женщины склонена к плечу мужчины, её шейные позвонки в анатомическом порядке были смещены к востоку от её головы (рис.5, 3), рядом был помещён большой фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю (рис.5, 3). В районе шеи и груди женщины зафиксировано ожерелье из каменных бусин. Жертвенная тризна (конечности и тазовые кости МРС) была помещена у восточной стенки, со стороны женского костяка. У правого плеча погребенной, стоял гончарный сосуд, там же были найдены фрагменты бронзового зеркала (рис. 5, 2). В ногах мужчины было найдено ребро лошади (?).

Рис. 4. «Геоглиф» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). Погребение в насыпи 3

Насыпь № 4, диаметром 7 м, высотой 0,12 м, на поверхности фиксировались вкопанные камни. После снятия насыпи, так же как и под насыпью № 1 была обнаружена оградка диаметром 2,4 м, состоящая из плоских плит песчаника установленных на ребро (рис. 3, *4*). Среди каменных плит были зафиксированы две антропоморфные стелы, также установленные на ребро. Находок внутри оградки и за её пределами нет.

Заключение. Предварительный анализ погребального обряда (южная ориентировка, использование камня при сооружении надмогильной конструкции и погребальной камеры, установка антропоморфных стел и т.д.) и инвентаря (бронзовое зеркало с валиком по краю, короткий железный меч с прямым перекрестием кольцевым навершием и т.д.) позволяет данное погребение отнести к ранне-среднесарматскому времени [Гуцалов 2004: 136; Скрипкин 1990: 240; Хазанов 1971: 171]. Для более точной датировки планируется провести AMS-датирование.

Рис. 5. «Геоглиф» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). Детали погребения из насыпи 3. 1 – железный меч; 2 – гончарный сосуд; 3 – бронзовое зеркало и шейные позвонки , женщины

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Гребенюков В.И. Разведочные работы на Кара-Тургае // Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1982. Костанай, 1983.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 136 с.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1910. Вып. XXII. 329 с.

Логвин А.В., Нетета А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Разведочные работы по выявлению новых геоглифов Торгая // Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 2015 г. Костанай, 2016.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Нетета А.В., Сеитов А.М. О некоторых ритуальных комплексах («геоглифах») Тургая // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Колл. монография / отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им.А.Х. Маргулана, 2017. 360 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай: «Костанайполиграфия», 2018. 132 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Саратовский госунивеситет, 1990. 240 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. Москва: Наука. 1971. 171 с.

Motuzaite Matuzeviciute G., Logvin A.V., Shevnina I., Seitov A.M., Feng J., Zhou L. OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. – 2016. – P. 1–9.

А.В. ЛОГВИН,
И.В. ШЕВНИНА

Андрей Викторович Логвин,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; Logvin_@mail.ru
Ирина Викторовна Шевнина,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; Shevnina_i@mail.ru

РАННЕСАКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК

Аннотация. Статья посвящена погребению №183 могильника Бестамак. Могильник Бестамак находится на правом берегу р. Буруктал (первый восточный приток р. Убаган) (Костанайская область). Погребение №183 окружено кольцевым рвом, скорее всего, является подкурганным. На глубине 1,7 м зафиксировано диагональное погребение женщины 30 лет (определения А.В. Колбиной) в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп погребённой сильно деформирован. Руки вытянуты вдоль тела. Под правой рукой, в области предплечья было обнаружено бронзовое зеркало, оселок и железный нож (?). Вокруг и под погребённой фиксируется тлен коричневого цвета, который, скорее всего, является органической подстилкой. По погребальному обряду, инвентарю и радиоуглеродной дате погребение было отнесено к раннесакскому времени.

Ключевые слова: Тургай, Бестамак, саки, тасмолинская культура, диагональные погребения

Андрей Викторович Логвин,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан
Ирина Викторовна Шевнина,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

БЕСТАМАҚ ҚОРЫМЫНДАҒЫ ЕРТЕ САҚ ЖЕРЛЕУІ

Аннотация. Мақала Бестамақ қорымының №183 жерлеу орнына арналған. Бестамақ қорымы Бөріктал өзенінің оң жағалауында (Обаған өзенінің бірінші шығыс саласы) орналасқан (Қостанай облысы). №183 жерлеу орны шеңберлі ормен қоршалған, оба маңында орналасқан болуы мүмкін. 1,7 м тереңдікте арқасымен созылған күйде, басы солтүстік-батысқа қарай диагоналды жерленген 30 жастағы әйелдің (А.В. Колбинаның анықтамалары) мүрдесі табылды. Бас сүйегі қатты өзгеріске ұшыраған. Қолдары дене бойымен созылған. Оң қолының астынан, білек тұсынан қола айна, қайрақ және темір пышақ табылды (?). Жерленген адамның айналасында және астында қоңыр түсті шірік бар. Ол органикалық төсем болуы әбден мүмкін. Жерлеу ұрпы, табылған заттар мен радиокөміртекті мерзімдеу бойынша жерлеу орны ерте сақ кезеңіне жатқызылды.

Түйін сөздер: Торғай, Бестамақ, сақтар, тасмола мәдениеті, диагоналды жерлеу орындары

Andrey Logvin,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan
Irina Shevnina,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

SEARLY SAKA BURIAL OF THE BESTAMAK BURIAL GROUND

Abstract. The article is devoted to burial No. 183 of the Bestamak burial ground. The Bestamak burial ground is located on the right bank of the river. Buruktal (the first eastern tributary of the Ubagan river) (Kostanay region). Burial No. 183 is surrounded by a ring ditch and is most likely a burial mound. At a depth of 1.7 m, a diagonal burial of a 30-year-old woman (identified by A.V. Kolbina) was recorded in an extended position on her back, with her head to the northwest. The skull of the buried woman is severely deformed. The right arm is extended along the body. Under the right hand, in the forearm area, a bronze mirror, a whetstone and an iron knife (?) were found. Around and under the buried body, brown decay is observed, which is most likely organic litter. According to the funeral rite, grave goods and radiocarbon date, the burial was attributed to the Early Saka period.

Keywords: Turgay, Bestamak, Saka, Tasmola culture, diagonal burials

Введение. Могильник Бестамак находится на правом берегу р. Буруктал (первый восточный приток р. Убаган), в 8 км к юго-западу от п. Чили Аулиекольского района Костанайской области, у северо-восточной окраины поселения Бестамак (рис.1). Могильник исследовался Тургайской археологической экспедицией в 1991-1993, 1997, 2002, 2003, 2005-2008, 2013 гг. под руководством В.Н. Логвина и А.В. Логвина. Могильник является грунтовым, функционировал долгое время от эпохи энеолита до эпохи средневековья. Основная часть могильника относится к эпохе бронзы, к синташтинско-петровскому периоду. Статья посвящена погребению раннего железного века №183, которое было обнаружено в полевом сезоне 2013 года. Первая публикация данных материалов состоялась в 2014 году, где предварительно погребение №183 было отнесено к среднесарматскому периоду, при этом не исключалось и более раннее сакское время [Логвин и др. 2014: 46]. Затем, в публикации о древних кочевниках Тургая А.М.Сеитов, отнёс погребение № 183 к позднесарматскому времени, в пределах I–III вв. н. э., не исключая и более раннюю датировку. Следует отметить, что материалы погребения полностью опубликованы не были [Сеитов

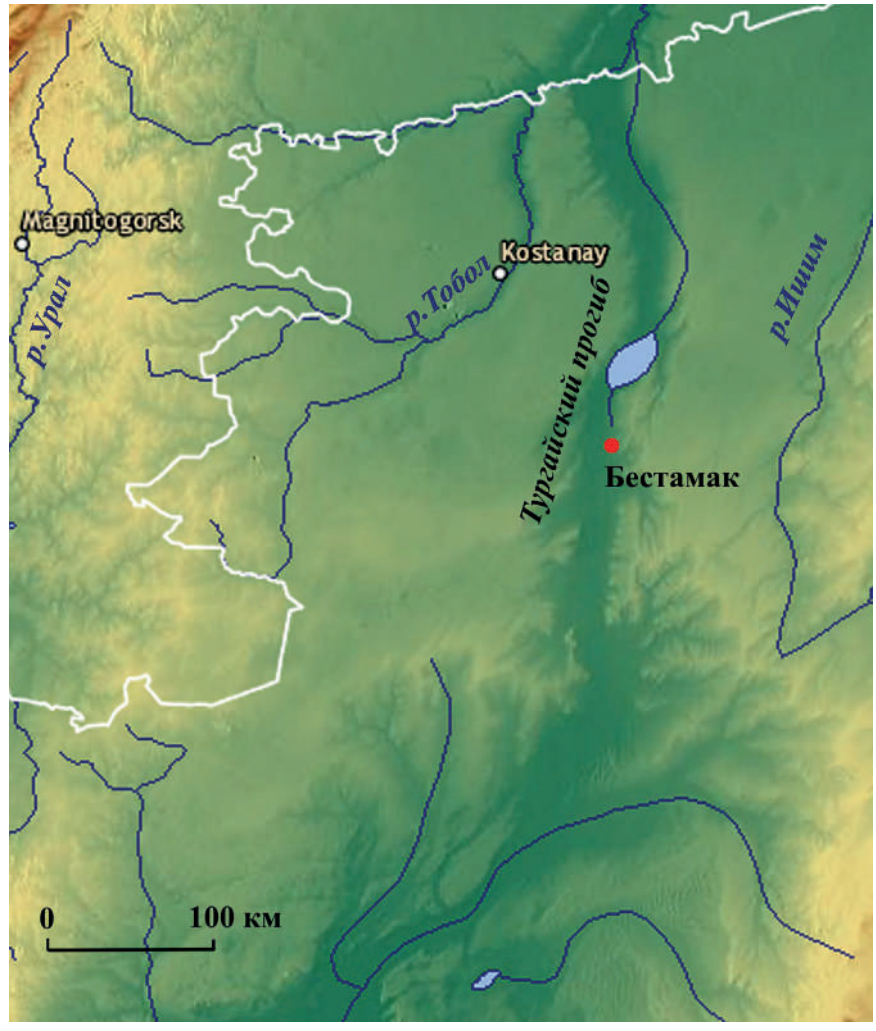

Рис. 1. Карта расположения могильника Бестамак

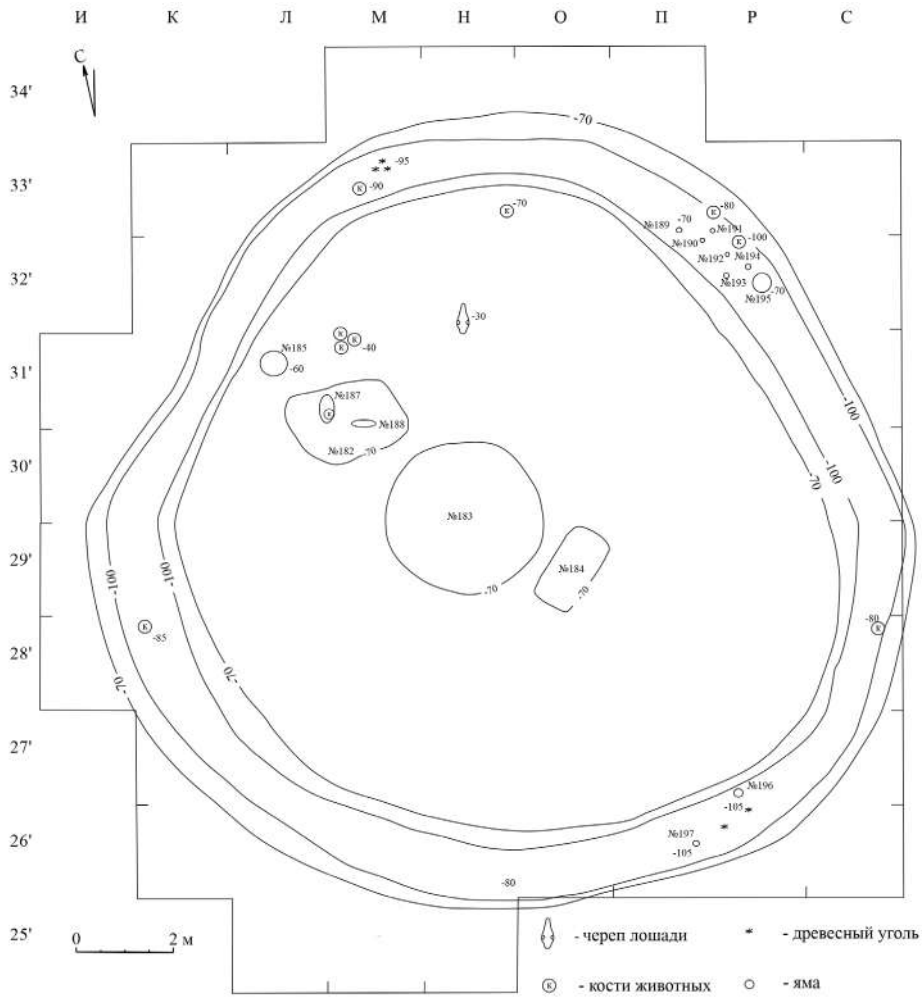

Рис. 2. Могильник Бестамак. План погребения № 183

2017: 192]. В связи с получением новых данных назрела, во-первых, необходимость полной публикации погребения, во-вторых, пересмотр его хронологической и культурной принадлежности.

Планиграфия. Погребение №183 окружено кольцевым рвом, скорее всего, является подкурганным (рис.2). Насыпь самого кургана не сохранилась, так как была песчаной. Погребения раннего железного века на могильнике Бестамак обнаружены не впервые: 2005 и 2006 годах здесь были исследованы сарматские погребения №102, 103, 138 [Логвин и др. 2008: 155–169]. Они также не имели насыпи, а как известно бескурганные погребения для раннего железного века не характерны. Отсутствие насыпей на могильнике Бестамак мы связываем с эрозией песчаных почв. Косвенным признаком того, что насыпь была над погребением № 183 может служить наличие рва вокруг погребения.

Ров фиксировался на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности. Ширина раскопанной части рва от 1 до 1,6 м. Глубина – 0,4 м. Заполнение рва – супесь серовато-коричневого цвета. В заполнении рва обнаружены фрагменты костей животных, фрагмент орнаментированного дна плоскодонного сосуда, древесный уголь (рис. 2). В северо-восточной части рва были зафиксированы столбовые ямки (№№ 189-195), которые скорее всего имеют отношение к входу-выхо-

ду (деревянный настил (?) над рвом) на подкурганную площадку. В южной части рва были зафиксированы ещё две столбовые ямки №196, 197.

Примерно по центру подкурганной площадки, на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности были обнаружены: погребение №183, с западной и юго-восточной стороны которого находились ямы №№182, 184. Кроме этого были зафиксированы три столбовых ямы (№№185, 186, 187), череп лошади (определения Л.Л. Гайдученко), ориентированный лицевой частью на север, фрагменты керамики, кости животных и каменные отщепы.

Центральное погребение №183 фиксировалось, как пятно округлой формы серовато-коричневого цвета, размером 3,2 х 3,3 м, глубиной 1,7 м. По всей окружности пятна, в 0,1-0,3 м от края ямы, фиксировался кантик песка жёлтого цвета, шириной до 0,2 м. Заполнение ямы неоднородное. В верхней части ямы супесь серовато-коричневого цвета, мощностью до 0,8 м, с прослойками супеси серого цвета, мощностью до 0,15 м и линзой пёстрого цвета, длиной 1,35 м, мощностью до 0,15 м. Ниже – супесь пёстрого цвета, мощностью до 1,6 м. На глубине 0,3 м яма приобретает подпрямоугольную форму с закругленными углами,

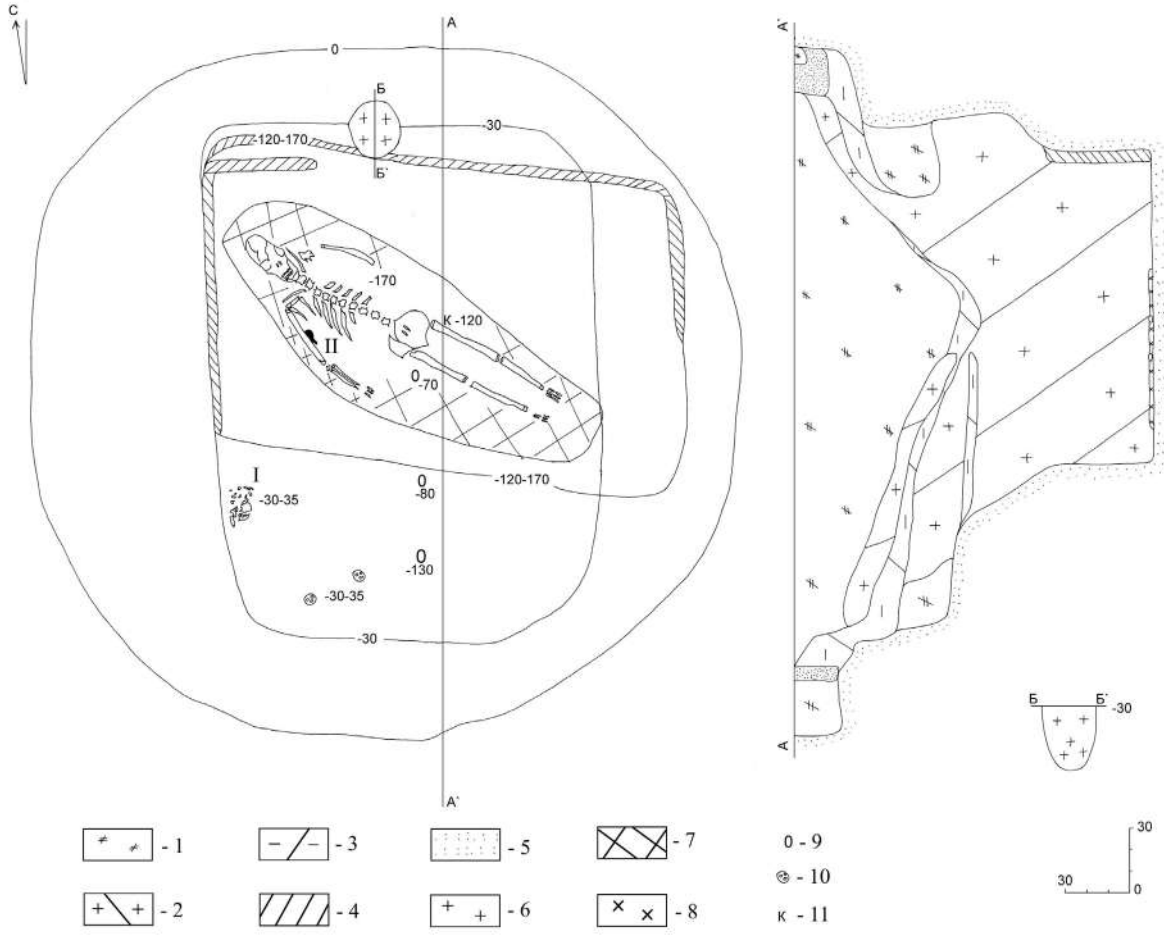

Рис. 3. Могильник Бестамак. План и профиль погребения № 183. I – фрагменты черепа человека; II – бронзовое зеркало, каменный оселок, железный нож.1 – супесь серовато-коричневого цвета; 2 – супесь пестрого цвета; 3 – супесь серого цвета; 4 – древесный тлен; 5 – песок желтого цвета; 6 – супесь черного цвета; 7, 8 – органический тлен; 9 –отщеп; 10 – охра; 11 – фрагмент керамики

Рис. 5. Могильник Бестамак. Погребение № 183.
1 – придонная часть погребения; 2 – деталь погребения

ориентированную длинной стороной по линии ЮЗ-СВ (рис. 3). Размеры ямы уменьшаются (2,4 х 1,8 м). В северной части при зачистке уровня было зафиксировано пятно округлой формы, чёрного цвета, диаметром 0,25 м, мощностью 0,3 м. С глубины 1,2 м ориентировка ямы меняется на СЗ-ЮВ. Размеры ямы снова уменьшаются (2,2 х 1,45 м). С глубины 1,2 м до дна по периметру ямы с северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стороны, фиксируется древесный тлен.

На глубине 0,3-0,35 м в западном углу обнаружены останки черепа человека 50-60 лет (определения Колбиной А.В.) и скопления охры. На глубине 0,7-1,3 м были обнаружены неорнаментированный фрагмент сосуда и каменные изделия (отщепы без ретуши – 2 экз. и отщеп с небольшим участком ретуши). Эти находки, являются погребением эпохи энеолита, которое при сооружении погребальной камеры в период раннего железного века было разрушено. Такая ситуация характерна для могильника Бестамак, так как он функционировал с эпохи камня и довольно часто энеолитические погребения оказываются нарушенными более поздними погребениями.

На глубине 1,7 м зафиксировано диагональное погребение женщины 30 лет (определения А.В. Колбиной) в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп погребённой сильно деформирован. Руки вытянуты вдоль тела. Под правой рукой, в области предплечья было обнаружено бронзовое зеркало, оселок и железный нож (?). Вокруг и под погребённой фиксируется тлен коричневого цвета, который, скорее всего является органической подстилкой (рис. 5).

Ямы №182 и № 184 имели подпрямоугольную форму со слегка закругленными углами, ориентированные по линии З-В. Размеры ямы №182 – 2,2 х1,55 м, глубина – 0,6 м. Размеры ямы № 184 – 1,85 х 0,95 м, глубина – 0,3 м. Заполнение – серовато-коричневая супесь. Находок нет. Заполнение этих ям и центрального погребения №183 очень схоже, что может указывать на их одновременность. Назначение обеих ям не установлено.

Ямы №№ 185, 186, 187 являются столбовыми. В яме № 187 была зафиксирована кость животного. В остальных ямах находок нет.

В заключении описания планиграфии комплекса отметим, что, при сравнении данных георадара и археологических раскопок, выяснилось, что георадарная съемка отчетливо указала на очертания могильных ям и рва (рис. 4.).

Инвентарь из центрального погребения (№183).

Бронзовое зеркало с ручкой, плоское, имеет округлый диск диаметром 10,2 см с заострённым верхом. Ручка длиной 2,7 см, шириной 1,7 см, толщиной 0,5 см. На ручке посередине, имеется петелька в виде дуговидной скобы длиной 1,4 см. Сечение зеркала плоское, прямоугольное, толщина диска – 0,2 см. Остатки дерева, камыша и коры на зеркале, позволяют предположить, что изделие первоначально находилось в чехле (рис. 6; 7).

Каменный (?) оселок вытянуто-прямоугольной формы, длиной 13,1 см, шириной 2,7-2,3 см, толщиной 1,5 см. На одном конце имеется округлое сквозное отверстие диаметром 0,7-0,8 см (рис. 6; 7).

Железное изделие сильно коррозировано и плохо сохранилось, что не позволяет нам достоверно отнести находку к какой-либо категории инвентаря. Артефакт в виде длинного уплощенного стержня, длиной 15,5 см, шириной 1,5-2 см, толщиной 0,4-0,7 см. Одно

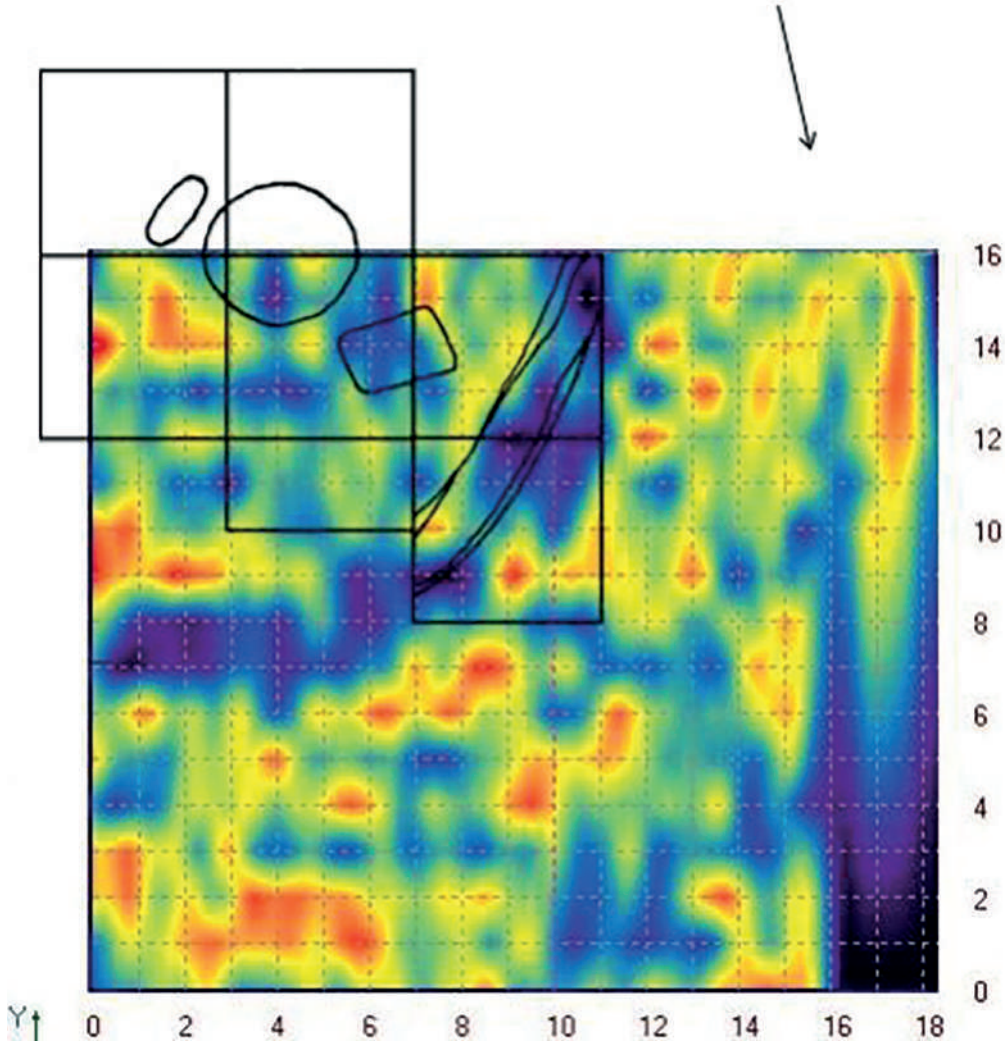

Рис. 4. Могильник Бестамак. Сопоставление плана раскопа и данных георадарной съемки на глубине соответствующей 45 нс

Рис. 6. Могильник Бестамак. Погребение №183. Погребальный инвентарь. 1 – каменный оселок; 2 – железный нож; 3 – бронзовое зеркало

окончание имеет закругленную форму. Морфологические признаки позволяют предположить, что это изделие – нож (рис. 6; 7).

Результаты и обсуждение.

По материалам могильника была получена AMS-дата, которая указывает на раннесакское время VII–VI вв. до н. э. (табл. 1). В это время на территории Северного Казахстана бытовали племена улубай-тасмолинской культуры. При анализе погребальной обрядности, рассматриваемого комплекса, такие элементы, как индивидуальное погребение под курганной насыпью, кольцевой ров, поминальная тризна (череп лошади) в насыпи, положение погребённой

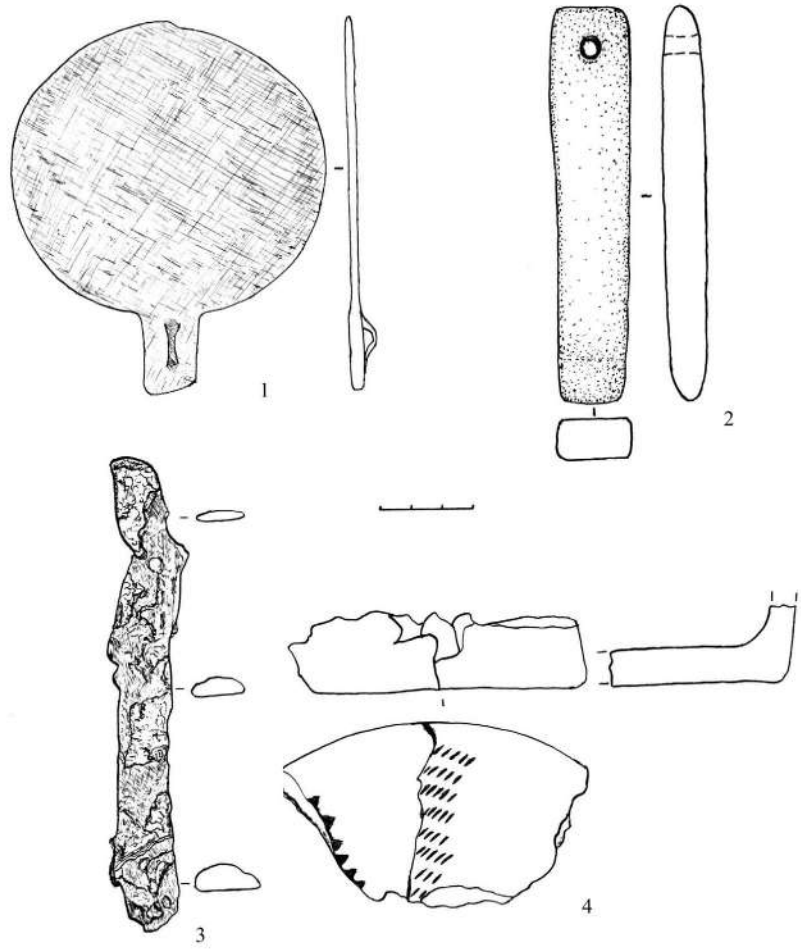

Рис. 7. Могильник Бестамак. Погребение №183. Погребальный инвентарь. 1–3 – погребение в яме № 183, 4 – ров. 1 – бронзовое зеркало, 2 – каменный оселок, 3 – железный нож. 4 – керамика

вытянуто на спине, головой на северо-запад, а также наличие среди погребального инвентаря бронзового зеркала с ручкой и петелькой, хорошо соотносятся с материалами улубай-тасмолинской культуры [Хабдулина 1994: 21, 23–26, 131, таб. 57, 1,5; Таиров 2007: 216, рис.39, 2, 9; Таиров 2017: 20, 320, рис. 47, 11, 12].

Таблица 1.

Могильник Бестамак. Радиоуглеродная дата погребения №183

п/п	Лабораторный шифр	Памятник	^{14}C BP	Калибровочный интервал 95.4 (2 sigma)	Датируемый материал
1	KCCAMS 199638	Могильник Бестамак/ погр.183	2510 ± 20	784–544BCcal	Кость животного

Несомненно, существенными признаками обряда бестамакского погребения являются: диагональное положение умершего и, возможно, деформация (?) черепа женщины. Оба этих признака не характерны для улубай-тасмолинской культуры, но находят параллели с погребальным обрядом памятников Приаралья в раннесаскское время. Так, диагональное положение умершего в погребальной камере, было зафиксировано в Южном Тагискене. Кроме того в раннесакских погребениях Южного Тагискена встречается и обычай хоронить умерших головой на северо-запад [Итина 1992: 38–39].

Особый интерес представляет возможная деформация черепа, которая была зафиксирована археологами в полевых условиях. К сожалению, сохранность черепа погребённой не позволила провести антропологический анализ на предмет подтверждения деформации. Поэтому утверждать, что череп был деформирован специально, а не в результате дальнейшего разложения тела, мы не можем. Тем не менее, отметим, что обычай искусственной деформации черепной коробки уходит в глубокую древность, и также зафиксирован у среднеазиатских племен сакского времени, в том числе и у саков Южного Приаралья [Яблонский 1996: 53].

Суммируя данные анализа погребальной обрядности, инвентаря и радиоуглеродного датирования, можно с уверенностью сказать, что погребение № 183 из могильника Бестамак относится к раннесакскому времени. Наличие же раннесакских погребений на территории Тургая, связано с процессами передвижения номадов из Центральной и Средней Азии на запад в пределы урало-казахстанских степей.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература:

Итина М.А. Саки Приаралья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. / Ответ. ред. М.Г. Мошкова Москва: Наука. 1992. 492 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Новое в исследовании археологического наследия Торгая // Новая методология казахстанской исторической науки: поиски и обретения. Костанай: Центрум 2014. С. 41–49.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Сарматские материалы на могильнике Бестамак // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. 2008. С. 155–169.

Сеитов А.М. Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э.// Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Колл. монография / отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 360 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. 2007. 274 с.

Таиров А.Д. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н.э. // Материалы и исследования по культурному наследию. Том. VII. Под ред. З.С. Самашева. Астана: Курсив. 2017. 391 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым 1994. 170 с.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. Москва: Институт археологии РАН. 1996. 184 с.

Қ. САРТҚОЖАҰЛЫ

Қаржаубай Сартқожаұлы,
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
«Түркітану және алтайтану» ғылыми-зерттеу орталығы,
Астана, Қазақстан; kharjaubay@mail.ru

СЫНТАСТАРДЫҢ ТАРАЛУЫ ЖӘНЕ СКИФТЕРДІҢ МИГРАЦИЯСЫ

Аннотация. Автор мақаласында ежелгі көшпелі скифтердің (оғуздардың) баба мекені Орталық Азияда жасап қалдырған сынтастардың шығу тегі, олардың неге арналғанын, типін, хронологиясын топтастырып берумен қатар, ежелгі көшпелілер мәдениетін, мәдени құндылықтары арқылы тарихын жаңғыртуға талпынған.

Қазіргі кезде археология ғылымы күш алып, көптеген мұраларды жаңадан ашып, олардың құпия сырына жаңа көзқараспен қарай бастады. Солардың бірі қарапайым халықтардың көзі үйренген сынтастар. Олай болса, бұл сынтастар бүкіл түркі әлемінің ежелгі тарихының нақты түп дерегі, материалдық құндылығы екенін автор көрсеткен. Сонымен қатар Орталық Азиядан Еуропаға қоныс аударған ежелгі шумер, эллиндіктерден кейін ежелгі оғуздардың миграциясын негізгі нысан болып отырған сынтастардың хронологиясы, орналасқан ареалы арқылы белгілеп берген.

Түйін сөздер: Скиф, скуз, оғуз, сынтас, Орталық Азия, Алтай, миграция

Каржаубай Сарткожаулы,
Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилёва
Научно-исследовательский центр тюркологии и алтаистики,
Астана, Казахстан

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ И МИГРАЦИЯ СКИФОВ

Аннотация. В статье, помимо классификации и хронологии оленных камней, созданных древними кочевыми скифами (огузами) на своей прародине Средней Азии, автором предпринята попытка по-новому представить историю древних кочевников сквозь призму их культурных ценностей.

Сегодня археология окрепла, открыла множество объектов наследия и теперь изучает их тайны с новых сторон. Одна из таких тайн – оленные камни, которые людям уже знакомы, однако автор показал, что именно эти оленные камни являются настоящими корнями и материальной ценностью древней истории всего тюркского мира. Кроме того, последовавшая вслед за миграцией древних шумеров и эллинов из Средней Азии в Европу, миграция древних огузов была отмечена хронологией и ареалом происхождения оленных камней.

Ключевые слова: скифы, скузы, огузы, оленные камни, Средняя Азия, Алтай, миграция

Karzhaubay Sartkozhauly,
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Research Center for Turkic and Altaic Studies,
Astana, Kazakhstan

DISTRIBUTION OF DEER STONES AND MIGRATION OF THE SCYTHIANS

Abstract. In the article, in addition to the classification and chronology of deer stones created by the ancient nomadic Scythians (Oghuz) in their ancestral home of Central Asia, the author made an attempt to present the history of the ancient nomads in a new way through the prism of their cultural values.

Today, archaeology has grown stronger, discovered many heritage sites and is now studying their secrets from new angles. One of these secrets are deer stones, which are already familiar to people, but the author showed that these deer stones are the real roots and material value of the ancient history of the entire Turkic world. In addition, following the migration of the ancient Sumerians and Hellenes from Central Asia to Europe, the migration of the ancient Oghuzes was marked by the chronology and area of origin of deer stones.

Keywords: Scythians, Skuzes, Oghuzes, deer stones, Central Asia, Altai, migration

Ұсынып отырған тақырып әлем археологиясында «бұғытас» деген атаумен орын алған Орталық Азияның ежелгі көшпелілерінің бірегей мұрасы хақында.

Бұғытас деген не? Оның маңыздылығы бүкіл түркі тарихындағы, соның ішінде қазақ тарихындағы орнын айқындауға талпыныс жасауды жөн көрдік. Бұғытастардың 80% ежелгі және байырғы түріктердің баба мекені бүгінгі Моңғолия территориясында орналасқан.

Сынтаспен тікелей байланысты, әрі оның ажырамас бір бөлігі – обалар немесе үйметастар. Бұларды моңғолдар «kiregsegür» (керексур) деп атаған. Мағынасы «қырғыз моласы» деген түсінік береді. Керексурлар мен сынтастар (бұғытас) бір мәдениеттің құндылықтары. Ресей ғалымдары жергілікті халықтың атауын ғылыми атауға айналдырып бүкіл археологиялық еңбектерде тұрақтандырған.

Керексур дегеніміз төртбұрыш немесе шеңбер тәріздес дөңгелек қоршауының ортасында орналастырған оба – үйметас. Дөңгелек қоршаудың диаметрі 6-214 метрге дейін жетеді. Төртбұрыш қоршаудың ең үлкені 388х410 метр, шағыны – 2,2х4-6 м болады. Бұл обаның сыртқы қоршауының формасы дөңгелек немесе төртбұрыш болып келеді (1-сур.). Үйметастың (обаның) астыңғы жағына 50-60 см ғана жер қазып жалпақ таспен мүрдені қоршап шалқасынан жатқызып орналастырған. Мұндай керексурларда материалдық мұралар мүлде болмаған [Амартүвшин 2018: 56].

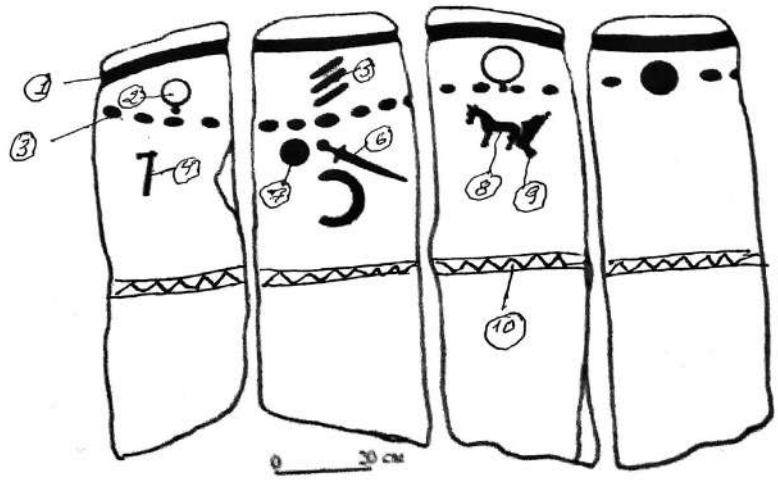
Аталмыш қоршауды шығыс және оңтүстік жағына төртбұрыш немесе дөңгелек формалы тәу ететін шағын (көлемі 1-6 м) орындарды тастан қалап қатарластыра орналастырған. Мұндай тәу ететін орын саны 1-2000-ға дейін болуы мүмкін [Амартувшин 2018: 59–61; Төрбат. 2021: 193].

Қоршаудың ортасындағы керексурдан батысқа қарай тастарды жерге сіңіре қадап, күн шапағы сияқты етіп бейнелеп отырғызған. Ал кейбір кешендерде керексурдан оңтүстікке бағыттап қоршауға дейін жерге тас төсеп жол салған. Бұндай жол үнемі кездесе бермейді. Керексурдың шығыс жағына 10-50 метр аралықта төртбұрыштап қоршау жасап (көлемі 2х2; 2,20-3 метр) табиғи жер қыртысына сынтастарды 50-80 см тереңдікке сіңіріп орналастырған [Төрбат 2021: 194].

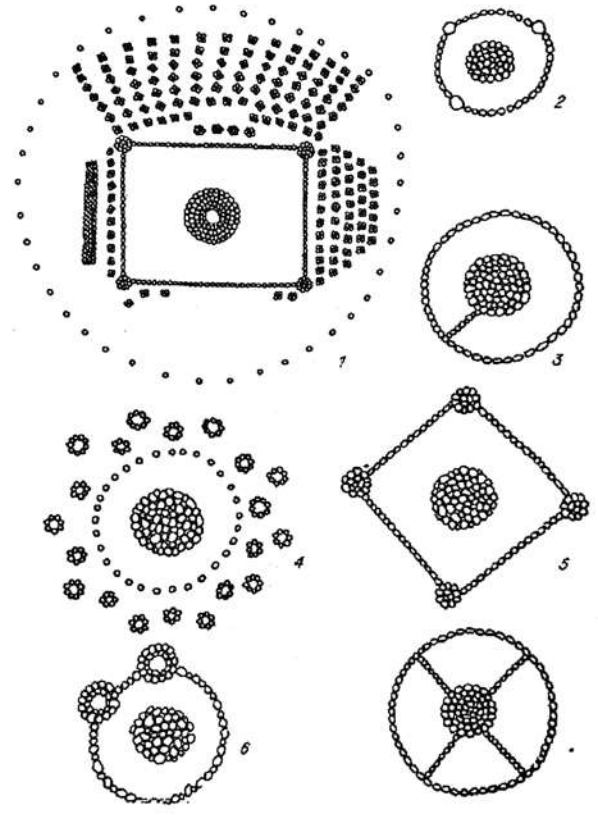
Керексурға байланысты ғылыми ізденістер мен анализдерді қысқартып, оның құрамдас бөлігі болған сынтасқа (бұғытасқа) көшелік. Сынтастың құрамдас бөлігі болған керексурларға байланысты зерттеуімізді кейін арнайы жеке мақала ретінде беретін боламыз.

Ең әуелі сынтастың анықтамасын берелік.

Қола дәуірінің соңы, темір дәуірінің алғашқы кезеңінде, Орталық Азиядағы (Алтайда) көшпелі қауым ортасынан суырылып шығып елін, жерін, қауымын,

1-сур. Алтай типінің сынтасы (Ц. Төрбат бойынша).
1) Тымақ орнына басын таңған орамал, 2) сырға, 3) …, 4) кетпен, 5) адам беті, 6) канжар, 7) дөңгелек кесе, 8) жылқы, 9) садақ, 10) белдік, кісе

2-сур. Моңғолия жеріндегі ежелгі сақ (скиф = іч оғыз) херексурларының орналасуы [Худяков1987: 142]
1- Ихе-Алын; 2, 3 – Орхон-гол; 4 – Гунжін-дабан;
5 – Дунд-Цэнхэр-гол; 6 – Қызыл- Бостой;
7 – Жуунайн-Булан

халқын қорғап күрескен ұлы қайраткерлерге арнап тұрғызған ұстын.

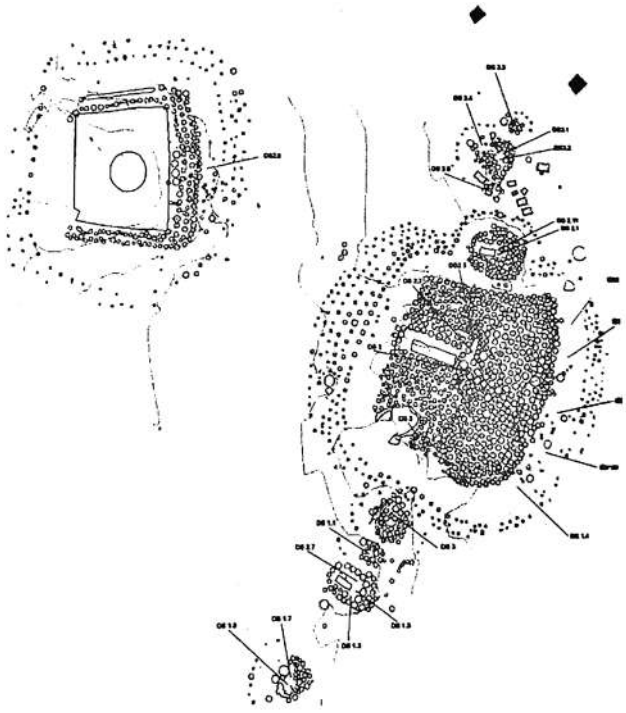
Төрт қырлы табиғи діңгек тастарды таңдап алып, оның төрт бетін тегістеп, жіңішке қырын бет жағы етіп шығысқа қаратып, адам кейпінде бейнелеген. Ең үлкен сынтастың биіктігі 4 м, ең аласасы 40 см болады. Ұстынтастың ұшар басы қиғаш боп келеді де тымақтың орнына 2-4 см жалпақ етіп ойып, басын таңған (2-сур.). Оның аяқ жағына адамның бетінің орнына (қасы-көз, мұрны, ауызы) қиғаш үш сызық сызылған. Оның дәл астына сопақ маржан тәріздес етіп ойып, алқаның моншақ тізбектері берілген. Ұстынның орта тұсына белбеу, оған ілген пышақ, ақинақ, қаншар, ілмек және садақ, жебе, кетпен, айбалта бос мойын шоқпар, қалқан т.т.с.с. Қару-жарақтардың суреті салынған (3-сур.) Моңғолия-Ішкі Байқал аймағындағы оннан астам ұстынға адамның бас мүсіні бейнеленген [Төрбат 2021:193].

Осынау бейнелердің өзі-ақ сынтас дегеніміз Ұлы Даланың үш мың жыл бұрынғы сайыпқыран батырларының мүсіні деген түсінік аламыз.

Түркі халықтары бұдан мың жарым жыл бұрын М. Қашқари сөздігінде (М.К. III. 152; индекс. б. 515) Ресей археологтары «бұғытас» деп атаған нысанды «сынтас» деп атаған. Бұл атау сонау скиф (скуз) дәуірінен солай аталған болуы мүмкін. «Сынтас» деп аталатын жер атауы Оңтүстік Сібірде (Хакасия, Тува, Таулы Алтай), Қазақстан, Шығыс Түркістан, Моңғолия, Қырғызстан территориясында көптен кездеседі. Сынтастардың алғаш пайда болған Алтай ареалында ұстын тастарда бұғы бейнесі қашалмаған. Осы тарихи ерекшелігін еске ала отырып жат жұрттық ғалымдардың еш жауапсыз атай салған «бұғытас» атауын біз «сынтас» деп алуды жөн көрдік.

Сынтастарды алғаш ғылым әлеміне жария еткен Г.Н. Потанин [Потанин 1881:47–55] В.В. Радлов (1892. Таблица I–III), Ю.Д. Талько-Грынцевич [Талько-Грынцевич 1928: 3–4] сияқты XIX ғасырда құжаттандырған саяхатшы-зерттеушілердің еңбегінен бастап, жүзден астам ғылыми еңбектермен ең соңғы жарық көрген Ж. Баярсайханның «Солтүстік Моңғолиядағы сынтастар» (2017 ж.) атты ғылыми монографиясына дейін қарастырдық. Сонымен қатар осы жолдар иесінің 40 жыл бойы моңғол даласын кезіп, байырғы түркі жазба деректері мен тарихи құндылықтарын іздестірген экспедиция кезінде арнайы көңіл бөліп белгілеген 60-қа жуық сынтастардың сипаттамасы туралы жазбаларымызды да пайдаландық. 2021 ж. Ц.Төрбат бастаған Моңғолия археологтар тобы Моңғолия мемлекеті мен көршілес Ресей (Сібір, Саян-Алтай), Қазақстан, Еуропаға дейін тараған 1551 дана сынтастарды қамтып, құжаттандырып, фото, сызба суретін, сипаттамасын жасап, үш том көлемінде ғылыми каталог ұсынды.

Ц. Төрбат басшылық етіп құрастырған осы сынтас (бұғытас) жинағында олардың Ресей, ҚХР, Моңғолия, Қазақстан ғалымдарының еңбектерін пайдалана отырып 1551 сынтастың ерекшеліктерін, ұстын бетіндегі аң стиліндегі бейнелерін, қару-жарақтарының фото, сызба суреттерін толық сипаттамасын берген. Сонымен қатар, шығысы Кентай жотасынан (Моңғолия) Қаратеңізге дейін тараған сынтастардың классифика-

3-сур. Жарғалант сайының бұғытасының херексуры [Төрбат, Баярсайхан 2011:146]

циясын жасаған кезде ғалымдардың еңбектерін толық пайдаланған.

Олар: М.Х. Маннай-Ооол [Маннай-Ооол 1968: 139–146], С.И. Вайнштейн [Вайнштейн 1974: 29–32], В.Д. Кубарев [Кубарев 1979а: 163–169; Кубарев 1979б: 42–83], В.В. Волков [Волков 1981: 102], Э.Н. Новоградова [Новоградова 1975: 288–291; Новоградова 1989: 201], Д.Г. Савинов [Савинов 2007: 105–107; Савинов 1978: 72–84; Савинов 1980: 5–9; Савинов 1994: 208], Ю.С. Худяков [Худяков 1987: 136–1 (2)].

Осы ғалымдардың жасаған классификациясын авторлар тобы талқылай отырып В.В. Волков, Э.Н. Новоградовалардың ұсынысын қабылдаған екен.

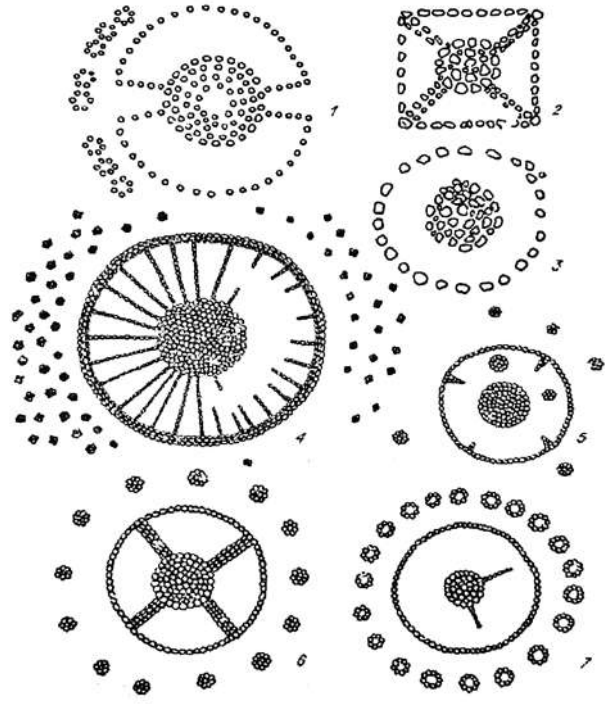
Нәтижесінде ж.с.б. XVI–VI ғғ. аралығында Орталық Азиядан Шығыс Еуропаға дейін тараған көшпелілердің аң стилді 1551 сынтастың классификациясын төмендегідей алып қарастырып ғылыми айналымға енгізген:

1. Евразия типтес сынтастар (ЕВ) – 771 дана;

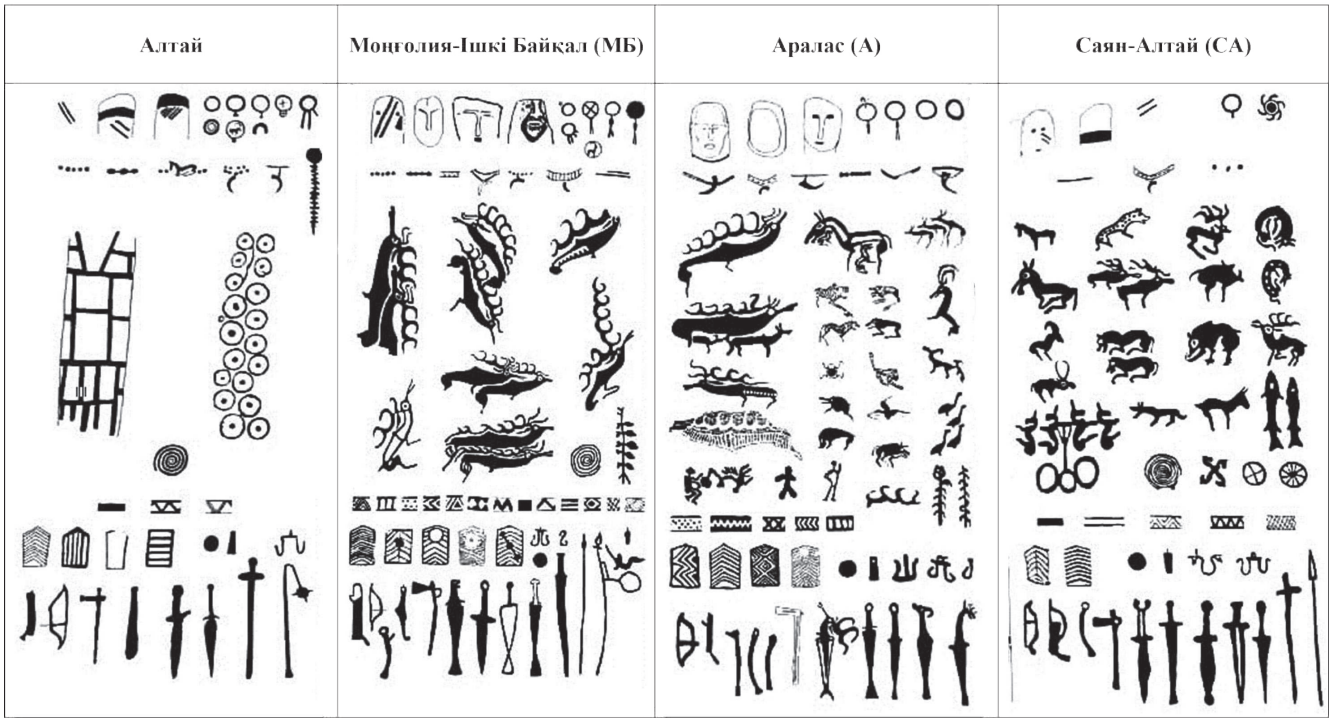
1. Моңғолия-Ішкі Байқал және аралас типтес сынтастар (МІБ) – 609 дана;

2. Саян-Алтай типтес сынтастар (СА) – 161 дана (4-сур.).

Группа	Тип	Подтип	Вариант	Количество, экз.	Размеры, м	Территория
I	1	1	1	2	30×0,2	Монголия, Тува
II	1	1	1	1	66×1	Тува
			2	2	30×1,5	Монголия, Тува
	2	1	1	9	20×0,5	Алтай, Монголия, Тува
			2	2	57×1	Тува
			3	24	40×1	Алтай, Монголия, Тува
	3	1	1	19	32×1	Монголия, Тува
			2	198	30×1	Забайкалье, Монголия, Тува
		2	1	14	25×0,5	Монголия, Тува
		3	1	5	16×1	То же
	4	1	1	3	25×1	Алтай, Тува
	5	1	1	1	45×1	Монголия
	6	1	1	7	48×1,2	Монголия, Тува
			2	4	30×1	То же
		2	1	8	25×0,4	—"—
			2	75	25×1	Забайкалье, Монголия, Тува
	7	1	1	1	15×1	Тува

4-сур. Тувадағы херексурлар [Худяков 1987: 142] 1-Чаа-Холь; 2, 3 – Мугур-Аксы; 4 – Улуг-Хорум; 5 – Шуурмак-Тей; 6 – Халыр; 7 - Чиргаланды

5-сур. Бұғытастардағы (сынтастардағы) бейнелер (Ц. Төрбат классификациясы бойынша)

Мұндағы «Евразия типтес» дегенді «Алтай типтес» деп алғаш пайда болған ареалдың атауымен атаған дұрыс болар еді.

Сынтастарда бейнеленген суреттерді, абстракт сұлбаларды салыстыра қарастырғанымызда аталмыш классификация тым ауытқып кетпегеніне көз жеткізгендейміз (5-сур.). Тек қана атау берген кезде аздап субъективтік ұстаным ұстанған.

Алтай сынтастарында адамның бет бейнесін (қасы-көзі, мұрны, аузы) қиғаш үш сызықпен (\\\), алқалары мен сырғаларын өзге екі топтан біраз айырмашылықта бейнеленген. Ал қару-жарақтары тым қарапайым суреттелген. Мұндағы таңқаларлық жағдай Геродоттың аңызындағы аспаннан алтын кетпен, алтын алқа, алтын айбалта, алтын кесе түсті деген аңыздағы 4 мұраның кеседен басқасы сынтаста бейнеленген. Мүмкін бұл кесе емес қалқан болар. Ежелгі латын тілінен аударғанда қателескен болуы мүмкін. Мүсіннің оң қолына кесе ұстату көк түріктерде сақталған.

Саян-алтай сынтастарында Алтай дәстүрін сақтай отырып, ондағы бейнелерге жан-жануарлардың бейнесін табиғи түрде қашап берген. Саян-алтай сынтастарындағы бейнелер арқылы өнер шеберлігі Алтай кезеңінен бір саты көтерілгені көрініп тұр. Бұл дегеніңіз сол дәуірдегі қоғам дамуына сай заманауи бола бастағанын көрсетеді.

«Моңғол-Ішкі Байқал типтес» деген атауды дұрыс бере алмаған. Бұл топқа Байқал тарапынан сегіз-ақ сынтас кірген. Сондықтан «Ішкі Байқал» деген атау артық. Оның орнына «Солтүстік Моңғолия» деп атаса дұрыс болар еді.

Моңғол-Байқал, аралас типтер кезеңінде біраз сынтастарда адамның бас мүсіні табиғи түрде бейнеленген. Қару-жарақтары жетілген, символика мен таңбалардың алғашқы элементтері пайда бола бастаған. Сонымен қатар 2, 4 ат жеккен 2 доңғалақты арбалар бейнеленген. Мұның барлығы сол дәуірдегі скифтердің күн сайын қолданыста болған материалдық құндылықтары.

Моңғолия-Ішкі Байқал кезеңінде Алтай, Саян-Алтай дәстүрін сақтай отырып жан-жануардың бейнесін абстракт түрде бейнелеген. Бұл дегеніңіз сол дәуірдегі адамдардың абстракт түрде ойлау, ой қорыту деңгейі бұрынғымен салыстырғанда біраз көтерілгенін көрсетеді. Ойлау дегеніміз адамдардың даму үстінде зор кемелділікке жеткен материяның жемісі.

Біздің салыстыра қарастырып отырған

нысанымыздың арғы қайнар көзі, шығу тегі, қандай мәдениеттен басталды деген сұрақ туындайды. Мұны да ғалымдар біраз қарастырған екен. Солардың ішінде РФ ғалымы А.А. Ковалев Ұлы Алтайда скиф типтес шеміршек мәдениетінің қауымдары болғанын, оған байланысты археологиялық деректерді іздеп, тауып, анализ жасап дәлелдеп берген [Ковалев 2000: 135–138; Ковалев 2000: 138–180; Ковалев 2001: 160–166; Ковалев 2011: 70–84].

Тұжырымдап айтсақ, Шығыс Манчжуриядан оңтүстігі Хуанхэның (Сарыөзен) екі жағалауын мекендеп қытайларды солтүстіктен қапсыра қоршай орналасқан көшпелілер, Орталық Моңғолия, Алашань құмы, Алтай, Саян-Алтайдан Орталық Азия, Кавказға дейінгі аймақта мекендеген тұрғын (автохтонный) қауымдар скифтер (скуз).

Енді осы скиф атауына анализ жасап көрелік.

Скиф атауы әр дәуірде әртүрлі тілде, әртүрлі аталған бір ғана ежелгі этностың атауы. Орыс ғалымдары Геродоттың «Тарих-наме» атты түпнұсқасындағы Σκυθης деген атауындағы θ шрифтісін «ф» (f) деп оқып келген-ді.

Бүгінге дейін біздер орыс әдебиетіне сүйеніп «скиф» деп танып, қабылдап келген этноним ежелгі Геродот нұсқасында Σκυθ деп белгілеген атауды американдық ғалым Е.Х. Миннс (E.H. Minns) скуз (skuz) деп оқып дұрыстап берді. Геродоттың «Тарих-наме» атты еңбегіндегі «skuz» атауын ары қарай жаңғыртсақ skuz > aš kuz > iš guz > ič oγuz» болады [Minns 1971: 112, 115; Гасанов 2002: 54; Закиев 2008: 221].

Ассириялық Накши Рустем шатқалындағы жартасқа жазылған және Бехистун (VI–V ғғ.) жазбаларында «aš-guz» деп белгіленген. Бұл атау Геродоттың «Тарих-намасындағы» нұсқамен бірдей болумен қатар Е.Х. Миннс, М. Закиев, З. Гасанов сияқты ғалымдардың жаңғыртпаларын тарихи тұрғыда дәлелдейді.

Бұл анализдер бұған дейін әр тілде әр түрлі белгіленген скуз (скиф) атауы ғалымдардың ізденісінің нәтижесінде ежелгі түрік тілінде «оғуз» деген атау екен. Ғалымдардың көп жылғы ізденісінің нәтижесінде байырғы түрік атауы өз орнын тапқанына көз жеткіземіз.

Түрік тарихын зерттеген көптеген ғалымдар оғуздардың (скиф) ұрпақтарының бірі хундар ежелгі оғуздар болуы мүмкін деп пікір білдірген. Олар Н.Я. Бичурин [Бичурин 1950: 49–57, 223, 225], Л.Н. Бернштам [Бернштам 1935: 33–34], В.С. Таскин [Таскин 1968: 129–130], С.П.Толстов [Толстов 1948: 175–216], Л.Д. Ельницкий [Ельницкий 1947: 238], Ма Шан Шоу [Ма Шан Шоу 2005: 25], Ма Лицин [Ма Лицин 2005: 82], Яо Вэнь-Юань (Яо Вэнь-Юань 1958: 28–31] сияқты әлемге танымал ғалымдар.

Аталмыш ғалымдардың пікірімен санасатын болсақ, хуннулар шығыс оғуздар болады да, скиф деп түсінік келген іш-оғуздар (царские огузы) батыс оғуз болады. Бұл болжамды кейінгі ғалымдар жалғастыратынына сенімдімін.

Олай болса, бұл халықтың ежелгі тарихын жаңғыртатын жазба деректер гректің Геродот, Страбон, қытайдың Сыма Цянь, Бан Гулардың еңбегінде белгіленген.

Сынтастардың хронологиясын белгілеуге 1920 жылдардан бастап ғалымдар кіріседе бастаған. Г.И. Боровка (1927), Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, Н. Диков, Ю.С. Гришин іспетті ғалымдар 1940-1950 жылдары ұсыныстарын білдіріп ж.с.б. VII–II ғғ. деген пікір айтқан. В.В. Волков, Э.Н. Новоградовалар [Волков, Новоградов 1975: 84] Карасук кейіпті қару-жарақтарымен салыстыра қараса, М.П. Грязнов, М.Х. Манай-Оолдар Аржан обасынан табылған сынтастардағы бейнелерге сүйеніп ж.с.б. XII–IX ғғ. құндылықтары деген пікір айтты.

Кейінгі жылдары моңғол археологтары 7818 керексурды (обаны) тізімдеп, соның ішінен 5070-ін таңдап алып, оның ішінен 121 керексурға қазба жұмысын жүргізіп, одан табылған жылқының тісі, көмірлерді шетелдерге хронологиясын белгілетуге жіберген. Солардың 55 данасы нәтиже берген.

Американдық ғалым В. Фицью (Fitzhugh V.) мен археолог Ж. Баярсайхандар 24 керексурдан шыққан жылқының тісіне, обадан шыққан көмірге 2009–2012 жылдары радиокарбон анализін жасатқан (2009, 2011, 2012, 2013, 2017). Американдық В. Тейлор (W. Taylor), Ж. Баярсайхан және басқа археологтармен бірге жұмыс жасап сынтастар мен керексурлардың хронологиясын белгілеген [Taylor 2015: 8; Taylor 2017: 49–58].

Алтайдың Цаган-Асғадан алған сынама ж.с.б. 1325–1113 жж., Могойт сынамасы XIII–X ғғ., Сағсай сынамасы ж.с.б. XV–X ғасырларды көрсетті. Ал Солтүстік Моңғолиядағы Көбіскөл сынамасы ж.с.б. 1325-1113 жылдарды Завханның Өгөмөр сынамасы 1214-1055 жылдарды көрсетті.

Ең төменгі межені Ховда аймағының Қарағобы ж.с.б. 980-800 жж., Бұлғын аймағының Дархан-ула

ж.с.б. 803-589 жж., ж.с.б. 829-776 жылдарды көрсеткен.

Бұл анализдер әрине толық емес. Әлі де көптеген керексурларды қазып жаңадан табылған органикалық архетиптерге анализ жасау керек. Әзірге сынтастар мен керексурлардың хронологиясын ж.с.б. XV–VI ғғ. деп белгілеуге болады.

Көшпелі қауымдар үлкенді-кішілі бірнеше ондаған билікке топтасқан. Әрбір аймақты басқарған тәуелсіз өз билігі және билік жүйесі болған. Скифтердің билігі үштік жүйемен қалыптасқан. Қараңыз. Тарғытай (Тұрғақ), одан үш ұл – Липоксай, Арпоксай, Колаксай. Колаксайдан үш ұл. Осы үш ұлына Колаксай халқын бөліп беріп, басшылық еткізеді (Г. IV. 6). Бұл жүйе 3000 жыл жалғасып ең соңында Қазақ хандығымен аяқталады. Кейде аса ауқымды аймақты иеленген қуатты билік құрған замандары да болған. Ол туралы Қытай тарихының атасы Сыма Цянь: «Шүн Вэй әулетінен (ж.с.б. 2250 жылдары) Түмен Шаньюйге дейінгі мыңжылдықта (ж.с.б. 2250 жылдары. Алтайдағы Шеміршек мәдениеті заманынан бастап) «хундардың арғы бабалары бірде бас қосып елдік құрса, бірде өз ішінен іріп бас-басымен босып кетіп жатты» деп хунну баянында жазып қалдырған (Сыма Цянь. 110 бума). Бұл аса ойландыратын дерек. Теле-оғуздар (қыт. Ди, дили, динлин, ху, у-ху) ж.с.б. XVI–III ғғ. аралығында Ұлы Алтайдың оңтүстік, солтүстік, батыс, шығыс бөлігінде (бүгінгі Қазақ Алтайынан бастап шығыстағы Ханбоғда (Моңғолия) тауына дейін 2900 км), Саян-Алтай, Байқал, Орталық Моңғолияның территориясындағы Хангай, Кентай жотасында өмір сүріп тұрғанын мәлімдеумен қатар бір билікке топтасқанын сөз етіп отыр.

Қытайдың Сүй патшалығының «Сүйшу» жылнамасының 84 бумасында: «Маньчжур даласынан батыстағы Самарқандқа дейін сай-сайдың саласында, өзендер мен көлдердің жағасында далалар мен таулардың арасында қалың телелер (оғуздар) өмір сүреді дей келіп, 50-ге жуық тайпалар мен бектіктерді, хандықтарды атайды [Еженхан 2006: 54–64].

Жоғарыдағы археологиялық және қазба деректер бұған дейін скуз, сақ деп келген халықтар, оғуз-түріктер екенін дәлелдеуі скуз (скиф) тарихын жаңғыртуға үлкен өзгеріс алып келді.

Олай болса, сынтас мәдениеті Ұлы Алтайда (төрт тарапында) пайда болғанын тарихи мұраның өзі дәлелдеп беріп тұрғандай.

Жоғарыдағы классификацияға көз жүгіртсек, Солтүстік Моңғолия, Саян-Алтайдағы сынтастардан Алтайдағы сынтастардың саны да мол. Онымен қатар Қаратеңізге дейін қоныс аударған скуздардың (оғуздардың) жасап қалдырған сынтастары Алтай типінің сынтастарының дәстүршілдігін, сабақтастығын дәлелдейді. Алтай кейіптес сынтастарда бұғы бейнесі мүлде жоқ.

Орталық Моңғолиядағы сынтастардағы негізгі басым бейне (образ) бұғы бейнесі. Олай болса, мұндағы скуздар (оғуздар) бұғы тотемді қауым екенін көрсетеді.

Жоғарыда сөз еткеніміздей, Қытайдың солтүстігін, батыс-солтүстігін қапсыра қоршай орналасқан көшпелілер мен қытайлар арасындағы келіспеушілік жерге байланысты болды. Көшпелілер Сарыөзеннің оң жағалауынан Ұлы жазыққа дейінгі жерге ауыз сала бастады. Осыдан барып қытайлар көшпелілерді солтүстікке айдап шығып, ірге кеңейту саясатын қолданды.

Ең әуелі Инь, Шан дәуірінде (ж.с.б. XVI–XII ғғ.) Сарыөзеннің солтүстік жағалауына көшпелілерді ығыстырып шығару саясатын жүргізді. Одан кейін Ұлы Құмға дейінгі жерлерді иеленіп көшпелілерді солтүстік пен батысқа ығыстырып ірге кеңейтуді қолға алды. Бұл саясат мың жыл бойы жалғасты. Екі тараптан қан да төгілді, қатерлі зардап та көп болды.

Бұл жұмыс оңайшылықпен біткен жоқ. Тек қана ж.с.б. XVI ғасырдың соңында Қытайдың Инь патшалығы Турфан (Туран) тайпалық одағына 4 мәрте, Куфан тайпасына қарсы 20 мәрте шабуыл жасаған. Қытайдың батысы мен солтүстігінде адам саны экономикалық күш қуаты мықтысы осы Гүйфандар еді. Гүйфандарды Қытайдың Жоу, көктем-күз жауласқан бектіктер дәуірінде әртүрлі атаулармен атады. Онда Ди, Рун (Жун) Сюнюнь, Хунь-и Хун, Таулық Рун, Бөрілі Рун т.с.с.

Аталмыш дәуірлерде көшпелілер мен қытайлар мың жыл бойы үнемі соғыс үстінде болумен қатар, Қытай князьдары елінің басын қосу мақсатында көшпелілердің көмегіне де үнемі жүгініп отырды.

Көшпелілердің Таулық Рун, Бөрілі Рун хандық заманында Қытай патшалықтары өздері белсенділік танытып шартқа отырып, көшпелілерге пайдалы баптар енгізіп, бейбіт қатар өмір сүруге шақырып отырды.

Жоғарыда керексурлар, сынтастар ежелгі скифтардың материалдық және рухани мәдениетін, соның ішінде дүниетанымы мен шаруашылығынан мол ақпарат беретін мұралар екенін сөз еттік.

Мәдениет дегеніміз сол халықтың тарихы. Халықтың тарихымен танысу дегеніңіз мәдениетімен танысу деген сөз.

Орталық Азияның Моңғол үстіртінде, Алтайда,

Оңтүстік Сібірде (Саян-Алтай) жасалған сынтастар Еуропадан шығуы бұл халықтың қоныс аударуын дәлелдеп тұр. Қоныс аударудың себептерін айтсақ:

1. Скифтердің (скуз ≈ оғуз) қоныс аударуы сыртқы күштердің әсерімен қатар, Ұлы Даланың байлық жинаған шонжарлары бір-бірін менсінбеуі;

2. Орталық және Орта Азияның Ұлы Даласының, ондағы халықтың өсімі, малының молаюына байланысты жайылымға ыңғайлы жерлерінің тарыла бастауы;

3. Адам капиталы қуатты, экономикасы мығым тайпалар мен тайпалық одақтар ортақ үйден, оңаша отауды жөн көріп бөлініп кетіп отырды;

4. Шығу тегі, бұрынғы ірілігін қалыпқа келтіру мақсатында текті тайпалар «тайпа намысы» атты ұран көтеріп, бөлініп-жарылып жаңа жер іздей бастады;

5. Орталық Азияның қатал табиғаты қарапайым мал шаруашылығын әлсін-әлсін жұтқа ұрындыруы ерекше әсер етті.

Осылайша Ұлы қоныс аудару үдерісі жүре бастады. Ол туралы Геродот: «Скифтер (скуз ≈ оғуз) IX–VIII ғғ. Қаратеңіздің солтүстігіне, Азов теңізінің жағалауына келіп жетті (Г. IV. 11) деген ақпаратын тарихшы Р.Гроссе Понти даласына Түркістаннан, Сібірден келгені археологиялық деректер арқылы анықталуда» дейді [Grousset 1997: 6]. Қаратеңіздегі киммерлер (скиф) аса мол жылқылы болған. Олар жылқы сауатынын грек тарихшысы Гесиод таң қалып жазады. Гесиод VIII ғасырда өмір сүрген грек тарихшысы.

Геродот еңбегінде скифтердің (скуз ≈ оғуз) Азиядан келгендігі туралы үш түрлі аңыз келтіреді. Олар ондаған тайпадан тұратынын, савраматтарды амазонкалар басқаратынын, амазонкалардан құралған армия болғанын сөз етеді.

Скифтердің қоныс аударуының басында массагеттер тұрғанын Геродот еңбегінде көрсеткен. Онда массагеттер скифтерді ығыстырады, скифтер киммерліктерді ығыстырып Қаратеңіз жағалауына келуіне ықпал еткен.

Осы тарихи қоныс аударудың нәтижесінде украин ұлтын қалыптастыруға оғуздардың (скуз) қосқан үлесі де, ролі де мол болды.

Археологиялық артефактілерге жүгінсек, ж.с.б. VI–IV ғғ. тұрақты қонысы қалыптасып қойған сияқты. Орталық Азияның оңтүстігі Гансу, солтүстігі Сібірден бастап (Орталық Моңғолиямен бірге) батыста Дунайға дейінгі алып аймақты иемденіп үлгірген. Геродоттың «Тарих-намасында» скифтер (скуздар) аса үлкен аймақты алып жатты. Қиыр Шығыстағы Тынық мұхиттан Еуропаға дейінгі территорияны иеленген деп көрсеткен. Бұл территорияны көшпелілердің дәстүрлі үштік жүйесіне салып бөліп қарастырсақ:

Бірінші аймақ – Дунайдан Каспидің оңтүстігіне дейінгі аймақты алып жатқан сақтар (скуз). Оларды «Сака Хумарака» деп атаған. Е.Х.Миннс «біздің сақ» деп аударған. Соған қарағанда парсы тілді болған болуы мүмкін [Гасанов 2002: 4–56].

Екінші аймақ – «Сака Тиграхауда». Арал ауданында, Сырдарияның төменгі жағында жайғасқан. Е.Х.Миннс «шошақ тымақты» деп аударған [Minns 1971: 22]. Сырдарияның жоғарғы жағы Жетісу бойында массагеттер, дайлар орналасқан. Еділ, Каспий маңында сарматтар мекендеген.

Үшінші аймақ – «Сака Тарадрава». Олар тұрғын скифтер. Атауы сөзбе-сөз «теңіздің арғы жағындағы сақтар» деп аударылады [Minns 1971: 112]. Мұнда исседондар, аргипейлер және Алтайда алтын қорыған аримаспийлер. Тасмола мәдениеті осылардың қалдырған құндылықтары.

Үшінші аймақ «теңіздің арғы жағындағы сақтар» деп атауына үңіле қарасақ, «алыстағы сақтар» деген мағына береді. Геродот еңбегінде оларды Индоеуропалық Иран тіл тобына енгізбеген. Тұрғын сақтар деп атаған.

Скуздардың (іш-оғуз) әлем өркениетіне қосқан үлесі мол. Соның бірлі-жарымын еске сала кетсек:

1. Жануарлар стиліндегі бейнелеу өнерін адамзат өркениетіне қосты;

2. Далалық соғыс өнерін Еуропаға әкелді;

3. Алғаш рет адам атты пендені атқа отырғызу үшін, олардың бұтын жауып шалбар кигізді;

4. Алғаш мәрте ерді ойлап тауып, қолданысқа енгізді;

5. Тұңғыш рет темірді қорытып, адамзатқа олжа салды [Холдингер 1997: 18; Гасанов 2002: 28].

Скифтердің түркі халықтарының ортасында сақталған ырымдар, дәстүрлер:

1. Ел басқарудың үштік жүйесі. Оң, сол қанаты және ішкі (Орда). Бұл саяси жүйе ж.с.б. XVI ғасырдан бастап б.з. XV ғасырда билік құрған Қазақ хандығына дейін жалғасты;

2. Жауларын, дұшпандарын соғыс алаңына шақырғанда құпия символдар қолдану. Дарий патшаға савраматтың амазонкалары құстың қауырсыны, тышқан, бақа және бес жебе жіберген. Оның мағынасы қарсыласы тышқан болып інге кірсең де, құс болып келіп іліп әкетемін, бақа болып көлге түссең де, садақ жебесімен атып түсіремін дегенді білдіреді. Бұл

дәстүрді кейінгі көшпелі хандықтар үнемі қолданып жалғастырған;

3. Дұшпанының басын кесіп, бас сүйегін күміс немесе алтынмен қаптап сусын құйып ішу. Бұл да оғуз-түріктердің дәстүріне айналған. Хундар, сияньбилер, түріктер, Найманның Таян ханы т.т.с.с. хандар жалғастырған;

4. Найзаның ұшар басына қыл байрақ байлау;

5. Найзасының қыл байрақ байланған сабына ту қоса байлап, кернай, сырнай тартып жауының үрейін алу;

6. Ұлықтарға, ұлы қарияларға бас тарту дәстүрі осы скуздардан (іш-оғуздардан) бастаған;

7. Соғыста ерекше ерлік көрсеткен батырларға хан тарапынан арнайы алтын ыдыспен сарқыт ұсыну дәстүрі біздің дәуірімізге дейін жалғасқан.

Қорытынды. Қола дәуірінің соңы, Темір дәуірінің алғашқы кезеңінде ежелгі оғуздар (іч-оғуз ≈скуз) баба мекені – Орталық Азияда жасап қалдырған керексурлары мен сынтастары олардың тарихын жаңғыртатын бірден-бір материалдық және рухани мұрасы. Сынтастар сол дәуірде елін, жерін, халқын қорғаған батырларына, көсемдеріне арнап қойылған ұстын.

Осы ұстындар Орталық Моңғолияның Хангай, Кентай, Алтай, Оңтүстік Сібірден бастап Қаратеңізге дейін, ежелгі оғуздардың жүріп өткен аймақтарында тұрғызылған. Сол арқылы скифтердің (оғуздар) миграциясын белгілеуге мүмкіндік туғызды.

Сонымен қатар, ежелгі хундар аталмыш скифтердің (оғуздардың) Орталық Азияда қалған бір бөлігі екенін сынтастар дәлелдеп берді.

Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Әдебиет

Амартүвшин Ч., Цэлхагарав Ц., Монгол нутаг дахь хэрэхсүрийн судалга (Моңғол жеріндегі керексурлардың зерттелуі) // SA. T.37. Fasc.5. УБ., 2018. тал. 56–85.

Бан Гу. Хроника династии Ранняя Хань. Хан шу Бейжін. 1958. 474 с.

Баярсайхан Ж. Монголын хойт нутгийн буган хөшөөнүүд (Солтүстік Моңғолиядағы бұғытастар). УБ., 2017. Б. 15–72.

Бернштам А.Н. Историческая правда в легендах об Огуз-кагане // СЭ. 1935. №67 С. 33–43.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1951. 335 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Л., 1927. С. 96–114.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1977. 214 с.

Волков В.В. Оленные камни. УБ., 1981. 253 с.

Гантулга Ж. Моңғолия жеріндегі қола және алғашқы темір дәуіріндегі мұралар. PhD атақ қорғаған еңбегі. Дижон (Франция). 2015. Б. 10–21.

Гасанов З. Царские скифы. New York. 2002. 493 с.

Геродот. История (в девяти книгах). T.IV. Перевод и примечания Г.А.Стратановского. Изд-во «Наука», Л., 1972. 600 с.

Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифосибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. №154 (Ранние кочевники). 1978. С. 9–8.

Еженхан Б., Ошан Ж. Қазақстан тарихы туралы қытай деректері. T.IV. Алматы, 2006. 480 б.

Ельницкий Л.Д. Скифия евразийских степей. Новосибирск. 1977. 254 с.

Закиев М.З. История татарского народа (этнические корни, формирование и развитие). М., 2008. 221 с.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012. 158 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования чемурчекских курганов в Булган самоне Ховдского аймака Монголии в 2003-2010 гг. Часть I. СПб., 2014. С. 235–406.

Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Палеоэкология и палеогеография Евразии. М., 2000. С. 160–166.

Ковалев А.А. Проблема соотнесения дат памятников культур бронзового века Монголии, полученных в результате применения различных методик радиоуглеродного датирования в 2000–2010-х годах // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2020. С.163–169.

Кубарев В.Д. Оленный камень с р.Чуй // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск. 1979. С. 163–169.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск. 1979. 120 с.

Маннай-Оол М.Х. Оленные камни Тувы. Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968. С. 139–146.

Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время. М., 1970. 122 с.

Новоградова Э.Н. Древняя Монголия. М., 1989. 383 с.

Новоградова Э.Н. Карасукские традиции в рунноскифском монументальном искусстве Монголии // Древний Восток. М., 1975. Вып. 1. С. 286–291.

Новоградова Э.Н. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии. // Олон умын Монгол Эрдэмтэдийн II Их хурал. УБ., 1973. Том I. С. 385–388.

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции. СПб., 1892. 144 с.

Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 72–84.

Савинов Д.Г. Членова Н.Л. Северо-Кавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып.162. С. 5–9.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Еврапзии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. Карасукская традиция и «аржано-майэмерский» стиль // Древние культуры Центральной Азии. СПб., 1998. С. 132–136.

Савинов Д.Г., Урантугус С. Опыт типологии херексуров. Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками // Сборник научных трудов. Барнаул. 2007. С. 142–145.

Страбон. География (хрестоматия). Перевод и примечания В.В.Латышева. М., 1974. С. 5–36.

Сыма Цянь. Хунну баяны. 110 цзюань (бума).

Талько-Грынцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ Забайкальских // Бурятиеведение. №1–3 (5–7). Верхнеудинск. 1928. С. 3–4.

Таскин В.С. Материалы по истории Сюнну. М., 1968. С. 129–130

Төрбат Ц. және басқалар. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соел (Моңғолия және шекаралас аймақтардағы бұғытастар каталогы). УБ., 2021. Т.I. б.440; Т.II. 496 б.

Төрбат Ц. және басқалар. Моңғолия және шекаралас аймақтардағы бұғытастар каталогы (үш том). УБ., 2021. Т.III. 193 б.

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Моңғолия және шекаралас елдердің жеріндегі бұғытас мәдениеті (зерттеу және каталог). УБ., 2021. Т.III. 442 б.

Төрбат Ц., Эрдэнэболд Л. Дорвалжин булшны тархац түүний эздийн орчуулгын ёс, онцлог (төртбұрыш қабірдің таралымы және олардың иесін жерлеу жосындары, ерекшелігі) // Археологиялық анализ. Моңғолдардың шығу тегі, этномәдениеті. УБ., 2020. Б. 87–117.

Толстов С.П. Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935. №97 С. 73–41.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Fitzhugh, W. (2009a) Pre-Scythian khirigsuurs, deer stone art, and Bronze Age cultural intensification in Northern Mongolia. In: Hanks, B. & Linduff. K. (Eds.) New research directions in Eurasian steppe archaeology: the emergence of complex societies in the Third to First Millennium BCE. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 378–411.

Fitzhugh, W. (2009b) The Mongolian deer stone-khirigsuur complex: dating and organization of a Late Bronze Age menagerie. - In: Bemmann, J., Parzinger, H., Pohl, E. & Tseveendorzh, D. (Eds.) Current archaeological research in Mongolia. Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie. - Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat, 2009. P. 183–199.

Fitzhugh, W., Bayarsaikhan, J. (2011) Mapping Ritual Landscapes in Bronze Age Mongolia and Beyond: Interpreting the Ideoscape of the Deer Stone-Khirigsuur Complex. -In: Mapping Mongolia: Situating Mongolia in the World from Geologic Time to the Present. Vol. 2. Paula L.W.Sabloff (ed.). – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 166–192.

Fitzhugh, W., Kortum R., Bayarsaikhan, J. (2012). Rock Art and Archaeology: Investigating Ritual Landscape in the Mongolian Altai. Field report 2012. Washington. 2012 p.185

Frohlich, B., Amgalantugs, Ts., Littleton, J., Hunt, D., Hinton, J., Erdene, B., Dickson, M., Frohlich, T., Goler, K. (2008) Bronze age burial mounds (khirgisuurs) in the Khovsgol aimag, Mongolia: A reconstruction of biological and social histories. – Studia Archaeologica. Tom. XXVI (VI), Fasc. 6: P. 92–114.

Frohlich, B., Amgalantugs, Ts., Littleton, J., Erdene, B., Hunt, D., Nittler, E. Karstens, S., Frohlich, Th. and Galdan, G. (2010) An Overview of Theories and Hypothesis pertaining to Mongolian Bronze Age Khirgisuurs in the Khovsgol aimag, Mongolia. – Studia Archaeologica. Tom. XXIX(IX), Fasc. 6: P. 123–143.

Gantulga, J. (2013) Distribution and Study of Deer Stones in Mongolia. - Great Migration of Peoples, Settlement of South-East Asia and Far East, 3000-2000 BCE. International Conference, 2013, Seoul, 2013: P. 85–88.

Hildinger E. Warriors of the Steppe. New York. 1997. 260 p.

Makhmud Kašgari. Divanü lugat-it-Türk. Tercümesi. Çeviren Besim Atalay. T.I-III. Ankara. 1986. 366 c.

Minns E.H. Scythians and Greeks. New York. 1971. 720 p.

Takahama Shu. Research of Ulan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia and newly acquired 14C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2010. Вып.IV. 32 с.

Taylor W., Bayarsaikhan Zh., Tuvshinjargal J. Archaeozoology and horses transport in the Deer stone-Khirigsuur complex // Нүүдэлчдийн өв судлел. УБ., 2015. T.XVI. Fasc.8 P. 73

Taylor W., Jargalan B., Lowry B., Clark J., Tuvshinjargal J., Bayarsaikhan Z. Bayesian chronology for early domestic horse use in the Eastern steppe // Journal of Archaeological Science. 2017. pp. 49–58.

Wang Guo Wei. Guifan, Tufan, Gun-I, Run, Di, Xian-yun history. Beijin. 1958.

Wright J. The adoption of pastoralism in Northeast Asia: Monumental Transformation in the Egin Gol valley, Mongolia // Unpublished PhD dissertation. Harvard University. 2008. pp. 5–13.

Wright J. Grammar and design: tools for reading khirigsuur. UB. 2014. T.34. Fasc.12.

К.Ш. ТАБАЛДЫЕВ

Кубатбек Шакиевич Табалдыев,
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
Бишкек, Кыргызстан; kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Аннотация. Постепенно, с исследованием новых памятников элементы культуры эпохи Великого переселения народов становятся более разнообразными. Особенно хорошо они прослеживаются на погребальных памятниках. Использование результатов радиоуглеродного анализа позволяет сузить хронологию отдельно взятых курганов и могильников рассматриваемого времени. Одним из наиболее актуальных считается вопрос о пребывании хуннов на территории Тянь-Шаня. На этот вопрос трудно ответить однозначно. Но наличие отдельных элементов хуннской культуры не позволяет полностью отрицать их присутствие. Часто считалось, что основу хозяйства кочевников хуннского времени составляло кочевое и полукочевое скотоводство. Открываются новые перспективы для изучения поселений этого времени.

Ключевые слова: эпоха Великих переселений, кенкольская культура, курганы «с угловыми камнями», полихромный стиль, подбойная могила, катакомбы, поселения

Кубатбек Шакиевич Табалдыев,
«Манас» Қырғыз-Түрік университеті,
Бішкек, Қырғызстан

ІШКІ ТЯНЬ-ШАНЬДАҒЫ ХАЛЫҚТАРДЫҢ ҰЛЫ ҚОНЫС АУДАРУ ДӘУІРІНДЕГІ ЕСКЕРТКІШТЕР

Аннотация. Халықтардың ұлы қоныс аудару дәуірінің мәдени элементтері жаңа ескерткіштерді зерттеу барысында бірте-бірте әртүрлі бола бастады. Олар әсіресе жерлеу ескерткіштерінде жақсы байқалады. Радиокөміртекті талдау нәтижелерін пайдалану қарастырылып отырған кезеңге жататын жекелеген обалар мен қорымдардың хронологиясын қысқартуға мүмкіндік береді. Ғұндардың Тянь-Шань аумағында болуы ең өзекті мәселелердің бірі. Бұл сұраққа нақты жауап беру қиын. Бірақ ғұн мәдениетінің жекелеген элементтерінің кездесуі олардың болуын толығымен жоққа шығаруға мүмкіндік бермейді. Көбінесе ғұн дәуіріндегі көшпелілер шаруашылығының негізі көшпелі және жартылай көшпелі мал шаруашылығы деп есептелді. Осы кезеңге жататын қоныстарды зерттеу үшін жаңа мүмкіндіктер ашылуда.

Түйінді сөздер: Ұлы қоныс аудару дәуірі, кеңкөл мәдениеті, «бұрыштық тастары» бар обалар, полихромды стиль, ақымдық қабір, лақат, қоныстар

Kubatbek Tabaldyev,
Kyrgyz-Turkish University "Manas",
Bishkek, Kyrgyzstan

MONUMENTS OF THE GREAT MIGRATION PERIOD ON THE TERRITORY OF THE INNER TIEN SHAN

Abstract. Gradually, with the study of new monuments, the elements of culture of the epoch of the Great Migration of peoples become more diverse. They are well traced especially on funerary monuments. The use of the results of radiocarbon analysis allows us to narrow down the chronology of individual mounds and burial grounds of the time under consideration. One of the most urgent is the question of the stay of the Huns on the territory of the Tien Shan. It is difficult to answer this question unequivocally. However, the presence of individual elements of the Hunnic culture does not allow

us to completely deny their presence. It was often believed that nomadic and semi-nomadic cattle breeding formed the basis of the economy of the Hunnic nomads. New perspectives are opening up for the study of settlements of this time.

Keywords: the epoch of the Great Migrations of peoples, the Kenkol culture, kurgans (mounds) "with corner stones", polychrome style, grave lining, catacombs, settlements

Общеизвестно, что продвигаясь на запад хунну под воздействием местных культур постепенно меняли облик своей культуры. В этот период на западе, в Семиречье, Тянь-Шане происходило очередное взаимовлияние культур, этническое смещение местных и пришлых кочевых этносов: юечжей, усуней, кангюйцев, потомков саков и часть населения хуннской империи. Поэтому во многих случаях, трудно отнести археологические памятники к определенной этнической группе. Постепенно, археологические материалы позволяют выделить элементы культуры пришлых и местных племён.

Обычно, название условно объединенной группе дают по наименованию первого исследованного памятника. В таких случаях, учитывая единую территорию обитания, близость и родственность культур, антропологический тип, обычаи и обряды, памятники относят к одной археологической культуре. Памятники различных регионов Тянь-Шаня и Притяньшаня эпохи Великого переселения народов в настоящее время условно называются памятниками кенкольской культуры. Памятник Кенкол был впервые исследован в 1898 году в верховьях реки Талас [Heikel 1918: 3–60]. Памятники кенкольской культуры датируются в целом, первой половиной первого тысячелетия н. э. Постепенно использование результатов радиоуглеродного анализа позволяет сузить хронологию отдельно взятых курганов и могильников рассматриваемого времени.

Памятники эпохи Великого переселения народов на территории Внутреннего Тянь-Шаня многочисленны, фиксируются во всех межгорных долинах и за его пределами. Они исследованы археологами А.Н. Бернштамом в Джумгале (Кызарт), Нарыне (Ала-Мышык), Ат-Башы (Калмак-Дёбё) [Бернштам 1940: 34; Бернштам 1952: 60–72, 130]. Археолог А. Кибиров исследовал их в долинах Кара-Кужур, Орто-Нарын, Ат-Башы, Сон-Куле [Кибиров 1959: 112–138].

На территории Западного Тянь-Шаня, в долине Кетмен-Тобо благодаря раскопкам под руководством археолога Ысмана Кожомбердиева были обнаружены уникальные образцы памятников гуннского времени [Кожомбердиев 1986: 33–78]. Значительную часть находок составляют большое количество различного, весьма совершенного для своего времени предметы наступательного и защитного вооружения. По уровню вооруженности они заметно превосходили не только своих современников в кочевом мире. Находки воинов были изучены И. Кожомбердиевым и Ю.С. Худяковым. Ими была составлена реконструкция тяжело вооруженного воина [Кожомбердиев, Худяков 1987: 75–106]. Последнее десятилетие нами вместе с археологами М.И. Москалевым, О.А. Солтобаевым, Бодо Анке, Рустемом Бозером были исследованы памятники хуннской эпохи в долине озера Сон-Куль (Чон-Дёбё), в ущелье, ведущем к перевалу Долон (Суттуу-Булак) [Табалдиев, Бозер 2003: 158–161; Bodo Anke и др. 1997: 513–570].

В 1998 году археологи Ороз Солтобаев и автор данной работы впервые исследовали пока единственный курган с «усами». Курган был сооружен из камней, имел округлую в плане форму. После зачистки дернового слоя и зарисовки внешней конструкции, в центральной части была раскопана могильная яма. Костные останки были обнаружены в беспорядочном положении. В южной части кургана были зафиксированы зольные пятна, свидетельствующие о проведении ритуального обряда с разжиганием огня. Все данные в совокупности свидетельствуют о том, что данный объект имеет не только погребальное, но и культовое значение. Во время исследования было найдено золотое изделие, напоминающее навершие ритуального предмета (посоха?). Аналогичное золотое изделие было ранее обнаружено в Кузнецкой котловине среди предметов из терехинского клада [Король 2008: табл. 9].

В 2001-2002, 2003 гг. на северной стороне озера Иссык-Куль, археологической группой Иссык-Кульской историко-археологической экспедиции Кыргызско-Российского университета А. Торгоевым, В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт были проведены спасательные работы на могильнике Кароол-Дёбё. В ходе раскопок выявлена редкая форма внутримогильной конструкции – дромос колодцеобразной формы, диаметром 0,8-1 м, со ступенькой в 0,3 м у входа в катакомбу.

Особый интерес представляют разнообразные формы деревянных изделий (деревянный ковш с полусферическим корпусом и ручкой, блюдо-столик четырехугольной формы с четырьмя массивными,

короткими, усеченно-коническими ножками, деревянная, полусферическая чаша, выточенная на токарном станке, деревянное наборное ведерко, черпак, сосуд баночной формы, кружка) [Торгоев 2007: 15–20; Кольченко, Ротт 2007: 21–34].

В долине Чаткал (Западный Тянь-Шань), в могильнике Жер-Копуро археолог А.Т. Сулайманова исследовала яркую форму катакомбного типа сооружения. Входная яма-коридор подпрямоугольная в плане [Сулайманова 2009: 37–47].

В последние годы мы получили новые материалы о культуре кочевников эпохи Великого переселения народов. Кроме курганов близких кенкольским памятникам выделяются новые группы курганов со своеобразной конструкцией намогильных сооружений. Курганы «с угловыми камнями» исследованные в южном Прииссыккулье [Табалдыев, Акматов, Ашык 2022: 106–113]. В некоторых курганах чётко были зафиксированы внутримогильные сооружения в виде катакомб с дромосом колодцеобразной формы, со ступенькой у входа в катакомбу. Этот тип подкурганнного сооружения вместе с караойским является ещё одним из особым типом катакомб исследованных в Иссык-Кульской котловине.

Таким образом, исследованные в последние годы памятники хуннского времени показывают ещё не завершённости процесса поиска всех сведений о культуре населения хуннского времени на территории Внутреннего Тянь-Шаня и в сопредельных территориях.

Судя по материалам, они имели мощный военный потенциал, сильно выраженную социальную дифференциацию и широкие связи с сопредельными регионами, а также с далекими регионами Восточной Европы.

Все указанные признаки хорошо прослеживаются на погребальных памятниках. Могильники представляли собой компактные, обособленные, обычно состоящие из нескольких десятков курганов комплексы. Среди курганов, по размерам особо выделяются курганы племенной знати. В мужских погребениях нередко встречаются большие сложносоставные луки, хорошо сохраняются костяные накладки. Благодаря им археологи могут рассчитать размеры и сделать реконструкцию луков.

В курганах рассматриваемого времени часто встречаются погребения с искусственной деформацией черепа. Кольцевая деформация черепа встречается в Средней Азии с середины I тысячелетия до н. э. На протяжении ряда веков, деформация остается довольно редким явлением и только, в хуннское время внезапно и повсеместно становится массовым. Обычай деформации у них возникает в качестве социального признака, для выделения людей, принадлежащих к социально-престижному слою. Со временем соционормативная функция утрачивается, и кольцевая деформация головы сохраняется в качестве культурного престижа – эстетического эталона или превращается в этноразличительный знак [Тур 1996: 237–250; Тур 1997: 19].

Ещё одной особенностью памятников «эпохи Великого переселения народов» Кыргызстана и сопредельных территорий является «полихромный стиль». Ювелирные изделия полихромного стиля снабжены орнаментированными вставками из цветного стекла и полудрагоценных камней. Они составляют сравнительно многочисленную группу и представлены разнообразными видами украшений: диадемами, колтами, серьгами, нагрудными пластинами, кулонами, гривнами и датируются периодом господства гуннов в Восточной Европе, концом IV–V вв. н. э.

В могилах кочевников Тянь-Шаня эпохи Великого переселения народов III–V вв. нашей эры, обнаруживаются редко золото и инкрустации, которые украшают оружие, головные уборы и одежду. Золотые пуговицы, найденные в памятнике Суттуу-Булак Кочкорской долины, имеют вставки из (рис. 1). Эффект сияния камня усиливает золотая фольга, вставленная под гранат. Активное участие в создании ювелирных изделий полихромного стиля принимали кочевые народы Тянь-Шаня. Сильно выделяются предметы женского туалета. Рядом с женскими захоронениями найдены маленькая бронзовая шкатулка, пинцеты, удлинённый каменный предмет с одним острым концом для раскрашивания бровей–сурмяницы.

В настоящее время одним из наиболее актуальных считается вопрос о пребывании хуннов на территории Тянь-Шаня, на который трудно ответить однозначно.

Письменные свидетельства повествуют о вторжении хуннских войск в середине I века до н. э. под предводительством Чжичжи-шаньюя в соседние регионы, в том числе, упоминаются восточные отроги Тянь-Шаня, к западу от пустыни Дзосотын-Элисун. Первоначально правитель хуннов обосновался на земле цзянкуней (древних кыргызов), в районе хребта Боро-хоро. В свя-

Рис.1 Суттуу-Булак украшение IV-V вв. н. Внутренний Тянь-Шань. Кочкорская долина

зи с этими событиями, можно предположить о спорадическом присутствии во владениях Усунь и Канцзюй хуннов. События, связанные с присутствием хуннов, могли происходить на территории между Восточным и Западным Тянь-Шанем, включая Прииссыккулье, бассейны рек Или, Чу и Талас.

Кроме предполагаемого присутствия хуннов в долине реки Талас, об обитании хуннов на территории Кыргызстана письменных свидетельств пока не обнаружено. Согласно свидетельствам письменных источников, считается, что на территории Кыргызстана проживали усуни. Так, в 71 г. до н.э. талантливый правитель усуней Унгуйми предпринял с китайцами победоносный поход против хуннов и увёл в плен до 40 тысяч человек [Бартольд 1996: 98].

Возможно, что большая часть плененных хуннов могла оставить следы своего пребывания во владениях усуней в Семиречье. Известные на сегодняшний день археологические материалы не дают основания говорить о прямой миграции массы хуннов на территорию Кыргызстана.

Результаты материалов кенкольской культуры и новые данные, полученные от синхронных памятников, их сравнительный анализ с данными центрально-азиатских, не имеют элементов культуры хуннов.

Археологический материал редко иллюстрирует предметы хуннского облика. Прежде всего, анализируются топография памятника, типы внутримогильных сооружений и погребальный инвентарь. Результаты анализа показывают, что имеются единичные признаки хуннской культуры, которые проявляются на разных памятниках и на разном уровне. При анализе необходимо также обращать внимание на хронологию, в данном случае идёт сопоставление с археологическими памятниками хуннов рубежа I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э. Монголии, Забайкалья, Южной Сибири, Алтая и памятниками хуннов в Кыргызстане и сопредельных территорий.

Возможно, к хуннским элементам погребального обряда относятся положения черепов животных. Погребение с черепом лошади имело место на Тянь-Шане в памятниках хуннского времени. В долине р. Арпе, в могильнике Бурамачап II вход в могилу был перекрыт каменными плитами. На плитах лежали два черепа лошади. В могильнике Кызарт, среди человеческих костей, лежал череп мелкого рогатого скота. В Алае, в могильнике Туюк III–V вв. среди разбросанных человеческих костей, находился череп мелкого рогатого скота. Присутствие черепов домашних животных рядом с погребённым человеком до настоящего времени на Тянь-Шане в курганах сакского и усуньского времени не встречалось.

Традиционные для хуннской культуры элементы прослеживаются также в профилировке керамической посуды. Но, пока своеобразная хуннская керамическая посуда, изготовленная на гончарном круге на территории Кыргызстана не обнаружена.

Можно предположить, что часть хуннов, проникшая на Тянь-Шань, была включена в состав населения, обитавших в эпоху Великого переселения народов и проживала среди населения, хоронивших своих умерших в подбоях и катакомбах. Антропологические данные указывают и на наличие в мужском составе населения Кетмень-Тюбе пришлых центральноазиатских монголоидов.

Археологическими исследованиями хуннских памятников в Забайкалье и Монголии доказана значи-

тельная вариабельность деталей погребального обряда, даже в рамках одного могильника, отражающая не только многоступенчатую имущественную дифференциацию, но и этническую [Давыдова 1985: 28, 35].

На территории Кыргызстана погребения хуннского времени преимущественно были обнаружены в катакомбных и подбойных могилах (рис. 2). Но есть погребения, датированные I–V вв. н. э. совершенные в обычных могильных ямах. Они перекрыты удлинёнными плоскими валунами или плитами. Обычно, такие «сако-усуньского облика» курганы не рассматриваются в контексте памятников хуннского времени. По данным письменных источников конкретно сообщается, что хунны «хоронят в гробу; используют наружные и внутренние гробы» [Бичурин 1950: 50]. Не исключено, что часть погребённых, похороненные в дощатых гробах, в свое время были выходцами из среды хуннов. Погребение в двойном бревенчатом гробу было исследовано А.Н. Бернштамом в могильнике Соколовка, в Восточной части Иссык-Куля [Бернштам 1952: 51–52]. Здесь под земляным холмом, на уровне дневной поверхности находилось перекрытие ямы двойным накатом из брёвен. Под ним примерно на глубине 1,30-2,30 м находился деревянный сруб, врытый в землю. Высота сруба – 0,90 м, площадь у основания 1,0 ×2,70 м. Стенки сруба высотой 0,70 м. А.Н. Бернштам назвал двукамерное помещение «пазырыкско-ноинулинского типа».

Вместе с тем, археологически не прослеживаются характерные элементы хуннского набора вооружения, не фиксируются хуннские трёхлопастные асимметрично-ромбические и ярусные железные наконечники стрел, костяные шарики-свистунки. Кенкольский набор стрел отличается от хуннского как стадиально, так и функционально, поэтому можно считать, что прямая генетическая связь между ними маловероятна [Кожомбердиев, Худяков 1987: 87]. Ещё, по мнению исследователей, совпадают отдельные типы малочисленных трёхлопастных, трёхгранных, четырёхгранных стрел. Костяные накладки луков, найденные в памятниках кенкольской культуры, характерны для военного дела центральноазиатских кочевников с хуннского до раннетюркского времени.

На территории Кыргызстана пока неизвестны, характерные для хуннов котлы, изделия из бронзы в технике художественного литья, которые использовались в качестве поясных пластин-пряжек, бляшек или нашивок.

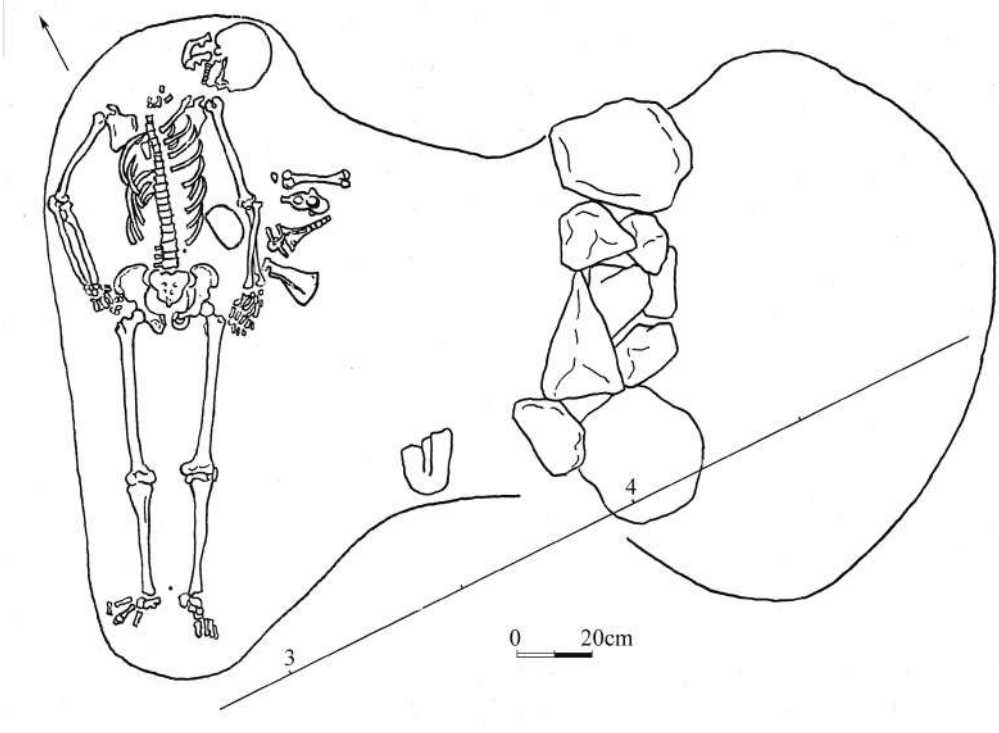

Рис.2 Погребение хуннского времени. Чон-Дёбё. Сон-Куль. III–V вв. н.э.

Согласно общему анализу археологических источников, можно утверждать об отсутствии хуннского владычества на территории Кыргызстана в эпоху Великого переселения народов. Вместе с тем, наличие отдельных элементов хуннской культуры не позволяет полностью отрицать их присутствие. Скорее всего, элементы хуннской культуры на Центральный и Западный Тянь-Шань привнесены хуннами после потери ими главенствующего положения в Центральной Азии. По всей вероятности, они тесно соприкасались с населением кенкольской культуры. Например, в долине Кетмень-Тюбе.

Археологически засвидетельствовано, что часть населения хуннского времени, которое хоронило своих умерших в катакомбах и подбоях, ассимилируется в среде древних тюрков. В свою очередь, они уже как местное население Тянь-Шаня и Притяньшанья оказало воздействие на обряд погребения пришлых тюрков. Большинство погребений с конем совершаются в подбоях, которые были характерны для Тянь-Шаня предтюркское время. В данном случае, любопытны сведения, полученные А. Кибировым из могильника Чон-Ноо. В одном кургане, к катакомбе перпендикулярно примыкала входная яма, что характерно для курганов кенкольской культуры. Во входной яме находился скелет коня [Кибиров 1959: 130, рис. 115]. Аналогичные погребения со скелетами лошадей во входной яме недавно были обнаружены нами в могильнике Айгыржал, в западной стороне города Нарын.

В памятниках кенкольской культуры не встречается сопроводительное погребение коня, что можно рассматривать как взаимовлияние местного кенкольского и пришлого древнетюркского субстрата [Табалдиев 1996: 25].

Таким образом, события, происходившие на территории Тянь-Шаня и Притяньшаня, с хуннами, о чём повествуют письменные источники, частично находят археологическое подтверждение. Несомненно, влияние хуннской культуры прослеживается на отдельно взятых памятниках и артефактах. Хунны и союзные им племена имеют отношение к формированию тюркоязычных народов в Евразии.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература:

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л.: 1940. 34 с. + 36 табл.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, №26. М., Л., 1952. 346 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.: Л., 1950. С. 50.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Ленинград, 1985. С. 28, 35.

Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шань // Труды Киргизской этнографической экспедиции (ТКАЭЭ). Том 2. М., 1959. С. 112–138

Кожомбердиев И.К. Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня: автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1986. 26 с.

Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. Аварийные работы на могильнике Кароол-Дёбё в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек: Илим, 2007. С. 21–34.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки /. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; Вып. V). 332 с.

Сулайманова А.Т. Отчет об археологической разведке в Чаткальской долине в 2002–2003 гг // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек: Илим, 2009. С. 37–47.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тян-Шаня. Бишкек,1996. 118 с.

Табалдыев К.Ш., Акматов К., Ашык А. Погребальные памятники хуннского времени межгорных долин Тенир-Too (Тянь-Шаня) (Burial monuments of the Xiongnu time in the intermountain valleys of Tenir-Too (Tien Shan)) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы. Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 2. С. 106–113.

Табалдиев К.Ш., Бозер Р. Памятники ранних кочевников долины озера Сон-Куль // Степи Евразии в древности и средневековье // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003. Кн. 2. Ч. 3. Бронза, ранние кочевники. С. 158–161.

Торгоев А.И. Аварийные работы на могильнике Кароол-Дёбё в 2001–2002 гг. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек: Илим, 2007. С. 15–20.

Тур С.С. К вопросу о происхождении и функции обычая кольцевой деформации головы//Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 237–250.

Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологических ис-

следования) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Барнаул, 1997. С. 19.

Худяков Ю.С., Кожомбердиев И. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск 1987. С. 75–106.

Bodo Anke, Michail Moskalev, Oroz Soltobaev, Kubatek Tabaldiev Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Süttüü-Bulak. Rai. Kockor. Kyrgyzstan. EURASIA ANTIGUA. Zeitschrift für archäologie Eurasians. Band 3. Berlin 1997. P. 513–570.

Heikel H.J. Altertümer aus dem tale des Talas ın Turkestan. Helsinki, Travaux etnographieqeus. VII. 1918. Société Finno-Ougrienne, 1918. 63 p.

Kožomberdieva E.I., Kožomberdiev I.K., Kožemjako P.N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. 1998. №4. С. 451–471.

Tabaldiev K. Innovation in der Kultur der Nomaden des Tienšan in der Völkerwanderungzeit // Hunnen zwischen Asien und Europa. Aktuelle Forschungen zur Archäologie und Kultur der Hunnen. Langenweißbach 2008. S. 83–90.

А.А. ТАЖЕКЕЕВ,
Ж.К. СУЛТАНЖАНОВ,
Р.Т. ДАРМЕНОВ

Азилхан Ауезханулы Тажекеев,
Кызылординский университет им. Коркыт Ата,
Кызылорда, Казахстан; a.tazhekeyev@gmail.com
Жетесби Канапияевич Султанжанов,
Кызылординский университет им. Коркыт Ата,
Кызылорда, Казахстан; zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru
Рустем Турарбекович Дарменов,
Национальный музей Республики Казахстан,
Астана, Казахстан; darmenov_rustem@mail.ru

ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ СЫРДАРЬИ (КОНЕЦ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА I ТЫС. Н.Э.)

Аннотация. В статье рассматриваются процесс урбанизации и становление городской культуры в низовье реки Сырдарьи. Важным вкладом в изучении Юго-Восточного Приаралья стали регулярные широкомасштабные археологические исследования, начавшиеся в середине XX в. Все находки и открытия были связаны с деятельностью одной из самых крупных в мире экспедиции – Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова. Тут были открыты городские центры ранних кочевников – Чирик-рабат, Бабиш-мулла, Баланды, города Джетысарской культуры и монументальные погребальные памятники – мавзолеи Северного Тагискена, Уйгарака и культуры «шлаковых курганов».

Ключевые слова: Приаралья, Сырдарья, Куандарья, Джетыасарская культура, городище

Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев,
Қорқыт Ата ат. Қызылорда университеті,
Қызылорда, Қазақстан
Жетесби Қанапияұлы Сұлтанжанов,
Қорқыт Ата ат. Қызылорда университеті,
Қызылорда, Қазақстан
Рүстем Тұрарбекұлы Дарменов,
Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі,
Астана, Қазақстан

СЫРДАРИЯНЫҢ ТӨМЕНГІ АҒЫСЫНДАҒЫ УРБАНДАЛУ ҮДЕРІСІ ЖӘНЕ ҚАЛАЛЫҚ МӘДЕНИЕТТІҢ ДАМУЫ (Ж.С.Д. I МЫҢЖЫЛДЫҚТЫҢ АЯҒЫ – Ж.С. I МЫҢЖЫЛДЫҚТЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫСЫ)

Аннотация. Мақалада Сырдарияның төменгі ағысындағы урбанизация процесі мен қала мәдениетінің қалыптасуы қарастырылған. Оңтүстік-Шығыс Арал өңірін зерттеудегі маңызды үлес XX ғасырдың ортасындағы осы аймақтағы жүйелі түрде жүргізілген ауқымды археологиялық зерттеулер болды. Барлық олжалар мен жаңалықтар әлемдегі ең ірі экспедициялардың бірі – С.П. Толстов басқарған Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының қызметімен байланысты. Мұнда ерте көшпелілердің қала орталықтары – Шірік-рабат, Бәбіш-молла, Баланды, Жетісар мәдениетінің қалалары мен монументалды жерлеу ескерткіштері – Солтүстік Түгіскен, Ұйғарақ кесенелері және «шлак үйінділері» мәдениеті ашылды.

Түйін сөздер: Арал маңы, Сырдария, Қуандария, Жетіасар мәдениеті, қала

Azilkhan Tazhekeyev,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan
Zhetesbi Sultanzhanov,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan
Rustem Darmenov,
National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan

THE PROCESS OF URBANIZATION AND THE DEVELOPMENT OF URBAN CULTURE IN THE LOWER REACHES OF THE SYRDARYA (THE END OF THE I MILLENNIUM BC – THE FIRST HALF OF THE I MILLENNIUM AD)

Abstract. The article deals with the process of urbanization and the formation of urban culture in the lower reaches of the Syr Darya. An important contribution to the study of the South-Eastern Aral Sea region was regular large-scale archaeological research on its territory in the middle of the 20th century. All finds and discoveries were associated with the activities of one of the largest expeditions in the world – the Khwarazm archaeological and ethnographic expedition led by S.P. Tolstov. The urban centers of the early nomads were discovered here – Chirik-rabat, Babish-mulla, Balandy, cities of the Dzhetyasar culture and monumental burial sites – the mausoleums of Northern Tagisken, Uygarak and the culture of "slag mounds".

Keywords: Aral Sea region, Syr Darya, Kuan Darya, Dzhetyasar culture, city

История изучения. Важным вкладом в изучении Юго-Восточного Приаралья стали регулярные широкомасштабные археологические исследования на его территории в середине XX в. Все находки и открытия были связаны с деятельностью одной из самых крупных в мире экспедиций – Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова.

В 1946 г. в ходе четвёртого заключительного тура авиаразведочных работ Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова, которые охватили территорию пустыни Кызылкум, было исследовано междуречье нижних частей древних дельт Амударьи и Сырдарьи. В результате, было выявлено свыше 200 новых памятников – от объектов I тысячелетия до н. э. (Чирик-рабат, Бабиш-мулла, Баланды) до средневековых городищ (Кум-кала, Джент (Джан-кала) и каракалпакских памятников на руслах Жанадарьи и Куандарьи (Орынба-кала и др.).

Обширный маршрут пролегал по линии Джан-кала – Джетыасар – Джусалы – Казалинск – «Болотные городища» к югу от Казалинска – Куандарья – Джусалы – Джеты-асар – Джан-кала. Повторный полёт был совершен на Джетыасар для более полного исследования этого интереснейшего комплекса «раннеантичных» памятников [Толстов 1948: 62].

В 1948 г. была опубликована книга С.П. Толстова, где впервые была дана характеристика джетыасарской культуре и предложены хронологические рамки её существования. Уже в процессе первых рекогносцировочных исследований памятников стало ясно, что она весьма необычна и стоит совершенно особняком в ряду известных оседлых скотоводческих культур восточной зоны Евразии. По этой причине уже в первых публикациях С.П. Толстов предложил искать истоки этой культуры в областях и культурах значительно удалённых от низовий Сырдарьи, как хронологически, так и географически. Так характерная, по его мнению, «спиралевидная» планировка некоторых джетыасарских городищ находит аналогии на территории Малой Азии, среди хеттских памятников. Кроме того, некоторые формы столовой посуды по морфологическим и декоративным признакам, по мнению исследователя, близки киммерийской керамике Северного Причерноморья. На основании этих предположений была сформулирована гипотеза о происхождении джетысарской археологической культуры, которая сформировалась в результате культурных инноваций из районов Север-

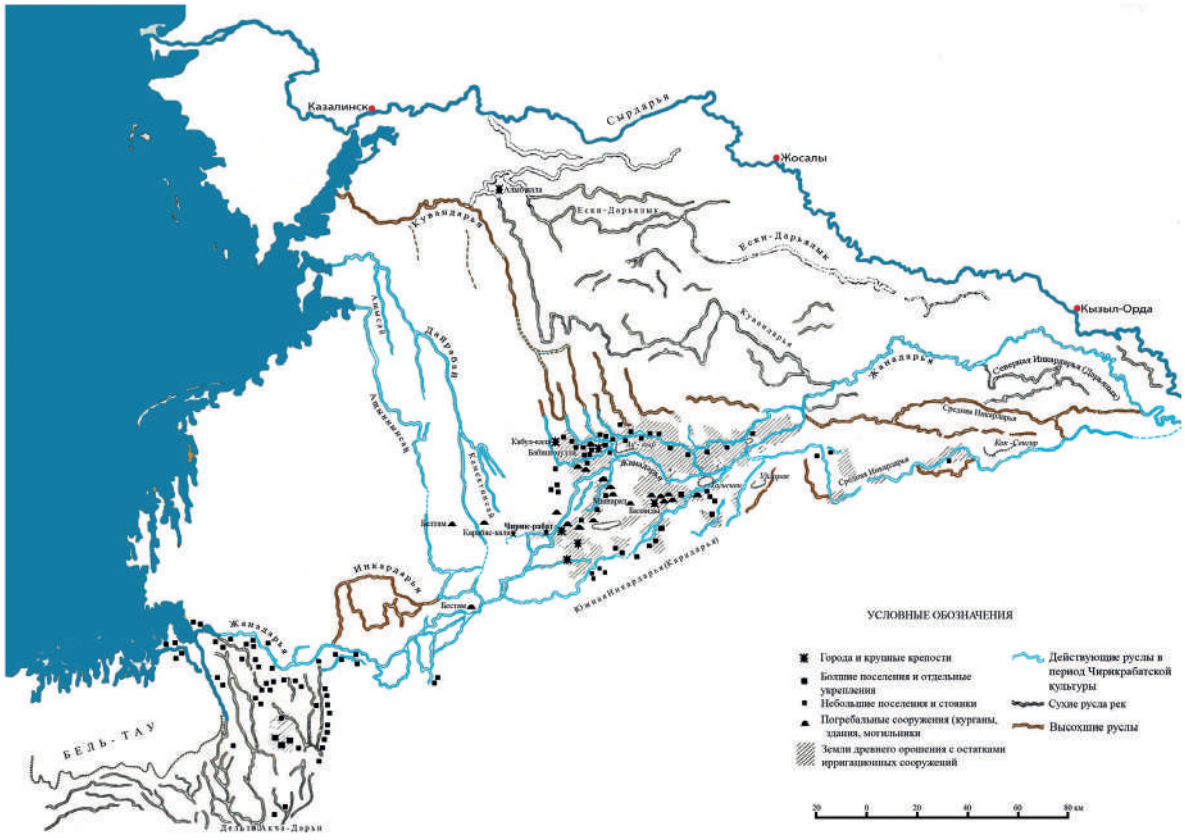

Рис. 1 Карта древних земледельцев сырдарьинской дельты (Чирикрабатская культура) (сост. А.А. Тажекеев)

ного и Северо-Западного Причерноморья. При этом не исключалась и прямая миграция групп индо-европейского населения (иллирийцев, фрако-фригийцев и кимерийцев) из этих районов в область нижнего течения Сырдарьи [Толстов 1948: 137–140; Толстов 1962: 189–190].

Исследователь считал, что носителями джетыасарской археологической культуры были племена тохаров – индоевропейского народа, многократно упоминавшегося античными авторами и оставившего памятники письменности, найденные на территории Восточного Туркестана, и, как считалось многими исследователями в середине прошлого века, являвшимися носителями фрако-иллирийских или фрако-киммерийских языков. Следует отметить, что намного позднее – в конце XX в., после того как были открыты новые археологические памятники на территории Южной Сибири и Восточного Туркестана, эта оригинальная гипотеза, предложенная С.П. Толстовым не подтвердилась. Вопрос о происхождении джетыасарской культуры до сих пор остаётся одним из самых дискуссионных в среднеазиатской археологии. Проблема состоит в том, что пока ещё не выявлен наиболее ранний археологический комплекс этой культуры, так как ни на одном памятнике, который раскапывался Хорезмской археологической экспедицией, не вскрыты культурные слои на уровне материка.

Здесь обнаружены многочисленные разновременные памятники. На некоторых из них в 1948, 1949 и 1951 гг. проводились раскопки. На комплексе Джетыасар-3, состоящем из четырёх крупных крепостей – «Большой дом», «Малый дом», «круглая и прямоугольная ограда», раскопки велись на «Большом доме». В результате археологических работ, были выявлены постройки «двух горизонтов», относящихся к середине I тыс. до н. э. – I-ыми вв. н. э. и III–VII вв. н. э. [Толстов 1962: 189–190]. Помимо раскопок, на Джетыасар-3 и Джетыасар-9 производились рекогносцировочные работы, выявившие «спиральный» тип застройки III–VII вв. н. э. [Толстов 1962: 163].

Во-вторых, удалось выявить ещё более своеобразную культуру оседлых скотоводов, рыболовов и земледельцев восточного берега Аральского моря в I тысячелетии н. э., составивших основное ядро раннесредневековых тюрков-огузов [Толстов 1948: 62].

В настоящее время в ходе археологических работ не получила подтверждение датировка памятников джетыасарской культуры. В 1963 г. археологические исследования в районах Юго-Восточного Приаралья были приостановлены и возобновлены лишь в 1973 г. В Джетыасарском урочище раскапывались погребения и изучались остальные городища (Джеты-асар №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 17) [Левина 1974: 471; 1975: 42–46; 1976: 83–134]. Раскопки на вышеуказанных объектах производились с большими перерывами до 1984 г. и в общей сложности они охватили промежуток в десять лет [Левина 1977: 517–518; 1979: 537; 1980: 434–435; 1981: 438–439; 1986].

С 1986 по 1991 гг. в ходе охранных работ в Джетыасарском урочище исследовались некрополи у комплекса Джетыасар-3 (Алтын-асар), Джетыасар-12 (Томпак-асар), Джетыасар-11 и 13 (Кос-асар Большой и Кос-асар Малый). Было изучено более 700 курганов, содержавших свыше 1000 погребений, а также постройки на городищах Томпак-асар, пятиугольная крепость на Алтын-асаре [Левина, 1993а: 484; 1993б: 282].

Дискуссии. Памятники городской культуры IV–II вв. до н. э. в Восточном Приаралье сложились на базе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи предшествующего времени (могильники Уйгарак, Южный Тагискен, поселения и «шлаковые» курганы) [Левина 1979: 178–190] и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии, которое проявляется в приёмах строительной техники, особенностях архитектуры, формах гончарной керамики (рис. 1). Массовое подражание заметно во всех этих областях культуры, но оно не даёт основание говорить о переселении в низовья Сырдарьи значительного населения. Б.И. Вайнберг считает, что это были группы ремесленников, передавших местному населению основные навыки производства. В период ахеменидского господства в Средней Азии подобная практика по отношению к окраинным областям державы не была исключением [Вайнберг, Левина 1992: 48; Вайнберг 1999: 179].

Как показал детальный анализ керамического комплекса чирикрабатской культуры, проведенный Л.М. Левиной, все виды и типы гончарной посуды находят прямые аналогии в керамике Парфии и Согда V–III вв. до н. э. Но на базе этих заимствованных форм в низовьях Сырдарьи складывается своеобразный комплекс, включающий ряд уникальных типов и вариантов сосудов. Наряду с гончарной, употреблялась и местная лепная керамика «сарматоидного» облика, восходящая к сакским комплексам VII–V вв. до н. э. в этом же районе [Левина 1979: 183–190].

В настоящее время нет убедительных аргументов, на основании которых можно было бы соотнести население южной части Сырдарьинской дельты (чирикрабатская культура) с каким-либо известным по античным источникам народом или племенем. В то же время есть все основания считать, что во второй половине I тыс. до н. э. на территории Южного Приаралья, наряду с Хорезмом, в низовьях Сырдарьи существовал крупный земледельческий оазис. Также как и Хорезм, он находился в окружении сарматских и поздних сакских скотоводческих племен, занимавших огромные просторы восточной части степной зоны Евразии. По всей видимости, эти два земледельческих оазиса можно рассматривать как компоненты огромной социально-экономической мегасистемы – сако-сармато-массагетского мира, в пределах которой взаимодействовали скотоводы-кочевники, полукочевники и земледельцы [Курманкулов и др. 2021: 242–245].

В районе расселения чирикрабатцев на протоках древней дельты выявлены две природно-хозяйственные зоны: северная, с песками и регулярными паводками, занятая скотоводами под пастбища, и южная, где на зарегулированных протоках со старицами, часто превращенными в изолированные водоёмы, располагались оазисы неукрепленных поселений с примитивной ирригацией [Андрианов 1969: 192–202]. По характеру оросительных сооружений (лиманно-озерного типа) и архаичности распределителей жанадарьинская ирригация не отличается от подобных сооружений, характерных для полуоседлых скотоводов и земледельцев дельтовой зоны Средней Азии [Андрианов 1969: 200, 227].

Еще раз отметим, что мы располагаем общим описанием четырёх укреплённых поселений (Чирик-рабат, Бабиш-мола, Баланды и Сенгир-кала) и около 200 неукрепленных, сильно размытых, большая часть которых связана с зоной довольно архаических ирригационных сооружений.

Описанный тип расселения – преобладание оазисов из неукрепленных поселений, отличает чирикрабатскую культуру от других, по преимуществу тоже

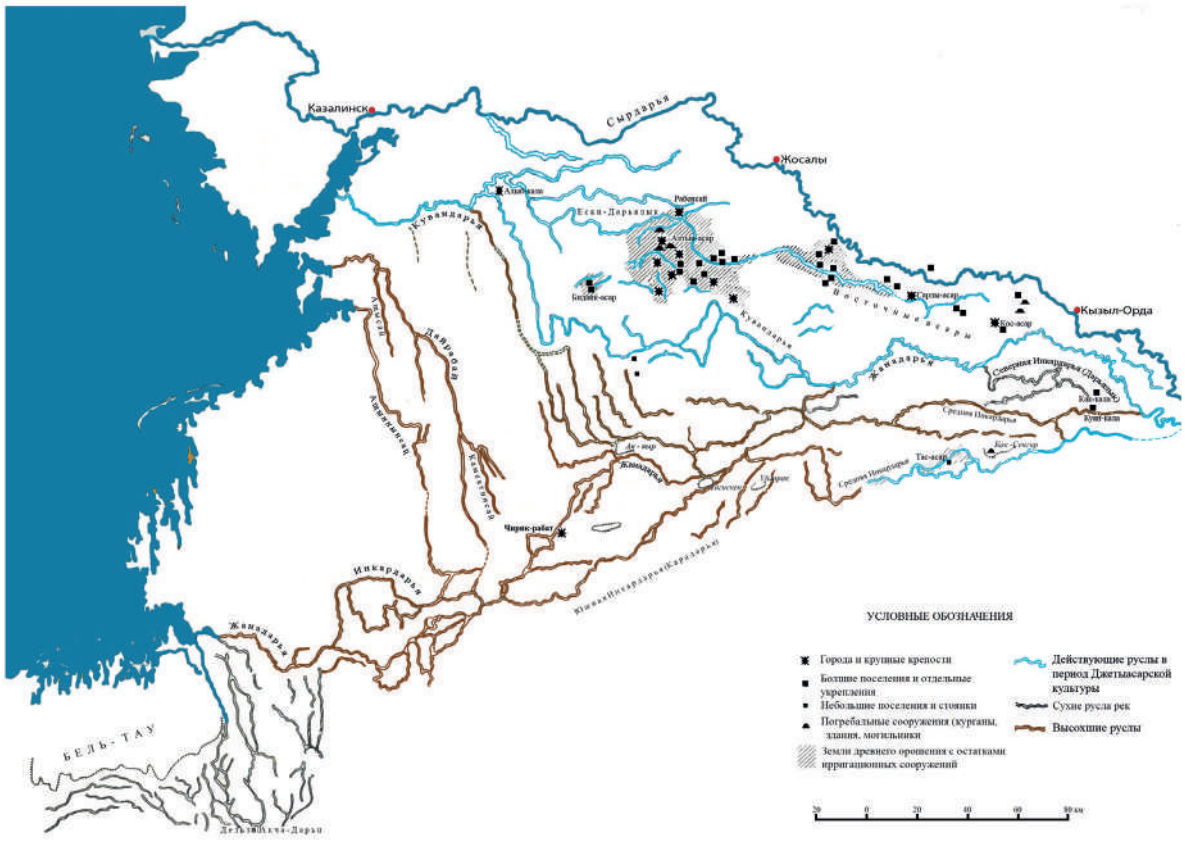

Рис.2 Карта расположения археологических памятников в Восточном Приаралье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Джетыасарская культура) (сост. А.А. Тажекеев)

«скотоводческих», культур по Сырдарье – джетыасарской, отрарско-каратауской и каунчинской. Для последних характерно сочетание укреплённых поселений и могильников, располагавшихся, как правило, рядом с поселениями. Неукреплённые поселения отсутствуют там даже в зоне примитивной ирригации (джетыасарская культура) [Вайнберг, Левина 1993: 94–102].

В конце III – начале II вв. до н. э. жители чирикрабатских городищ и поселений под давлением экологической ситуации вынуждены были покинуть этот регион (Чирикрабатский, Бабишмуллинский, Баландинский оазисы). По мнению Л.М. Левиной, они ушли на юго-запад – в районы Парфии и частично на восток, где в районе г. Алматы обнаружено несколько аналогичных поселений [Левина 1998: 47].

Этот процесс связан с изменением гидрографической сети сырдарьинской дельты. Вероятность такого объяснения подтверждается отсутствием в районе Жанадарьи памятников более позднего времени (до средневековья). В III в. до н. э в западной части дельты Жанадарьи начинается кризис обводнения и ко II в. до н. э. она полностью осушается. Северные протоки Сырдарьи – Ескидарьялык и Кувандарья (район к востоку от Жанадарьи) продолжали функционировать, и здесь развивалась джетыасарская культура [Вайнберг 1997: 30].

М. Филанович выделил три этапа сложения раннего урбанизма в сырдарьинских регионах:

– доурбанистический: X – начало IV вв. до н.э. (изучен в основном по погребальным памятникам и, частично, поселениям);

– начальной урбанизации: IV–I вв. до н. э., когда появляются первые поселения городского типа;

– развитой урбанизации: I–III вв. н. э. – становление городской культуры и городов. С III по I вв. до н. э. во всей сырдарьинской зоне наступает так называемый

«тёмный» период, заполненный мощными вторжениями одной за другой волн пришлых кочевых племён из степей Евразии [Филанович 2003: 74–80].

Городища. В бассейне Куандарьи и Эскидарьялыка известно более 50 городищ джетыасарской культуры. Многослойные городища, которые по своим размерам вполне сопоставимы с месопотамскими теллями, высотой до 25-30 м всегда размещались группами по 5-7 городищ на берегах естественных протоков (рис. 2; 3). Все джетыасарские поселения представляют собой двухъярусные или трехъярусные тобе с развитой, очень мощной и хорошо разработанной оборонительной системой и сплошной жилой застройкой внутри крепостных стен. В отличие от чирикрабатской культуры, на территории Джетыасарского урочища не обнаружено ни одного неукреплённого поселения. Есть основания полагать, что это были хорошо укреплённые родовые посёлки – дома-массивы, существовавшие на одном месте не одну сотню лет. Об этом совершенно определенно можно говорить, учитывая большое количество строительных горизонтов и периодов, перекрывавших друг друга. Примечательно, что каждый такой посёлок никогда не увеличивался вширь; постоянные перестройки и строительство новых жилых секций на фундаменте старых проходило внутри крепостных стен. Вся внутренняя жилая застройка джетыасарских посёлков представляла собой систему из множества однотипных двух- и трёхкомнатных жилых

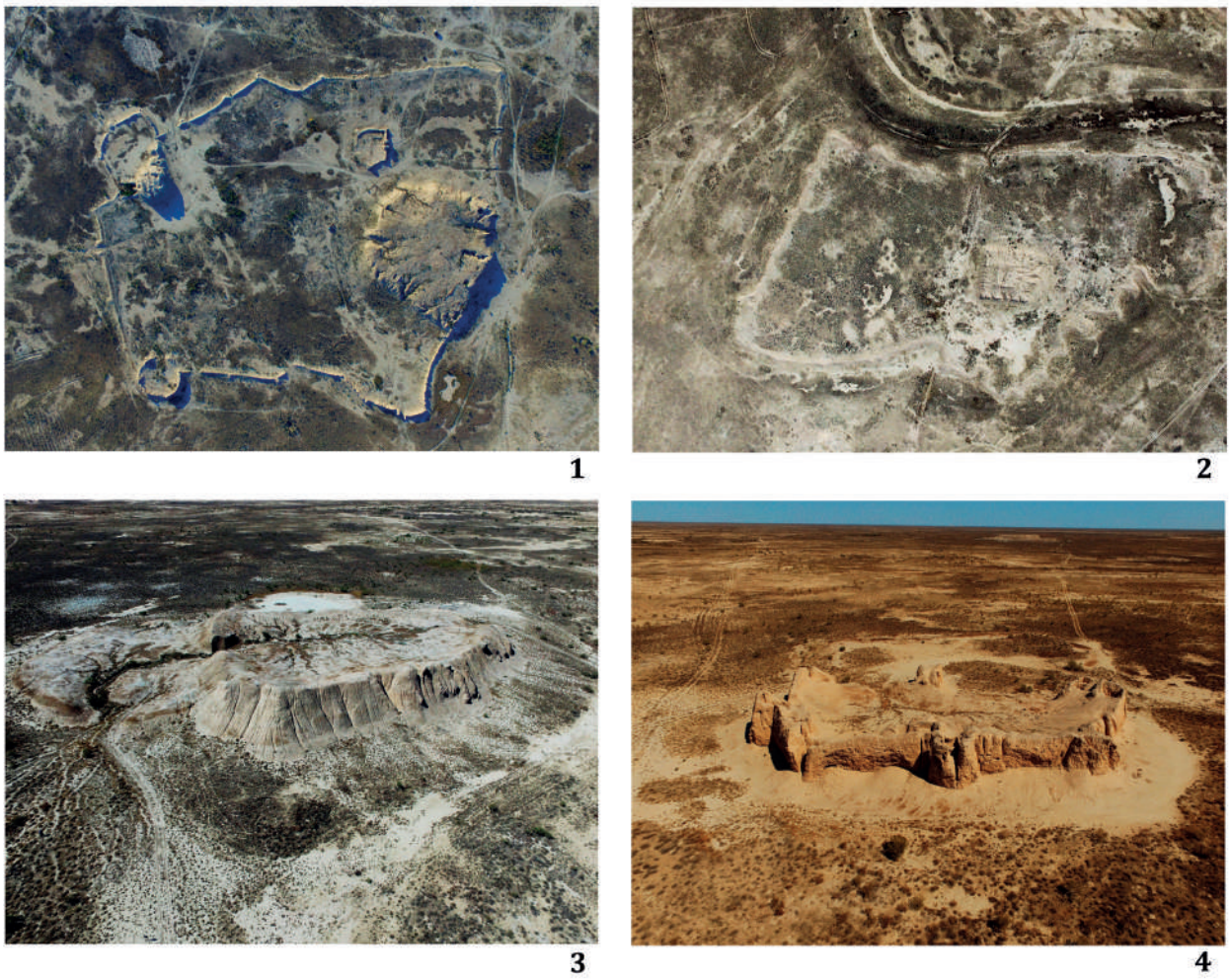

Рис.3 Аэрофото городищ Джетыасарской культуры. 1 – Алтын-асар; 2 – Курайлы-асар; 3 – Большой Кос-асар; 4 – Малый Кос-асар (фото Ж.К. Султанжанов)

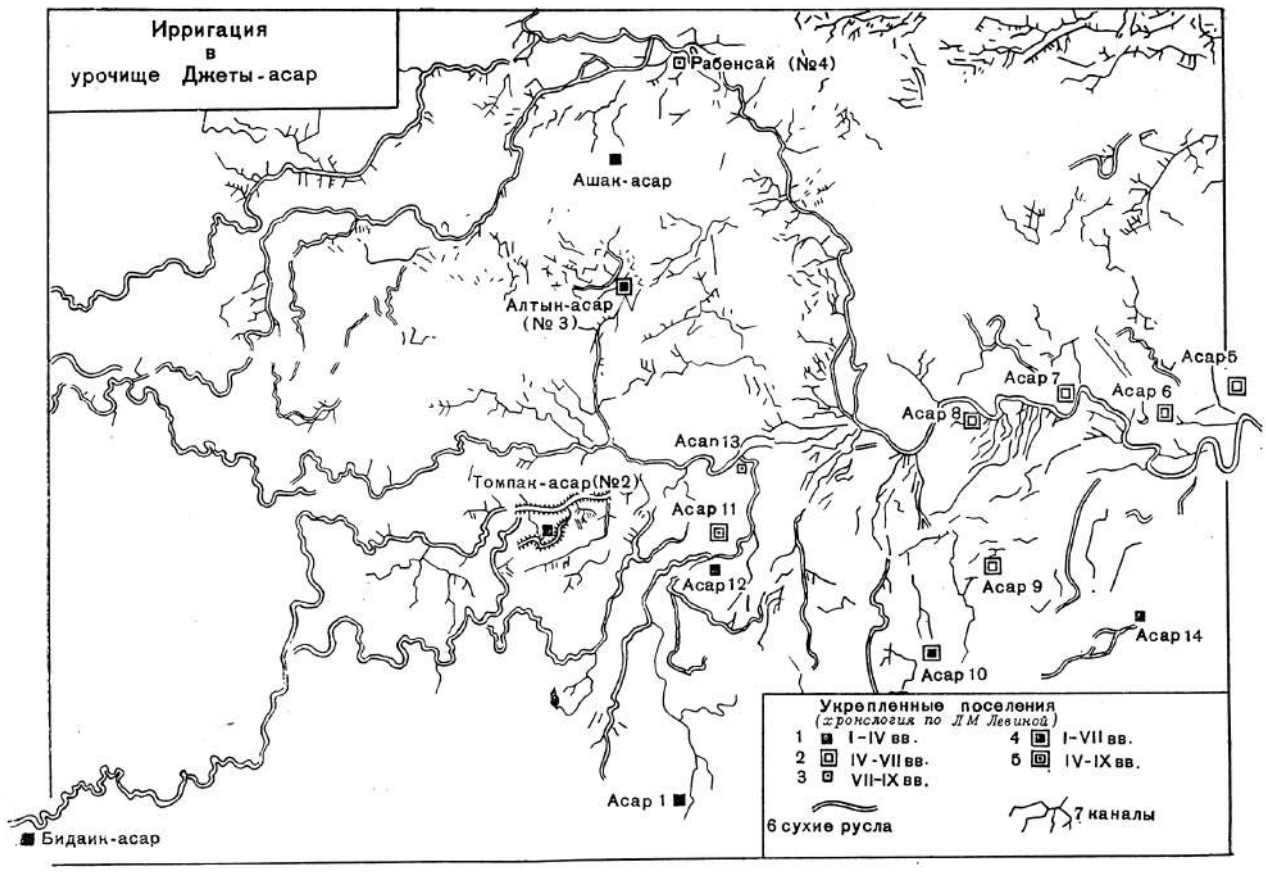

Рис.4 Схема ирригации и памятников в Джетыасарском урочище (по Б.В. Андрианову)

секций. Основная жилая комната сохраняла один и тот же интерьер на протяжении всего периода существования памятника – низкие суфы-лежанки вдоль стен центральный напольный очаг определённой формы и выделенное глиняными стеночками пространство перед входом. Вне всякого сомнения, эти жилые секции являлись местом обитания малой семьи в количестве 3-5 человек. Обращает на себя внимание тот факт, что в раскопанных поселениях не обнаружено ни одной постройки, которая выделялась бы по размерам или по планировке. Этот факт явно свидетельствует о том, что практически все обитатели посёлков находились примерно на одном уровне благосостояния. Другими словами, в джетыасарском обществе по археологическим данным не фиксируется социально-экономической дифференциации [Тажекеев и др. 2019: 98–104].

С.П. Толстов выделил характерные укреплённые джетыасарские крепости, которые были подразделены на три основных типа:

Первый тип (наиболее обычный) – укрепленная усадьба с большим, тоже укреплённым зданием внутри неё, состоящим из многочисленных сводчатых помещений, в некоторых случаях, явно расположенных в два, если не в три, этажа.

Второй тип – это большая крепость, с сильно развитой системой фортификации (башни, укреплённые ворота) и без всяких следов построек внутри стен.

Третий тип – представленный только одним, наиболее значительным во всем комплексе памятником (Джеты-асар № 3, или Алтын-асар) – большая крепость со столь же развитой фортификационной системой, но с многочисленными и разнообразными остатками крупных жилых сооружений внутри [Толстов 1948: 132].

Оросительные системы в урочище Джетыасар. Охота и рыболовство, судя по материалам раскопок, играли немалую роль в натуральном хозяйстве джетыасарского общества, но основными направлениями всё, же было скотоводство и земледелие, где ското-

водство, вероятно, отгонное явно преобладало. При раскопках жилых и погребальных комплексов найдено значительное количество зёрен проса, ячменя, садовых культур, специальных приспособлений для зернотёрок и жерновов, сосудов для хранения зерна и даже специальных помещений типа общественных зернохранилищ с остатками зёрен [Левина, Птичников 1991: 142–161].

Помимо этого, прямым свидетельством занятий населения урочища земледелием являются остатки оросительных систем (рис. 4). Сами русла в Джетыасарском урочище сохранились в основном в виде пологих валов, возвышающихся над уровнем современной окружающей равнины до 1,2 м и достигающих ширины до 100 м [Андрианов 1969: 202], хотя в северовосточной части урочища сохранились русла и в виде довольно глубоких впадин различной ширины. Отходящие же от русел, каналы сохранились в виде различной ширины такырных полос. Иногда на местности они выражены в виде тёмных полос растительности. Подробно и тщательно исследовавший эти оросительные системы Б.В. Андрианов, отмечает принципиальное отличие их от амударьинских, прежде всего лиманно-озерными формами орошения с использованием нерегулированных речных паводков, обводненных стариц, небольших систем, не требовавших значительных трудовых затрат [Андрианов 1969: 202–205].

Большинство русел в урочище Джетыасар сохранилось на местности в виде пологих валов, возвышающихся над равниной на 0,5-1,2 м и достигающих ширины от 30 до 100 м, со следами каналов в центральной части в виде такырной полосы шириной в 5-10 м. Плоский вал шириной в 60 м с характерными линиями береговых валов имеет меридиональное направление. В его центральной части заметна чётко выраженная, такырная полоса шириной в 10 м – остатки канала. От такырной полосы ответвляются более тёмные узкие метровые полосы – следы арыков. На одном из них обнаружен обломок зернотёрки из песчанника.

При общих западных уклонах Джеты-асарской равнины большинство паводковых потоков устремлялось на запад, поэтому древним земледельцам приходилось затрачивать сравнительно мало усилий для направления вод по арыкам в старины и старые русла, которые превращались в бассейны-водохранилища. Наибольшее распространение системы бассейнов-водохранилищ, видимо, получают в поздний период жизни Джетыасарского оазиса, когда уменьшилось общее количество воды, поступавшее в основные протоки пра-Куандарьи (Северной Куандарьи) [Андрианов 1969: 202–205].

Погребальные памятники и археологические материалы. Джетасарские городища окружали огромные по площади могильники, насчитывающие сотни курганов. Все они по устройству и конструкции погребального сооружения подразделяются на две группы – кирпичные склепы и грунтовые захоронения в подбоях или в ямах. Погребения совершались по обряду трупоположения. Вместе с покойником в яму или склеп помещалась заупокойная пища, чаще все часть туши барана, керамика, орудия труда, украшения, предметы вооружения.

В ходе раскопок памятников джетыасарской культуры получены огромные по численности весьма представительные археологические коллекции, на основании анализа которых однозначно можно говорить о необычайной устойчивости и консерватизме материальной культуры населения. Достаточно сказать, что практически вся посуда, как хозяйственная, так и столовая на протяжении всего периода существования культуры изготавливалась без применения гончарного круга. В то же время столовая посуда, которая, безусловно, обжигалась в горне, отличается очень высоким качеством выработки и оформления внешней поверхности. Ручки некоторых сосудов украшались тщательно смоделированными изображениями животных.

Значительную часть коллекции джетыасарских древностей составляют предметы, полученные в ходе раскопок курганов, большая часть которых (немногим менее 1000) была исследована отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Л.М. Левиной в 70-80 гг. прошлого столетия. Большая часть захоронений была ограблена ещё в древности, тем не менее, даже по тем предметам, которые дошли до нас, можно составить вполне определённое представление об уровне материальной, художественной культуры и ювелирного искусства джетыасарской культуры. Так, например, о ювелирном мастерстве можно судить по уникальным серьгам, найденным в одном из склепов. О достаточно высоком уровне деревообработки свидетельствуют фрагменты деревянной шкатулки, найденные в одном из захоронений могильника Алтын-асар. Кроме того, в захоронениях найдено большое количество бронзовых пряжек, использовавшихся как застёжки на ремне или на обуви. Археологический комплекс, полученный

в ходе раскопок курганных могильников, помимо всего прочего, свидетельствует о том, что, несмотря на консервативность и, если можно так сказать, архаичность джетыасарская культура отнюдь не была изолирована от остального мира. Об этом, в частности, говорит довольно большое количество импортных предметов, найденных в захоронениях. Можно отметить, например, находки китайских зеркал в некоторых подбойных могилах, янтарные бусы из Прибалтики и Индии. Особый интерес представляют иранские резные камнигеммы, найденные в небольшом количестве в грунтовых захоронениях [Левина 1996: 369–372].

Заключение. В целом, джетыасарская культура, открытая в середине прошлого столетия Хорезмской экспедицией и наиболее интенсивно изучавшаяся в 70-80 гг. прошлого столетия, это уникальное явление в среднеазиатской археологии. С одной стороны, её местоположение на перекрестке караванных путей, идущих из оазисов Средней Азии в бескрайние просторы евразийских степей, в области традиционных зимовок кочевников и кочевых маршрутов номадов, казалось бы, определяло её роль, как ретранслятора различных культурных традиций. Это обстоятельство предполагает открытость культуры к различным инновациям и культурным импульсам. С другой стороны, реальный облик материальной культуры говорит о незыблемой традиции и уклада, которые ревностно соблюдались на протяжении всего периода существования джетасарских родовых посёлков. Надо заметить, что по мере изучения этого культурного феномена у исследователей возникает больше вопросов, чем ответов, то есть проблема происхождения культуры и этноса, оставившего нам памятники в бассейне Куандарьи и Эскидарьялыка, до сих пор остаётся нерешённой и является одной самой актуальных не только в археологии Казахстана, но и всей Евразии.

Археологические исследования памятников джетыасарской культуры позволили установить, что эта культура в своём развитии прошла три крупных этапа. Весь комплекс артефактов, который мы сегодня имеем, относится, в лучшем случае, к переходному этапу от периода Джетыасар I к Джетыасар II, а большая часть огромной по количеству коллекции джетыасарских древностей датируется серединой – второй половиной I тыс. н. э., то есть относится к периодам Джетыасар II–III. Думается, что вопрос о происхождении этой, ни на что не похожей археологической культуры, можно будет решить только после широкомасштабных раскопок одного из асарских городищ, где будут полностью выявлены хорошо стратифицированные археологические комплексы, характеризующие все этапы развития культуры в Джетыасарском урочище.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 252 с.

Вайнберг Б.И. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. № 1. 1997. С. 23–41.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. – VIII в. н. э. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 358 с.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 493 с.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Москва: ИЭИА, 1993. вып. I. 130 с.

Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Древние земледельцы низовьев Сырдарьи. Труды Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. I. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2021. 322 с.

Левина Л.М. Работы в Джетыасарском урочище // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 471–472.

Левина Л.М. Новые исследования памятников Джетыасарской культуры в Восточном Приаралье // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие тезисы докладов на конференции, ноябрь 1975 г. Л.: 1975. С. 42–46.

Левина Л.М. Отчет о работах Джетыасарского отряда ХАЭЭ Института этнографии АН СССР в 1976 году // Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 118. М., 1976.

Левина Л.М. Исследования в Джетыасарском урочище // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 517.

Левина Л.М. Поселения VII-V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭ. Т. XI. М., 1979. С. 178–190.

Левина Л.М. Раскопки городищ Джетыасарского оазиса // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 434–435.

Левина Л.М. Среднеазиатские связи Джетыасарской культуры в первом тысячелетии н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С.170–177.

Левина Л.М. Отчет о работах Джетыасарского отряда ХАЭЭ Института этнографии АН СССР в 1986 году // Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 178. М., 1986.

Левина Л.М. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II, часть I. Склепы. М: ИЭИА. 1993а. 484 с.

Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Часть II. М: ИЭИА. 1993б. 282 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. Москва: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. 396 с.

Левина Л.М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 42–60.

Левина Л.М., Птичников А.В. Динамика ирригации и древних русел Куван-дарьи в урочище Джетыасар (Восточное Приаралье) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991. С. 142–161.

Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.Б. Новые археологические исследования Жетыасарской культуры // Великая степь: история и культура. Том IV. Великое кочевание: наследие гуннов и сарматов в вещах и идеях. Каталог выставки. Под ред. А. Онгарулы. Нур-Султан, 2019. 308 с.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 326 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М: Изд-во вост. лит., 1962. 322 с.

А.И. ТОРГОЕВ,
А.В. КУЛИШ,
М.К. БОРСУНБАЕВ,
А.Т. ЖУМАБАЕВ

Асан Исакбекович Торгоев,
Государственный Эрмитаж,
Санкт- Петербург, Россия; torgoevasan@mail.ru
Алексей Валерьевич Кулиш,
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия; alexey85@bk.ru,
Марсбек Келдибекович Борсунбаев,
Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР,
Бишкек, Кыргызстан; mars4588@gmail.com
Аскат Тойчубекович Жумабаев,
Независимый исследователь,
Бишкек, Кыргызстан; ascatjuma@mail.ru

ФОРТИФИКАЦИЯ ГОРОДИЩА ШАМШИ III

Аннотация. Статья посвящена результатам изучения городища Шамши III в одноимённом ущелье недалеко от г. Токмок (Чуйская область, Кыргызская Республика). Настоящее городище является сейчас единственным укреплённым поселением эпохи Великого переселения народов на Тянь-Шане и Притяньшанье. Изначальное поселение V–VI вв. расположили на высоком обрывистом правом берегу р. Шамши. С трёх сторон оно было укреплено рвами. Внутри поселения, практически в центре, рядом с речным обрывом, находится «цитадель» – возвышающийся холмик, отделённый от остальной части поселения собственным рвом. На «цитадели» был исследован комплекс каменных фундаментов жилых построек. Вала «цитадель» не имела, и единственной её защитой выступал мощный ров. В результате раскопок выяснилось, что крепостная стена перед рвом была построена в XI–XII вв. уже на месте давно заброшенного поселения. Под крепостной стеной открыты остатки наземных и полуземляночных жилищ, в том числе остатки косторезной мастерской. Изначально, в V–VI вв. оборонительную функцию на поселении выполняли только рвы.

Ключевые слова: Чуйская долина, укреплённое поселение Шамши III, фортификация, эпоха Великого переселения народов

Асан Исакбекович Торгоев,
Мемлекеттік Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Ресей
Алексей Валерьевич Кулиш,
Мемлекеттік Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Ресей
Марсбек Келдибекович Борсунбаев,
ҚР ҰҒА Б. Джамгерчинова ат. Тарих, археология және этнология институты,
Бішкек, Қырғызстан
Аскат Тойчубекович Жумабаев,
Тәуелсіз зерттеуші,
Бішкек, Қырғызстан

ШАМШИ III ҚАЛАСЫНЫҢ ФОРТИФИКАЦИЯСЫ

Аннотация. Мақала Токмок қаласы маңындағы (Шу облысы, Қырғыз Республикасы) Шамши шатқалындағы Шамши III қаласын зерттеу нәтижелеріне арналған. Қазіргі таңда қала Тянь-Шань мен Тянь-Шань маңы аймағындағы Халықтардың ұлы қоныс аударуы дәуіріндегі жалғыз бекіністі қоныс болып табылады. V–VI ғғ.

алғашқы қоныс Шамши өзенінің биік жарлы оң жағалауында орналасқан. Ол үш жағынан ормен қоршалған. Қоныстың ішінде, өзен жартасының жанында яғни орталықта «цитадель» орналасқан, бұл қоныстың қалған бөлігінен ормен бөлінген биік төбешік. «Цитадельде» тұрғын үй құрылыстарының тас іргетастарының кешені зерттелді. «Цитадельде» қорған болған жоқ және оның жалғыз қорғанысы мықты ор болды. Қазба жұмыстары нәтижесінде ор алдындағы бекініс қабырғасы XI–XII ғғ. көптен бері қараусыз қалған қоныс орнында салынғаны белгілі болды. Бекініс қабырғасының астында жер үсті және жартылай жертөлелердің қалдықтары, соның ішінде сүйек ою шеберханасының қалдықтары ашылды. Бастапқыда V–VI ғғ. қоныстың қорғаныс міндетін тек орлар атқарған.

Түйін сөздер: Шу алқабы, Шамши III бекіністі қонысы, фортификация, Халықтардың ұлы қоныс аудару дәуірі

Asan Torgoev,
State Hermitage,
Saint-Petersburg,
Russian Federation
Alexey Kulish,
State Hermitage,
Saint-Petersburg,
Russian Federation
Marsbek Borsunbaev,
The Institute of History, Archaeology and Ethnology named after
B. Dzamgerchinov NAS KR,
Bishkek, Kyrgyzstan
Askat Zhumabaev,
Independent researcher,
Bishkek, Kyrgyzstan

FORTIFICATION OF THE SHAMSHI III SETTLEMENT

Abstract. The article is devoted to the results of the study of the Shamshi III settlement in the gorge of the same name near Tokmok (Chu region, Kyrgyz Republic). The present settlement is now the only fortified settlement of the era of the Great Migration of Peoples on the Tien Shan and the region. The original settlement of the 5th-6th centuries was located on the high steep right bank of the Shamshi River. On three sides it was fortified with moats. Inside the settlement, almost in the center, next to the river cliff, there is a "citadel" – a towering hillock separated from the rest of the settlement by its own moat. A complex of stone foundations of residential buildings was investigated at the Citadel. The citadel had no shaft and its only protection was a powerful moat. As a result of excavations, it turned out that the fortress wall in front of the moat was built in the 11th–12th centuries on the site of a long-abandoned settlement. The remains of above-ground and semi-underground dwellings, including the remains of a bone-cutting workshop, have been discovered under the fortress wall. Initially, in the 5th-6th centuries, only moats performed a defensive function on the settlement.

Keywords: Chu Valley, fortified settlement of Shamshi III, fortification, Great Migration era

Введение. Городище Шамши III является единственным известным сейчас укреплённым поселением эпохи Великого Переселения народов на Тянь-Шане [Торгоев и др. 2017: 310–314; Торгоев и др. 2020: 223–226].

Прежде хотелось бы коснуться вопроса о причинах обращения к этому памятнику.

С 2007 г. Кыргызстанско-Российская (Тянь-Шаньская) археологическая экспедиция проводила полевые исследования на городище Красная речка, где одной из основных задач было исследование ранних слоёв. К 2013 г. стало абсолютно ясно, что на настоящем городище выявить слои ранее начала VIII в. выявить не удастся. Сравнение полученных материалов из нижних слоёв Краснореченского городища с материалами из нижних слоёв других городищ Чуйской долины (Ак-Бешим, Ак-тобе Степнинское, Сокулук) показало, что слоёв, которые могли бы быть датированы ранее рубежа VII–VIII вв. на городищах равниной части Чуйской долины выявить, пока не удается.

Очевидно, что поселения более раннего времени, безусловно, должны быть в долине, но на больших го-

родищах они перекрыты часто многометровыми наслоениями более поздних эпох. Поселенческие памятники меньшего масштаба в равнинной части, нижние слои которых всегда перекрыты слоями X–XII вв., чаще всего распаханы, либо используются под кладбища, либо по материалам из шурфов П.Н. Кожемяко возникают не ранее X в.

Кроме того, раскопки поселений с целью широкомасштабного исследования нижних слоеёв, в современной ситуации, возможны только лишь в ситуации работ новостроечных экспедиций, когда памятнику угрожает опасность, и он копается на снос. Специальные же исследования нижних слоёв на городищах сопряжены с рядом сложностей и невозможны без государственной поддержки и должного финансирования.

Зачистки же обнажений на больших городищах дают материал из нижних слоёв, но необходимо понимать, что, даже имея длинный (более 15 м) стратиграфический профиль, нельзя проецировать его данные на всё исследуемое городище. Ситуация со стратиграфией может измениться буквально в нескольких метрах, особенно для нижних слоёв, которые часто сохраняются лишь отдельными участками. Совершенно очевидно, что любые сырцовые памятники более раннего времени попросту часто превращались в строительный материал для сооружений более позднего периода, а накопившиеся в них слои, особенно богатые органикой, выносились на поля в качестве удобрений или же замешивались в кирпич для более поздних построек.

Вышеуказанные причины не позволяют обратиться к поиску раннесредневековых объектов в долине р. Чу, но поиски памятников с ранними чертами в топографии более перспективны в подгорной полосе и в ущельях. Несмотря на то, что сельскохозяйственное освоение угодий, связанное с подготовкой полей, в подгорной полосе и в ущельях также имело место быть, результаты его оказались менее губительными для памятников, нежели в самой долине.

На сохранившиеся в ущелье Шамши городище наше внимание было обращено по нескольким причинам, все они связаны с интересом к памятникам начальной поры раннего средневековья:

Во-первых, рядом с этим городищем располагалось знаменитое погребение «Чуйской царицы» V – первой половины VI вв. [Кожемяко, Кожомбердиев 2015: 130–157; Засецкая и др. 2007: 78–81, 84–85].

Во-вторых, по сведениям, полученным от А.М. Камышева, стало известно, что с этого городища происходят находки только нескольких китайских монет «У-шу», при полном отсутствии медно-свинцовых монет караханидов.

В-третьих, после изучения космоснимков стали ясны отличия плана городища от других городищ типа «торткуль», о которых будет отдельно сказано ниже.

История исследований. Исследование памятников в ущелье Шамши начал в 50-х гг. XX в. П.Н. Кожемяко. В самом ущелье Шамши им было выявлены три городища, на которых была проведена шурфовка, и они были отнесены к X–XII вв. по керамическому материалу. Городище I в ущелье Шамши (северное) располагалось в 0,5 м от начала ущелья над левым обрывистым берегом р. Шамши. Городище типа «торткуль», максимальный размер которого по данным П.Н. Кожемяко составлял 180 х 160 м [Кожемяко 1959: 154, рис. 59]. Западной стены не было, так как естественный обрыв р. Шамши был сам по себе мощной преградой. Культурный слой внутри городища был очень слабый, ныне памятник полностью распахан. Городище II (среднее), располагалось в 400 м к югу от городища I и имело аналогичный план. Максимальный размер его составлял 330 х 270 м. П.Н. Кожемяко отмечает, что: «Южная стена непрямая, её западный конец, проходя по краю оврага, делает изгиб под тупым углом» [Кожемяко 1959: 155, рис. 60]. От этого городища до наших дней частично сохранился лишь указанный изгиб южной стены.

Сохранившееся до наших дней городище Шамши III находится через упомянутый уже овраг к югу от городища Шамши II. На городище Шамши III П.Н. Кожемяко было заложено два небольших раскопа внутри валов. Исследователь пишет следующее: «В одном (шурфе – А.Т.) находки попадались до 0,5 м, в другом до 0,45 м. Это только глиняные изделия, среди которых больше всего найдено фрагментов стенок хумов. Обнаружена серия обломков от сосудов, сделанных на станке, в том числе: кувшин с высоким узким горлом и вертикальной коленчатой ручкой, боковина сосуда с полулунной круглой в сечении ручкой, чаша большого диаметра с толстой стенкой.

И это городище по раскопочным материалам может быть отнесено к X–XII вв.

Таким образом, все три городища в ущелье Шамши имеют весьма сходные планы. Слабый культурный слой не оставляет сомнения в их назначении – это

временные укрепления. Сходство в керамике не даёт возможности относить их к разным периодам. Все они жили в X–XII вв. [Кожемяко 1959: 156].

Последнее заключение П.Н. Кожемяко явилось вердиктом чрезвычайной заурядности этих памятников, после его работ они никогда более не становились объектом самостоятельного исследования. Так как исследовать сельские поселения караханидского периода со слабым культурным слоем, особенно когда плохо исследованы крупные городища, дающие обильный и интересный материал, не было ни желающих, ни средств. Два из трёх городищ были запаханы уже к 70-м годам, а третье городище, стены которого возведены из камня, распахать не удалось. Именно это городище Шамши III и сохранилось до наших дней и стало объектом исследований 2015 г.

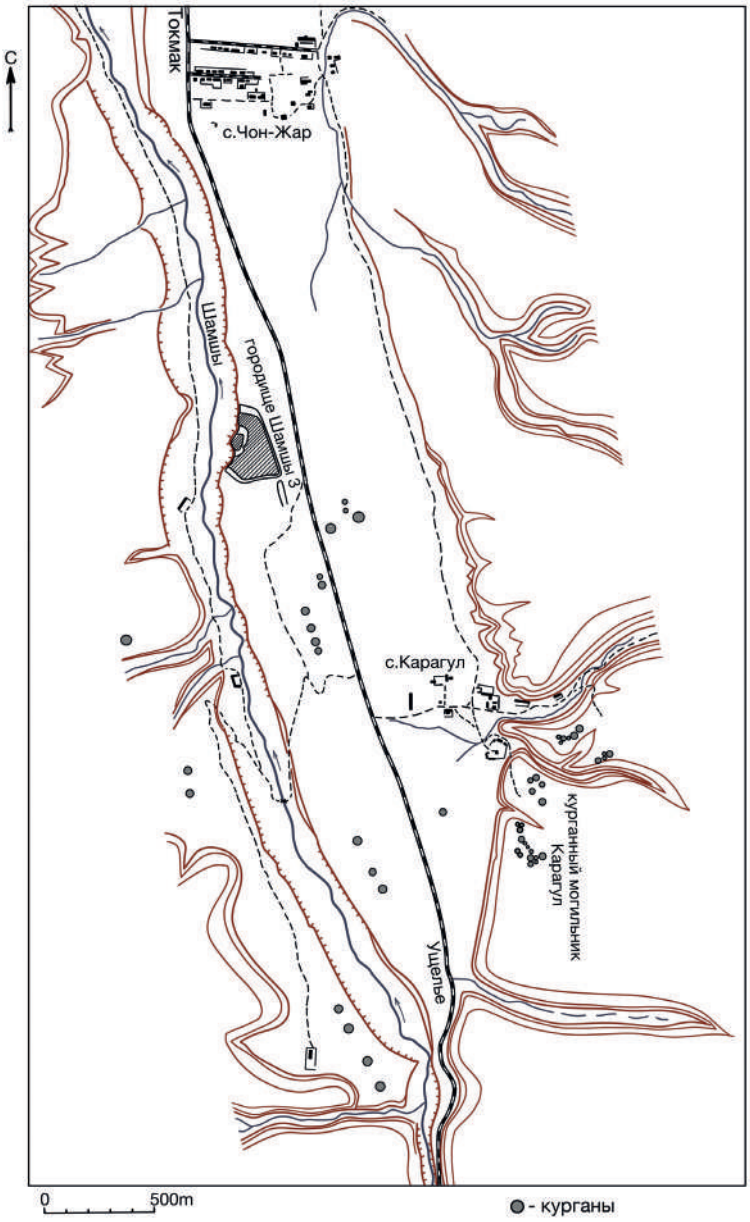

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников входной части ущелья Шамши

Описание памятника. Городище Шамши стоит на правом берегу р. Шамши, межу двух глубоких оврагов, ограничивающих площадку городища с севера и с юга (рис. 1, 2). Городище имеет прямоугольную в плане форму (рис. 2). Валы наиболее сохранились с южной и восточной сторон, не исключено, что вал был также с северной стороны (отмечен П.Н. Кожемяко), но если он и был, то уже полностью разрушен оврагом. С западной стороны вал бы не нужен, так как она была надёжно защищена обрывом реки Шамши.

Крепостные стены, сейчас представляющие валы, сложены с применением камня, местами оголённые участки каменной кладки отчетливо просматриваются. Вал с восточной стороны сохранился на длину чуть более 290 м. На восточном валу как будто просматривается четыре округлых башенных выступа. Угловая башня, сильно выступающая за линию как восточного, так и южного вала, отчётливо прослежена только на юго-восточном углу городища. Рядом с угловой башней, в валу имеется седловина, как оказалось проделанная трактором для въезда сельхозтехники внутрь валов.

Под южным валом, прослеженном на длину чуть более 120 м, отчетливо читается ров шириной около 20 м. Этот ров на западе переходит в естественный овраг. На востоке он огибает угловую башню и поворачивает на север, проходя далее вдоль восточной стены, причём не параллельно ей. У перемычки расстояние между восточным валом и рвом составляет около 30 м, далее, к северу оно сокращается, в результате сходя практически на нет. Определённо южная оконечность восточного вала стоит уже на берегу старого естественного оврага, куда и переходит ру-

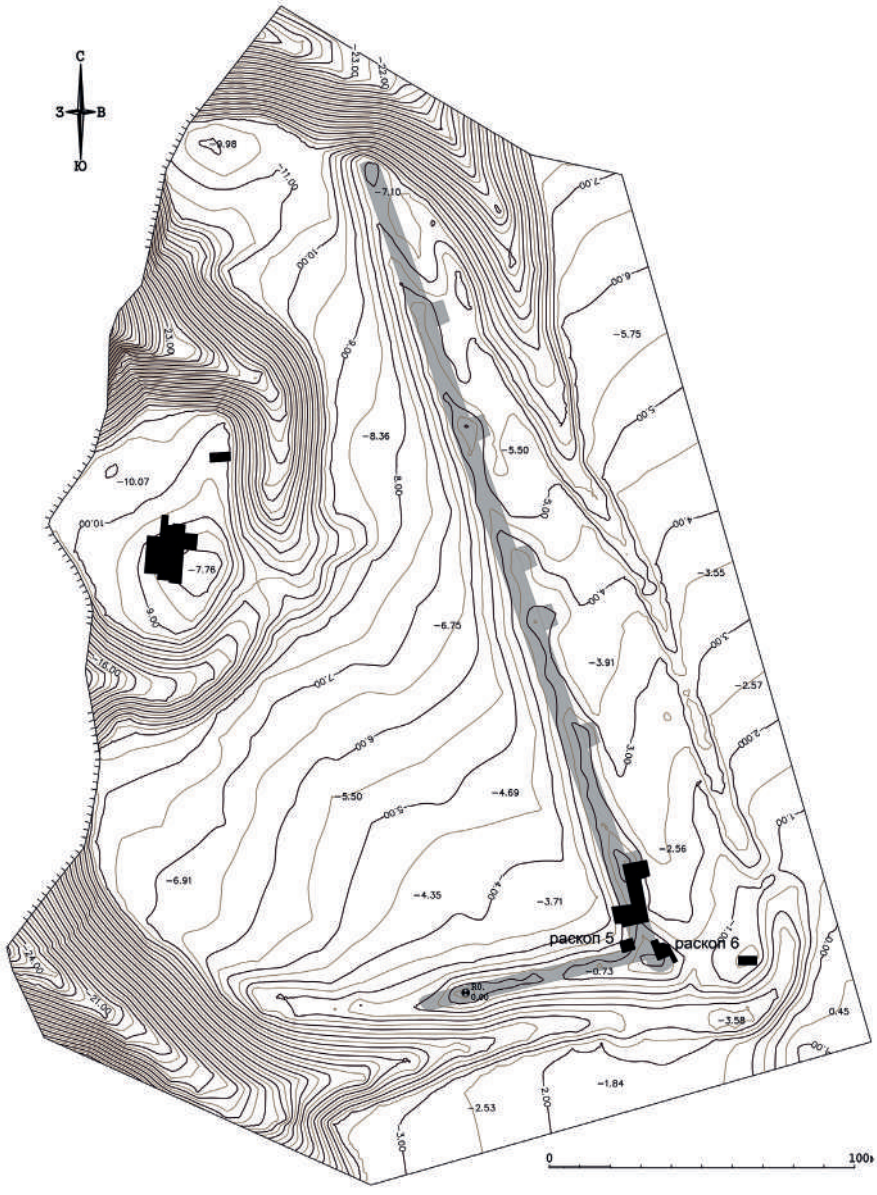

Рис. 2. Городище Шамши III, план с указанием раскопов 2015, 2016, 2019, 2021 гг.

котворный ров. Ширина рва у восточного вала 15-20 м, по мере его приближения к естественному оврагу на север увеличивается.

Очевидно, наличие камня в валах и не дало возможности распахать памятник. Два городища расположенные рядом видимо имели стены из ленточной пахсы и не представляло особого труда снивелировать их техникой.

Внутри городища находится участок овальной формы, не отмеченный П.Н. Кожемяко, отгороженный от остальной части городища глубоким и широким рвом, который получил условное название «цитадель» (рис. 3, *1, 2*). Ров отчетливо читается с трёх сторон, ширина его достигает 30 м (в среднем около 25 м), глубина достигает до 6 м. Участок ограниченный рвом вытянут в направлении С-Ю, западный его край обрывистый, размер участка составляет 76 х 60 м. В восточной части цитадели читается перемычка во рву, которая, по всей видимости, является въездом на цитадель. У перемычки отчётливо видно сильно расплывшиеся всхолмление, возвышающееся на 2,2 м над под низменной частью поселения. Что скрывает это всхолмление определить без раскопок было невозможно. В обрывах «цитадели» культурный слой не однородный и достигает толщины 1-1,2 м. Надо отметить, что ни у одного городища типа торткуль никогда не было рва внутри, и этот признак явно говорил в пользу большой древности городища Шамши. Также очень важным моментом, являлось то, что восточная стена городища не параллельна рву, из чего можно было уже предположить разновременность рва и стен.

Всё внутреннее пространство городища внутри стен, вплоть до рва, отделяющего «цитадель» восточной части распахано и используется под посадки. На поверхности распашки собран незначительный подъемный материал, представленный мелкими фрагментами керамики, преимущественно лепной. Также на поверхности распаханного и засаженного картофелем участка в 2015 г. было найдено доломитовое пряслице.

Рис. 3. 1 – «Цитадель» городища Шамши III, вид с востока; 2 – Ров «цитадели» городища Шамши III. Рейка выдвинута на три метра, вид с юга.

Рис. 4. План постройки на «цитадели»

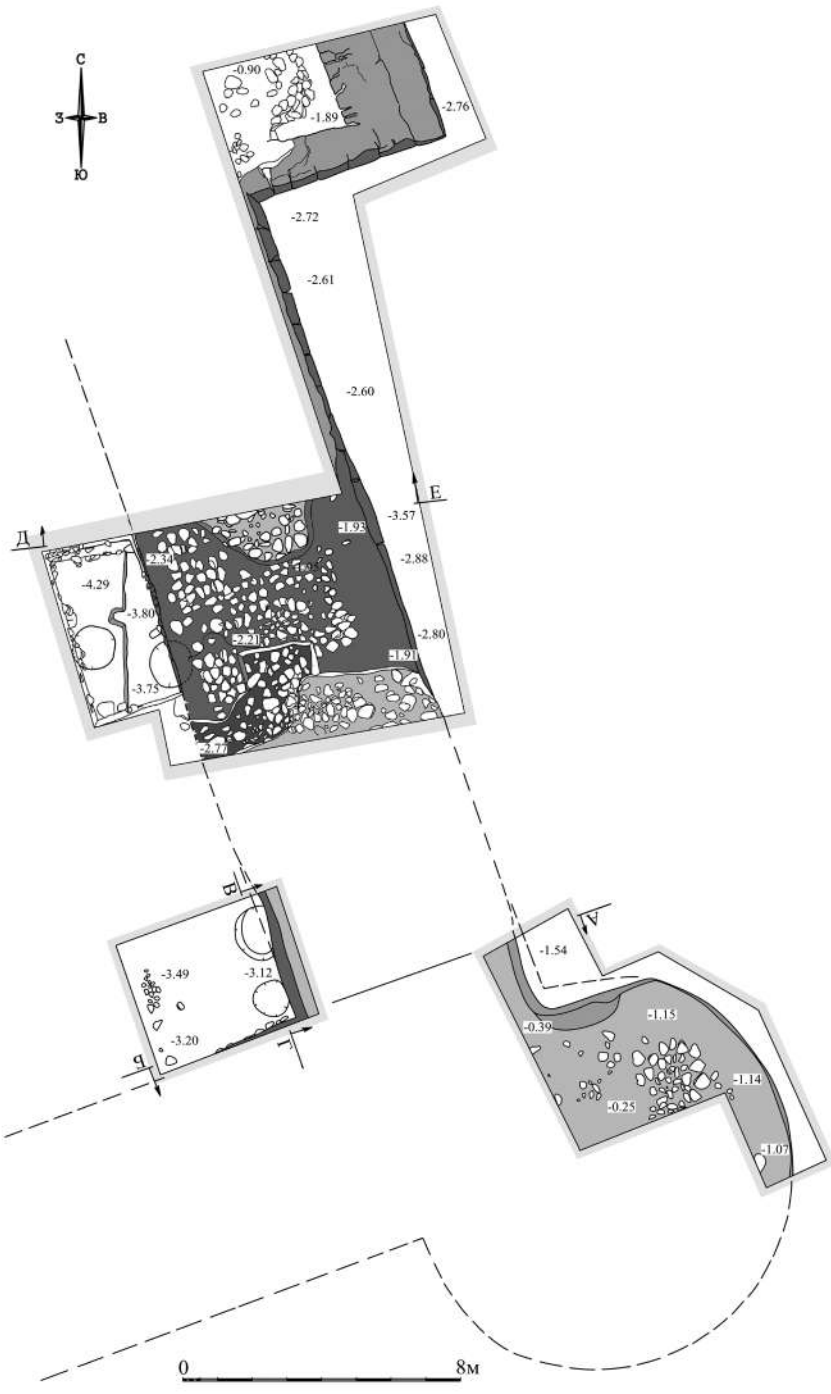

Рис. 5. Юго-восточный угол крепостной стены. План раскопанной части

Цитадель. На «цитадели» городища было заложено два раскопа. Первый находился в северной части, у рва и представлял собой траншею размером 6 х 2,8 м вытянутую в направлении В-З. Закладка раскопа на этом месте была продиктована необходимостью проверить наличие самостоятельной оборонительной стены «цитадели», о наличии которой как-будто говорили выступающие местами камни. Однако наличие стены не подтвердилось. Данные о работах на этом рекогносцировочном раскопе опубликованы [Торгоев и др. 2017: 312–314. рис. 6].

В 2016 г. после проведения георадарных исследований раскопками был, затронут юго-восточный сектор «цитадели», где на радарной съемке отчётливо был виден большой по площади каменный развал. В результате раскопок двух сезонов (2016, 2019 гг.) был изучен комплекс жилых и хозяйственных помещений, от которого сохранились лишь каменные фундаменты (рис. 4). Их подробная публикация не связана с темой настоящей статьи и требует отдельной работы.

Крепостная стена. На обвалованной стене городища было заложено три раскопа, которые располагались рядом (рис. 5).

Раскоп 2 заложен в седловине восточной стены городища, расположенной близ юго-восточного угла. Раскоп 5 заложен с целью изучения внутреннего юго-восточного угла стены. Целью работ на раскопе 6 явилось изучение юго-восточной угловой башни поселения.

Наибольшие по объему работы были проведены на раскопе 2. Здесь целью исследования явилось изучение структуры крепостной стены и её внешнего и внутреннего фасадов, а также проверки наличия возможного прохода. В результате двух сезонов раскоп приобрел Г-образную форму (рис. 5).

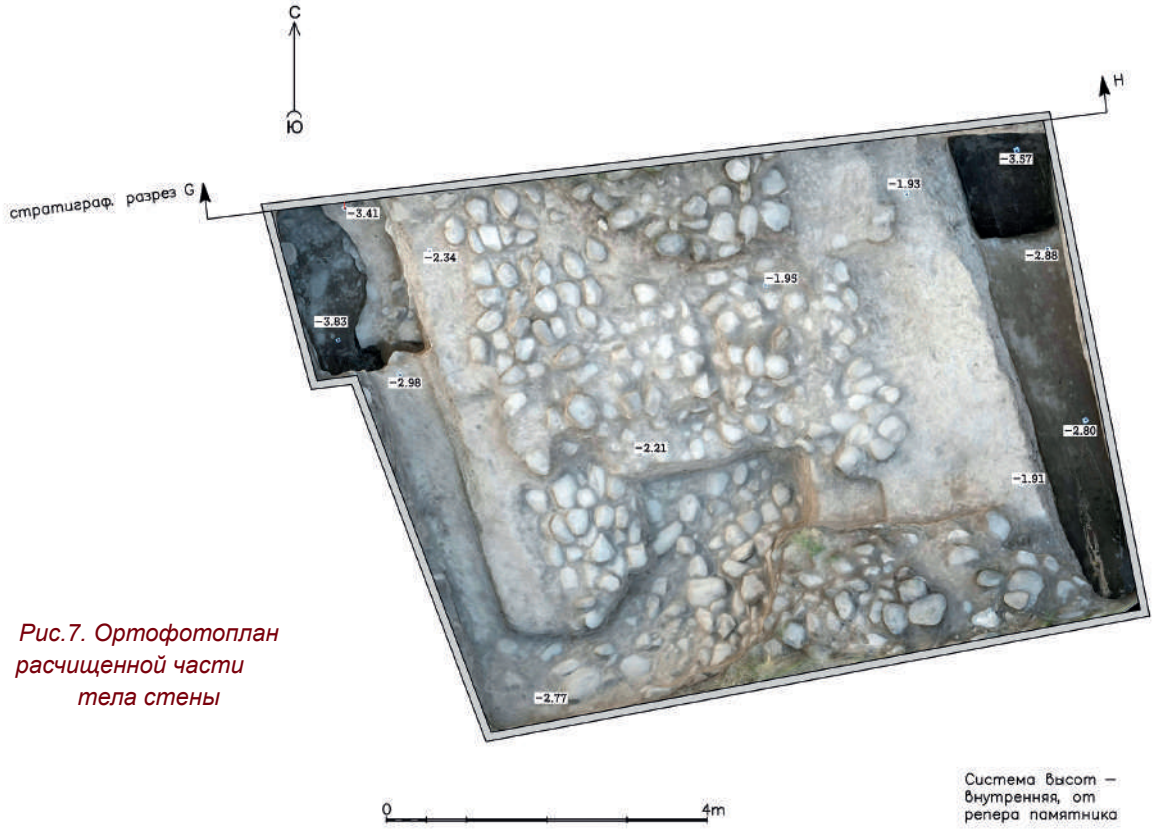

Рис.7. Ортофотоплан расчищенной части тела стены

В седловине под слоем дерна сразу начались натечные слои с камнями. Камни были утоптаны, создавая ощущение панциря, слой между камнями над натеками чернозёмный. В натечных слоях, в камнях и под камнями встречались, наряду с мелкими обломками керамики, современные железные изделия. После полного удаления слоя чернозёмного слоя и вдавленных камней, выявилась оригинальная кладка стены.

Стена имела ширину 6,9-7,0 м. (рис. 7), сложена она была из камня на глиняном растворе коричневого цвета, а также плотной пахсы. Внешний фасад стены был расчищен на практически полную длину куртины между юго-восточной угловой башней и следующей за ней башней на восточной стене. На фасад выходит целиком пахсовая кладка. Камень, переслаивающий пахсу, начинается на расстоянии 1,5 м от края фасада. В целом каменная кладка составляет нутро стены. Камни уложены слоями и перемежаются глиняными (пахсовыми) заливками. В одном месте, вдоль южного края седловины, на месте, разрушенном современным поливным арыком, удалось частично расчистить три нижних слоя каменной кладки.

Внешний фасад имеет наклонный фасад, угол которого составляет 75° (рис. 8, 1). Фасад сделан целиком из пахсы, причём хорошо видна только вертикальная нарезка (рис. 8, 2). Горизонтальные полосы, делящие заливки не акцентированы, но в целом толщина слоёв не превышает 75 см. Вертикальные нарезы пахсы расположены в среднем через 0,8 м. Внешний пахсовый чехол стены с запада вплотную примыкает к телу стены сложенному из камней перемежающихся глиняными заливками. Нет сомнений в том, что изначально было сделано именно тело стены, а потом к нему приставили наружный пахсовый чехол. Полная длина куртины – 24 м.

Была открыта на половину одна башня на стене, которая имела прямоугольную форму (рис. 5; 9, 1). Сделана башня также как и стена, но в отличие от стены, в нижнем ярусе, внутри пахсового чехла находится плотная глиняная заливка. А уже на ней находится каменное нутро монолитной башни, на котором формировали внешний пахсовый чехол (рис. 9, 1). Изнутри примыкающий к каменной забивке нутра башни пахсовый чехол имеет отрицательный уклон и не имеет сомнений, что его формировали на уложенном камне. Башня выступает на 5,7-5,8 м за линию крепостной стены. Оборона башни, как и стены, могла вестись только с верхнего яруса, из-за парапета.

Также по внешнему фасаду была оконтурена угловая юго-восточная башня. Она трёхчетвертная, круглой формы, диаметр её в реконструкции составляет 11,6 м (рис. 9, 2).

На раскопе 5 исследован внутренний угол крепостной стены (рис. 10, 3). Внутренний фасад восточной крепостной стены сохранился на высоту 1,4 м, здесь, на углу стена сохранилась наилучшим образом. Она выходит на фасад двумя толстыми (0,9 м) пахсовыми лентами, которые, по всей видимости, облицовывают каменное тело стены. Кроме лент пахсы на фасаде заметно использование сырцового кирпича толщиной 8-10 см (рис. 10, 2). Не удалось определить точный формат кирпича. Возможно, кирпич использовался в

1

2

Рис. 9. 1 – Прямоугольная башня, видна каменная забивка и пахсовое основание, вид с юга; 2 – Угловая юго-восточная башня, вид с севера

1

2

Рис. 8. 1 – Внешний фасад восточной крепостной стены и башня, вид с юга;
2 – Вертикальная нарезка пахсы на внешнем фасаде крепостной стены и башни, вид с востока

качестве ремонта образовавшейся промоины. Отдельно стоит упомянуть, что одна из ям (№ 2), открытых под стеной, была отчасти заполнена фрагментами битого сырцового кирпича. Возможно, она была выкопана непосредственно перед строительством стены. В других случаях на городище использование сырцового кирпича не фиксировалось. Южный борт раскопа 5 пришёлся в нижней части на строчку камня, которая вне сомнения является основанием под южную крепостную стену. Пахсовая её поверхность видимо имеет несколько больший откос, чем у восточной стены.

Слои поселения под стеной. Стена поставлена на нивелировочный слой, т.е. под неё сделана специальная площадка из битой глины толщиной до 15-25 см. Под этой площадкой обнаружился слой поселения, никоим образом не выраженный на поверхности. Слои

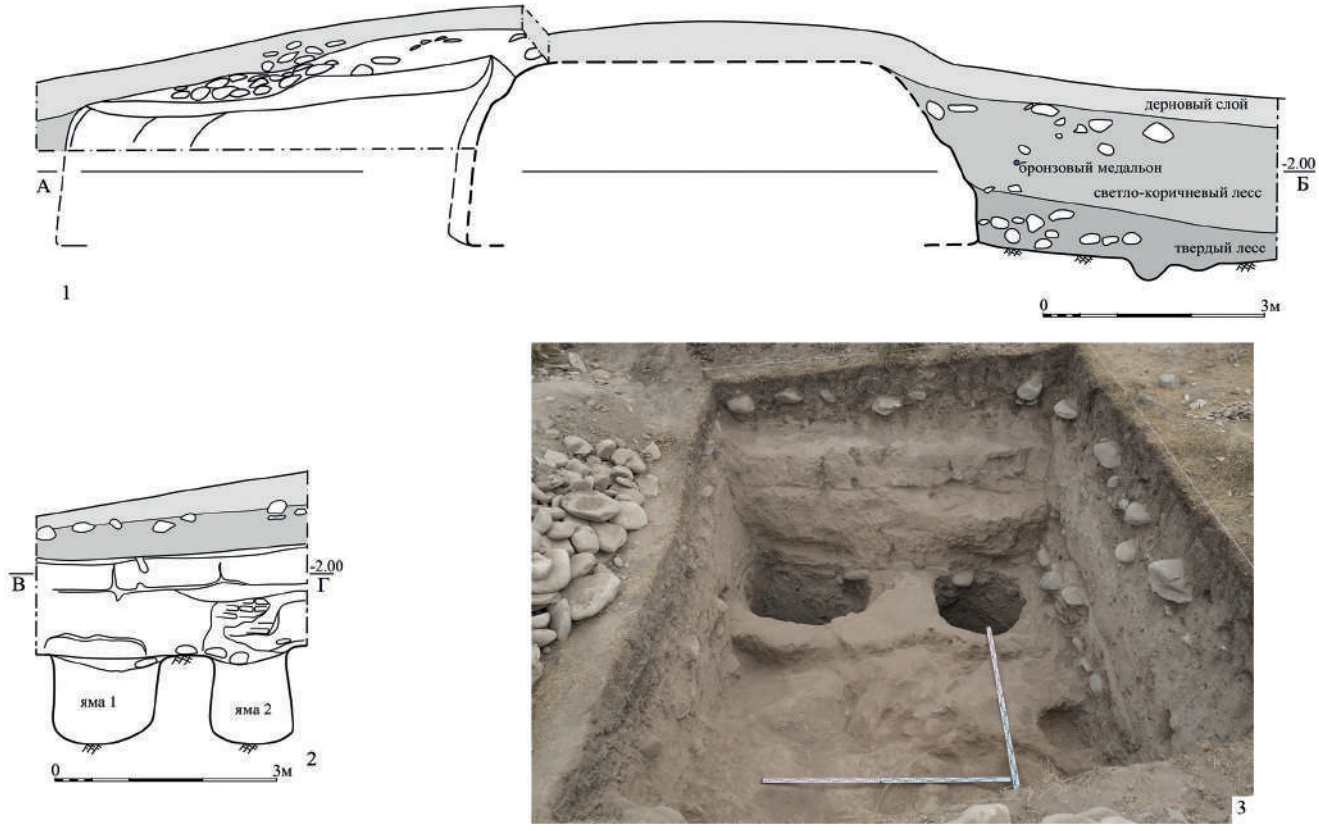

Рис. 10. 1 – Стратиграфический профиль распопов 5 и 6 (АБ); 2 – Разрез ВГ по крепостной стены; 3 – Раскоп 5, общий вид внутреннего угла крепостной стены, вид с запада

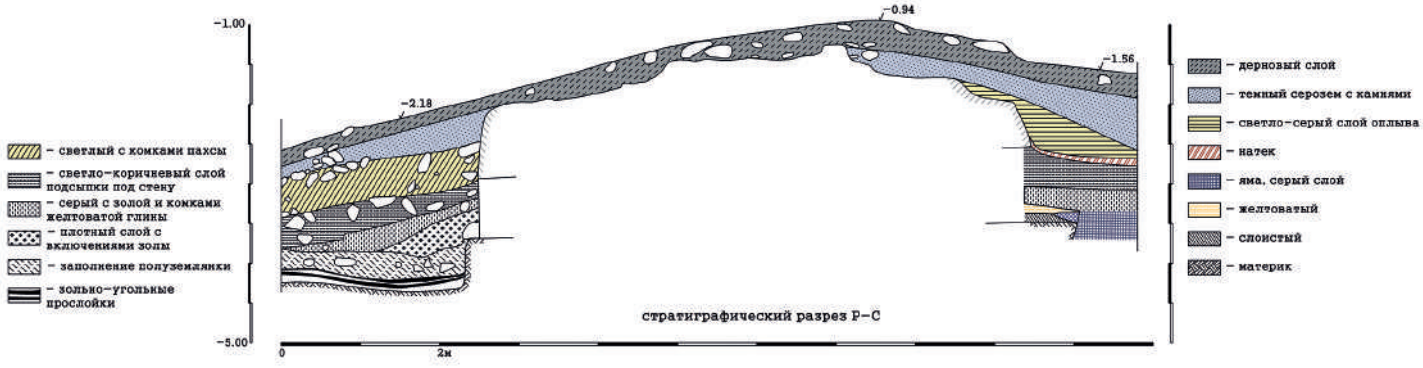

Рис. 6. Стратиграфический профиль раскопа 2 (ДЕ) по линии ВЗ

этого поселения изучались под внутренним фасадом стены на участке 5,3 х 2,7 м (рис. 6). Длинной стороной участок вытянут вдоль внутреннего фаса крепостной стены. Он также был зачищен на полную длину прирезки. Выяснилось, что самый нижний ряд камня выходит на внутренний фасад, местами между камнями сохранился выравнивающий слой глиняной обмазки.

В целом стратиграфия участка выглядела следующим образом (рис. 6): под дерновым с большим количеством камня, сползшего со стены, хорошо читался глинистый слой её оплыва. Ниже его находился довольно плотный слой нивелировочной подсыпки под стену. Под ним покоился слой сероватого цвета с золой, довольно сильно спадающий к западу. Этот слой частично залегал на полу помещения I (верхнего) строительного периода раннего этапа. Пол был покрыт мелкой галькой. В восточной части помещения под нивелировочным слоем залегал относительно рыхлый слой с включениями золы, костей животных и мелких фрагментов лепной керамики. Последний также покоился на полу помещения I горизонта. Под полом залегал слой засыпки, который находился поверх зольно-угольных прослоек, залегавших непосредственно на полу полуземлянки № 1, относящийся к нижнему (II) строительному горизонту раннего этапа.

Обнаруженные следы жизнедеятельности можно отнести к двум этапам: первый, верхний этап связан со строительством и функционированием стены. К нему относятся дерновый слой, слой оплыва и верхняя нивелировочная подсыпка под неё. Из этих слоёв на раскопе 2, к сожалению, не получено никаких материалов, которые могли бы пролить свет на датировку стены.

Для второго, раннего этапа на этом участке открыто два строительных горизонта верхний (I) горизонт характеризуется остатками наземного жилища, представленного фундаментом, участками пола и ямой, вырытой в полу (рис. 11, 1, 2). Нижний (II) горизонт связан с остатками жилищ полуземляночного типа. Между нижним и верхним горизонтом раннего этапа есть определенная

Рис. 11. 1 – Р-2, верхний горизонт поселения под стеной, остатки наземного жилища, вид с юга; 2 – Р-2, верхний горизонт, остатки наземного жилища, вид с севера; 3 – Нижний горизонт поселения, жилище полуземляночного типа, вид с севера

Рис. 13. 1 – Бракованные изделия и сломанные заготовки из рогов оленя из зольной прослойки на полу полуземлянки; 2 – обломки роговых изделий и обрезки оленьих рогов с пола наземного жилища

преемственность, так как фундамент верхнего горизонта повторяет контур более ранней постройки.

Сооружения верхнего (I) горизонта. Под слоем нивелировочной засыпки под стену начались слои относящиеся к раннему этапу функционирования поселения. Важен гумусный, относительно рыхлый, насыщенный золой и углем, обломками обожженной глиняной обмазки и небольшим содержанием битой керамики и колотых костей. Он залегал на довольно твёрдом слое, покрытом мелкими камешками, с восточной стороны. Этот слой напрямую подходил и частично перекрывал фундамент стены из крупных камней (кладка № 1). Плотный слой с камешками, являлся, скорее всего, полом наземного жилища. На его поверхности обнаружено почти целое железное тесло и крупный кусок рога благородного оленя со спиленными отростками, также в этом слое встречались обломки обработанных роговых предметов и обрезки рогов (рис. 13, 2).

Кладка № 1 сложена их довольно крупных валунов в один слой. Отсутствие камней в её середине можно объяснить тем, что они были свалены с мест и были удалены при расчистке завалов. Эта кладка вне сомнения являлась фундаментом под стену наземного жилища. Более того, она имеет иное направление, нежели крепостная стена. Кроме того, крепостная стена перекрывает эту кладку. К этой кладке вплотную подступает яма № 1 (рис. 11, 1, 2). Пол помещения не перекрывал эту яму, значит, эта яма использовалась вероятней всего во время функционирования помещения.

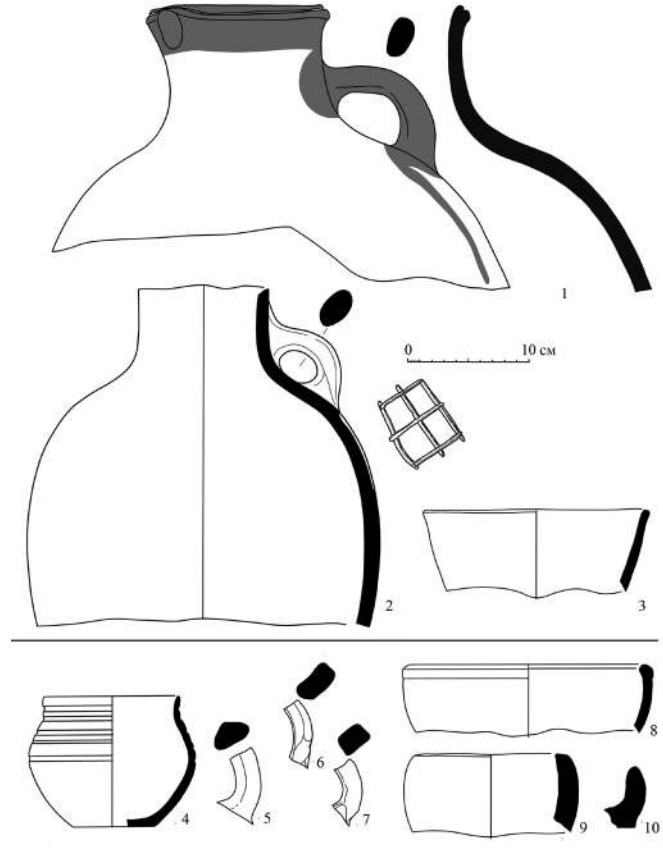

Рис. 12. Керамика из поселения под стеной. 1 – 3 – из ямы № 1; 4 – 10 – из зольной прослойки на полу полуземлянки; 1 – раскраска жидкой красной краской; 4, 8 – станковая, остальная лепная.
Рис. 14. 1 – Роговая стружка из мастерской; 2 – Альчики с отверстиями с пола полуземлянки

Рис. 14. 1 – Роговая стружка из мастерской;
2 – Альчики с отверстиями с пола полуземлянки

Яма № 1 глубиной не менее 1,2 м и диаметром 1,1 м была заполнена золистым, рыхлым грунтом с включениями камней и битой керамики. На её дне зафиксирован развал верхней части большого водоносного кувшина (рис. 12, 1). В заполнении встречались крупные фрагменты лепного кувшина с вырезанной под ручкой до обжига тамгой – т.н. домиком (рис. 12, 2). Она представляет собой прямоугольник, разделенный линиями на четыре одинаковых по размерам меньших прямоугольника. Ещё из определимых фрагментов керамики следует отметить обломок верхней части лепной чаши (рис. 12, 3).

В западном борту раскопа, на уровне пола открыто несколько камней, лежащих почти параллельно кладке № 1. Эта кладка условно обозначена нами, как кладка № 3.

Кладка № 2 открыта в юго-восточной части раскопа. Сложена она из мелких камней, идет параллельно кладке № 1. Между кладками № 1 и 2 находился плотный коричневатый грунт. Кладка № 2, хотя относится к тому же горизонту, что и кладка 1, построена, вероятно, несколько позже. С восточной стороны, к кладке практически примыкала яма № 2 (рис. 11, 1), большая часть которой оказалась под крепостной стеной.

Сооружения нижнего (II) горизонта. Кладка № 1 фактически повторяла абрис более ранних полуземлянок, относящийся к нижнему (II) строительному горизонту. В этом (II) горизонте частично открыты остатки комплекса, состоящего из двух полуземлянок (рис. 5). Котлованы полуземлянок отделены тонкой перемычкой и скорее всего, соединялись между собой, возможно, это был двухкомнатный комплекс (рис. 11, 3). Нижние части полуземлянок были вырыты в материковой глине, глубина полуземлянки 1 м от уровня материка местами составляла 0,9 м. Судя по всему полуземлянки, а точнее их котлованы имели прямоугольную форму. Пол полуземлянки № 1 был покрыт довольно толстым слоем пепла, перемежающегося угольными прослойками. В зольно-пепельных слоях на полу содержались многочисленные остатки косторезного производства: роговые заготовки (преимущественно накладок на лук), бракованные изделия (рис. 13, 1) и большое количество стружки оленьих рогов (рис. 14, 1). Также в этом слое обнаружены фрагменты станкового горшка с туловом, покрытым горизонтальными каннелюрами (рис. 12, 4). Керамики было очень мало. Помимо фрагментов горшка был встречен небольшой фрагмент венчика станковой чаши (рис. 12, 8), лепной фрагмент очень грубой жаровни (рис. 12, 10) и такой же фрагмент толстостенной чаши небольшого диаметра (рис. 12, 9), а также фрагменты трёх ручек кувшинов (рис. 12, 5–7).

В полуземлянке 2 также встречалась роговая стружка и отбросы косторезного производства, но в гораздо меньшем количестве, на полу не было зольно-угольных прослоек.

Любопытно отметить, что в горизонтах как I, так и II, встречено значительное количество альчиков (асыков) с просверленными отверстиями (рис. 14, 2). Расположение отверстий имеет определенную закономерность. Во-первых, они всегда располагались только на боковых сторонах альчиков. Если отверстие просверлено из позиции *айкур* (боковая сторона с ямками), то оно всегда располагается на краю рога, в выемке. Если же отверстие просверлено в противоположной позиции *тай (тава)* (т.е. в плоском боку), то оно находится в середине со стороны центральной выемки. Только у од-

ного альчика имеется два отверстия: одно из позиции *айкур*, другое из позиции *тава*. Очевидно, что альчики предназначались для подвешивания, их нанизывали на шнурок. Видимо связки альчиков выполняли роль своего рода мобиля-оберега, который подвешивался к люльке, и ребёнок мог играть ими, трогая связки.

Ров. И наконец, последним элементом фортификационной системы городища являлся ров перед стеной. Он отчётливо сохранился у южной и восточной стен. Край рва удален на разное расстояние, как от линии южной, так и восточной стены. Более того, ров не параллелен восточной стене. Раскоп 4 был заложен близ рва у восточной стены. Культурный слой в раскопе пока изучен не целиком. Значительную часть слоя составляет каменный выброс изо рва. В слое, примыкающем к краю рва найдена керамика синхронная керамике комплекса, полученного на «цитадели» и в слоях под крепостной стеной. Вала, как и в случае с «цитаделью» обнаружено не было.

Аналогии и датировка крепостной стены и рва перед ней. Ситуация на раскопе показывала, что керамика из полуземлянок, открытых под крепостной стеной, не отличалась от керамики полученной при раскопках «Цитадели». Таким образом, оказывалось, что стена автоматически оказывалась позже слоя поселения, но насколько, оставалось не ясным.

Первоначально казалось, что каменно-пахсовая оборонительная стена синхронна жилым комплексам, изученным на цитадели. Но вид и техника строительства не имели аналогов в соседних регионах. Отсутствие данных для датировки стены заставили заложить раскопы 5 и 6.

Рассмотрим основания датировки стены подробнее. Тело стены сложено из прослоек камня и пахсы. П.Н. Кожемяко, разрезавший довольно много стен средневековых поселений Чуйской долины, пришёл к выводу, что они в основном сделаны из ленточной заливной пахсы. На городище Красная речка ленточной техникой с чередующимися толстыми и тонкими лентами была сделана стена большого пятиугольного шахристана. Стена второго периода малого прямоугольного шахристана на Красной речке целиком сделана из тонких заливных лент. Стены западной и южной пристроек также сделаны из ленточной пахсы [Торгоев 2014: 317–320, рис. 8–11].

По сути, тело стены городища Шамши III сложено в той же ленточной технике, только здесь глиняные слои заменяли слои камня, так как в ущелье его с избытком, а хорошей строительной глины, в отличие от памятников долины, мало.

Ни на одном из укрепленных поселений первой половины I тыс. н. э. в соседних регионах, особенно на памятниках Средней Сырдарьи и Ферганской долины не фиксировалось вертикальной нарезки пахсы. Вертикальная нарезка, наиболее близкая по виду шамшинской, известна только на средневековых памятниках, например в стенах здания караван-сарая Чалдывар на р. Манакельды в Центральном Тянь-Шане [Бернштам 1952: рис. 58].

Не характерным для фортификации первой половины I тыс. н. э. является и сочетание монолитных угловой круглой башни и прямоугольных башен на стенах. Такое сочетание характерно для памятников исламского периода. К примеру, его чётко демонстрирует план ставки-крепости Ширдакбек [Бернштам 1952: рис. 54]. Такая схема обороны всей видимости реализована и в планах ставок-крепостей караханидского периода на городище Оххум в нижнем течении Таласа и городище Орнек в Жетысу [Байпаков 2013: 226–228, рис. 103; 20]. Есть основания полагать, что такое сочетание вообще характерно для городищ типа торткуль с тонким культурным слоем на Тянь-Шане.

На раскопе 5, в юго-восточном углу крепости, в нижнем слое оплыва стены встречены фрагменты плечика станкового кувшина из запесоченного теста с орнаментом в виде волны сделанной гребёнкой. Использование металлических орнаментиров в виде гребёнки с мелкими зубчиками количеством более 4-х является характерным для керамики Чуйской долины XI–начала XIII вв. Среди подъемного материала на городищах восточной части Чуйской долины известен и один целый бронзовый орнаментир в виде стерженька, оканчивающегося треугольной лопаточкой с рабочим краем в виде мелких зубчиков. В слое с обломками плечика кувшина был найден и фрагмент станковой чаши, который также находит аналогии среди керамики XI–XII вв. на городищах Чуйской долины. Здесь важно вспомнить, что П.Н. Кожемяко закладывал свой шурф рядом с восточной стеной и из него был получен характерный материал, который исследователь датировал X–XII вв. (см. выше). Иначе говоря, на участке шурфа П.Н. Кожемяко, слой раннего поселения, скорее всего менее выражен, и эта часть видимо больше обживалась в XI–XII вв.

Слой раннего поселения имеет различную толщину и залегает на разной глубине, что прекрасно де-

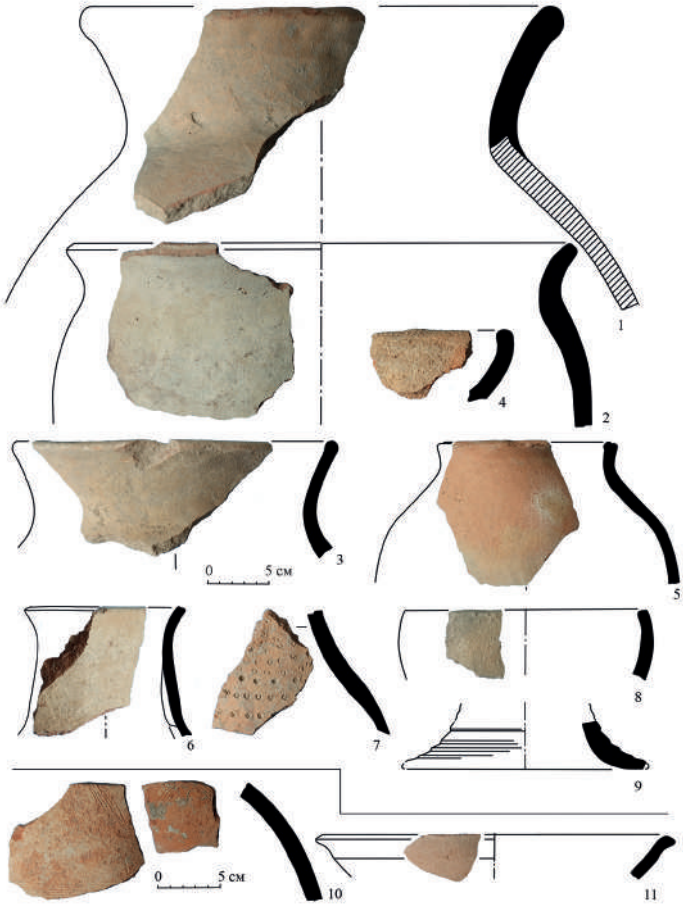

Рис. 15. Керамика из оплыва стены и слоев над поверхностью материка. Р-5

монстрирует ситуация на раскопах 2 и 5. На раскопе 2 открыты и полуземлянки, и остатки наземного жилища, тогда как на раскопе 5, выраженного слоя раннего поселения практически не было, а сохранились лишь две ямы относящиеся к нему. Материал для строительства крепостной стены брался вне сомнения с поселения эпохи Великого переселения народов. Это демонстрируют многочленные фрагменты керамики в заливках между слоями камней в стене, а также из оплывов стены. В том же слое оплыва (рис. 10, 1), где встречены обломки средневековой керамики, встречены фрагменты керамики типичные для керамического комплекса, полученного на «цитадели» городища. В частности к ним относятся фрагменты лепного хума с «воротничковым» венчиком (рис. 15, 1), широкогорлых сосудов с высоким раструбовидным венчиком (рис. 15, 2, 3), а также фрагменты лепных чаш (рис. 15, 4, 8), кухонных горшков (рис. 15, 5) и фрагментов кувшинов (рис. 15, 6). Из относительно редких форм следует назвать плечико тарного сосуда, покрытого полностью линиями наколов сделанных полой трубочкой (рис. 15, 7) и фрагмент основания станковой курильницы (рис. 15, 9). И наконец, именно со слоя оплыва стены на раскопе 5 происходит круглый медальон из бронзы или низкопробного серебра с сердоликовой вставкой (рис. 16). Его основу составляет круглая пластина, в отверстие которой вставлены лапки петельки, посредством которой медальон крепился. На основу был напаян каст вставки, а по краю медальона напаяна рубленая проволочка, имитирующая зернь. Медальоны такой формы типичны для эпохи Великого переселения народов. Использование ложной зерни из проволочки, покрытой насечками, встречается в ювелирных украшениях востока Средней Азии V–первой половины VI вв.

И наконец, надо сказать о соотношении крепостной стены и рва, частично изучен-

Рис. 16. Медальон с сердоликовой вставкой: 1 – вид после реставрации и склейки; 2 – пластина медальона, вид изнутри, до установки каста и окантовки из ложной зерни; 3 – профиль

ного на раскопе 4. Здесь уместно вспомнить, что на плане городища, ров восточной стены далеко отстоит от неё и не параллелен ей. В керамике с раскопа 4 не встречалось фрагментов средневековой посуды. Таким образом, оказывается, что ров и стена относятся к разному времени и не синхронны. Ров относится ко времени существования поселения V–VI вв., руины которого перекрыла крепостная стена.

Краткие итоги исследования фортификации. Изучение элементов фортификации городища Шамши-3 показывает, что изначально, в V–VI вв., это было поселение, с не регулярной застройкой внутри, укрепленное только рвами. Оборона с помощью рвов, при небольшой толщине и высоте валов, характерна именно для фортификации степных народов эпохи поздней древности. Из примеров можно привести знаменитое Иволгинское городище в Забайкалье [Давыдова 1985: 11, 12, рис. I, V], поселения Алтая [Соенов В., Соенов Д., Константинов 2016: 123–132] и Минусинской котловины [Красниенко, Субботин 2014: 453–455, рис. 7, 8]. Определенную близость к плану городища Шамши III имеет и известное городище Зилги в Северной Осетии, которое в последнее время не редко оценивается, как столичный центр Алании в эпоху Великого переселения народов. На этом городище, имеющем прямоугольный план, цитадель и все жилые кварталы, отделены друг от друга мощными рвами [Чшиев 2021: 13, рис. 3, 4], ширина которых доходит до 30 м при глубине в 10 м.

В караханидский период, на месте заброшенного поселения возникает крепость-убежище. Для этого, на ровной площадке, перед внешним рвом, лежащего в руинах поселения строят крепостную стену из камня и пахсы. Крепость эта использовалась крайне недолго. Видимо она использовалась как временное убежище или же, внутри стен могли располагать скот, который поставляли в столичный Баласагун.

Литература

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII вв. Алматы, 2013. 514 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологически очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА № 26. М.: Л., 1952. 348 с.+ вклейка.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну Забайкалья. Л., 1985. 111 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007. 212 с.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Новые данные об оборонительных сооружениях у северных предгорий Кузнецкого Алатау // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929 – 19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т.XLII. СПб., 2014. С. 440–457.

Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. 183 с.

Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И.К. Катакомбные погребения ущелья Шамси // Археология Центральной Азии: архивные материалы / науч. ред. С.Б. Болелов, В.А. Кольченко. Т.2. Самарканд, 2015. С. 130–157.

Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов Н.А. Древние городища Алтая. Барнаул, 2016. 244 с.

Торгоев А.И. Тянь-Шанская археологическая экспедиция: основные итоги работ 2007 – 2013 гг. // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб., 2014. С. 311–330.

Торгоев А.И., Кольченко В.А., Кулиш А.В., Жумабаев А.Т., Кий Е.А. Исследования в Чуйской долине в 2015 году // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. Вып. 41. С. 304–314.

Торгоев А.И., Кулиш А.В., Борсунбаев М.К. Городище Шамши III – ставка племен кенкольской культуры в Чуйской долине // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции посвященной 100-летию А.М. Мандельштама и 90-летию И.Н. Хлопина. СПб., 2020. С. 223–226.

Чшиев В.Т. Зилгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого шелкового пути // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ., 2021. Т. 21. № 1. С. 12–18.

Н. ТҰРМАХАН

Нұрдәулет Тұрмахан,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 1 курс докторанты,
Алматы, Қазақстан; nurdau_99_99@mail.ru

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ Б.Д. І МЫҢЖЫЛДЫҒЫНЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ

Аннотация. Мақалада Ақтөбе облысы аумағындағы б.д. І мыңжылдығының бірінші жартысына жататын археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихы баяндалады. Осы уақыт аралығында жүргізілген зерттеу жұмыстары жүз жылдан астам уақыт ауқымын қамтиды. Әрбір кезеңде археологиялық қазба жұмыстары үзіліс ала отырып, өзіндік ерекше сипатта жүргізіліп отырды. Археологиялық ескерткіштер кезеңдері бойынша орта сармат мәдениетіне тән ескерткіштер болып келеді. Зерттеудің өзектілігін жаңа археологиялық мәліметтерді алу, осы кезеңді зерттеудегі негізгі ерекшеліктерді анықтау мен алынған мәліметтерді жүйеге келтіруден көре аламыз.

Бұл кезеңге тән археологиялық ескерткіштер туралы жалпы сипаттама беріліп, кезеңдік ерекшеліктері айқындалады. Мақаланы жазу барысында салыстырмалы-тарихи және жүйелеу әдістері қолданылды. Нәтижесінде кезеңдік зерттеу ерекшеліктері нақтыланып, археологиялық ескерткіштер туралы мәліметтер жүйеленді.

Түйін сөздер: археология, сарматтар, экспедиция, орта сармат мәдениеті, кейінгі сармат мәдениеті

Нурдаулет Турмахан,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
докторант 1 курса КазНУ им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1 ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается история изучения археологических памятников, датируемых I половиной I тысячелетия н. э. на территории Актюбинской области. Исследования, проведённые за это время, охватывают более ста лет. Во время каждого периода археологические раскопки проводились с перерывами, носящими свой характер. Археологические памятники по временным рамкам являются памятниками, характерными для средней и сарматской культуры. Мы можем видеть актуальность получения новых археологических данных, выявления основных особенностей изучения этого времени и систематизации полученных данных.

В статье представлены общая характеристика и исторические особенности археологических памятников, характерных для этого периода. При написании работы использовались такие методы, как системный, и сравнительно-исторический методы. В результате были уточнены особенности периодических исследований и систематизированы сведения об археологических памятниках.

Ключевые слова: археология, сарматы, экспедиция, среднесарматская культура, позднесарматская культура

Nurdaulet Turmakhan,
Margulan Institute of Archaeology,
1st-year doctoral student of KazNU named after Al-Farabi,
Almaty, Kazakhstan

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF MONUMENTS OF THE FIRST HALF OF THE FIRST MILLENNIUM AD OF THE AKTOBE REGION

Abstract. The article examines the history of the study of archaeological sites dating from the first half of the I millennium AD on the territory of the Aktobe region. The research conducted during this time covers more than a hundred years. During each period, archaeological excavations were carried out with interruptions of their own nature. According to the time frame, archaeological monuments are monuments characteristic of the Middle Sarmatian and Sarmatian cultures. We can see the relevance of obtaining new archaeological data, identifying the main features of studying this time and systematizing the data obtained.

The general characteristics and historical features of archaeological sites characteristic of this period are given. When writing the work, such methods as system and comparative historical methods were used. As a result, the features of periodic studies were clarified and information about archaeological sites was systematized.

Keywords: archaeology, Sarmatians, expedition, Middle Sarmatian culture, Late Sarmatian culture

Ерте темір дәуірі уақытында сармат көшпелі тайпаларының Ақтөбе өңіріндегі зерттелу тарихы күрделі кезеңдерді өткізген. Бұл кезеңнің зерттелу тарихы бір ғасырдан астам уақытты алады. Ең алғашқы саяхатшылар мен зерттеушілердің жалпылама зерттеулерінен бастап, мақсатты түрде қалыптасқан археологиялық қазба жұмыстарына дейінгі аралықтарды қамтыды.

Зерттеудің тарихнамалық негізіне келетін болсақ, патша дәуірі, кеңес дәуірі мен тәуелсіздік кезеңі деп үш кезеңмен қарастыруға болады. Үш кезеңнің зерттелуі мен жалпылама мәлімет қорының жиналуы, ғұн-сармат кезеңі бойынша кешенді зерттеу жұмысын жүргізуді, мәліметтер көзін жүйелеуді қажет етеді.

Алғашқы қазба жұмыстары Орынбор ғылыми архив комиссиясы мүшелерінің қызметімен байланысты. Осы орайда айрықша И.А. Кастанье жұмысын бөліп қарастыруға болады. Зерттеуші 1904 ж. археологиялық қазба жұмыстарын жүргізуге рұқсатнама алып, 1906 ж. Жақсы-Қарғалы мен Жаман-Қарғалы өзендері аңғарында 6 обада қазба жұмысын жүргізіп, кейінгі сармат кезеңіне жататын №3 обаны анықтады. Обаның қабір шұңқырынан басы солтүстіккке қаратып жерленген адам қаңқасы, жанында қола айна, 26 қола жебе ұштары, конус пішінді ұршықтың басы, 3 раковина табылды [Кастанье 1907: 102–116].

XX ғ. орта шегінде қазба жұмыстары түпкілікті зерттеу нысанына айналмаса да, жекелеген ескерткіштердің анықталуы мен зерттеу жұмыстары жүргізіліп отырған. Ал жаңаша серпіліс 1970 ж. бастап көріне бастады.

Жоғарыда атап өткен зерттеулердің жалғасын 1975 ж. В.В. Радионов пен Н.В. Поповтың қазба жұмыстарынан көреміз. Жалпы алғанда Жаман-Қарғалы I қорымында 45 оба анықталған. Кейінгі сармат кезеңіне жатқызылатын №8 обадан қызықты мәліметтер анықталды. Қабір шұңқырына жанама қабірде басы батысқа қарай қаратылған жас әйел адамның қаңқасы, оның сол жақ тізесі жағында қатты зақымданған оңтүстікке бағыттала жерленген жас баланың қаңқасы табылды.

Жанама шұңқырдың оңтүстік жағында тар цилиндрлік мойынды және сыртқа қарай иілген жалпақ жиегі бар домалақ пішінді ыдыс табылды. Ыдыстың бүкіл сыртқы беті майда бор ұнтағымен себілген. Сонымен қатар ыдыс астында тот басқан темір тоға, мойын жағында 18 дана шыны моншақтар анықталған [Петров 1975]

1984 жылдан бастап Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейінің археологиялық отрядын басқарған С.Ю. Гуцалов В.В. Радионовтың жұмысын жалғастырып, жергілікті археология мектебінің қалыптасып дамуына өз үлесін қосты. Археологиялық зерттеулер 1985 ж. Ақтөбе педагогикалық институтында (қазіргі Ақтөбе өңірлік университеті) тарих факультетінің негізі қалануымен бастау алды. Студенттердің археологиялық практикасын жүргізіп, С.Ю. Гуцалов өңірлік мектепті қалыптастырды. Атап айтатын болсақ, 1986 ж. бастап Атпа I-III, Шығыс-Құрайлы I, Целинный I секілді орта және кейінгі сармат кезеңіне тән қорымдарында қазба жұмыстары қолға алынды.

Бұл зерттеулерден бөлек Ойыл өзені бойында 1987 ж. Волгоград мемлекеттік университетінен В.А. Кригер мен КСРО Ғылым академиясының Башқұрт филиалынан В.А. Иванов жетекшілігімен ескерткіштерді тіркеу мен қазба жұмыстарын жүргізу жұмысы жасалынды. Саралжын III қорымындағы екі обада қазба

жұмысын жүргізіп, кейінгі сармат кезеңіне тән жерлеу ғұрпын анықтады. Қабір орындарында садақ пішінді фибула мен тік жүзді темірден жасалынған пышақ табылды [Кригер 1987].

1986 ж. қазба жұмыстары басталған Атпа I-III және V қорымдарындағы обалардың басым көпшілігі кейінгі сармат кезеңімен мерзімделеді. Көбінесе ұзындығы 50–60 см болатын темір қылыш, денелері жұмыртқа және алмұрт тәрізді сазды жалпақ түбі бар ыдыстар, жерленген адам басы солтүстікке қарай қаратылып жерленген. Атпа I қорымындағы №4 обадан адам қаңқасының бас сүйегіне қарама-қарсы, қабір шұңқырының батыс жағында қызыл саздан биконусты пішіндегі ыдыс, ал батыс сүйегінің жанында жабыстырылып жасалған алмұрт пішінді ыдыс табылды. Қабір шұңқырының оңтүстік жағында жұмыртқа пішінді, жылқы жануары бейнеленген зооморфты тұтқасы бар құмыра анықталды [Гуцалов 1987].

Осы дәуір кезеңіне жатқызылатын элиталық обалар анықталған Мәртөк ауданында Елек өзені сол жағалауындағы Целинный ауылынан 1,5 км батыс жағында орналасқан Целинный I қорымында 1988–1993 жж. аралығында қазба жұмыстары жүргізілді. Кейінгі сармат кезеңі ескерткіштері қорымның орталық және оңтүстік жағында орналасқан.

Қызықты мәліметтерді Целинный I қорымында орналасқан № 9 обадан көре аламыз. Қабір шұңқыры дөңгелектенген бұрыштарымен солтүстік-шығыс пен оңтүстік-батысқа қарай бағытталып жасалынған. Қабірдің орталығында тонаушылардың қазып кірген жері, нақтырақ айтқанда сары құмнан тұратын топырақ үйінділері кездесті. Үйінділер арасында әртүрлі тереңдіктерде адам сүйектері мен ағаш бағаналарының бөліктері кездесіп отырды. Қабір шұңқырының шығыс жағында темірден жасалынған Г-пішінді сүйір төбенің бөлігі анықталды. Оңтүстік-батыс жағында 14 қоладан жасалынған ұяшықты жебенің ұштары табылды. Оның жанында тас қайрақ және де қабірдің топырақ үйіндісінде көптеген қой мен жылқы жануарының сүйектері кездесіп отырды [ЗКАЭ 1989].

Шығыс Құрайлы I қорымдарында 1989–90 жж. қазба жұмыстары жалғасын тауып, обалардың басым көпшілігі б.д.д. I – б.д. I ғғ. мерзімделді. Осы қорымнан үйілген топырақтың ізі жоқ екі жерлеу орны анықталды. Жерленген адам шалқасынан жатқызылып, басы солтүстік-батыс, батысқа қарай бағытталып жерленген. Табылған заттардың жалпақ түбі бар қазандар, көк көзді моншақтар, үш жүзді жебенің қола ұштары анықталған. Қорымдағы №28 обаның ерекше құрылымын айта кетуіміз болады. Оба қорымдағы үлкен обадан 260 м оңтүстік-батыс жағында орналасқан. Оңтүстік-батыс жағында тас плиталары мен сиыр сүйектері табылды. Қабір орыны обаның орталық жағында тас плиталар мен жердегі топырақтың қара түсі негізінде анықталған. Қабір оңтүтікке қарай созылып жасалынған. Топырақ үйінділерінің арасынан тас плиталар кездеседі. Қабір шұңқырының ішінде диагональді түрде арқаға жатқызылып қойылған, басы оңтүстік-батысқа қарай бағытталған 30–35 жас шамасындағы адам қаңқасы анықталды. Қолдары кеуде тұсына дейін созылып қойылса, аяқтары тіке орналастырылған. Солтүстік-батыс жақта қой жаунарының сүйектері табылған. Осы жылғы қазба жұмыстарында обалардың басым бөлігі б.д.д. I ғ – б.д. I ғ. мерзімделеді [ЗКАЭ 1990].

Тәуелсіздік алған жылдардың басында археологиялық қазба жұмыстары біркелкі деңгейде жүргізілмеді. Қаржыландыру мәселесі мен өңірдің әлеуметтік-экономикалық жағдайларына байланысты қазба жұмыстарының көлемі айтарлықтай қысқара бастады.

Келесі зерттеу жұмыстарын 1992 ж. Орқаш қорымында С.Ю. Гуцалов жетекшілігімен Ақтөбе педагогикалық институты археологиялық экспедициялық тобы жүргізді. Қорым Мұғалжар ауданы, Қаракөл ауылынан солтүстік-шығысқа қарай 5 км. жерде орналасқан. Зерттеу жұмыстары 1992 ж. Орқаш қорымында жүргізіліп, ерте темір дәуірінен бастап ортағасырлық кезең аралығына жатқызылатын жерлеу орындарын анықтады. Негізгі жерлеу орыны б.д.д. VI–V ғғ. мерзімделсе де, б.д. II–IV ғ. жатқызылатын жерлеу орындарындары анықталған [Гуцалов 1992].

1993 ж. Жайлаусай өзенінің оң жағалауында орналасқан Сарытау-I қорымында қазба жұмыстары жүргізіліп, ерте және кейінгі сармат кезеңімен мерзімделетін обалар тобы анықталды. Қазба жұмысында №8 обадан жақсы мәліметтер кездесті. Қабір шұңқыры тік бұрышты тар пішінде, шұңқырдан 1 м төменгі батыс жағына қарай жанама қабір жасалынған. Жанама қабір түбінде шалқайтылып жатқызылған ересек адамның қаңқасы жатқызылған. Бас сүйегі өзгеріске ұшыраған. Бұл обадан қола айнаның бөліктері, қызыл саздан жасалынған құмыра, қысқа сабы бар темір пышақ табылды. [Гуцалов 1993].

1995 ж. облыс деңгейінде үш археологиялық отряд жұмыс жасады. Қазба жұмыстары С.Ю. Гуцалов,

А.А. Бисембаев және В.В. Ткачев жетекшілігімен жүрді. Осы кезекте Ор және Елек өзені аңғарларындағы Жанабаз, Жолөткен қорымдарында қазба жұмыстары бастауын алды. Нәтижесінде кейінгі сармат кезеңіне тән обалар анықталды.

Жанабаз қорымындағы №3 оба үйіндісінен 20 см тереңдікте жылқының жілік сүйегі, қойдың алдыңғы аяғының сүйегі, жабыстырылып жасалынған ыдыстар табылған. Қабір шұңқыры тік бұрышты пішінде, басы солтүстік, солтүстік-шығысқа қарай қаратыла жерленген ересек адамның қаңқасы табылды. Жанынан темір белдік, тік бұрышты темір белдік, қызыл саздан жабыстырылып жасалынған шар пішінді ыдыс анықталған.

Жолөткен қоырмындағы №2 оба жартылай сфера пішінді болып келеді. Қабір шұңқыры «Т» пішінді, ұзындығы солтүстік шығыс-оңтүстік батысқа қарай тартылыңқы орналасқан. Оба стратиграфиясы бойынша жанама қабір жасалынған. Жанама қабір тік бұрышты пішінде, адам қаңқасы тонаушылардың әсерінен жартылай бұзылған. Сонымен қатар баланың жамбас сүйектері табылды. Адамның аяқ және жамбас сүйектері негізінде айтатын болсақ, шалқасына қарай жатқызылып, басы солтүстік-шығысқа қарай қаратылып жерленген [Гуцалов и др. 1996].

2000 ж. көлемді зерттеулердің өз бастауын алды. Казба жұмыстары С.Г. Боталов пен С.Ю. Гуцалов «Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей» атты еңбегінде жан-жақты талданып жүйеленді [Боталов, Гуцалов 2000]. 2004 жылдан бастап жүргізілген «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында өңірлік зерттеулер кешенді, жоспарлы сипатқа ие болады.

Мұғалжар ауданында 2001 ж. Басшилі қорымындағы қазба жұмыстары көлемді мәліметтер беруімен ерекшеленді. Ескерткіш батыстан солтүстікке қарай бір тізбекте, Шилі өзені аңғарында орналасқан. Жұмыстың негізгі нысандары кейінгі сармат кезеңіне жатқызылатын бірнеше обаларда жүргізілді. Сәйкесінше б.д. II–III ғғ. мерзімделді. Бұл қорымда жалпы алғанда ер адам қабір шұңқырынан салт аттының кешенді заттары мен ат-әбзелдер, әйел адамнан фибула мен айналар т.б. анықталды [Боталов, Бисембаев 2002: 108–116].

2004 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ж.Е. Смаилов жетекшілігімен отряды Ембі өзені бойында орналасқан Қаратөбе I, II және Мортық I, IV қорымдарында қазба жұмыстарын жүргізді. Нәтижесінде Қаратөбе қорымында кейінгі сармат кезеңіне жататын жерлеу ғұрпы анықталды [Смаилов, Книсарин 2005].

Келесі зерттеулер 2006 ж. Ақтөбе облыстық тарих, этнография және археология орталығының ашылуымен бастау алды. Осыған орай Хромтау ауданында Сарытау II қорымында археологиялық қазба жұмыстары жүргізіліп, кейінгі сармат кезеңі ескерткіштері анықталды. Қорымның ерекшелігі обалардан бөлек, ғибадатхана (храм) құрылымындағы нысандардың болуы. Қазба жұмысы нәтижесінде дөңгелек пішінді құрылыс құрылымы анықталып, ғұн-сармат уақытына тән заттар табылды [Бисембаев және т.б. 2008: 291–293].

2009 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтымен бірлесе «Ор-Елек өзендері арасындағы ерте көшпенділер» атты жобасын бастады. Отандық мамандардан бөлек шетелден Герман археология институты зерттеушілері де бұл жобаға атсалысты. Қазба жұмыстары Сарыбұлақ қорымында жүргізіліп, нысандарды б.д.д. VI–V ғғ. және б.д.д. II–I ғғ. бөліп қарастырды. Екінші топ бойынша №4 оба құрылысы жағынан ерекшелігі бар. Таспен тұрғызылған конструкция мен солтүстік бағыттан кіру орны жасалынғаны көрінеді [Бисембаев және т.б. 2009: 181–190].

Орталықтың жұмысы 2012 ж. тоқтатылып, облыстық тарихи-өлкетану музейімен біріктірілді. Кейінгі зерттеу жұмыстарын Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі, Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті мен «Arcaeology-KZ» ЖШС жүргізді. Келесі 2018 ж. Ойыл ауданында жүргізілген қазба жұмыстары нәтижесінде кейінгі сармат кезеңіне жататын қорымдар тобы анықталды. Ақбұлақ II және III қорымында зерттеулер жүргізілді.

Ақбұлақ II қорымы №15 ғибадатхана кешенінде адам солтүстікке қаратылып жерленген, халцедондық сүйір төбесі бар қылыш, фибула мен ат әбзелері табылды. Негізгі аналогы ретінде Целинный I қорымындағы №6 обадан көруімізге болады.

Екінші Ақбұлақ III қорымы №27 нысанда гантель құрылымындағы обада қазба жұмысы жүргізілді. Нәтижесінде жанама шұңқыры бар қабір анықталды. Төмен деңгейде сақталған арқаға қарай созылып жатқызылған, басы солтүстік бағытта жерленген адам қаңқасы табылды. Қаңқа толықтай нашар деңгейде сақталған. Қола айнаның фрагменттері мен керамикалық ұршықтың басы, қола ыдыс, моншақтар мен түймелер бөліктері т.б. табылды. Анықталған мәліметтер негізінде б.д. II–IV ғ. мерзімделеді [Бисембаев және т.б. 2018: 243].

Қарастырылып отырған кезеңде жүргізілген археологиялық зерттеулерді қорытындылайтын болсақ, көптеген жетістіктерге жеткенін көреміз. Алғашқы археологиялық қазба жұмыстары мәліметтер көзінің жинақталуымен байланысты болса, кейінгі зерттеулер деректердің ұлғаюы мен теориялық және әдіснамалық базаның кеңейгенін көрсетеді.

Алдағы уақыттағы бұл кезеңнің теориялық аспектілерін өлкелік ерекшеліктер мен деректік базаның жаңаруы аясында қарастыру өзекті мәселелердің бірі болып табылады.

Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Әдебиет

Боталов С.Г., Бисембаев А.А. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 108–116.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: изд-во «Рифей», 2000. 267 с.

Бисембаев А.А. Итоги работ Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии в полевом сезоне 2008 г. / А.А. Бисембаев, Н.Т. Бидагулов, М.Н. Дуйсенгали, А.М. Мамедов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2008. № 2. С. 291–293.

Бисембаев А.А. Археологические исследования совместной Казахстанско-Германской экспедиции на могильнике Сапибулак / А.А. Бисембаев, М.Н. Дуйсенгали, А.М. Мамедов, Н.Т. Бидагулов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2009. № 2. С. 181–19.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследвание памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Археология Казахстана. 2018. №1-2. С. 235–243.

Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Актюбинской области летом 1987 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. д. 2173, 1987.

Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1992 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. д.2386, 1993.

Гуцалов С.Ю. Ткачев В.В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1993 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. д.2398, 1994.

Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В., Бисембаев А.А. Отчет об археологических работах Актюбинской области в 1995 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. д.2455, 1996.

Кастанье И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // ТОУАК. 1907. Вып. XIX. С. 102–116.

Кригер В.А., Иванов В.А. Отчет о разведках и раскопках в 1986 года в бассейне реки Уил на территории Актюбинской области // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. д. 2127. 1987.

Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции за 1989 год. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. д. 2262, 1989.

Отчет Западно-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР за полевой сезон 1990 года. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. д. 2293, 1991.

Петров Н.П., Радионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1975 года. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. д. 1459, 1976.

Смаилов Ж.Е., Книсарин Б.А. Археологическое изучение территории освоения ТОО «Казтуркмунай» (по линии нефтепровода Каратобе – Лактыбай). Байганинский район Актюбинской области // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. д. 2778. 2005.

Б.М. ХАСЕНОВА

Бакыт Мулдашевна Хасенова,
Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астана, ,
Астана, Казахстан; alicar@inbox.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ УКРАШЕНИЙ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Важнейшей характеристикой любой исторической эпохи является искусство. Полихромный стиль, получивший распространение в связи с появлением на исторической арене гуннских племен, в полной мере отобразил сложность своего времени. Особую категорию предметов, оформленных в полихромном стиле, составляют различные украшения. В статье рассматриваются особенности оформления этих изделий – это височные подвески из кургана № 28 могильника Актас 1, подвеска (?) из погребения, обнаруженного на городище Кызыл-Кайнар-тобе, нашивки из объекта № 21 комплекса Каракаба, подвеска из кургана № 2 могильника Енбекшил. К числу художественных приёмов относятся оформление фактуры поверхности, использование определённых орнаментальных элементов, акцент на свойствах материала, сочетание крупных и мелких деталей.

Ключевые слова: украшения, гунны, сарматы, художественные приёмы, полихромный стиль

Бақыт Мулдашқызы Хасенова,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология Институтының Астана қаласындағы филиалы,
Астана, Қазақстан

ҒҰН-САРМАТ ДӘУІРІНДЕГІ ӘШЕКЕЙЛЕРДІҢ КӨРКЕМДІК СТИЛІ

Аннотация. Өнер кез-келген тарихи дәуірдің маңызды сипаттамасы болып табылады. Тарихи аренада ғұн тайпаларының пайда болуына байланысты кең таралған полихромды стиль өз кезеңінің күрделілігін толығымен көрсетті. Полихромды стильде безендірілген бұйымдардың ерекше санаты әртүрлі әшекейлерден құралған. Мақалада осы бұйымдардың безендіру ерекшеліктері қарастырылады, атап айтқанда, бұл Ақтас 1 қорымының №28 обасынан табылған самай салпыншақтары, Қызыл-қайнар-төбе қаласындағы жерлеу орнынан табылған салпыншақ (?), Қарақаба кешенінің №21 нысанынан табылған жапсырмалар, Еңбекшіл қорымының №2 обасынан табылған салпыншақ. Көркемдік әдістердің қатарына беткі фактурасын безендіру, белгілі бір сәндік элементтерді қолдану, материалдың қасиеттеріне аса назар аудару, үлкен және ұсақ бөлшектердің үйлесімі жатады.

Түйін сөздер: әшекейлер, ғұндар, сарматтар, көркемдік әдістер, полихромды стиль

Bakyt Khassenova,
Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana,
Astana, Kazakhstan

ARTISTIC STYLE OF JEWELRY OF THE HUN-SARMATIAN PERIOD

Abstract. The most important characteristic of any historical epoch is art. The polychrome style, which became widespread due to the appearance of the Hunnic tribes in the historical arena, fully reflected the complexity of its time. A special category of items decorated in polychrome style is made up of various decorations. The article discusses the design features of these products – these are temporal pendants from mound No. 28 of the Aktas 1 burial ground, a pendant (?) from the burial found at the Kyzyl-Kainar-tobe settlement, patches from object No. 21 of the Karakaba complex, a pendant from mound No. 2 of the Yenbekshil burial ground. Artistic techniques include the design of the surface texture, the use of certain ornamental elements, an emphasis on the properties of the material, a combination of large and small details.

Keywords: jewelry, Huns, Sarmatians, artistic techniques, polychrome

Особую страницу в изучении заключительных веков в истории ранних кочевников и связанных с появлением на исторической арене империи гуннов занимает искусство. Знаменитый полихромный стиль, с помощью которого оформляли детали воинского снаряжения, конскую гарнитуру и разнообразные украшения в полной мере отобразил дух своего времени.

Значительный интерес представляют особенности художественного оформления предметов, выполненных в этом стиле. Необходимо обратить внимание на то, что было важным для создателей этих ярких и даже вызывающих предметов искусства. В качестве образцов для искусствоведческого анализа послужили некоторые из украшений гунно-сарматского времени с территории Юго-Западного Казахстана, Сарыарки и Жетысу, в которых ярко проявились характерные художественные особенности полихромного стиля.

Вещи, выполненные в данном стиле, объединены «общим характером декора – сочетанием цветных вставок с геометрическим орнаментом» [Засецкая 1994: 69]. Этими особенностями новый язык искусства разительно отличается от предшествующего ему звериного стиля. Происходит победа стиля, по меткому замечанию К.А. Акишева, «поправшего реалистичность форм и стройность композиции искусства «звериного» стиля в угоду многоцветности и красочности нового искусства» [Акишев 1978: 78]. Украшение металлических поверхностей с помощью вставок из камня, пасты различных цветов, использование геометрических элементов характерны, как для предшествующего гуннской эпохе, так и для последующего времени. Новаторским было их сочетание, имеющее практически тотальный характер и позволяющее почти безошибочно определить вещи рассматриваемого времени. Также отмечается приоритет в цветовых решениях – мастера предпочитали использовать вставки камней в оттенках красного цвета, характерна нарочитость в использовании геометрических элементов – при выборе формы, элементов декора поверхности. Всё это придаёт своеобразие и особый художественный эффект предметам, выполненным в полихромном стиле.

В целях исследования художественных особенностей предметов украшений, выполненных в полихромном стиле, выбраны следующие изделия, происходящие из различных объектов гунно-сарматского времени: подвеска (?) из погребения, обнаруженного на городище Кызыл-Кайнар-тобе (Юго-Западный Казахстан), височные подвески из кургана № 28 могильника Актас 1 (Жетысу), нашивки из объекта № 21 комплекса Каракаба (Жетысу), подвеска из кургана № 2 могильника Енбекшил (Сарыарка).

Подвеска (?)из погребения, обнаруженного на городище Кызыл-Кайнар-тобе (рис. 1, *2*). Золото, камень. Украшение находилось в области головы и шеи погребённого [Мерщиев 1970: 91, рис. 7, 3]. Судя по рисунку с указанием его местонахождения, можно определить его положение более чётко – в верхней части груди, в районе немного ниже подбородка [Мерщиев 1970: рис. 6, 3]. Возможно, оно крепилось на массивной золотой цепи, которая размещалась в области шеи [Мерщиев 1970: 90, рис. 7, 2]. Предметы были обнаружены в погребении мужчины 50-55 лет (определение Исмагулова О.И.), которое датируется III–V вв. [Мерщиев 1970: 88, 89]. Цветное фото этих предметов имеется в каталоге «Древнее золото Казахстана» [Акишев 1983: 182, 183]. В настоящее время хранятся в Национальном музее Республики Казахстан и неоднократно опубликованы в его каталогах. Высказать предположение, что это подвеска с цепью дают основание находки аналогичных украшений в погребениях гуннской знати [Засецкая и др. 2007: 28–33, 35–40; Kazanski 2017: 72, fig. 8].

Подвеска (?) овальной формы. Состоит из двух частей: верхняя пластина вставлена в нижнюю, аналогичной формы, но с невысоким бортиком. Верхняя пластина окаймлена плоской узкой полоской, вдоль которой с внутренней стороны размещен неровный поясок из мелких шариков зерни. В центре её размещена округлая вставка с выпуклым камнем, по четырём сторонам от него размещены аналогичные вставки с выпуклыми и плоскими камнями прямоугольной и округлой формы с неровными очертаниями. Все камни оранжево-красного цвета. Касты с прямыми невысокими стенками. Основание кастов окружено поясками зерни, размещенными в один ряд. Между боковыми камнями расположены четыре равнобедренных треугольника из пяти-шести рядов зерни. В нижней части изделия припаяны массивные цилиндрические трубочки с рифлением, к окончанию которых крепятся пирамидки зерни, образующие объемные равнобедренные треугольники.

Пространство структурируется двумя способами: первым, наиболее очевидным и бросающимся в глаза, с помощью крест-накрест расположенных вставок камня, в результате образуются две полосы, ориентированные по диагонали, во втором случае – треугольники зерни образуют две условные линии, расположенные по горизонтали и вертикали. Фот значительно углублен за счёт использования крупных вставок камня, прида-

Рис.1.1 – подвеска из кургана № 2 могильника Енбекшил [по: Бейсенов, Веселовская 2013: рис. 3, 1]; 2 – подвеска (?) из погребения, обнаруженного на городище Кызыл-Кайнар-тобе [по: Наследие Великой степи… 2018: 360]; 3 – височная подвеска из кургана № 28 могильника Актас 1 [по: Наследие Великой степи… 2018: 368]; 4 – нашивки из объекта № 21 комплекса Каракаба [по: Онгар и др. 2014: рис. 31]

ющих объем лицевой поверхности украшения. Шарики зерни добавляют ощущение фактуры. Несмотря на небольшие размеры, они играют большую роль в создании особого художественного эффекта. С помощью техники зерни создаются участки негладкой поверхности, дополняющие чувство объема. Ещё одним приёмом, нарушающим симметрию и придающим ощущение перспективы, является утяжеление нижней части изделия путем крепления крупных трубочек с пирамидками зерни. Шарики зерни в основании соприкасаются друг с другом, создавая линию в форме дуги, повторяя частично очертание основной геометрической фигуры – овала, и тем самым зрительно увеличивая размер украшения.

Височные подвески из погребения № 28 могильника Актас 1 (рис. 1, *3*). Впервые опубликованы в каталоге «Древнее золото Казахстана» [Акишев 1983: 180–181]. Материалы погребения, дублирующие археологический отчет, увидели свет в 2011 г. Судя по ним, стало известно, что одно украшение лежало под черепом с правой стороны, второе – под подбородком [Акишев, Свиридов 2011: 187]. Исходя из состава погребального инвентаря, можно сделать вывод, что это женское погребение. По мнению И.П. Засецкой, они являлись височными подвесками и крепились на длинных петлях на уровне висков по обеим сторонам головы [Засецкая 1975: 16]. Погребение из Актас 1 датируется III–V вв. н.э.

Украшения выполнены из золота, с использованием камней. Выполнены в форме удлинённого овала с приподнятыми краями. Состоит из двух пластин, вставленных друг в друга. Нижняя пластина имеет невысокие бортики, в которые вставлена верхняя. Край верхней окаймлен шариками зерни. Декоративная композиция размещена в пределах фигуры, повторяющей форму изделий. Её очертания показаны с помощью пояска зерни. При этом, между двумя поясками зерни размещена узкая полоска с гладкой поверхностью. Центральную часть композиции представляют вставки пяти камней разных рамеров. В центре одной подвески размещен прямоугольный камень с ровной поверхностью, по обе стороны от него крепятся камни округлой и овальной формы с выпуклой поверхностью. Для верхнего ряда использованы камни наименьшего размера. При украшении второй подвески задействованы следующие камни: в центре – округлый плоский, выше – сердцевидной формы, плоский и выпуклый, по краям – небольшие округлые выпуклые разного раз-

мера. Камни вставлены в невысокие касты, основания которых окаймлены зернью. В пространстве между камнями сверху и снизу расположены маленькие равнобедренные треугольники зерни.

В верхней части изделий по бокам имеются округлые петли. Вся выпуклая часть фигур окаймлена крупными цилиндрическими трубочками с рифлением, оканчивающимися пирамидками зерни. Также крошечные пирамидки зерни украшают внутреннюю сторону овала, в верхней части предметов, в пространстве между петлями.

Особый художественный эффект для оформления исходного плоского пространства достигается за счет контраста между поверхностью камней с характеристиками – гладкая, выпуклая, блестящая и участками, покрытыми тщательно сделанными и изящными шариками зерни. Размещение этих треугольников друг напротив друга сверху и снизу композиции создаёт ощущение перспективы. Как уже было отмечено выше, трубочки с пирамидками зерни, часто насаженные по краю изделий, зрительно увеличивают их размер и объем. Сама форма овала – исходной геометрической фигуры, используемой при изготовлении этих украшений, с вытянутыми вверх окончаниями также работает для создания этого впечатления. И не случайно мелкие пирамидки зерни по краю изделий размещены именно в изогнутой вовнутрь части овала, создавая тем самым, ещё одну перспективу.

Подвеска из погребения кургана № 2 могильника Енбекшил (рис. 1, *1*). Бронза, камень. Пластина овальной формы украшена по центру вставкой крупного камня с выпуклой верхней частью [Бейсенов, Веселовская 2013: 449, рис. 3, 1]. Каст невысокий, немного сужается сверху, плотно обхватывая камень. Основание каста окаймлено пояском из зерни, ещё один украшает край изделия. Сверху к пластине крепится небольшая округлая петелька. Подвеска обнаружена в погребении женщины 20-25 лет, датируемом IV–V вв. н. э. [Бейсенов, Веселовская 2013: 450, 453].

Украшение обращает внимание сочетанием крупных и мелких декоративных элементов: очень крупный камень, расположенный в центре изделия окружен двумя полосками мелких шариков зерни. При этом, их между собой разделяет гладкая поверхность, образующая на контрасте выразительное пространство с ощущением глубины.

Нашивки из объекта № 21 комплекса Каракаба (5 экз.) (рис. 1, *4*). Золото. Выполнены из тонкой пластины прямоугольной формы с закругленными углами [Онгар и др. 2014: 45, рис. 30–31]. Сверху и снизу имеются небольшие загибы. По углам выполнены небольшие округлые отверстия для крепления. Лицевая поверхность украшена тремя полосками горизонтального зигзага. По обе стороны от них расположен ряд из квадратных и округлых выпуклостей, имитирующих, судя по всему, зернь. Представляют собой металлические детали головной повязки, выполненной из ткани и кожи. Находились вплотную друг к другу в области затылка, образуя полоску длиной 11 см [Онгар и др. 2014: 45]. Данные по полу погребенного человека отсутствуют.

При оформлении нашивок, несмотря на их небольшие размеры и лаконичность декора, интересно решается ощущение объема при весьма скромных исходных данных. Трижды повторяющиеся ломаные линии, располагаясь на одинаковом небольшом расстоянии друг от друга, создают вокруг себя глубокие тени, зрительно увеличивая размер изделий. Также на чувство фактуры работают короткие вертикальные полоски с выпуклостями.

На основании исследования художественного оформления предметов украшений гунно-сарматского времени, можно сделать определённые выводы о языке искусства этого периода. Обращает внимание стремление мастеров зрительно увеличить размеры украшений. Такой эффект достигается за счет усложнения в оформлении края изделий с помощью множества цилиндрических трубочек, к окончаниям которых крепятся пирамидки зерни. Вообще, обращает внимание, что эти украшения зачастую многосоставные и выполнены из множества прикреплённых друг к другу деталей. На этот же эффект также работает форма украшений, наиболее показательным примером здесь может выступать форма височных подвесок из Актас 1, когда овал имеет вытянутые вверх окончания. Такая форма визуально растягивает поверхность предмета. Впечатляет передача ощущения глубины плоской на самом деле поверхности украшений. Создается впечатление, что именно эта идея была наиболее важна в процессе их изготовления. На это ощущение направлены сочетание крупных и мелких элементов декора, создание контраста между вставками камня и зерни, использование треугольных фигур, ориентированных вершинами друг к другу, ритмическое повторение орнаментальных элементов, предпочтение в выборе линий, расположенных под углом, а не по прямой. Все эти художественные приёмы ведут к глубине фона,

чувству перспективы. Зернь также делает искуснее и богаче оформление поверхности не только физически, но и визуально.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Акишев К.А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 132 с.

Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 264 с.

Акишев К.А., Свиридов А.Н. Курган № 28 могильника Актас 1 // Маргулановские чтения-2011: Мат-лы Международной научно-практической конференции. Астана, 2011. С. 185–190.

Бейсенов А.З., Веселовская Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. научных трудов / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 446–461.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). Санкт-Петербург, 1994. 224 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. 212 с.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV вв. и захоронение на нем воина IV–V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79–92.

Наследие Великой степи. Шедевры ювелирного искусства: каталог выставки / Под ред. А. Онгара. Т. V. Астана: Национальный музей РК, 2018. 476 с.

Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой степи. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана Т. IV. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 29–57.

Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la region pontique // Přehled výzkumů. № 58-1. Brno, 2017. Pp. 64–84.

А.Е. ЧОТБАЕВ

Айдос Ербулатович Чотбаев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан; archtopmail@mail.ru

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ БЕРЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются памятники сяньбийского времени, которые изучаются на териитории могильника Берел. Данный пласт древней истории до 2015 года не был представлен памятниками на территории Казахстана, хотя на сопредельных территориях эпоха сяньбий была изучена достаточно хорошо. Впервые памятники сяньбий были открыты 2015 году, материал, полученный из исследованных погребений позволил получить знания о рассматриваемой эпохе. Среди материалов часто встречаются предметы вооружения, которые изучены хорошо. Берелские материалы, особенно предметы воооружения, дополнили уже известные знания о военном деле, а также позволили уточнить ареал их распространения.

Ключевые слова: сяньбий, вооружение, Казахский Алтай, памятники

Айдос Ерболатұлы Чотбаев,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

БЕРЕЛ ҚОРЫМЫНАН ТАБЫЛҒАН СЯНБИ ҚАРУ-ЖАРАҚ БҰЙЫМДАРЫ

Аннотация. Мақалада Берел қорымының аумағындағы сяньбий кезеңінің ескерткіштері қарастырылады. Сяньбий дәуірі көршілес аумақтарда жақсы зерттелсе де 2015 жылға дейін Қазақстан аумағындағы ескерткіштерде зерттелмеген. Сяньбий ескерткіштері алғаш рет 2015 жылы ашылды, зерттелген жерлеу орындарынан алынған материал қарастырылып отырған дәуір туралы мағлұмат алуға мүмкіндік берді. Материалдар арасында жақсы зерттелген қару-жарақтар жиі кездеседі. Берел материалдары, әсіресе қару-жарақ әскери іс туралы бұрыннан белгілі мағлұматтарды толықтырды, сонымен қатар олардың таралу аймағын нақтылауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: сяньбий, қару-жарақ, Қазақ Алтайы, ескерткіштер

Aidos Chotbaev,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

WEAPONRY OF THE XIANBEI TIME FROM THE BEREL NECROPOLIS

Abstract. The article discusses the monuments of the Xianbei time, which are studied on the territory of the Berel burial ground. This layer of ancient history was not represented by monuments on the territory of Kazakhstan until 2015, although the Xianbei epoch was studied quite well in neighboring territories. For the first time, Xianbei monuments were opened in 2015, the material obtained from the studied burials allowed us to gain knowledge about the era in question. Among the materials, there are often weaponry that have been studied well. Berel materials, especially weapons, supplemented the already known knowledge about military affairs, and also made it possible to clarify the area of their distribution.

Keywords: Xianbei, armament, Kazakh Altai, monuments

История древнего населения Казахского Алтая достаточно хорошо изучена, но имеются белые пятна, особенно это касается хунно-сяньбийского периода. Данная тематика активно изучается учёными России, Монголии и Китая. Накоплена масса археологического материала. На основе интерпретации данного материала были достаточно хорошо изучены различные вопросы, относительно быта, хозяйства, мировоззрения сяньбицев, сделаны попытки локализации собственно сяньбийских памятников от хунских. По мнению Ю.С. Худякова были определённые затруднения при определении особенных черт сяньбийских памятников, которые обусловлены недоступностью материалов из музейных коллекции соседних стран [Худякова 2005: 5].

Сяньбийский этап в древней истории Казахского Алтая начал разрабатываться с недавнего времени с изучением небольших погребально-поминальных памятников на могильнике Берел, которые до этого момента отождествлялись с ранними тюрками [Самашев 2018: 56].

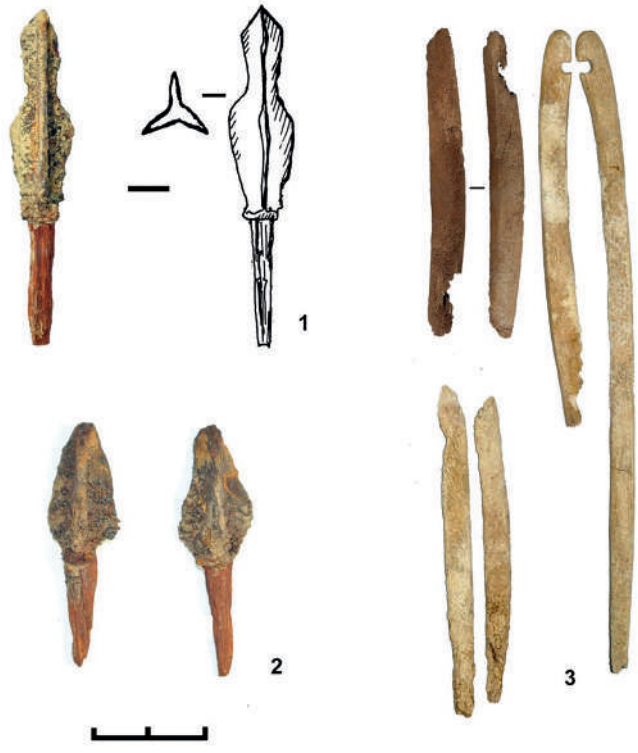

Рис. 1. 1 – Железный двухярусный наконечник стрелы. Берел. Выклака № 41А; 2 – Железный трёхгранный наконечник стрелы. Берел. Выклака № 41А; 3 – Костяные накладки на лук. Берел. Выкладка-ограда № 81

В результате проведённых работ по сравнительному анализу полученного материала автор исследования пришел к мнению, что данные памятники относятся к периоду хунно-сяньбийского времени, данному предположению не противоречат аналогии полученного погребального инвентаря, устройства наземного и внутри могильного пространства погребений и погребального обряда в целом. Данное предположение подтверждают и результаты естественнонаучных исследований [Самашев, Жүнісқанов 2021: 150].

За последние годы на территории Казахского Алтая были изучены более 40 погребально поминальных памятников, в трёх могильниках. Полученный материал разнообразный, это касается погребального инвентаря и обряда погребения. Погребальный инвентарь различного характера, среди них преобладают предметы вооружения.

Данные материалы являются новыми в изучении истории хунно-сяньбийского периода, изучение их дополнят уже имеющие знания, а также сделают возможным решить ряд проблем относительно этнокультурного процесса в регионе, о духовной и материальной культуре племён.

Среди погребального инвентаря хорошо изученными на сегодняшний день являются предметы вооружения, которые стали идентифицирующим материалом (рис. 1).

Хунно-сяньбийский пласт древней истории хорошо освещён в письменных источниках, которые позволили учёным разработать этнокультурные концепции, дополненные в последующем археологическими материалами. На сегодняшний день хорошо изучены несколько аспектов сяньбийского времени, среди которых можно отметить военное дело. Накопленный материал из Саяно-Алтая, Забайкалья, Внутренней Монголии и Китая позволили достаточно глубоко определить комплекс вооружения сяньбийцев состоящий из оружия ближнего и дальнего боя, защитного снаряжения. Комплекс вооружения состоял из лука, стрел, копий, мечей, панциря. В контексте военной тактики ведения боя сяньбийцы массово использовали луки. По мнению Ю.С. Худякова сяньбийцы использовали хунские луки, но бытовали и своеобразные луки характерные для сяньбийцев, отличительной чертой которых является наплечная костяная накладка, состоящая из несколь-

ких склеенных костей, позволившая усилить дальнобойность лука. Исследователь выделяет два типа сяньбийского лука, к первому типу относятся луки с концевой, срединно боковой и срединной фронтальной накладкой. Концевые накладки имеют арочные вырезы для крепления петель тетивы. Срединные боковые накладки имеют скошенные концы. Срединная фронтальная накладка узкая с расширяющимися концами. Подобные костяные накладки найдены в сяньбийских могильника Ваньгун II, Лабудалинь, Наньянцзяинцзы. Ко второму типу относятся луки с концевыми и срединными боковыми составными и плечевыми фронтальными накладками. Концевые боковые накладки у этих луков были длинными, узкими, с арочными вырезами для крепления петель тетивы. Срединные боковые накладки были длинными, со скошенными концами. Некоторые из них были составными, состоящими из двух, склеенных между собой деталей. Плечевые фронтальные накладки были длинными, узкими, сужающимися к концам [Худяков 2005: 20]. Среди китайских материалов опубликованных Ю.С. Худяковым имеются концевые накладки без срединных, по мнению автора, это часть сложносоставных луков, срединные накладки которых не сохранились [Худяков 2005: 11]. Обычно накладки, изготовленные из кости по морфологии и параметрам, особенно по толщине не имеют большой разницы, поэтому о не сохранившихся срединных накладках говорить рано. У сяньбицев предположительно, существовал ещё один тип лука, более упрощённый его вид, которым вооружали рядовых воинов. Возможно, в боевых действиях вооруженные простыми луками воины участвовали в сражениях, как вспомогательная часть, осуществлявшая действия по защите других родов войск, либо они занимались обеспечением армии продовольствием.

Сяньбийские лучники имели в колчане железные и костяные наконечники стрел. Наконечники разных форм и типов, классификацию которых привел Ю.С. Худяков в своих работах.

Для полноценного изучения важны материалы, полученные из памятников сяньбийцев на территории Китая и Монголии, это обусловлено хорошей изученностью региона, данного периода древней истории. Эти материалы позволят провести аналогии, сравнительный анализ, в результате которых представится возможность уточнить хронологические рамки материалов рассматриваемого времени с корреляцией их, учитывая местные особенности памятников Казахского Алтая.

Таким образом, для определения культурной принадлежности памятников Казахского Алтая и идентификации их, необходимы комплексные мероприятия, включающие в себя анализ материалов с применением естественнонаучных методов, позволяющих определить хронологическую шкалу, антропологические особенности, генетические данные, результаты которых необходимо коррелировать уже с известными аналогиями. Сравнительный анализ материала сделает возможным определить особенные черты местных памятников, а также проследить элементы, полученные в результате внешнего влияния.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Самашев З. Оружейный комплекс сяньбэй в контексте культуры (по материалам некрополя Берел в Казахском Алтае) // «Великая степь: военное наследие»: сборник материалов международной научно-практической конференции. Астана, 2018. 302 б. (қазақ, орыс тілдерінде).

Самашев З., Жунисханов А. Сяньби кезеңі бойынша соны радиокөміртектік зерттеулер // Қазақстан археологиясы № 3 (13) 2021. 146–153 бб.

Худяков Ю.С. Вооружение Центрально-Азиатских номадов в II–V вв н.э.// Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева: Новосиб. гос. ун-т: Новосибирск, 2005. С. 5–20.

С.А. ЯРЫГИН

Сергей Александрович Ярыгин,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Астана, Казахстан; sergeyyarygin80@gmail.com

СТАТУС ПОГРЕБЁННОГО ИЗ БУРАБАЯ И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Постгуннское время в Северном Казахстане представлено единичной, но богатой находкой в Бурабае. Материалы данного комплекса служат важным источником для реконструкции некоторых сторон социального развития и культурных связей кочевников этого исторического периода. Как показывает обращение к письменным источникам за подобными археологическими находками стояли фигуры племенных вождей, которые претендовали на высокий статус в племенной и межплеменной иерархии кочевников. Данная социальная страта была включена в широкие международные связи, которые протянулись от государства Силла на Корейском полуострове до Римской империи. В Северном Казахстане материалы из Бурабая показывают, кроме естественных связей с кочевыми группами на Западе и Востоке, традиционные прочные контакты со Средней Азией. Для VI века это территория Согда, откуда поступали разнообразные престижные товары, в том числе вооружение или статусные котлы.

Ключевые слова: постгуннское время, кочевники, Бурабай, Великий шёлковый путь

Сергей Александрович Ярыгин,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Астана, Қазақстан

БУРАБАЙДАН ТАБЫЛҒАН АДАМНЫҢ МӘРТЕБЕСІ ЖӘНЕ ҒҰН ДӘУІРІНЕН КЕЙІНГІ КЕЗЕҢДЕГІ СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ МӘДЕНИ БАЙЛАНЫС МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Солтүстік Қазақстандағы ғұн дәуірінен кейінгі кезеңге Бурабайдағы жалғыз, бірақ бай табылым жатады. Бұл кешеннің материалдары осы тарихи кезеңдегі көшпелілердің әлеуметтік дамуы мен мәдени байланыстарының кейбір жақтарын қайта жаңғыртудың маңызды дереккөзі болып табылады. Жазбаша дереккөздер көрсеткендей, мұндай археологиялық табылымдардың артында көшпелілердің тайпалық және тайпа аралық иерархиясында жоғары мәртебеге ие болған тайпа көсемдерінің тұлғалары тұрды. Бұл әлеуметтік дәреже Корей түбегіндегі Силла мемлекетінен Рим империясына дейін созылған кең халықаралық байланыстарға енгізілді. Солтүстік Қазақстанда Бурабайдан табылған материалдар Батыс пен Шығыстағы көшпелі топтармен табиғи байланыстардан басқа, Орталық Азиямен дәстүрлі берік байланыстарды көрсетеді. VI ғасыр үшін бұл әр түрлі құнды тауарлар, соның ішінде қару-жарақ немесе мәртебелік қазандықтар шыққан Соғды территориясы болып табылады.

Түйін сөздер: ғұн дәуірінен кейінгі кезең, көшпелілер, Бурабай, Ұлы жібек жолы

Sergey Yarygin,
Margulan Institute of Archaeology,
Astana, Kazakhstan

THE STATUS OF THE BURIED FROM BURABAY AND THE ISSUES OF CULTURAL TIES OF NORTHERN KAZAKHSTAN IN THE POST-HUN PERIOD

Abstract. Post-Hunnic time in Northern Kazakhstan is represented by a single, but rich find in Burabay. The materials of this complex serve as an important source for the reconstruction of some aspects of the social development and

cultural ties of the nomads of this historical period. As an appeal to written sources shows, behind such archaeological finds there were figures of tribal leaders who claimed a high status in the tribal and intertribal hierarchy of nomads. This social stratum was included in the wide international ties that stretched from the state of Silla on the Korean Peninsula to the Roman Empire. In northern Kazakhstan, materials from Burabay show, in addition to natural ties with nomadic groups in the West and East, traditional strong contacts with Central Asia. For the 6th century, this is the territory of Sogd, from where various prestigious goods came, including weapons or status pots.

Keywords: post-Hunnic time, nomads, Burabay, the Great Silk Road

Погребение в Бурабае было случайно обнаружено при каменоломных работах в 1928 году в 6,4 км на север от г. Щучинск и 2,1 км от современного Аграрного колледжа, на территории урочища Бармашное (совр. Щучинский р-н Акмолинской обл., Республика Казахстан) (рис.1) [Бернштам 1951: 216–229; Лентовский 1929: 12–13]. По сведениям заместителя директора петропавловского музея Б.И. Орехова, погребение было расхищено при обнаружении, часть предметов прибывшим научным сотрудникам все-таки удалось вернуть, однако само погребение описано со слов камнеломов. Основная часть коллекции была передана для изучения в Музей этнографии и антропологии в Ленинград – эта часть находок и была описана А.Н. Бернштамом. По его данным погребальная конструкция состояла из грунтовой могильной ямы перекрытой тремя каменными плитами. Верхняя плита имела длину 4,5 м, ширину 1,5 м, толщину 0,7 м. Две

Рис. 1. Месторасположение погребения постгуннского времени в Бурабае (Бармашное)

нижние толщиной до 0,12 м. Под плитами на песчаном грунте лежал бронзовый котел [Спасская 1958: 184–185], ниже его обнаружен костяк плохой сохранности. Погребальный инвентарь был представлен железным кинжалом, железными наконечниками стрел (6 шт.), железными конскими удилами, разного размера бусинами из пасты и сердолика, прямоугольнорамчатой пряжкой и значительным количеством изделий из серебра, золота и драгоценных камней (золотая фольга, бляшки в полихромном стиле) [Бернштам 1951: 216–229].

Боровское погребение датировано А.Н. Бернштамом IV–V вв. [Бернштам 1951: 229]. Позднее И.П. Засецкая поднимает датировку памятника до конца V–начала VI вв. [Засецкая 1994: 36–39, 123-126, табл. 2. 10]. Это позволяет поместить погребение в Бурабае в постгуннский хронологический горизонт (430/470–530/570 гг.) [Казанский 2020: 90]. В этот период в 463 году в восточноевропейских степях гуннов сменяют новые группы восточных кочевников – сарагуры, оногуры, уроги, которые объединяются в «огурскую группу» [Кляшторный 2005: 21–55; Golden 2013: 49–51]. Территорию их проживания перед миграцией выявить сложно, ареал может простираться от Северного Казахстана до Северного Китая. Время появления огуров в Восточной Европе соответствует упоминаемому в китайских хрониках уходу, вследствие военно-политических потрясений, в V в. части телесских племен к Западному морю. Этноним является ротацирующим вариантом зетацирующего древнетюркского «огуз», известного тюркского этнонима периода раннего средневековья, и означает «племя, объединение племен». Он являлся самоназванием западной части крупного племенного массива тюркоязычных племен известных в китайских источниках VI–VII вв., как теле/чилэ [Камалов 2001: 58–61; Егоров 2013: 321–335].

Среди археологических памятников данных кочевников встречаются богатые погребения содержащие золотые украшения, оружия и другие предметы, выполненные в полихромном стиле. Данный стиль распространяется в IV–V вв. и представляет собой сочетание драгоценного или полудрагоценного металла с вставками, инкрустациями цветными камнями (гранат/альмандин/пироп, рубин, сердолик и др.) или окрашенным стеклом. Часто в декорировании применяется техника зернения [Щукин 2005: 340–345; Засецкая 1968: 35–53]. В список элитных памятников можно включить: Морской Чулек в Северном Приазовье [Засецкая, Казанский 2007: 101–121]; Бурабай (Бармашное) в Северном Казахстане [Бернштам 1951: 216–229]; Кара-Агач в Центральном Казахстане [Козырев 1905: 27–36]; Шамси в Кыргызстане [Засецкая, Казанский 2007: 101–121]; Бома в Китае [Алкин 2007: 91–100]. Причины широкого распространения моды на полихромные изделия были обусловлены историческими реалиями периода – многочисленными передвижениями совершенно разных по этнолингвистической характеристике народов и формирование раннегосударственных полиэтнических структур. Брачные, дипломатические и военные контакты сопровождались перемещением предметов материальной культуры, обладающие высоким социальным статусом [Мастыкова 2008: 26–34].

В европейских источниках, повествующих о огурo-булгарских племенах, указываются разнообразные правители и вожди, с которыми можно соотнести находки типа Морской Чулек, Бурабай или Шамси. При описании столкновения болгар с Теодорихом (основателем остготского государства), на реке Сава во время переселения готов в Италию в 488 г. погиб болгарский вождь Бузан. В других письменных свидетельствах появляются имена – Бела, Грода, и его брата Муагерия, Хиниалона, Синния. Более крупные и известные правители Сандилх, Заберган, правительница савиров Боарикс и основатель Великой Болгарии хан Кубрата [Артамонов 1962: 61–62, 80–82, 89–90, 95–100, 160–161]. В китайских источниках сохранились тексты в которых рассказывается про Афучжило из рода фуфуло, который в конце V в. создал на территории Чеши переднего (Турфана) крупное и долговременное объединение кочевников Гаочэ-го [Боровкова 1992: 85–86, 99].

О существовании у кочевников постгуннского времени на востоке Центральной Азии множества вождей с претензией на высокий статус свидетельствует Тесинская стела:

(7) [ö]ŋre qylyntuqda ujγur qaγan olurmyš bükü uluγ qaγ[an] [ermiš]

(8) u olurmyš byŋ eli üč jü jyl el tuimyš ančyp boduny b[ardy]

(9) myš buzuq bašyn qyza učuz kül eki atlyγyn tüke bar[myš]

(10) [b]edi bersil qadyr qasar anta barmyš ol bodunym keŋ kerišdi

В переводе на русский:

(7) Когда, в прежние времена, были сотворены (или: возникли) . . . уйгурские каганы на царство сели, (они были) мудрые и великие каганы.

(8) они на царстве сидели. Триста лет множеством

(букв.: тысячью) своих элей они правили. Потом их народ погиб.

(9) Став мятежным из-за (наущений) вождей бузуков (их народ?) погиб, из-за (подстрекательства) ничтожного Кюля и двух именитых (их народ?) погиб.

(10) Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие (междоусобные) распри и ссоры [Кляшторный 1983: 87–89].

Отмечая 300-летний период, как время правления «мудрых и великих каганов», автор Тесинской надписи уточняет, что правили они «тысячью своих элей». Хронологически это совпадает с периодом IV–V вв. Текст рассказывает о том, что в каждом кочевом объединении этого периода был правитель каганского уровня, что, безусловно, преувеличение, которое, тем не менее, хорошо показывает процесс выделения элиты. Последняя в свою очередь стремилась выделиться посредством материальных ценностей. Археологические памятники типа «Бурабай» фиксируют концентрацию власти, в руках отдельных огуро-телесских вождей, не вошедшие в отличие от многих других в исторические хроники, однако память о них сохранилась в мифологизированном виде у токуз-огузов (уйгуров).

Предметы, обнаруженные в погребениях, могут продемонстрировать векторы культурных и политических контактов той или иной группировки кочевников. Самые удаленные связи погребение в Бурабае демонстрирует с погребением в гробнице № 14, Керим-ло (город Кёнджу, Южная Корея). Погребение в гробнице Керим-ло относится к группе элитных погребальных комплексов государства Силла, обнаруженных в 1973 году в городе Кёнджу. Памятник датирован периодом трёх государств, а погребения на участке связаны с правителями этого хронологического отрезка. Сама гробница имела не большой размер, в деревянном гробу обнаружены останки двух человек. У пояса погребённого лежавшего слева исследователи обнаружили кинжал в богато декорированных ножнах, техника и манера украшений в полихромном стиле [«Ветер в соснах…»…, 2010, 114–115]. Корейские источники позволяют вернуться к теме социального статуса погребённого. Согласно летописи «Самкук саги» в 514-540 гг. в Силла было установлено три типа одежды (для мужчин и женщин): парадная, повседневная, и «варварская». Две первые группы, вероятно, включали в себя одежду китайского типа, которая была завезена из Китая в 541-543 гг., а третья – местную. В 548 г. царь Силла заявил: «Люди бывают знатные и незнатные, высшие и низшие, их обычаи неодинаковы и одежда неодинакова: у простолюдинов – скудная и плохая, у богатых — обильная и роскошная». Специальным указом сословное различие в одежде было закреплено, а каждому рангу присвоена своя «форма» [Воробьев 1961: 119–121; Самкук саги, цзюань 33: 318–321]. Статистический анализ предметов из погребальных комплексов в Кёнджу позволяет говорить о далеко зашедшей имущественной дифференциации силланского общества. При этом погребение №14 с клинком принадлежит «знати среднего ранга» [Воробьев 1961: 119–121].

По словам И.П. Засецкой клинки являются продукцией двух ювелирных школ с разными художественными традициями, при этом боровской клинок как считает исследователь, судя по слабому расширению ножен книзу и др. признакам, изготовлен несколько раньше корейского [Засецкая 2007: 87–89]. Общим центром, откуда кинжалы могли попасть, как на северные границы Сарыарки, так и в Южную Корею является территория Средней Азии. Близкие формы ножен зафиксированы при исследовании согдийской живописи в Афрасиабе, Пянджикенте, Куче (рис. 2) [Беленицкий 1959: 11–87; Дьяконов 1954: 83–159].

Так на фресках Афрасиаба присутствуют изображения мужчин с кинжалами в золотых или позолоченных ножнах носимых спереди. Ножны сужаются к середине и расширяются по краям. В верхней части имеют несколько разных типов скоб. К ним с пояса спущены ремешки. Навершия кинжалов так же имеют несколько типов, подобные боровскому и корейскому, на фрагменте росписи с южной стены, деталь 7 у пояса верхнего всадника, с фигурками, изображающими голову хищной птицы или зверя, подобием цветка, просто прямые или в виде небольшого кольца [Альбаум 1975: 45–52; Рис. 11.9–11, 12; Табл. VI, XXIII, XXVII].

Если контакты между Согдом и Кореей могли осуществлятся в контексте функционирования древних торговых маршрутов известным как Великий шёлковый путь, то связь кочевых племён с Согдом могла так же осуществляться в рамках того хозяйственно-культурного типа степных кочевников, для которого характерны длительные меридиональные перекочевки с летних пастбищ на севере в степной и лесостепной зонах Центрального и Северного Казахстана на зимние находящиеся на границе с оседлыми торгово-ремесленными центрами Южного Казахстана и Средней Азии. Подтверждением связи бурабайского комплекса

Рис. 2. Кинжалы в трапециевидных ножнах:
1. Находка из Керим-ло [по Ветер в соснах... 2010];
2. Находка из Бурабая. Реконструкция по рисунку И.П. Засецкой [по Засецкая И.П. и др. 2007];

с южными регионами кроме собственно клинка могут служить и другие находки из этого комплекса. Аналогии бронзовому котлу известны на территории Узбекистана [Демиденко 2004: 75–88].

Уникальная рифлёная пряжка, из сердолика обнаруженная в боровском комплексе имеет аналог в виде пряжки из белого халцедона, находящейся в коллекции Ashmolean Museum в Оксфорде и относится к предметам сасанидского круга [Казанский 2002: 93–194].

Бляшки из сердолика использовавшиеся в украшении конской узды и др. в Бурабае встречены в Шамси на территории Кыргызстана, так же датирующимся V–VI вв. [Засецкая и др. 2007: 75–82].

Материалы из Бурабая свидетельствуют о тесных контактах кочевников постгуннского времени Северного Казахстана с Согдом, и через его посредничество с Сасанидским Ираном. Прямые контакты с Кореей отсутствовали, оба региона в первую очередь были связаны Согдом. Наблюдаются культурные связи с родственными кочевыми группами Южных регионов Центральной Азии и Восточной Европы. Находки в Бурабае соответствуют аристократической моде, которая зародилась в гуннское время и продолжила своё существование, когда последние сошли с исторической арены.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024 гг., ИРН проекта BR18574175.

Литература

Алкин С.В. Коллекция из кургана Бома в Северном Притяньшанье: Материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: 2007. С. 91–100.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Издательство ФАН Узбекской ССР, 1975. 113 с.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования//Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: 1959. С. 11–87.

Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса»//СНВ. – 1980. – Вып. XXII. С. 213-218.

Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане // СМАЭ. Т. XIII. М.-Л.: 1951. С. 216–229.

Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М.: 1992. 184 с.

Ветер в соснах.... 5000 лет корейского искусства. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 304 с.

Воробьев М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). М: Издательство восточной литературы, 1961. 194 с.

Демиденко С.В. Котлы типа «Тахти-сангин – Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии//Российская археология. 2004. №4. С.75–88.

Егоров Н.И. Некоторые методологические подходы к этнокультурной идентификации кочевнических древностей Евразийских степей // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евра-

зийских гуннов: сб. науч. тр. / гл. ред.: С.Г. Боталов, отв. ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 321–335.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб: 1994. 224 с.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 35–53.

Засецкая И.П., Казанский М.М. Заключение. Морской Чулек и история понтийских степей в постгуннскую эпоху // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 101–121.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Выпуск XXV. С. 90–167.

Казанский М.М. Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии//Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я.А. Шера. Новосибирск: 2002. С. 193–197.

Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII-IX вв. Алматы: «Наш Мир», 2001. 216 с.

Ким Бусик. Самгук (Самкук) саги. Летописи Силла. Книга 1. Серия Памятники литературы народов востока. Тексты. Большая серия. Издание текста, перевод, вступит, статья и коммент. М.Н. Пака. М.: Наука. Восточная литература, 1959. 202 с.

Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: 2005. 346 с.

Кляшторный С.Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 76–90.

Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 16. СПб.: 1905. С. 27–36.

Лентовский М.Н. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казакской С.С.Р. (инвентаризационный труд). Кокчетав, 1929. 16 с.

Маршак Б.И. Согдийцы в Китае и китайцы в Согде (по произведениям искусства)//Отделу Востока 80 лет. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. С. 43–48.

Мастыкова А.В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. 2008. № 3. С. 26–34.

Спасская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая. Сер. обществ, политич. Т. XV (3). Вып. 2. Алма-Ата: 1958. С. 184–185.

Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 590 с.

Golden P. The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Edited by Florin Curta and Bogdan-Petru Maleon. Editura Universitatii «Alexandru Ioan Cuza», 2013. p. 43–66.

H. HÄRKE,
A. BELINSKIJ,
YA. BEREZIN

Heinrich Härke,
Department of Medieval Archaeology, Eberhard Karls Universität,
Tübingen, Germany; heinrich.haerke@uni.tuebingen.de
Andrej Belinskij,
Nasledie Enterprise,
Stravropol, Russian; abelinski@gmail.com
Yacov Berezin,
Nasledie Enterprise,
Stravropol, Russian; yakov_berezin@mail.ru

A RICH HUN-PERIOD CENOTAPH AT KLIN-YAR (NORTH CAUCASUS)

Abstract. Rescue excavations in the cemetery of Klin-Yar III near Kislovodsk (Stavropolskij kraj) have led to the discovery of a catacomb with a dromos niche and rich finds of the Hunnic-period Untersiebenbrunn horizon. Because of the absence of a human burial, it has been interpreted as a cenotaph. This report is an initial presentation and brief description of this significant discovery.

Keywords: Klin-Yar, North Caucasus, Hun period, Untersiebenbrunn

Генрих Харке,
Кафедра средневековой археологии, Университет Эберхарда Карлса,
Тюбинген, Германия
Андрей Белинский,
Предприятие «Наследие»,
Ставрополь, Россия
Яков Березин,
Предприятие «Наследие»,
Ставрополь, Россия

БОГАТЫЙ КЕНОТАФ ГУННСКОГО ПЕРИОДА В КЛИН-ЯРЕ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

Аннотация. Спасательные раскопки могильника Клин-Яр III под Кисловодском (Ставропольский край) привели к открытию катакомбы с дромосной нишей и богатым находкам гуннского горизонта Унтерзибенбрунн. В связи с отсутствием захоронения человека его определили как кенотаф. Эта статья представляет собой первоначальную презентацию и краткое описание этого важного открытия.

Ключевые слова: Клин-Яр, Северный Кавказ, гуннский период, Унтерзибенбрунн

Генрих Харке,
Эберхард Карлс университетінің ортағасырлық археология бөлімі,
Тюбинген, Германия
Андрей Белинский,
«Наследие» кәсіпорны, Ставрополь, Ресей
Яков Березин,
«Наследие» кәсіпорны, Ставрополь, Ресей

КЛИН-ЯРДАҒЫ (СОЛТҮСТІК КАВКАЗ) ҒҰН ДӘУІРІНДЕГІ БАЙ КЕНОТАФ

Аннотация. Кисловодск (Ставропольск аймағы) маңындағы Клин-Яр III қорымында жүргізілген құтқару қазбалары дәліз қуысы бар лақат пен Унтерзибенбрунн ғұн қабатының бай олжаларын табуға мүмкіндік берді.

Мәйіттің болмауына байланысты ол кенотаф ретінде түсіндірілді. Бұл мақала осы маңызды жаңалықтың бастапқы таныстырылымы және қысқаша сипаттамасы болып табылады.

Түйін сөздер: Клин-Яр, Солтүстік Кавказ, ғұн дәуірі, Унтерзибенбрунн

In 2006, grave robber activity near the town of Kislovodsk (Stavropol kraj) prompted the rescue excavation of a catacomb grave (subsequently numbered 389) at the well-known cemetery site of Klin-Yar. It was found that a robber trench had already been sunk as much as 4 meters into the entrance corridor of the tomb, damaging this part of the construction as well as the lateral cache in the access corridor. This paper is a preliminary communication of this significant discovery; a more complete publication is in preparation.

Previous fieldwork, for both rescue and research, had identified at Klin-Yar several cemetery areas around the central rock formation of the site, with graves of Koban Culture, Sarmatian and Alanic date, in absolute terms from approximately the 8th century BC to the end of the 7th century AD. A local reservoir effect made it impossible to confirm the artefactual dating by radiocarbon dates [Higham et al. 2010: 653–670; Belinskij et al. 2013: 237–246]. Excavated graves now number more than 400, most of them Late Bronze to Early Iron Age pit graves, but also just over 100 Sarmatian and Alanic catacombs.

These later catacombs include a series of rich, often multiple burials found in a small area within cemetery III which was subsequently called the ‘elite plot’. This cemetery area comprised 24 catacombs with about 30 confirmed individuals, but there may have been half a dozen more in the four destroyed or robbed catacombs of the plot [Härke, Belinskij 2011: 202–206; Härke, Belinskij 2012: 135–143]. With a date range of late 4th to the end of 7th century AD (based on the chronological analysis by I. Gavritukhin and V. Malashev), this probably reflects a single elite family whose members benefitted from the location on a branch of the Silk Road leading through the North Caucasus foothills towards the Black Sea coast. Long-distance connections are certainly indicated by grave finds: fayence beads and glass beakers from the East Mediterranean, Byzantine coins, an Iranian glass cup, and a sword with suspension of Central Asian type. The large numbers of horse harness fittings, including four early iron stirrups (all of them of 7th century date), suggest a military or warrior milieu of the local elite whose apparent family character is confirmed by the standard pairing of a male and a female body in most catacombs, as well as a small series of shared epigenetic traits of some skeletons buried in the plot [Belinskij, Härke 2018: 416].

The new catacomb 389 appears to be part of this elite plot, by its location, by the types and quality of its grave-goods, and by its chronological position between the Late Sarmatian and Early Alanic graves (in terms of the local cultural sequence). Its overall shape and construction conforms closely to that of the Alanic tombs of the elite plot, although it has the unique additional feature of a cache chamber attached to the side of its access corridor (fig. 1).

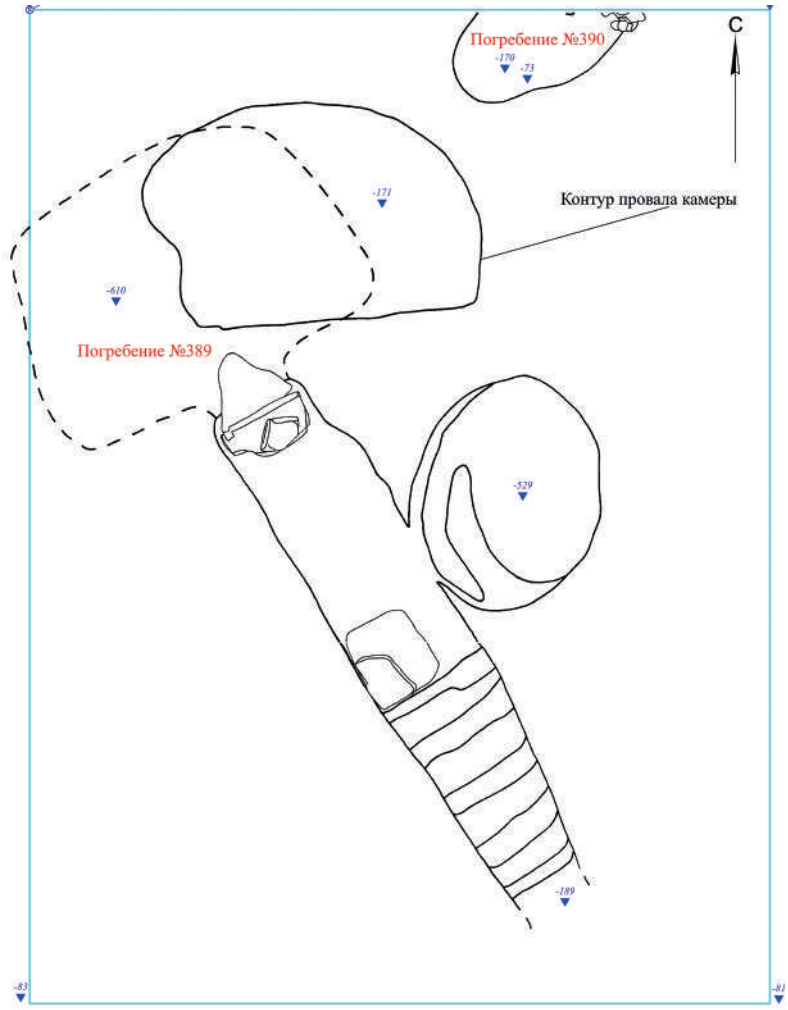

Fig. 1. Plan of catacomb 389 in Klin-Yar cemetery III

Its general lay-out is T-shaped, with the access pit in the form of a narrow corridor ('dromos' in local archaeological terminology) meeting the underground burial chamber (catacomb) at right angles to its longitudinal axis. The preserved length of the access corridor was 5.40 meters, with a variable width between 0.60 and 0.90 meters and a maximum depth of 4.90 meters below modern surface. Entry into the dromos was facilitated by ten steps at its southern end. In the middle, the almost horizontal floor of the corridor was paved with small sandstone tiles. Two larger slabs found in the dromos had probably been used to close the entrance into the cache chamber.

The corridor gave access to two underground features: cache and burial chamber. The cache was an oval chamber attached to the northeastern side of the access corridor. It measured 1.85 x 1.58 meters, and its floor was 0.20 to 0.30 meters lower than the floor of the corridor. The main purpose of this chamber appears to have been the deposition of additional grave-goods; this is a feature which has not been found in any other grave at Klin-Yar. A bronze cauldron with iron handle, an iron ladle and a horse-bit were found near the middle of the cache, with horse-harness and belt fittings spread across the floor, apparently not all of them in their original positions due to some disturbance from a robber trench.

The burial chamber was located at the northwestern end of the corridor. The entrance was closed with a large sandstone slab, with grey-blue clay used to close the gaps between slab and entrance walls. The chamber itself was of sub-rectangular shape, its floor measuring 2.85 x 2.17 meters and reaching a depth of 6.40 meters below modern surface. A narrow ditch ran along the walls, and shelves for the deposition of pottery vessels occupied the southwestern and southeastern corners of the chamber, thereby flanking the entrance. A thin layer of charcoal was found to cover the entire floor – another feature not found elsewhere in Klin-Yar catacombs.

With its chamber size and length of access corridor, catacomb 389 is one of the three largest tombs at Klin-Yar. This observation confirms the correlation between grave size and wealth of grave-goods (see below) apparent elsewhere in the elite plot. And while there were unique details, the general range of its features fits well into the developmental sequence of grave construction and ritual from Late Sarmatian to Early Alanic catacombs in cemetery III of Klin-Yar. But there were no traces of an actual burial in catacomb 389, which suggests that it may have been a cenotaph.

All artefacts found in the chamber had been deposited on the floor, with the exception of the pottery vessels which had been placed on the shelves in the southwestern and southeastern corners, and a glass beaker which seems to have fallen off a shelf built into the western chamber wall. Weapons were mostly found in the northern and northeastern parts of the chamber: a mail shirt had hung on the wall, with a mail neck guard in the opposite part of the chamber, a large dagger (short sword) on the floor, and nearby an asymmetric reflex bow in unstrung condition, with a leather quiver containing some 30 trilobate arrows. Horse harness was spread out: two iron

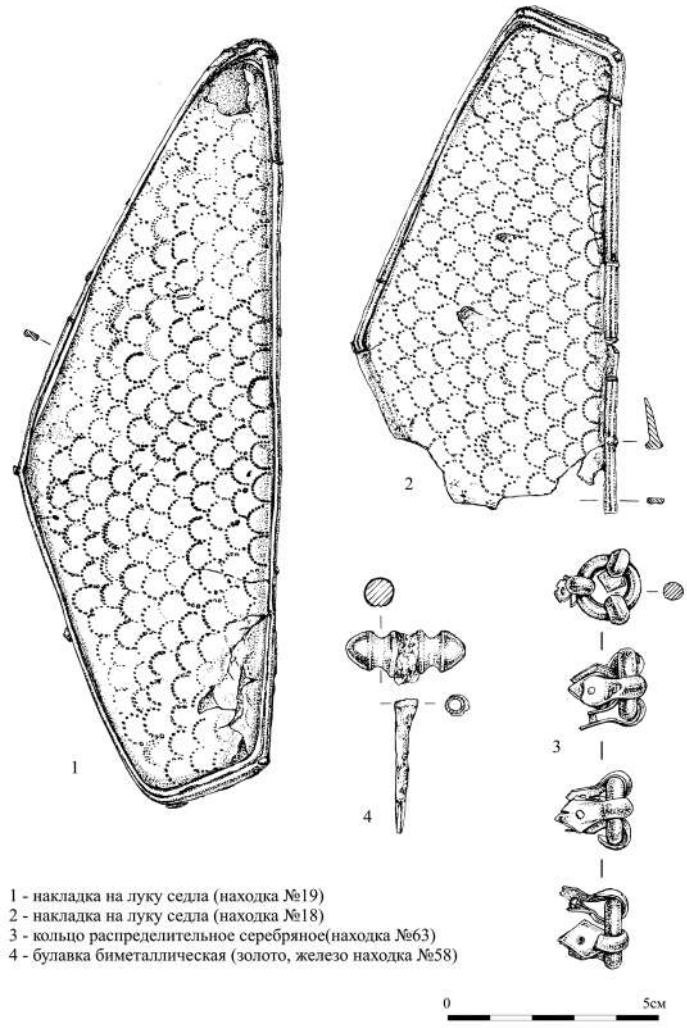

Fig. 2. Riding equipment from catacomb 389

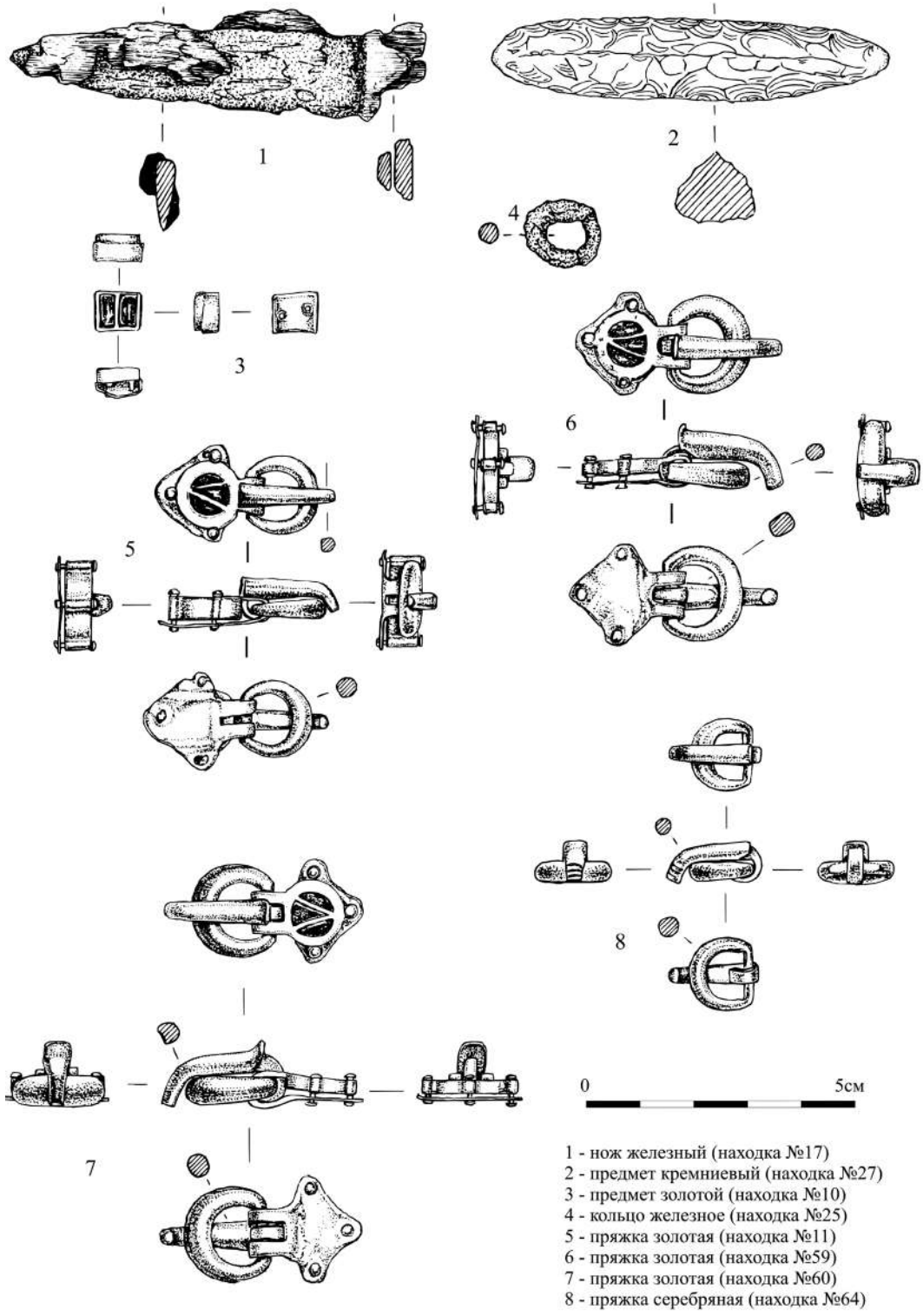

Fig. 3. Gold and silver strap fittings from catacomb 389

horse bits with silver phalerae were close to the reflex bow in the northwestern part, golden saddle fittings (fig. 2) in the northeastern corner and a concentration of gold and silver strap fittings (fig. 3) in the same corner, in the ditch surrounding the central chamber area. Close to the entrance, a single golden cloisonné buckle was found, as well as animal bones of ovicaprines, possibly from the funeral feast.

This assemblage appears to date to the first half or around the middle of the 5th century AD. In the North Caucasus and the North Pontic region, grave assemblages and typical artefacts of the same chronological horizon have been found most notably at Brut (North Ossetia), also at Lermontovskaya Skala not far from Klin-Yar, at Abrau-Dyurso near Novorossijsk, and at Luchistoe in Crimea. But close analogies of the cloisonné buckle plates (fig. 3, 59, 60) from Klin-Yar 389 have been found as far west as Lengyeltoti in Hungary, in a grave assigned to the chronological horizon Untersiebenbrunn of the early 5th century [Tejral, Zeman 2021: 282]. This analogy provides not just a chronological, but also a wider cultural and historical context for Klin-Yar III catacomb 389.

References

Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994-1996 in the Iron Age to early medieval cemetery (Archäologie in Eurasien, vol. 36). Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, 2018. 416 pp. https://www.dainst.org/documents/10180/4528608/AE+36+Belinskij+komplett_reduziert.pdf/f87604b6-de6c-b26e-c218-30b8dc83b783

Belinskij A.B., Härke H., Higham T., Warren R. Rezervuarnyj effekt v radiouglerodnykh datakh iz Klin-Yara (Stavropol'skij kraj) // Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vypusk XI: Arkheologiya, kraevedenie, muzeevedenie / ed. A.B. Belinskij, A.A. Kalmykov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoj mysli 2013. Pp. 237–246.

Härke H., Belinskij A. The Late Sarmatian and Early Alanic elite plot in the cemetery of Klin-Yar III, near Kislovodsk (Stavropol kraj, Russia) // Pos'yashchena pamyati M.M. Trapsh. Problemy drevnej i srednevekovoj arkheologii Kavkaza: Materialy konferentsii. Sukhum: ABIGI 2011. Pp. 202–206.

Härke H., Belinskij A. The 'elite plot' in the cemetery of Klin-Yar (Russia): The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? // Chronica (Annual of the Institute of History, University of Szeged) 2012. No. 11 (for 2011). Pp. 135–143. https://ojs.bibl.u-szeged.hu/index.php/chronica/article/view/10786

Higham T., Warren R., Belinskij A., Härke H., Wood R. 2010. Radiocarbon dating, stable isotope analysis and diet-derived offsets in 14C ages from the Klin-Yar site, Russian North Caucasus // Radiocarbon 2010 No. 2–3 (52). Pp. 653–670. DOI: 10.1017/S0033822200045689.

Tejral J., Zeman T. 2021. Die Kriegergräber mit Schwertern des sog. Asiatischen Typs im Mitteldonauraum unter Berücksichtigung des Neufundes von Horákov (Mähren, CZ) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 2021. No. 2 (72). Pp. 279–334. DOI: 10.1556/072.2021.00020.

A. TAŞAĞIL

Ahmet Taşağıl,
Yeditepe üniversitesi,
Istanbul, Turkey; atasagil@hotmail.com

BAHADIR/MO-TU/METE

Abstract. The article analyzes important historical information in order to present in more detail the personality and historical role of the famous ruler Mode in the process of unifying the Xiongnu tribes and creating a powerful empire in Central Asia. Particular attention is paid to his rise to power, strategic decisions, diplomatic maneuvers, management of the Xiongnu tribes, and his influence on the political and military history of Eurasia. One of the important aspects of this work is also the study of the influence of Mode as a leader on the political institutions of the Xiongnu, as well as his legacy in the context of the broader history of the peoples of Eurasia. This article provides readers with an in-depth understanding of the role of Shanyu Mode in the formation of the Xiongnu Empire and its historical significance.

Keywords: Mode, Huns, Eurasia, shanyu

Ахмет Ташагыл,
Университет Йедитепе,
Стамбул, Турция

ГЕРОЙ/МОДЭ

Аннотация. Статья анализирует важные исторические сведения, с целью представить более детально личность и историческую роль прославленного правителя Модэ в процессе объединения хуннских племен и создания мощной империи на территории Центральной Азии. Особое внимание уделяется его восхождению к власти, стратегическим решениям, дипломатическим маневрам, управлению хуннскими племенами, его влиянию на политическую и военную историю Евразии. Одним из важных аспектов данной работы является также исследование влияния Модэ как лидера на политические институты хунну, а также его наследие в контексте более широкой истории народов Евразии. Эта статья предоставляет читателям углубленное понимание роли шаньюй Модэ в формировании хуннской империи и его исторической значимости.

Ключевые слова: Модэ, гунны, Евразия, шаньюй

Ахмет Ташағыл,
Йедитепе университеті,
Стамбул, Турция

БАТЫР/МӨДЕ

Аннотация. Мақалада әйгілі билеуші Мөденің ғұн тайпаларын біріктіру және Орталық Азияда қуатты империя құру процесіндегі тұлғасы мен тарихи рөлін толығырақ көрсету мақсатында маңызды тарихи мәліметтер талданады. Оның билікке келуіне, стратегиялық шешімдеріне, дипломатиялық айла-шарғыларына, ғұн тайпаларын басқаруына, Еуразияның саяси және әскери тарихына ықпалына ерекше назар аударылады. Бұл жұмыстың маңызды аспектілерінің бірі де Мөденің көсем ретінде ғұндардың саяси институттарына ықпалын, оның мұрасын Еуразия халықтарының кеңірек тарихы аясында зерттеу болып табылады. Бұл мақала оқырмандарға шаньюй Мөденің ғұн империясының қалыптасуындағы рөлі және оның тарихи маңызы туралы терең түсінік береді.

Түйін сөздер: Мөде, ғұндар, Еуразия, шаньюй

Avrasya bozkırlarının ortaya çıkardığı ilk büyük hükümdar Mo-tu'dur. Her ne kadar babası T'ou-man başta olmak üzere başka devlet idare edenlere rastlasak da Türk ve Avrasya tarihinde devletini bir imparatorluk haline dönüştüren, Orta Asya'da bütün Türk ve komşu toplulukları bir araya getiren, *"Çinlilerin ifadesiyle yay geren"* kavimleri birleştiren ilk hükümdar Mo-tu'dur. Devletinin başında bulunduğu yaklaşık 35 yıl içinde ülkesi içinde ve dışında bir imparator olduğunu herkese hissettirmiştir. Kısacası Mo-tu gösterdiği üstün gayretleriyle bir bozkır modeli oluşturmuş; ardından gelen bütün bozkır devlet ve imparatorlukları onun kurduğu devlet modelini takip etmiştir. Dolayısıyla Mo-tu'yu Türk devlet geleneğinin başlangıcına koymak mümkündür [Taşağıl 2020: 320].

Mo-tu'nun ismi önceleri yanlışlıkla Me-te, Mei-tei şekillerinde okunmuştu. Bundan dolayı Türkçemizde Mete ismi kabul görmüş ve kişi adı kullanılarak yaygınlaşmıştır. Daha sonra Mao-tun ve Mo-tun okunuşları da yapılmıştı. Bu iki karakterin çağdaş Çincede Maodun okunması doğrudur. Fakat, onun yazılışında özel okunuş bulunduğu için Mo-tu okunması (Türkçe okunuşu Modu) gerektiği Çince sözlüklerde açıkça belirtilmektedir. Bunun da Türkçesinin Gök Türkler zamanındaki Mou-tu, Mou-ho-tu gibi unvan ve ad okunuşlarından hareketle karşılığının Bagatur(Bahadır) olduğu fikrindeyiz. Büyük Hun İmparatorluğunu zirveye taşıyacak olan Mo-tu, M.Ö. 209 yılında tahta çıktı [Nicola 2010: 186–190].

Mo-tu'yu Ortaya Çıkaran Bozkır Yaşayışı: Hunların sosyal hayatı hakkında verilen bilgilerle birlikte binlerce yıllık bozkır hayatının ilk örneklerini görme fırsatını buluruz. Bu yüzden bahsedilen bilgiler çok önemlidir. Daha sonraki devirlerde kaydedilen bilgi bu malumatı takip etmiştir.

Çin'in kuzey topraklarında yaşayan bu kavimler, bir yerde sürekli ikamet etmezlerdi. Bozkırlıların belki de ilk defa Çinliler tarafından tasvir edildiği bu bilgiler oldukça ilginçtir. Yani sosyal hayatın bildirilmesine rastlanılarak Avrasya'nın derinliklerinde yaşanan hayat tarzı ilk defa burada anlatılmaktadır. Hayat kaynakları olan su ve otları takip ederek yaşarlardı. At, sığır ve koyundan oluşan hayvan sürülerine bakarlardı. Eşek, katır, t'ao-t'u, t'ien-hsi gibi vahşi at cinsleri de bulunmaktaydı. Tarım yapmadıkları ifade edildiği gibi herkesin kendine ait toprağının bulunduğu bildirilmiştir. Yazıları veya çizileri bulunmadığı için söz ile anlaşma yaparlar; erkek çocuklar koyunlara binerek biniciliğe alışırlar; avcılığı öğrenmek içinde kuş ve farelere ok atarlar; biraz büyüyünce tavşan ve tilkilere nişan alırlardı [Onat 2020: 1; Baykuzu 2012: 24–25; Ercilasun 2019: 98].

Askerleri ise yay çekebilenler (gerebilenler) olarak nitelendirilmiştir. Ayrıca güçlü ve zırhlı süvariler olduklarına işaret edilmiştir. Gündelik hayatta hayvancılık ile iştigal edip, gerektiğinde yabani hayvanları avlarlardı. Bu bir tür savaş eğitimi şeklinde değerlendirilse de savaş durumlarında askeri eğitim yaparlardı. Sonuçta onların hayat tarzının bu olduğu anlaşılıyor. Uzun mesafeler için yay ve ok yakın için kama ve mızrak kullanırlardı. Kesin kazanacaklarını anladıklarında hızla sonuna kadar ilerlerler, zor durumda ise stratejik geri çekilme yaparlardı. Bu geri çekilme yüzünden herhangi bir utanma duygusu taşımadıkları vurgulanmıştır. Halbuki bu onların uyguladıkları bir savaş stratejisi idi. Çinliler gibi protokol ve görgü kurallarına uymadıkları belirtilmiştir. Aslında burada önemli olan Çinliler gibi sosyo-kültürel hayata sahip olmadıklarının vurgulanmasıdır [Barfield 1989: 315].

En yüksek mevkideki hükümdar da, en alt seviyedeki normal vatandaş da beslediği hayvanın etini yer, derisinden elbise yapar, kürkünü kullanırdı. Güçlülerin (gençlerin) etin daha çok enerji veren yağlı kısımlarını yaşlılar ise yağsız kısımları yiyerek beslenirdi. Yaşlı ve zayıfların küçük görüldüğü, güçlülere değer verildiği şeklindeki ifade doğru olmamalıdır. Burada sadece güçlü sağlıklı olanların savaşlara gittikleri için ayrıca bünyelerinin daha çok yiyeceğe ihtiyaçları olduğu, yaşlıların fazla kaloriye gerek duymadıkları için yemek tarzlarının farklılığından dolayı böyle bir değerlendirme yapılmıştır. Yoksa daha sonraki kaynaklarda bozkır geleneğinde yaşlılara, özellikle bilge ve tecrübelilere çok değer verildiği açıkça bildirilmektedir. Ayrıca üvey anne ve yenge ile evlenme adetleri de Çinlilere garip gelmiştir. Halbuki bunda aile birliğinin dağılmaması ve kadınların açıkta çaresiz ve kimsesiz kalmamalarının sağlanması esastı. Bunun yanında herkesin kullandığı özel bir ada sahip olduğu da kaydedilmiştir.

Hunların burada belirtilen sosyal hayatı tarih öncesi çağlardan beri yaşanıla gelen bir sosyal sistemin ifade edilişidir. Hunlar, Orta Asya bozkırlarında atalarından aldıkları gelenekleri devam ettirmektedirler. Atı evcilleştirdikleri ve bu geleneğe sahip oldukları için süvari savaş usullerini üst düzeyde geliştirmişlerdi. Mesela kullandıkları eyerler son derece hafif ata zarar vermeyen bir tür idi. Ayrıca sürücü için de gayet uygun durumda bulunuyordu. Üzengi daha görünmese de M.S. ki dönemde kullanılmaya başladılar. Atın mükemmel bir şekilde değerlendirilmesi uzak mesafelerin yakın olmasını sağladı. Böylece uzun seferler düzenleyebildiler. Yabancı kaynakların anlatılarına göre fırtına hızıyla ortaya çıkıp görünmez oluyorlardı. Kemikli refleks yay ise başka bir üstünlük kaynağı idi. Yüzlerce metre uzaktaki

bir hedef vuruluyordu. Ani saldırı ve ani kaçmak esas kurgu idi. Savaşın zora girdiği anlarda hızla geri çekiliyor, düşmanın dikkatini dağıtıp aniden dönüyorlar ve düşmanı dağıtıyorlardı [Taşağıl 2020: 27].

Yukarıda Hunları tasvir için Çinlilerin kullandıkları ifadeler, tarihin derinliklerinden itibaren bozkır kavimleri için karakteristiktir. Nitekim bozkırlı Türk kökenli halklar için yapılan bu tanımlamalar 20. Yüzyılın başına kadara süregelmiştir.

Mo-tu'nun Ataları Her ne kadar Hunların atalarının tarihini M.Ö. 2255'ler, hatta daha eskilere götürebilsek de somut belge ve bilgiler, M.Ö. 318'de başlar. Hun adının gerçek karşılığını ilk defa bu yılda görürüz. Bundan önceki devirler için kaplumbağa kabukları ve kemikler, daha sonra bambu üzerine yazılan metinlerde Hunların atalarının Çin'deki hanedanlarla ilişkilerine yer verilmektedir. Daha sonraki devirlerde de görüldüğü gibi Moğolistan'dan güney yönünde Ordos-Kansu koridoru Hunların atalarının Çin'e akın yoludur. Bu akınlar neticesinde Çin'deki ilkel tarıma dayalı Lung-shan kültürünün yerine bozkır özellikli Yang-shao kültürü ortaya çıkmıştır. Yang-shao kültürü demirin kullanımı, atın evcilleştirilmesi, Gök kültü gibi karakteri dolayısıyla bozkır özellikleri taşımaktadır. Bu kültürün siyasi sahnede en belirgin temsilcisi devletidir. Bozkır özellikleri taşıyan bu devlet zamanla çinlileşmiştir. Diğer taraftan M.Ö. 318 yılında bir anlaşma dolayısıyla en bilinen Hsiung-nu transkripsiyonu ilk defa kullanılmış ve bu durum bir daha değişmemiştir. Söz konusu olayın niteliği şudur: Çin'de *Savaşan Devletler Çağında* 14 beylik birbiri ile mücadele ediyordu. Bunların beş tanesi kuvvetliydi ve en kuvvetli olan Ch'in'e karşı Hunlardan askeri destek alabilmek maksadıyla Hunlardan yardım talep etmişlerdir. Fakat, Hunların desteğine rağmen Ch'in devletçiği başarı kazanmıştır. Hunlara karşı savaşlarda başarılı olamayan Çinliler, yüz yıl süren askeri reformlar yapmışlar, ordularını bozkır tarzında teşkilatlandırarak, eğiterek silahlandırarak onları durdurmaya çalışmışlardır [Ögel 2015: 1–112].

Bu dönemde Hunlar ile yakın ilişki içinde bulunan Chao devletçiği, onların saldırılarına karşı kendilerini korumak için M.Ö. 307 yılında askeri reformlara girişti. Kral Wu-ling'in emriyle yapılan reformlara göre Hunların askeri kıyafetinin giyilmesi kabul ediliyordu. Chao halkı Hunlar gibi ata binmeyi ok ve yay kullanmayı öğrendi. Hun tarzında reform sonuçlarını kısa sürede vermiştir. Yani Çinliler, Hunlardan bir tür teknoloji transferi yapmışlardır. Yüz bin atlıdan oluşan Hun ordusunu yenmeyi başarmışlardır. Bu bilgilerden anlaşıldığına göre Hunların bu devirde güneye doğru gelişmeleri Hun tarzında askeri reformlar yapan Çinliler tarafından önlenmiştir.

Aradan yaklaşık bir asır geçtikten sonra M.Ö. 227'de Hunların adını bir daha duyarız. Kuzey Çin'deki devletçikler arası çekişmelerde Hunlarla ittifak yapılması ihtiyacının duyulması Hunların önemli bir siyasi güç olduğunu göstermektedir. Bu arada M.Ö. 221 tarihine gelindiğinde bilinen ilk Türk hükümdarının adını öğrenebiliyoruz. Bugünkü Türkçemizde Teoman olarak yer bulan T'ou-man'ın adı geçer. Böylece gelişen olaylardan Hun tarihini daha detaylı öğrenme fırsatı buluruz.

Ch'in devletinin M.Ö. 221 tarihinde bütün Çin'in birleşmesini sağlaması ile Çin toprakları dağınıklıktan kurtuldu. Mağlup olan Hunların hakimiyet alanını kuzeye doğru çekmek durumunda kaldılar. Özellikle M.Ö. 214'te General Meng T'ien'in Ordos bölgesini Hunlardan alması, onların Çin topraklarında tutunmasını zorlaştırdı. Bu arada daha önce üç ayrı devlet tarafından inşa edilmiş olan savunma duvarlarını birleştirildi. Hatta öncekileri tamir etti ve batı ile doğuya doğru uzattı. Neticede Çin Seddi inşa edilmiş oldu.

Mo-tu'nun Ortaya Çıktığı Esnada Orta Asya'nın Doğusunda Siyasi Durum: M.Ö. 3. yüzyılın sonlarına yaklaşıldığında Hunların diğer komşuları da tarih sahnesinde belirginleşiyordu. Doğularına *Doğu Yabancıları* anlamına gelen Tung-hu'lar yaşıyorlardı. Biz bunları bilinen tarihte Tunguz diye adlandırıyoruz. Güneylerinde Çin'in kuzey batısında Kansu'da Yüe-chih kavmi bulunuyordu. Bunların kökenlerinin Hint-Avrupalı olduğu şeklinde tartışmalar söz konusudur. Dikkate değer bir konu da Ting-ling'ler'dir. Ting-ling'ler bu esnada Güney Sibirya'da Baykal Gölü'nden Yenisey Irmağını havzasını içine alacak şekilde Batı Kazakistan bozkırlarına uzanan geniş sahada yaşıyorlardı. Yaşadıkları bölgede sincabın çok olmasından dolayı bu hayvanın kürkünün ticaretini yaptıkları, dolayısıyla Tiyinli (sincaplı) (Ting-ling) anıldıkları şeklinde fikirler vardır.

Hunların doğu komşusu olan Tung-hu (Tunguz)'lar, Wu-huan ve Hsien-pi'ler olmak üzere iki ana gruba ayrılıyordu. M.Ö.3. yüzyılda Tung-hu toprakları İç Moğolistan'dan Mançurya'ya kadar uzanıyordu. Hun topraklarına yaptıkları akınlardan ve Mo-tu zamanında yürüttükleri politikadan bayağı güçlü oldukları anlaşılmaktadır. Ancak, M.Ö. 206'da Tung-hu'ları kesin bir yenilgiye uğratan Mo-tu, onların halkını, hayvan sürülerini ele geçirdi.

Bu yenilgiden sonra Hsien-pi ve Wu-huanlar İç Moğolistan'ı terk ederek Mançurya'nın doğusuna gittiler. Bugünkü Şira Müren ve Liao-ho Irmağının bulunduğu bölgeye yerleştiler. Yine de Hun baskısından kurtulamamışlardı.

Her yıl onlara vergi olarak, sığır, at, koyun ve samur kürkü yolluyorlardı. Vergilerini yollamadıkları takdirde Hunlar tarafından baskına uğranıp yağmalanıyorlardı. Bu durum aşağı yukarı milad yılına kadar devam etmiştir [Taşağıl 2020: 44–45].

Mo-tu'nun babası T'ou-man: Aradan geçen yıllar içinde Hun tarihi açısından önemli bir gelişme meydana geliyordu. Çünkü, M.Ö. 221'de ilk defa bir Hun hükümdarı (şanyü) tarihi kaynaklara geçiyordu. Adı da T'ou-man idi. Hunlarda hükümlarlık ünvanı olarak Shan-yü (orijinal okunuşu Ch'an-yü) kullanılmaktadır. Sonsuz yüce genişlik anlamlarına geldiği şeklinde fikirler olsa da kesin sonuca varmak imkansızdır.

Dolayısıyla adı bilinen ilk Hun hükümdarı (ch'an-yü'sü) T'ou-man'dır. Hükümdarlığa başlama tarihi kaynaklarda bildirilmese de M.Ö. 221 yılında Hun tahtında görülen T'ou-man, M.Ö. 209 yılında ölümüne kadar hükümdarlığını sürdürmüştür. Onun vaktinde Çinliler Hunları yenerek Kuzey-batı Çin'den çıkarmışlardır. Söz konusu geri çekilme Orhun, Selenga, Onon, Ongin gibi ırmakların havzalarında yani Ötüken ve Moğolistan coğrafyasında Hunların nüfus açısından yoğunlaşıp güçlenmelerine sebep olmuş; gelecekteki büyük imparatorluğun temeli atılmıştır.

Babası ve üvey annesinin entrikalarına rağmen kendisine kurulan tuzaklardan kurtulan Mo-tu (Bahadır), M.Ö. 209'da babasını öldürüp Hun tahtına çıkmıştır. Bundan sonra derhal devletini güçlendirmeye girişen Mo-tu, önce doğuda kendini tehdit eden Tung-hu'ları, daha sonra güneydeki Yüe-chih'ları yenerek, rakipsiz olduğunu göstermiştir. Akabinde kuzey batı Çin'deki atalarının eski topraklarını alarak devletini özellikle ekonomik açıdan kuvvetlendirmiştir. Bunun yanında Orta Asya'da Kırgızlar, Ting-ling'ler gibi 26 boy ve devletçiği kendine bağlayarak Hun devletini geniş bir imparatorluk haline getirmiştir. M.Ö.201 yılında kendisinden en az dört kat büyük orduya sahip Çin imparatorunu kuşatarak, büyük bir tehlike yaşatmış, yarattığı korkunun etkisinden dolayı yüzden Çin kaynaklarında en az bin yıl sürecek ölümsüzlüğe kavuşmuştur. Kendisi 26 devlet ve beyliği itaat ettirdiğini açıklamaktadır. Devletin sınırları Kore'den, Aral Gölüne Baykal Gölünden Çin Seddine, Doğu Türkistan'ı içine alacak şekilde Tibet'e ulaşmıştır. Tamamını işgal edecek gücü olduğu halde Çin'i ele geçirmemiş; ancak, kendi ekonomisini güçlendirmek maksadıyla üstünlüğünü tanıtmış ve vergiye bağlamıştır [Ögel 2015: 177–181].

Mo-tu'nun Hükümdarlık Tahtına Oturması (Bagatur/ Bahadır): Mo-tu'nun tarih sahnesinde yer aldığı dönemde Çin'de Han hanedanı ortaya çıkıyordu. Yaklaşık 400 yıldan fazla süren Han hanedanı bütün eski Çin'i kaplayan gerçek çinliliğin temelini atma başarısı göstermiştir. Sonradan gelen hanedanların hepsi bir şekilde onların kurduğu devlet geleneği üzerinde yükselmişlerdir. Kurumsal ve geleneksel Çin yönetiminin temelleri bu dönemde şekillenmiştir. Bundan dolayı Çin tarihindeki 25 hanedanın birincisi sayılırlar ki, bu çok doğrudur. Shih-chi, Han Shu, Hou Han Shu gibi tarihi kaynak eserleri bu hanedan dönemine aittir. Nitekim Çin tarihinde tarih yazımının gerçek anlamda bu devirde başladığını da söyleyebiliriz.

Hem Türklerin hem de Çinlilerin tarihinde çok etkili roller oynadığı için, onun tahta çıkışı kaynaklarda hikayemsi bir biçimde biraz abartılı anlatılmıştır. Babasının en büyük oğlu olan Mo-tu tahtın en büyük varisiydi. Ancak, babası üvey annesinin de tahrikiyle başka bir oğlunu tahta geçirmek için onu Yüe-chih'lara rehin olarak yolladı.

Halk tarafından çok sevildiği anlaşılan T'ou-man'ın oğlu Mo-tu'nun yükselişini üvey anne engellemek istedi. Çünkü, o kendi küçük oğlunu tahta geçirmek istiyordu. Halbuki ilk hatundan doğduğu için geleneklere göre tahta en uygun aday Mo-tu idi. Üstelik halk tarafından da çok sevilmesi artı bir durumdu. Bilindiği gibi hükümdarlık unvanı ch'an-yü olan Hunlarda, eşi Yen-chih (shih) unvanını taşırdı. Bu Türk tarihinde görülen ilk birinci kadın unvanı olması açısından dikkat çekici bir özelliktir.

Mo-tu'nun rehine olarak yollanması babası açısından ondan kurtulmanın en kolay yolu idi. Çünkü halk tarafından çok sevilen Mo-tu'yu sebepsiz yere ortadan kaldırmak babası T'ou-man'ı zor durumda bırakırdı. Mo-tu'nun rehine gönderilmesi Çince metinlerden çok açık şekilde anlaşılmaktadır. Hükümdar oğullarının rehine olarak gönderilmesi dünyanın değişik yerlerinde de görülen bir uygulamadır. Bilindiği gibi daha çok birbirine denk güce sahip ülkeler rehine alma ya da verme suretiyle kendi aralarında güven ortamı yaratır ve barış sağlanırdı.

Askerî Birliğin Başına Getirilmesi Amacı Mo-tu'yu Yüe-chih'lara öldürtmek olan T'ou-man, oğlunu gönderdikten sonra kendisi Yüe-chih'lara saldırı düzenledi. Böylece Mo-tu kolayca onlar tarafından ortadan kaldırılacak kendisi de Hun kamuoyuna hesap verebilecekti. Ne var ki, Yüe-chih'lar daha onu öldüremeden, onların en iyi ve ünlü atlarından birini çalarak kaçtı. Kaçarken bindiği at muhteşem tanımlanmıştır. Günde bin li (576 km) koşabildiği söylenmektedir. Mo-tu'nun rehinliğinin ne kadar sürdüğü konusunda kaynaklarda herhangi bir bilgi bulunmamaktadır. Girişimi başarısız olsa da T'ou-man oğlunun geri gelişine memnun olmuş gibi göründü. Onu 10 bin kişilik bir birliğe komutan tayin etti.

Oğlunun başarılı ve inanılmaz bu hareketinden şaşıran babası 10 bin süvarilik bir okçu birliği ona verdi. Ona verilen onbin kişilik birlik devletin sahip olduğu 24 tümenden biri idi. Mo-tu, bu birliği sıkı disiplin içerisinde eğitime tabi tuttu.

Bu arada Mo-tu ıslık çalan bir ok (çavuş oku) yaptı Kendi okçu atlılarına eğitim yapmalarını, ayrıca bir buyruk çıkararak emretti. Bundan sonra özenle yetiştirdiği özel ordusuna şöyle dedi: Islıklı ok nereye atılırsa herkes kendi okunu aynı hedefe atacaktır. Okunu bu hedefe atmayanların başları kesilecektir.

Bundan sonra Mo-tu ava gitti. Avda Mo-tu'nun ıslıklı okunu attığı hedefe ok atmayanların başları hemen orada kesildi. Bundan sonra da Mo-tu bir gün kendisi ünlü ve iyi cins atına ıslıklı bir ok attı. Fakat, sağında ve solunda bulunan bazı askerler Mo-tu'nun atına ok atma cesaretini gösteremediler. Bunun üzerine Mo-tu harekete geçti ve hep birlikte aynı hedefe ok atmayanların başlarını yine hemen kestirdi. Görüldüğü gibi bu bilgiler abartılı hikayemsi bir şekilde kaynaklara sirayet etmiştir. Aslında burada uygulanan aşırı yoğun sıkı bir eğitimin tasvir edilmesi söz konusudur.

Yine orada Mo-tu, çok sevdiği kadınlarından birini gözleyerek kadına ıslıklı bir ok attı. Fakat yine çevresindekilerden bazıları korkup ürktüler. Bu sebeple hatuna ok atmaya cesaret edemediler. Onların da başları hemen Mo-tu tarafından kesildi [Ögel 2015: 152].

Hunlarda önceden beri çocuklar koyunlara binip, kuşlara, gelinciklere ve farelere ok atarlardı. Savaşçıların güç ve yetenekleri, yay çekmelerindeki ustalıkları ile ölçülürdü. Erkekler savaş için eğitim yaparlardı Çok ani baskın ve taarruzlarda bulunurlardı. Bu onların doğuştan karakterleridir.

Bilindiği gibi bozkırlarda askeri eğitimin temeli ok atıcılığı idi. *Mo-tu'nun babası devletin hükümdarı T'ouman ile çıktığı devletin resmi avına bütün askeri birlikler katılmıştı.*

Öyle ki, kendisinin attığı ıslık çıkartan oku attığı her hedefe adamları da atacaklardı. Böyle yapmayanlar derhal orada öldürülüyorlardı. Mo-tu, önce en sevdiği atına, daha sonra en sevdiği karısına ok attığında, onun gibi yapmayanların hepsini öldürdü. Daha sonra babasının en sevdiği ata ok attığında herkes atmıştı. Sonuçta uygulanan sıkı eğitim hedefine ulaşmış disiplinli bir ordu meydana gelmişti.

Neticede Mo-tu her bir bireyinin çok sıkı bir disiplinle eğitilip yetiştirilmesinin hedeflediği 10 bin kişinin kendi istediği gibi yetiştiğine kanaat getirdi. Artık uygulamayı planladığı hedeflere doğru ilerleyebilirdi.

İhtilalin Başarıya Ulaşması Nitekim bundan sonra tasarladığı ihtilali yaparak babasını öldürdü. Olay şöyle gerçekleşti: *Mo-tu devletin hükümdarı T'ou-man liderliğinde çıkılan bir ava katıldı. Av esnasında ıslıklı okunu babası T'ou-man'a attı. Mo-tu'nun sağında ve solunda bulunan bütün adamları da hep birden onu takip ederek T'ou-man'a ok attılar. Bundan sonra üvey annesi ile küçük kardeşini ve kendisini istemeyen bütün devlet adamlarını öldürdü. Sonra kendisini ch'an-yü olarak tahta çıkardı.*

Daha önce kendisine komplo düzenleyen devlet adamları da onun gazabından kurtulamadı. Böylece Hun İmparatorluğunun başına güçlü bir şekilde oturmuş oluyordu. Nihayet ülkesi içinde kontrolü sağlayan Mo-tu artık gözünü dış politikaya çevirdi.

Doğu Politikası Hunların doğu komşusu olan Tung-hu'lar Wu-huan ve Hsien-pi'ler olmak üzere iki ana gruba ayrılıyordu. M.Ö.III. yy.da Tung-hu toprakları İç Moğolistan'dan Mançurya'ya kadar uzanıyordu. Hun topraklarına yaptıkları akınlardan ve Mo-tu zamanında yürüttükleri politikadan oldukça güçlü oldukları anlaşılmaktadır. Ancak, M.Ö. 206'da Tung-hu'ları kesin bir yenilgiye uğratan Mo-tu, onların halkını ve hayvan sürülerini ele geçirmişti.

Bu yenilgiden sonra Hsien-pi ve Wu-huanlar İç Moğolistan'ı terk ederek Mançurya'nın doğusuna gittiler. Bugünkü Şira Müren ve Liao Irmağının bulunduğu bölgeye yerleştiler. Her ne kadar uzaklaşsalar da yine de Hun baskısından kurtulamamışlardı. Her yıl onlara vergi olarak, sığır, at, koyun ve samur kürkü yolluyorlardı. Eğer vergi vermezlerse Hunlar onlara saldırıp, çocuk ve kadınlarını yağmalıyorlardı. Onların üzerindeki Hun baskısı yaklaşık miladın ilk yıllarına kadar devam etmiştir.

Olaylar şöyle gelişti: Hunların doğu sınırındaki komşuları Tung-hu'lar o sırada çok kuvvetli idiler. Mo-tu'nun bir ihtilal yaparak babasını öldürüp tahta geçtiğini duyunca, kendi güçlerini kullanıp onu baskı altına almak istediler. Çünkü Hunların zayıf olmalarına ve kendilerinin güçlerine güveniyorlardı. Bunu da üç aşamada göstermek istediler. Önce atını, sonra eşini, sonra da vatan toprağını talep edeceklerdi. Mo-tu'dan önce çok değerli bir atını, sonrada kadınlarından birini istediler.

Mo-tu, devletin ileri gelenlerinin hepsini toplantıya çağırdı. Onlar soru karşısında Mo-tu'ya şöyle dediler: Bin li koşabilen at, Hunların değerli bir atıdır. Verilemez. Bunun üzerine Mo-tu, komşu devleti bir attan nasıl üstün tutarız dedi. Sonra atı Tung-hu'lara verdi.

Aldıkları tavizle yetinmeyen Tung-hu'lar daha da il-

eri gidecek hamle yaptılar. Tekrar elçi göndererek hatunlarından birini kendilerine göndermesini talep ettiler.

Mo-tu, yine devletin ileri gelenlerini topladı. Devlet adamları çok kızarak "Tung-hu'larda ahlakın olmadığını, şimdi de hatun(Yen-chih)u istediklerini, bu yüzden onlara savaş açılması gerektiğini" söylediler. Mo-tu, bu defa da bir hatun kişiyi komşu devletten üstün tutamayacaklarını söyleyerek, çok sevdiği hatununu Tung-hu'lara verdi.

İstedikleri ağır tavizleri koparan Tung-hu'ların azgınlıkları daha da arttı. Aslı niyetleri Hunlar ile savaşa tutuşmak idi. Hun ve Tung-hu ülkeleri arasında otsuz, işe yaramayan boş bir arazi vardı. Hiç kimse burada yaşamazdı. Çevresinin ölçüsü 1000 li kadar olan bu sahanın çevrelerinde her iki ülke insanları ömür sürerdi. Burada Hunların bir ordugahları (ou-t'ou/otağ) bulunuyordu.

Tung-hu'lar, elçi göndererek bu çorak araziyi talep ettiler. Tekrar devlet meclisini toplayan Mo-tu, durumu gündeme getirdi. Ancak, bu sefer devlet adamları arazinin gereksiz olduğunu hiç bir işe yaramadığını ifade ettiler. Mo-tu onların bu tepkisine çok kızdı ve şöyle dedi: toprak devletin temelidir. Burasını nasıl onlara hediye edebiliriz. Sonra toprağı verelim diyenlerin hepsinin başlarını kestirdi [Lattimore 1992: 340–344].

Sonuçta Mo-tu devlet adamları ile durumu müzakere ettikten sonra ikisini de fazla direnmeden vermişti. Çünkü, bahsettiğimiz gibi Tung-hu'lar bu dönemde çok kuvvetliydiler ve Hunlardan güçlü olmasa da en azından onlara denktiler. Hun İmparatorluğu tahtına yeni çıkan Mo-tu'nun bir stratejik oyalama taktiği güderek, düşmanları yenilecek hale getirdiği ya da beklediği değerlendirilebilir. Ancak Tung-hular Mo-tu'nun ondan korktuğunu düşünerek daha cüretkarlaşıp, iki ülkenin arasındaki bir bölgeyi de isteyince, Mo-tu çok kızmıştı ve beklemedikleri bir anda Tung-hu'lara saldırıp, onları hazırlıksız yakaladı ve mağlup etti. Hükümdarlarını öldürdü ve çok sayıda esir ile hayvan ele geçirdi. Mo-tu önce Tung-hu'lara kendini zayıf tavizkar göstermiş; onların yanılgıya düşerek rahat davranmalarını sağlamıştı. Sonuçta yanlış öngörüde bulunarak Mo-tu'yu küçümseyen Tung-hu'lar, ondan beklemedikleri ağır bir baskın yiyince sahip oldukları halklarının mallarının ve değerli şeylerinin Hunların eline geçmesine engel olamadılar.

Tung-hu'lar, Mo-tu'dan çok ağır darbe yemişlerdi. O devirde çok güçlü bir durumda bulundukları anlaşılan Tung-hu'lar Hun baskınına karşı koyamamış yenilmişlerdi. Kaynakların çok açık ifadesine göre aslında kendi güçlerine güvendikleri için Hunları küçümsemişlerdi ve herhangi bir hazırlıkları bulunmuyordu. Yenilgiye uğrayan Tung-hu'ların arta kalanlarının bir kısmı Wu-huan Dağlarına sığındı. Bundan dolayı bundan sonra Wu-huan olarak adlandırıldılar. Onlardan ayrılan diğer grup Tung-hu ise Hsien-pi Dağlarına ulaştı ve bu dağın adıyla anılmaya başlandı. Böylece Moğolistan'ın doğusu ve Mançurya tarihin akışı değişti [Taşağıl 2020: 45–46].

Neticede galibiyeti elde eden Mo-tu'nun hakimiyeti Doğu Moğolistan ve Jehol'a kadar genişliyordu.

Belki de ilerleyen zamanlarda Hunların doğu sınırları Büyük Okyanus'a kadar ulaşmıştı. Bu konuda kesin hüküm vermek mümkün değilse de olayların gelişiminden böyle bir sonuç çıkarabiliriz. Dolayısıyla doğuda yaşayan bütün kabileler yıllık vergiye bağlandı. Yıllık vergi olarak sığır at ve koyun ödedikleri bildirilmektedir. Eğer talep edilen vergi ödenmezse kadınlar ile çocuklarına köle olarak el koyarlardı şeklinde kayıtlar da bulunmaktadır.

Aradan yaklaşık 130 yıl gibi bir süre geçtikten sonra Wu-huan'lar ancak kuvvetlenerek eski güçlerine kavuşacaklardı. Ancak 130 yıl gibi uzun süre sonra kuvvetlenebilmeleri, yedikleri darbenin ağırlığına işaret etmektedir. Hun hükümdarı İ-yen-ti devrinde (M.Ö. 85–68) gerçekleşen olaylarda Hun mezarlarına saldırılmıştı. Bu duruma çok tepki gösteren İ-yen-ti 20 bin kişilik süvari ordusunu onların üzerine yollamış ve ağır bir bozguna uğratmıştı.

Yüe-chih'ların Batıya Sürülmesi Bahsettiğimiz zaferi takiben, Mo-tu güney batıya yöneldi ve Yüe-chih'ları yendi, sonra güneyde Ch'in yönetimi altında Çin tarafından zapt edilmiş Hun topraklarını geri almayı başardı. Burada Hunların Ordos bölgesini yeniden işgal edebileceklerini açıklamaya yardımcı olarak iki açık sebep söz konusudur. Birincisi, Çinli General Meng T'ien'in ölümüydü. Birincisi önceki imparatorun zamanında, Meng T'ien Çin Seddi'ni savunmak için 300 binden biraz fazla sayıda bir orduya kumandanlık etmişti. Karargahı bugünkü İç Moğolistanda olan Shang Kumandanlığı'ndaydı. Bu mevki, savunma için başlıca bölgenin Ordos olduğunu belirtiyordu. Ancak, Meng T'ien, M.Ö. 210 yılında intihar etmeye zorlandıktan sonra, Ordos bölgesindeki savunma sistemi tamamen çözüldü. İkincisi, Birinci imparatorun zamanında, çok sayıda Çinli bu araziyi doldurmak ve sınırı müdafaa etmek için Ordos bölgesinde göçe mecbur tutulmuştu.

Ülkelerinde iç savaşın çıkması neticesinde bütün Çinli halk kendi memleketlerine dönünce boş kalan topraklara kolayca Hunlar girdi.

Mo-tu'nun tahta çıktığı esnada bir başka önemli güç ve de komşuları Yüe-chih'lar idi. Öncelikle Yüe-chih'ların epey kuvvetli oldukları anlaşılmaktadır. Ancak, Mo-tu

hükümdarlık makamına oturduktan sonra Yüe-chih'lara saldırıp hükümdarlarını öldürdü. Doğudaki komşuları Tung-hu'ları yok ettikten sonra güney batılarındaki Yüe-chih'ların mağlup edilmesi, Mo-tu'nun önemli bir rakiplerinin ortadan kaldırılmasıydı. Neticede Çin'deki Han hanedanı gibi büyük bir düşmanla karşı karşıya gelmeden önce ikinci büyük rakibini alt ediyordu.

Bununla da kalmayan Mo-tu, Sarı Irmağın güneyindeki Lou-fan ve Pai-yang'ı da ele geçirecek, arkasından ordusu Ch'ao-na ve Fu-shih'ya kadar ilerleyecekti. Nihayet, Yen ve Tai eyaletleri de Hun saldırılarından kurtulamayacaktı. İşte, Yüe-chih galibiyetinin aslında anlamı Kansu koridorunun açılması demekti. Mo-tu, Çinli general Meng T''ien'in ele geçirdiği toprakları bu seferler neticesinde geri almayı başarıyordu.

Çin'in Kansu ya da genel olarak kuzeybatısında yaşayan Yüe-chih'ların Mo-tu'nun Çin üzerine düzenleyeceği akınlara önemli bir engel olduğunu anlıyoruz. Ancak, Yüe-chih'ların hızla güçlenen Mo-tu'ya karşı direnmeleri söz konusu olamazdı. Nitekim öyle de gerçekleşti. Orta Asya'yı geçerek Afganistan'a göç eden Yüe-chih'lar, bu bölgede çok önemli tarihi roller oynaycaklardır.

Yüe-chih'lar bu esnada ve sonrasında Tun-huang ile Ch'i-lien Dağları arasında yaşıyorlardı. Ağır bir yenilgi alan Yüe-chih'lar bu bölgede daha fazla tutunamadılar. Aralarındaki savaş çok kanlı geçmişti. Yüe-chih'lar Hunların karşısında aldıkları yenilgi sonrası batıya doğru çekileceklerdir.

Uğradıkları yenilgilerinden sonra batıya Fergana bölgesine kadar göç eden Yüe-chih'lar burada da tutunamayıp Toharistan'a gittiler. O bölgeyi işgal edip orada yaşamaya başladılar.

Yüe-chih'ların üzerine M.Ö. 176 yılında Hunların Sağ Bilge Prensi ikinci bir akın daha gerçekleştirdi.

Yüe-chih'ların ortadan kaldırılmasıyla güney yönünde önü açılmıştı. Çünkü, onlar varken Çin üzerine yapılacak herhangi bir seferde zor durumda kalınabilinirdi. Böyle Çin ile doğrudan cephe alarak tek başlarına kaldılar.

Çin Seferlerinin Başlaması Bundan sonra Çin topraklarına giren Mo-tu, güneye doğru ilerledi. Lou-fan ile Sarı Irmağın güneyinde bulunan Pai-yang krallıklarını işgal etti. Arkasından doğuya yönelerek Yen ve Tai bölgelerine ilerledi. Babası T'ou-man zamanında kaybedilen eski Hun topraklarını geri almayı başarmıştı. Meng T'ien adlı general M.Ö.215 ve takip eden yıllarda Yin Dağlarındaki geçitleri ve Sarı Irmağın güneyindeki bazı yerleri Hunlardan aldığı ve onları kuzeye sürdüğü topraklar tekrar Hunların kontrolü altına giriyordu. Neticede P'ing-liang'dan Fu-shih'ya kadar Hun toprakları genişlemiş oluyordu. Bunun yanında ticari ve askeri stratejik değeri olan noktalar da Hunların eline geçti.

Kazandığı bu başarılardan sonra kaynaklarda Ch'un-wei zamanından beri en kuvvetli durumuna çıkardı ifadesi Mo-tu'nun kazandığı başarıları efsanevi devirlere kadar 2000 yıl öncesine götürmektedir.

Artık, ordusu 300 bine ulaştığı bildirilen Mo-tu, Çin'e üstünlüğünü açık bir şekilde kabul ettirmişti. Kaynaklar Çin ordusunun Hunlarla savaşmaktan yorgun düştüğünü bildirmektedir. Han Shu'da anlatılan Ch'un-wei'den T'ou-man kalesine kadar Hunların bazen güçlenip bazen zayıfladıklarının bildirilmesi ilgi çekicidir. Şimdi Hunlar çok güçlenmişlerdi ve bütün kuzey kavimlerini kendilerine bağlamışlardı. Dolayısıyla Çinliler onları daha teferruatlı kaydetmeye başladılar.

Orta Asya Birliğinin Sağlanması Doğudaki, güney ve güney batıdaki düşmanlarına karşı üstün başarılar elde eden Mo-tu, yönünü batı ve kuzeye çevirdi. Bunda amacının Orta Asya'da birliği sağlamak olduğu çok açıktır.

Aslında onun bu eylem sırası Eski Türk dünya hakimiyet telakkisi ile doğrudan uyuşmaktadır. M.Ö 201 öncesi tamamlanan faaliyetlerde Orta Asya ve Sibirya'nın derinliklerinde yaşayan bozkır toplulukları Büyük Hun İmparatorluğuna katılmıştır.

Kaynaklarda kuzeye döndü ifadesinden sonra sırasıyla Hun-yü, Ch'ü-she, Ting-ling, Ke-k'un ve Hsin-li gibi boy ve ülkeleri kendine bağladı.

Hun devletinin ileri gelenleri ve memurlarının hepsi ona bağlandı. Bu akınlar M.Ö. 203 öncesinde tamamlanmış olmalıdır. Kuzeye gittikten sonra batıya dönmüş, sonra Kuca'yı almıştı.

Bu bilgilerle birlikte Türk tarihinin adeta temelini oluşturan boylar ve boy kavramıyla karşı karşıya geliyoruz. Tarihi kaynaklarda yer alan boy ya da boy grupları daha sonraki devirlerde farklı adlar altında devam edecek boy toplulukları meydana çıkmıştır. Daha doğrusu zaten var olan boylar hakkında bilgi sahibi olabiliyoruz. Hakimiyet merkezi her devirde Moğolistan olduğu halde Orta Asya'nın geniş bozkırlarını kaplayan boylar Türk Dünyasının temelini oluşturmuştur. Dolayısıyla Türk tarihinin temelini anlamak için bunları ayrı bir başlık altında incelemeyi uygun gördük.

Çin'de Değişim Mo-tu'nun sahne almasıyla Hunların sıçrama yaparak büyük bir yükselişe geçtikleri sırada Çin tarihinde de dikkate değer bir değişim yaşanıyordu. Bu değişim daha sonraki asırlarda Çin milletine ad verecek olan Han hanedanının ortaya çıkmasıdır. Yani Mo-tu'nun

tahta geçişine paralel olarak, M.Ö. 206 yılında Çin'in ilk büyük hanedanı Han kurulmuştu. Onların yeni yükselen hanedanına karşı aynı esnada Mo-tu'nun gücü Orta Asya'da hızla yayılıyordu. Zirveye çıkan söz konusu bu güç, takip eden yaklaşık dört asır birbiri ile mücadele edecektir. Kısacası Han hanedanı Çin'de kendinden sonra gelenler için model haline dönüşürken, aynı modeli bozkırda Hunlar oluşturacak ve kendinden sonra gelenleri derinden etkileyecekti.

Önce doğuda Tung Hu'ları, daha sonra Yüe-chih'ları mağlup eden Mo-tu, iki yakın rakip gücü kendisi için tehlike olmaktan çıkarmakta hiç zorlanmamıştı. Arkasından çok geçmeden Orta Asya'nın geniş bozkırlarında yaşayan boyları kendine itaat ettirdi. Bu boylar Moğolistan'daki merkezine göre batıda bulunan boylardı. Tarihte ilk defa bozkır boylarının birliği böylece gerçekleşiyordu. Bu arada Çin'de taht değişikliği olmuş Han hanedanı kurulmuştu (M.Ö.206) Çin tarihinin ilk büyük imparatorluğu haline dönüşecek bu devlet gerçek anlamda çinliliğin başlangıcı sayılmaktadır. Artık iki büyük güç Asya'nın doğusunda karşı karşıya gelerek, uluslararası siyaseti şekillendireceklerdi. Nitekim karşılıklı ilk çatışma fırsatı çok geçmeden doğdu [Lebedynsky 2007: 156–167].

Çin İmparatorunun Kuşatılması Hun saldırılarına karşı durabilmek maksadıyla İmparator Kao-tsu, bazı tedbir alma faaliyetlerine girişti. Han bölgesi kralı (prens/idarecisi) Hsin'i Ma-i bölgesinde M.Ö. 201 yılında sınırlarını Hunlara karşı korumak için gönderdi. Aynı yılın sonbaharında uzun süre Mo-tu'nun güçleri tarafından kuşatma altına alınan Hsin, barış için birkaç defa Hunlara elçi yolladı. Onun sık sık Hunlarla ilişki kurması, Han hanedanı imparatoru tarafından hain olarak suçlanmasına yol açtı. Durumu kavrayan Hsin kendisinin öldürüleceğinden korkarak Ma-i şehrini Hunlara teslim etti. Hatta T'ai-yüan şehrini de ele geçirmelerine yardım etti. Aleyhine gelişen bu durum üzerine büyük bir ordunun başında sefere çıkan Han imparatoru Kao-tsu, Hunlarla savaşmak için Ping-ch'eng'a(Tatung'da) kadar ilerledi. Çin imparatorunun ordusu 300 bin kişiden fazlaydı. Mo-tu, çok iyi bir strateji uygulayarak Çin imparatorunu daha ordusunun tamamı gelmeden sıkıştırdı ve kuşatma altına aldı. 7 gün bu zor durumda kalan İmparator, Mo-tu'nun kuşatmayı açması sonucu bir yerden kaçarak kurtuldu. Neticede zor durumda kalan Çin imparatoru ağır tavizler vermek suretiyle Mo-tu ile anlaşma yapmak zorunda kaldı. Artık Hunlar, Çinlilere askeri açıdan daha üstün durumda olduklarını hissettirmişlerdi. Özellikle hızlı hareket eden süvarilerle hücum etmeleri Çinlileri şaşırtarak morallerini bozup savaştan yıldırmıştı. Ortaya çıkan bu durum yani Çin'e karşı Hun üstünlüğü uzun süre böyle devam edecekti.

Çin toprakları üzerinde hakimiyeti tesis etme aşamasındaki Han hanedanının imparatoru Kao-ti, Han prensi Hsin'i Ma-i'ye yollayarak Tai eyaletinde görevlendirdi. Hunlar kendilerine yakın konumdaki bu bölgeye akın düzenleyerek Ma-i'yi kuşatma altına aldılar. Durumunun çaresizliğini anlayan Prens Hsin, Hunlara teslim olmak zorunda kaldı. Ancak, Hunlar ele geçirdikleri Ma-i toprakları ile yetinmediler. Çin'in içlerine doğru yürüdüler. Kou-chu Dağı kolayca geçildi. Nihayet T'ai-yüan'e hücum edip Chin-yang'a ulaştılar.

Hızla gelişen Hun saldırılarını durdurmak üzere 320 bin askerden meydana gelen ordusu ile savaşa hazırlanan Çin'deki Han hanedanı imparatoru bölgeye geldi. Bu arada hava soğumuş, Çin askerleri etkilenmeye başlamıştı. Kaynaklar her on askerden iki ya da üçünün parmaklarının düştüğünü bildirmektedir.

Diğer yandan Mo-tu'nun asker sayısı ise 400 bin (HS'da 300 bin) olarak ifade edilmektedir. Kanaatimizce bu rakam abartılıdır. Çinli tarihçiler daha sonraki devirlerde de Türk ordusunun asker sayısını 400 bin süvari ile verirler. Genelde Türklerin güçlü oldukları zamanlarda orduların asker sayısı bu şekilde yani 400 bin sayısıyla tanımlanmıştır. Bazen süvari yerine yay çeken ifadesi de kullanılır. Ordusunun kalabalıklığına rağmen Mo-tu geri çekilmeye başladı. Hun hükümdarı stratejik bir hamle daha yapmış; askerlerinin zayıf ve savaşamayacak olanlarını Çinlilerin görebileceği yerlere yerleştirmişti. Amacı askerlerinin güçsüz olduğu izlenimini vermekti. Böylece Çin ordusu kendini güvende hissederek Hun ordusunu takibe devam etti.

Mo-tu, Chü-chu dağının kuzeyindeki Tai vadisinde mevzilenmişti. Chin-yang şehrinde karışıklıklar devam ederken yardım için o bölgeye ulaşan Hun öncüleri başarılı olamadı. Hun kumandanı Hu-pai-ti Çinlilere esir düşerek öldürüldü. Aslında Hunlar geri çekiliyorlardı. Lou-fang üç yerleşim yerini yağmalayan Hunlar, Çin imparatorunu oraya çekmeyi başardılar. Yine bozguna uğramış gibi görünen Hun öncüleri Mo-tu'nun bulunduğu yere ulaştı. Yolladığı on kişilik elçi heyetine kendini zayıf gösteren Mo-tu hedefine ulaştı. Bu arada durumun farkına varan bir başka elçi, imparatora gerçeği bildirse de inandıramadı. P'ing-ch'eng şehrinin yakında Pai-teng Dağında tuzağa düştü.

Neticede Çin imparatoru daha yaya askerlerinin tamamı toplanmadan P'ing-ch'eng'a ulaştı. Geri çekilmesini tamamlayan Mo-tu ileri harekete geçti. Pai-teng Dağında Çin imparatorunun ordusunun etrafını sardı. Artık kuşatma başlamıştı. 7 gün boyunca kuşatılan Çin ordusuna herhan-

gi bir yardım gidemedi. Yiyecek vesair ihtiyaçları da temin edilememişti. Bu arada Türklerin tarihi yön kavramlarıyla ilgili ilginç bilgiler kaynaklarda anlatılmaktadır. Doğudaki Hun ordusunun atlarının gök yüzü renginde (gri), güneydekilerinin doru (al), batıdakilerinin kır (beyaz) kuzeydekilerin yağız atlardan oluştuğu bildirilmektedir. Bence çok sayıda anektodal anlatıma şahit olduğumuz bu devirde atların rengi değil askeri birliklerin flamaları söz konusu edilmiştir. Ya da böyle bir değerlendirme de dikkate alınmalıdır.

Çin imparatoru girişeceği herhangi bir çarpışma ile kuşatmadan kurtulamayacağının farkına varmıştı. Gizlice Mo-tu'nun hatununa adam yollayarak çok fazla hediye takdim edildi. Hediyelerden memnun kalan ve çok etkilenen hatun (yen-chih) hükümdar kocasına *"iki hükümdarın birbirine karşılıklı zorluk çıkarmamalarını, şimdi Han (Çin) topraklarını ele geçirseler dahi sonsuza kadar buralarda oturamayacaklarını, ayrıca Han imparatorunun koruyucu ruhları bulunduğunu, Ch'an-yü'nün bunu mutlaka dikkate alması gerektiğini"* söyledi.

Bu sırada kendisine teslim olan Han prensi Hsin'in iki generali Wang Huang ve Chao Li'nin söz verdikleri halde Mo-tu ile buluşmaya gelmemeleri de Hun hükümdarının dikkatini çekip şüphelenmesine yol açmıştı. Bunun üzerine karısının sözlerinin uygulanmasına karar verdi. Kuşatmayı bir köşeden açtı. Çin imparatoru buna rağmen çok endişelenip herhangi bir saldırıdan çekindiği için temkini elden bırakmayarak askerlerine ok ve yaylarını hazırlamalarını emretti. Neticede açılan köşeden dikkatlice çıkarak kuşatmadan kurtuldu.

Çinlilerin Vergiye Bağlanması Mo-tu da ordusunu geri çekerek savaş alanından uzaklaştı. Her iki ordu bu şekilde savaş durumunu terk ederken Han imparatoru Liou Ching'i akrabalık yoluyla barış anlaşması yapmak üzere Hun ülkesine yolladı.

Çin ülkesinin genişliği nüfusunun yoğunluğu ikliminin nemli ve sıcak oluşu bozkırlılar için uygun olmadığının Hunlar da farkında idi. Mo-tuda durumu böyle değerlendiriyordu. Ayrıca Çin'deki bir iç mücadeleden Han hanedanı muhaliflerinden gerekli desteği görememesi kuşatmayı kaldırmasında etken olmuştur.

Devam eden süreçte Hunlara sığınmış Çinli generaller anlaşmaya uymayarak Tai ve Yün-chung'a uzanan akın yaptılar. Yine Mo-tu, Tai topraklarına sürekli hücumlar gerçekleştirdi. Hunların saldırılarından iyice bıkan Han hanedanı imparatoru, akrabalarından bir kızı Mo-tu'ya göndererek akrabalık yoluyla barış anlaşmasını onayladı. Bunun Hunlara yanında her yıl ipek, içki, pirinç ve yiyecek gönderilecekti. Anlaşma gerçekleştikten sonra Mo-tu akınlarını sonlandırdı.

Ancak, Yen prensi Lu Wan, Çin'de Han hanedanına karşı 10 bin kişi ile ayaklanmış, Hunlara bağlanmıştı. Onun yarattığı çatışmalar İmparator Kao-tsu ölene kadar sürmüştü.

Aslına bakılırsa Hsin olayında da görüldüğü gibi Hunların bakış açısı sadece askeri değil siyasi nitelik de taşıyordu. Bunu takiben diğer Kuzey Çin'de görev yapan generalleri ve Yen devletçiğinin kralı Lu Wan ve Tai devletçiğinin başbakanı ve generali Ch'in Hsi Hunlara iltica ettiler. Bunlardan bazıları tüccardı ve daha önceden Hunlarla temas kurmuşlardı. Bunu belki Çin'de merkezi devletçiliğin henüz yeteri kadar gelişmediği şeklinde yorumlamak mümkündür.

Bozkır Devlet Modelinin belirmesi Bu olayları anlatan Çin kaynakları Hunların sosyal yapısı ve devlet teşkilatı hakkında eşsiz bilgiler verirler. Zaten, söz konusu bilgi ve belgeleri başka bir yer bulmamız mümkün değildir. Daha doğrusu bunlar Eski Türklerin sosyal ve idari yönlerini açıklayan ilk metinlerdir. Buna göre Ch'un-wei döneminden T'ou-man'ın saltanatına kadar. Hunların ataları bazen kuvvetli hale gelmişler bazen de zayıflayarak küçük parçalara ayrılmışlardı. Hayatları bu şekilde sürüp gelmişti. Dolayısıya Çinliler, Hunların tam şecerelerini öğrenip kayıt tutamadılar. Ne var ki Mo-tu'nun tahta çıkışıyla birlikte güçlerini artırdılar. Hatta kuzeydeki bütün yabancı milletleri (burada İ olarak tanımlanıyor) kendilerine itaat ettirmişlerdi. Bunun sayesinde Çinliler de onları daha yakından tanıyarak haklarında bilgiler kaydedebilmişlerdi. Hükümdar karşılığı unvanı taşıyan ch'an-yü'nün mesup olduğu aile Luan-ti idi. Tahta geçtikten sonra Ch'eng-li Ku-t'u Ch'an-yü unvanı ile tanınmıştır. Özünde halkı ona bu unvanı vermiştir. Hunların Göğe Ch'eng-li(tengri) dedikleri kut karşılığında ise K'u-t'u kullandıkları ifade edilmiştir. Hükümdarlık unvanı Ch'an-yü ise enginlik anlamına gelmektedir. Kısacası hükümdarlarını Gök gibi Engin Sonsuz Genişlikte olarak tanımlarlardı [Taşağıl 2020: 81–83].

Devletin yüksek idare sisteminde sol ve sağ bilge beylikleri, sol ve sağ Lu-li beylikleri, sol ve sağ kanat büyük generallikleri, sol ve sağ kanat merkez komutanlıkları, sol ve sağ büyük tang-hu'lukları ve sol ve sağ ku-tu hou'lukları gibi askeri ve idari makamlar ihdas edilmişti. Bu makamları işgal edenler adı geçen unvanları taşırlardı. Bahsedilen şematik idari yapı Türk tarihinde bilinen devlet teşkilatları için ilktir [Mori 1978: 209–226].

Bilge (hsien) sözünün Hunlardaki karşılığı T'u-ch'i'dir. Sol T'u-ch'i beyi makamına getirilen kişi aynı zamanda

geleceğin hükümdar adayı, yani veliaht gösterilirdi. İlerideki zamanlarda bu konuya çok dikkat edildiğini, aksi uygulamalarda ülke içinde büyük problemler çıktığını görüyoruz.

Sağ ve sol bilge beylerinden tang-hu makamına kadar idarecilerin on bin, daha küçüklerinin ise birkaç bin atlıya askere kumanda ettiklerini görüyoruz. Ayrıca yüksek makamların babadan oğula geçtiği de açıklanmıştır. Bunların yanında diğerlerine nazaran daha fazla ön planda bulundukları kabul edilen üç büyük aile vardı. Adları Huyen, Lan ve Hsüan-pu idi. Diğerlerine göre devlet nezdinde üstünlüklerin var olduğu sayılırdı.

Geleneksel Türk devlet yapısına göre sol ile başlayan makamlar hiyerarşik açıdan üstün sayılır ve doğu tarafında yer alırlardı. Shang-ku'nun doğusundan başlayan topraklar Huei-mo ve Ch'ao-hsien'e kadar geniş alanı kaplıyordu. Neticede Hun topraklarının Kore'ye kadar uzandıkları anlaşılmaktadır. Batıda yaşayan sağ kanat idarecileri ise kuzeyin ıssız yerlerine ve Tibet'e uzandığı belirtilmiştir. Hükümdarlığın Çin sınırları ise Tai ve Yün-chung'a kadar uzanırdı. Her birinin idare ettiği toprağı olduğu belirtilirken, su ve otlakları takip ederek yaşadıkları kayıtlıdır. Bu tanımlama 20. yüzyılın 30'lu yıllarına kadar süren bozkırda yaşamış Türk kökenli halkların hayat tarzlarının ifade ediliş şeklidir. Söz ettiğimiz sistem içinde en geniş topraklara sol ve sağ bilge beyleri ile sol ve sağ lu-li'ler hakimdi. Neticede 24'e bölünen idari sistem içinde binbaşılık, yüzbaşılık, onbaşılık, küçük beylik, danışmanlık, merkez komutanlığı, tang-hu'luk ve chü-ch'ü'lük gibi makamlar mevcuttu. Hükümdardan sonra devletin sistemi 24 ayrı makama ayrılarak idare ediliyordu [Mori 1978: 209–226].

Bunun yanında devlet nezdinde ilk toplantı yılın ilk ayında (şubat sonları yaklaşık) hükümdarın sarayında gerçekleştiriliyordu. İkinci toplantı yeri Lung-ch'eng idi. Beşinci ayda yapılan bu toplantı da Gök Türk döneminde olduğu gibi atalara, yere göğe, ruhlara kurban sunarlardı. Sonbaharda atların semirdiği zaman ise ormanın çevresini (bu konu Tai-lin olarak da yorumlanmıştır) dolaşırlar (bu bir spor oyunu olabilir), insan ve hayvan sayımı yaparlar, dolayısıyla ülkenin ekonomik durumu hakkında tesbitte bulunurlardı.

Hunlarda Hukuk Hukuk sistemleri hakkında da ilginç bilgiler verilmektedir. Buna göre başka birine kılıcını bir ch'ih (23,1 cm) kadar kınından çeken öldürülür. Başka birinin malını çalmak suretiyle hırsızlık yapan öldürülerek cezalandırılırdı. Suçu ağır olanlar öldürüldüğü gibi hafif olanların kemikleri kırılarak ceza verildiği açıklanmıştır. Hapis cezalarının ise 10 günü aşmadığı, bu yüzden mahkum sayısının çok az olduğu bildirilmiştir.

Hun hükümdarı sabahları çadırından çıkar, doğuya doğru döner ve güneşe saygısını sunardı. Önlerini güneye döndükleri için doğuda yani güneş tarafında kalan yöne daha çok değer verirlerdi. Hükümdarın geceleri de aya saygı gösterdiği ifade edilmiştir. 10 günlük takvim devrelerinin 5. ve 6. günlere daha çok önemsendiği ifade edilmiştir.

Defin Merasimleri Cenazeler defnedilirken iç ve dış olmak üzere iki tabut yapılırdı. Daha sonra ölü ile birlikte altın gümüş ve değerli giysiler koyarlardı. Mezarın üstünü düz bırakırlar, herhangi bir tümsek oluşturmazlardı. Çin'de olduğu gibi cenaze elbiseleri giymedikleri, mezara ağaç dikmedikleri anlaşılmaktadır. Hükümdar defnedilirken yakın ve sevdiği hizmetkarları ve odalıkları ile defnedilirdi. Bazen bunların sayısı yüz kişiye kadar ulaşabilirdi. Hun mezarlarında hizmetçileri sembolize eden çok sayıda saç örgüsü ele geçmiştir. Aslında hizmetçilerin kendileri değil, sembol niteliğinde saç örgüleri ve benzer şeylerin koyulduğu anlaşılmaktadır [Odbaatar 2011: 110–111].

Bir işe başlayacakları zaman ayın durumuna göre hareket ederlerdi. Özellikle dolunayda hücuma geçtikleri bilinmektedir. Ay küçüldüğü zaman geri çekilirlerdi. Savaşlarda başarılı olanlara, yani düşman öldüren veya esir alanlara bir kap içki verilerek ödüllendirilir, ele geçirdikleri ganimetler pay edilerek dağıtılır, yakaladıkları esirler köle yapılırdı. Bu Hunların savaşçılık özelliklerini artıran bir durumdu. Çünkü, herkes kendi menfaati uğruna da savaşmış olurdu. Savaşlarda özellikle düşman askerlerini üzerlerine çekerek etrafını sarmak işinde uzmanlaşmışlardı. Sonuçta düşmanla karşılaştıklarında ganimet kazanmak için kuş sürüleri gibi bir araya gelerek ortak harket ederler, yengiliye uğradıklarında bulutlar gibi dağılarak kendilerini kurtarırlardı. Savaşta ölen arkadaşını getirenlere, o kişinin bütün malları verilirdi.

Barış Anlaşmasının Uygulamaya Konulması M.Ö. 198 yılına gelindiğinde Hunlarla, Çinliler arasında bir barış anlaşması yapıldı. Anlaşmaya göre Hun hükümdarı (ch'anyü) bir Çinli prenses ile evlenecekti. Han İmparatorluğu belirli bir miktar ipek, şarap ve yiyeceği ihtiva eden hediyeler toplamını her yıl birkaç defa Hunlara yollayacaktı. Hunlarla Hanlar eşit ve kardeş devlet sayılacaktı. Karşılığında artık Hunlar, Çin topraklarını istila etmeyeceklerdi. Bu yılda prenses Liou Ching Hunlara elçi olarak gitti. Neticede tarihte ilk defa Çincesi Ho-ch'in anlaşması (akrabalık kurmak yoluyla barış) imzalandı. Liou Ching'in tavsiyesi üzerine akrabalardan biri ch'ang unvanıyla gönderildi. Liou Ching önce imparatora öz kızını göndermeyi tavsiye etmiş; imparatoriçenin çok ağlaması üzerine saraydan güzel bir kız seçilerek Mo-tu'ya gelin olarak yollanmıştır. Adı

geçen vezir özellikle Çinli prensesin oğlunun veliaht olarak Hunları idare edeceğine vurgu yapmıştır. Bu durum ileride Gök Türk ve Uygur devirlerinde sıklıkla yaşanacaktır. Dolayısıyla bu şahıs aslında devlet stratejilerinden birinin temelini atmıştı.

Çin'e Giden Mektuplar Bundan sonraki yıllarda Mo-tu, söz konusu anlaşmanın şartlarından rahatsız olmaya başladı ve Çin'e karşı daha hakimane tavırlar almak yoluna gitti. M.Ö. 192 yılında İmparator Huei tahta çıkınca Mo-tu ile evlenmesi için yine bir Çinli prensesi gönderdi. Bu imparatorun hükümdarlığı esnasında esas güç annesi Lü elindeydi. Mo-tu, bu sefer ona bir mektup yazarak dedi ki: "*Ben sazlıklar arasında doğup sığır ve at topraklarının vahşi bozkırlarında büyütülmüş yalnız bir dul hükümdarım. Çin'e seyahat etmek özlemiyle çok defa sınır bölgesine gelmişimdir. Zatı şahaneleri de yalnız bir yaşam süren dul bir hükümdardır. İkimiz de zevklerden mahrum bir yaşam sürmekte olup kendimizi eğlendirme imkanımız yoktur. Ümidim ikimizin birbirimizde olanları, olmayan eksikliklerimiz için değiş tokuş etmemizdir"*

İmparatoriçe Lü de bu mektuba şöyle cevap verdi: *"yaşım ilerlemiş ve gücüm zayıflamaktadır. Saçlarım ve dişlerim* dökülmekte, düzgün ve dengeli *bir şekilde dahi yürüyememekteyim. Ch'an-yü herhalde çok abartılmış haberler duymuş olmalı. Ben kendisini bu kadar alçaltmasına layık değilim. Ancak, ülkem hiçbir yanlış yapmadı ve ümidim kendisinin ülkeme zarar vermeden sakınmasıdır"* [Ögel 2015: 303].

Bunun üzerine isteklerinden vazgeçen Mo-tu, imparatoriçeye teşekkürlerini sunmak için bir elçi yolladı. Eskiden olduğu gibi Ho-ch'in anlaşmasının uygulanmaya devam ettiği bildirildi.

Bahsedilen tarihten aşağı yukarı 15 yıl sonra M.Ö. 176 yılında Mo-tu, İmparator Hsiao Wen'a cüretkarlığını daha da artırıcı bir mektup yolladı. Her iki ülke arasında anlaşma olmasına rağmen Hunların Sağ (batı) Bilge Beyi Sarı Irmağın güneyine akınlar düzenlemesine Çinliler 80 bin kişilik ordu hazırlayarak karşı tedbir aldılar. Bu mektupta Mo-tu kendisini Gök tarafından kurulan Hunların büyük ch'an-yü'sü olarak göstermekteydi. Devamla mektupta *"Gök'ün yardımı, savaşan erlerimizin mükemmelliği ve atlarımızın gücüyle, her üyesini baskı altına alarak veya itaate zorlayarak, Yüe-chih'yı silip süpürmeyi başardık. Üstelik Lou-lan, Wu-sun ve Hu-chie kabileleriyle, civardaki 26 devleti de fethettik, böylece hepsi Hunların halkının bir parçası oldu. Yay çekerek yaşayan tüm halklar artık tek ailede birleşti ve tüm kuzey bölgesi barış içinde. Böylece ben şimdi silahlarımı bırakıp, askerlerimi dinlendirmek ve* atlarımı *otlaklara çıkarmak istiyorum. Bu yakın geçmişte olan olayı unutup eski anlaşmamızı tekrar yürürlüğe koymak arzusundayım".* Çok değerli ipek elbiselerden saç tokaları, altın işlemeli kemer, sarkıtlı altından Hun kemeri 10 top işlemeli kumaş, 20 top desenli kumaş kırmızı ve yeşil ipekli kumaşlardan 40 top yolladı [Groot 1921: 45; Onat 2020: 15–16].

Orta Asya'da ilk siyasi birliğin gerçekleştiğinin vurgulandığı mektup Türk tarihi için çok önemlidir. Bunun yanında Çin'e karşı hakimane Hun politikasının da açıkça belirtildiğini görürüz. Mo-tu gönderdiği mektupta *"önce gök tarafından tahta çıkarılmış kendisinin yani Büyük Hun hükümdarının Çin imparatorunun hatırını sorar. Önce Çin imparatorunun barış ve dostluk üzerine haberleştiklerini, imparatorun yazdığı mektupta işittiklerini kendisine haber verdiğini söyler; buna rağmen Çin'in sınır görevlilerinin kendisinin sağ bilge beyine hücum ederek taciz ettiklerini bildirir. Bunun üzerine sağ bilge beyinin de Mo-tu'ya sormadan Hou-i-lu Beyi Nan-chih ve diğer kumandanlarla Çin sınırlarını taciz ettiğini vurgular. Arkasından Çin imparatorunun şikayet mektuplarının iki defa geldiğini, kendisinin de iki defa cevap verdiğini, fakat elçilerinin geri dönmediğini bildirir. Bu yüzden imparatorun anlaşmaya sadık kalarak dostça davranmadığını, dolayısıyla kendilerine bağlılığının kalmadığını açıklar. Anlaşmalarının alt düzeydeki memur ve subaylar tarafından zarar gördüğünü ifade eder. Ayrıca izin almadan Çin'e saldıran Sağ Bilge Beyinin cezalandırılarak batıya Yüe-chih'lar üzerine gönderildiğini söyler. Tanrının lüftu ve ve yardımlarıyla Sağ Bilge Beyinin Yüe-chih'ları yendiğini, hepsinin başını kesti*ğini, arta kalanlarının Hunlara *bağlandığını bildirir. Devamında ise Lou-lan, Wu-sun, Hu-chie ile beraber 26 devletçiğin hepsinin Hunların egemenliğini tanıdığını, yay çeken halkların hepsinin tek aile olduğunu, kuzeydeki ülkelerde barış ve huzur sağlandığını dile getirir. Hedefine ulaştığını subay askerlerini dinlendirmek, atlarını beslemek niyetinde olduğunu, antlaşmaları devam ettirmek istediğini, sınırlarda yaşayan halkı huzura kavuşturmak ve eski durumun devam etmesini temenni ettiğini vurgular. Ayrıca anlaşmanın gelecek nesillerde de devam etmesi arzusunu taşıdığını bildirir. Bunu göstermek için de saray görevlilerinden Hsi-hu-ch'ien'i mektupla yolladığını, ayrıca iki binek atı ve iki araba atını sunmak istediğini, Çin Seddine yakın bulunan halkın biraz sınırlardan uzaklaşması gerektiğini, elçisinin alıkonulmadan geri yollanmasını"* söyler [Ögel 2015: 439–442; Baykuzu 2014: 57–58; Ercilasun 2019: 52; Taşağıl 2020: 88–89].

Mo-tu'nun gönderdiği mektup Çin sarayında tartışılmış, Yüe-chih'lar üzerinde galibiyeti söz konusu edilerek barış

yapılması gerektiği kararına varılmıştır. Dolayısıyla Mo-tu'nun mektubunda ifade ettiği Yüe-chih galibiyeti ve Orta Asya hakimiyeti Çinliler üzerinde etkili olmuştur. Ayrıca Hun topraklarının tuzlu ve bataklık olarak değerlendirilerek orada yaşanılamayacağının söylenmesi Çinlilerin geleneksel kuzey bozkırlarına bakışlarının ilk yorumlarıdır denilebilir.

Mektuptan anlaşıldığına göre Yüe-chih ve diğer Orta Asya boylarını itaat altına aldıktan sonra Mo-tu kendini daha da güçlenmiş hissediyordu. Yani o zamanın dünyasında Çin sınırlarının dışının tek hakimi o idi. Onun istekleri Çin sarayında uzun süre enine boyuna tartışıldı. İmparator Wen, eski anlaşmayı tekrar kabul etmek zorunda kaldı.

Mo-tu'nun Türk Tarihinde Kazandığı Stratejik Değer Kaynaklardan anlaşıldığına göre yaklaşık 35 sene hükümdarlık yapan Mo-tu, bütün Orta Asya'yı bir siyasi kuruluş bünyesinde toplamayı başarmıştı. Önce yaptığı bir ihtilal ile babasını devirmiş, devleti zor durumda olmasına rağmen güçlü düşmanları Tung-hu ve Yüe-chih'ları dağıtabilmişti. Arkasından tuzağa düşürerek kuşattığı Han hanedanı imparatoru Kao-ti'yi ağır bir antlaşma yapmaya zorladı. Devamında Ho-ch'in anlaşmasıyla ilişkilerini sağlam temele oturttu. Sıcak nemli ve yoğun nüfusa sahip Çin içlerine girmenin kendisine uzun vadede bir şey kazandıramayacağını aksine zararı olacağını fark etmişti. Onun başarılı bir şekilde ortaya koyduğu devlet modeli kendisinden sonra gelen bozkırlı siyasi kuruluşlar tarafından takip edilmiştir.

Mo-tu, yaptığı bir ihtilal ile Asya Hun İmparatorluğunun başına M.Ö. 209'da oturdu. 35 sene başarılı bir hükümdarlık sürecinden sonra M.Ö.194 yılında öldü. Onun olağanüstü başarıları Hun tarihini yazan Çin kaynaklarının yazarının dikkatini her zaman çekmiştir. Aradan bin yıl geçtikten sonra bile Çin saraylarındaki müzakerelerden onun adı zikredilmiş; daima büyük bir düşman olarak adından söz edilmiştir. Çünkü, Çin tarihinde ilk defa kuzeyinden büyük bir tehlikeye maruz kalmış, imparatorları kuşatılmış, yok olmaktan zor kurtulmuştu. İşte, böyle büyük bir düşman unutulamazdı ve unutulmadı. Neticede Çin tarihinde kendine önemli bir yer edindi.

Bozkırlı kavimler de ilk defa kendilerini bir bayrak(tuğ) altında birleştiren bir lider buldular ve onun etrafında toplandılar. Onların bir araya gelmesi yay geren ve at binen toplulukların bir ara gelmesi şeklinde değerlendirildi. Bu durum o devre kadar görülmemiş üstün bir başarı idi.

Aslında Mo-tu tahta kolay bir şekilde oturmadı. Günümüz tabiri ile tırnaklarıyla tırmanarak çıktı. Babası T'ou-man zamanında Hunların ağırlık merkezi Kuzey Çin topraklarındaki verimli arazilerdi. Ancak, M.Ö. 214'te uğradığı ağır yenilgi sonrası o bölgeleri terk ederek kuzeye çekildi. Zaten gerçek Hun toprakları buralarıydı. Nitekim arkeolojik kalıntılar bunu doğrulamaktadır. Geldiği Moğolistan coğrafyasında T'ou-man'ın çok başarılı bir idare göstermese de devletini ayakta tutmakta başarılı olduğu söylenebilir. Ancak, o kendi yerine halkın çok sevdiği oğlu Mo-tu yerine başka bir eşinin etkisinde kalarak yanlış tercih yaptı. Halkın tepkisinden çekindiği için Mo-tu'yu öldürtemedi. Fakat, başka bir yol buldu. Oğlunu komuşlarına öldürtecekti. Nitekim Mo-tu'yu rehin olarak komuşusu Yüe-chih'lara yolladı. O, Yüe-chih ülkesine vardıktan sonra kendisi Yüe-chih'lara savaş açtı. Amacı oğlunu onlara öldürterek ondan kolayca kurtulmaktı. Ne var ki, olağanüstü yeteneklere sahip Mo-tu, durumun farkına varıp, önceden kaçıp kurtulmayı başardı. Kaynakların ifadesine göre çok hızlı ve uzun mesafe koşabilen bir atı vardı.

Ülkesine geri döndüğünde hiç bir şey olmamış gibi babası tarafından gayet iyi karşılanan Mo-tu hayatına devam etti. Babası onu yeni bir göreve getirdi. 10 bin kişilik bir askeri birliği eğiterek hazırlayacaktı. Önce kendisine ıslıklı bir ok yaptı. Her asker onun okunu takip edecekti. Sıkı bir disiplin ile eğitime başladı. Burada kaynaklar abartılı bir şekilde anlatsalar da önemli ip uçlarına ulaşabiliriz. Askerlerinin disiplinini ve sadakatini ölçmek için önce en sevdiği atına, sonra eşine ok attı. Aynı hedefe ok atmayanları cezalandırdıktan sonra tasarladığı ihtilali gerçekleştirdi. Bir babası T'ou-man'a ok attığında bütün askerleri aynı hedefe nişan aldı. Böylece ihtilal başlamıştı. Nitekim kendisine düşman olan üvey annesi ve diğer devlet adamlarını ortadan kaldırdıktan sonra Hun tahtına oturdu. Bundan sonra kendisi için başka yöndeticlerle yeni bir devlet modeli meydana getirdi. Mo-tu'nun verdiği sıkı disiplin sonrası devletin tahtını ele geçirmesi planlanan akıllı bir stratejinin aşama aşama uygulanmasıdır.

Aynı başarılı plan ve stratejiyi dış düşmanlarına karşı da uygulayabilmiştir. Özellikle kendileri henüz güçsüz, komşuları Tung-hu'lar kuvvetli iken gerekli geri çekilmeyi uygulamıştır. Yine kaynaklar tarafından abartılı anlatılan olaylarda sevdiği atının, eşinin verilmesine karşı çıkmamış; ancak toprak parçası istenildiğinde, toprağın kendisine değil milletine ait olduğunu söyleyerek savaş açmış ve düşmanlarını bozguna uğratmıştır. Yaptığı sabırlı ve yerinde hamlelerle ülkesinin güçlenmesini beklemiş, sonrasında kendisinden kuvvetli olduğunu düşündüğü düşmanını alt etmiştir. Neticede Mo-tu'nun bu sistemli hareketi sayesinde Hunlar, doğularındaki düşmanlardan kurtuldukları

gibi, yüzyıllarca doğudan saldırıya maruz kalmamışlardır. Aslında o, planlı hareket ederek sabırlı davranarak kalıcı bir çözüm yolu bulmuş ve uygulamıştır.

Ülkesi içinde huzur ve istikrarı sağlayan, doğudaki rakiplerini bertaraf eden Mo-tu, Yüe-chih'ları da bozguna uğratarak, onları batıya doğru göç ettirdi. Nitekim Afganistan'ın kuzeyine gelen Yüe-chih'lar Kuşhan devletinin kurulmasına katkı sağlayacaklardır.

Devamında Mo-tu'nun Orta Asya'da yay geren toplulukları bir araya getirdiğini görüyoruz. Kendisi bu durumu Orta Asya'da 26 devletçik ve boyu bir araya getirdiğini söyleyerek ifade eder. Bu bir bakıma Türk kökenli insan topluluklarının onun tuğunun altında toplanmasıdır. Türk birliğinin onun liderliği altında gerçekleştiğinden söz edilebilir.

Daha sonra sıra büyük komşuya gelmiştir. O kendisinden sonra gelecek bir çok bozkır hükümdarının yaptığı hataya düşmez. Yani Çin'in içlerine girerek milletinin orada asimile olmasını engeller. Ama, kendi devletinin ve milletinin çıkarları doğrultusunda oradaki Han hanedanını baskı altına alıp, ekonomik fayda sağlar. Kurulan siyasi üstünlük kesintisiz 80 yıl devam edecektir. Önce askeri dehasını konuşturarak, Çin imparatorunu Pai-teng'da kuşatır, Çin'e ele geçirmenin gereksiz olduğunu fark eder. Anlaşma sağladıktan sonra Çin imparatorunun kuşatmadan çıkmasına izin verir. Kurtulan imparator daha sonra yaptığı bir anlaşma ile Hunların üstünlüğünü tanır ve evlilik yoluyla akrabalık sağlar ve böyle bir barış dönemine girilir. Tarihlerinde ilk defa Çinliler başka bir kavmin hakimiyetini tanır ve yıllık vergiye bağlanırlar. Nitekim bu durum onlarca yıl devan edecektir.

Mo-tu, Çin'deki Han hanedanını bu şekilde baskı altına almıştır. Ama gözünü Çin iç siyasetinden ayırmaz. İmparatorlarının ölümü ve çocuk yaşta birinin yerine geçmesi üzerine ipler imparatoriçenin eline geçer. Bunu fırsat bilen Mo-tu, kolay yoldan Çin'i kontrol altına almaya teşebbüs etti. Bunun için dul imparatoriçeye evlenme teklifinde bulundu ise de nazik bir biçimde reddedildi. M.Ö. 178 dolaylarında bazı Hun kumandanlarının bağımsız hareket ederek Çin'e akın yaptıkları görülse de Mo-tu, M.Ö. 176 yılında yazdığı bir başka mektupla durumu açıkladı. Ayrıca kendi hakim olduğu alanları belirterek, bir anlamda gücünü Çin'e bir daha hissettirdi. Çok geçmeden de M.Ö.174'te hayatını kaybetti.

Bozkırların derinliklerinde Türk ve komşu milletlerin tarihlerinde örnek alınacak bir model devlet oluşturan Mo-tu, faaliyetleri ile ölümsüzlüğe ulaşmıştır. Özellikle planlamacı kişiliği, çok başarılı stratejiler üretmesi, büyük hedeflere varmak için gerektiğinde küçük tavizler vermesi, kararlı duruşu çok açık bir şekilde görülmektedir. Amaca ulaşmak için mutlaka sıkı disiplin ve eğitim gerektiğinin farkındadır. Uygulama safhasında asla taviz vermediği görülür. Bütün bunları Türk hükümdarlık geleneğinde rastladığımız bilge olmak vasfında bulabiliriz. Neticede bilge olduğu için başarmış ve hedefine varmıştır. Ülkesini kalkındırmak için elinden geleni yaptığı gibi bozkır halklarını yanına çekerek büyük bir siyasi organizasyon gerçekleştirmiştir. Çin'i tamamen işgal etmenin sonuçlarının getireceği olumsuzluğu önceden sezmiş ve bunu ekonomik çıkar haline dönüştürmüştür. Bundan gelecek öngörüsü ve sezgilerinin üst düzeyde olduğunu anlayabiliriz.

The article was prepared within the framework of the program-targeted financing of the Science Committe of MSHE RK for 2023-2024, URN BR18574175.

Kaynakça

Ahmet Taşağıl. Bozkırların İlk İmparatorluğu Hunlar. İstanbul: Karting Kapak, 2020. 328 pp.

Ayşe Onat, Sema Orsoy, Konuralp Ercilasun. Han Hanedanlığı Tarihi Hsiung-nu Monografisi. Ankara: Turk tarih kurumu, 2020. 152 pp.

Bahaeddin Ögel. Büyük Hun İmparatorluğu Tarihi. Ankara: Turk tarih kurumu basimevi, 2015. 978 pp.

Di Cosmo Nicola. Ancient China Its Enemies. Great Britain: Cambridge University Press, 2010. 361 pp.

J. M. De Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit I. Berlin-Leipzig: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger. 1921. 413 pp.

Konuralp Ercilasun. Hunlar. Ankara: Lisansustu egitim enstitusu, 2019. 101 pp.

Iaroslav Lebedynsky. Les Nomades. Paris: Errance, 2007. 301 pp.

Mori Masao. Kuzey Asya'daki Eski Bozkır Devletlerinin Teşkilatı // Tarih Enstitüsü Dergisi sayi 9. Istanbul: Turk tarih kurumu, 1978. s. 209–226.

Odbaatar Ts. Braids of Human Hair in Xiongnu Tombs. Mongolia: Ulaan Baatar, 2011. 303 pp.

Owen Lattimore. Inner Asian Frontiers of China. London: Oxford University press, 1992. 586 pp.

Thomas Barfield. The Perilious Frontier. Blackwell: Massachusets, 1989. 325 pp.

Tilla Deniz Baykuzu. Asya Hun İmparatorluğu. Konya: Komen Yayinlari, 2012. 327 pp.

Tilla Deniz Baykuzu. T'ang Hanedanlığının Büyük Türk Generali Pu-Ku Huai-En. Ankara: Dil ve Tarih - Cografya fakultesi dergisi, 2014. 400 pp.

TS. TURBAT

Tsagaan Turbat,
National University of Mongolia,
Ulaanbaatar, Mongolia; turbat.ts@num.edu.mn

KANGJU TYPE CERAMICS FROM THE TAMIRIIN ULAAN KHOSHUU XIONGNU FUNERAL SITE (CENTRAL MONGOLIA)

Abstract. This article is dedicated to an examination of a ceramic vessel featuring a distinctive design and structure. This vessel was unearthed within the Hunnic (Xiongnu) period burial site at Tamir Ulaan Khoshuu (Tomb No. 28), situated in the Tamir River Valley of Central Mongolia. Through careful analysis, it has been identified as a *mustakhara* - a container designed for the storage of liquids. This artifact is strongly associated with the archaeological culture of the Kangju people of Central Asia. A fragile ceramic item of this nature is not a typical commodity in Silk Road trade, suggesting that it may have held personal significance to the individual. The period of closest interaction between the Xiongnu and Kangju cultures occurred during the latter half of the 1st century BCE, during the turmoil in Xiongnu Empire caused with the War of Five chanyus. Consequently, it is plausible to surmise that the warrior interred in the TUK had personally journeyed to Kangju territory during the 1st century BCE.

Keywords: Xiongnu, Kangju, ceramic vessel, mustakhara, nomad-to-nomad relation

Цагаан Турбат,
Моңғолия ұлттық университеті,
Ұлан-Батыр, Монғолия

ҒҰН ТАМИРИН ҰЛАН ХОШУУ (ОРТАЛЫҚ МОҢҒОЛИЯ) ЖЕРЛЕУІНЕН ТАБЫЛҒАН ҚАҢЛЫ ТИПТІ ҚЫШ ЫДЫСТАР

Аннотация. Мақала ерекше дизайны және құрылымымен ерекшеленетін қыш ыдысты зерттеуге арналған. Бұл ыдыс Моңғолияның орталығындағы Тамир өзенінің аңғарында орналасқан Тамир Ұлан Хошуу (№28 қабір) ғұн (сюнну) кезеңіне жататын жерлеуден табылды. Мұқият талдау нәтижесінде бұл мустахара – сұйықтықтарды сақтауға арналған ыдыс екендігі анықталды. Бұл табылым Орталық Азиядағы қаңлы археологиялық мәдениетімен тығыз байланысты. Мұндай сипаттағы нәзік қыштан жасалған зат Жібек жолындағы саудадағы әдеттегі тауар емес, бұл ыдыстың иесі үшін үлкен маңызы бар екенін көрсетеді. Ғұн мен Қаңлы мәдениеттері арасындағы ең тығыз өзара әрекеттесу біздің дәуірімізге дейінгі I ғасырдың екінші жартысында, бес Шаньюй соғысынан туындаған Ғұн империясындағы дүрбелең кезеңінде болды. Демек, Тамир Ұлан Хошуу (ТАК) қорымында жерленген жауынгер біздің дәуірімізге дейінгі I ғасырда Қаңлы территориясына барды деп болжауға болады.

Түйінді сөздер: Хунну, Қаңлы, қыш ыдыс, мустахара, көшпенділердің қарым-қатынасы

Цагаан Турбат,
Национальный университет Монголии,
Улан-Батор, Монголия

КЕРАМИКА КАНГЮЙСКОГО ТИПА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ХУННУ ТАМИРИН УЛАН ХОШУУ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛИЯ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию керамического сосуда, отличающегося своеобразным дизайном и строением. Этот сосуд был обнаружен в погребении хуннского (сюнну) периода в Тамир Улаан Хошуу (гробница № 28), расположенном в долине реки Тамир в Центральной Монголии. В результате тщательного анализа было установлено, что это мустахара – сосуд, предназначенный для хранения жидкостей. Эта находка тесно связана с археологической культурой кангюйцев Центральной Азии. Хрупкий керамический предмет такого

характера не является типичным товаром в торговле на Шелковом пути, что позволяет предположить, что сосуд имел большую значимость для его владельца. Наиболее тесное взаимодействие между культурами Хунну и Кангюй произошло во второй половине I века до нашей эры, в период суматохи в империи Хунну, вызванной войной пяти Шаньюйев. Следовательно, можно предположить, что воин, захороненный в могильнике Тамир Улаан Хошуу (ТУК), отправился на территорию Кангюев в I веке до нашей эры.

Ключевые слова: Хунну, Кангюй, керамический сосуд, мустахара, взаимоотношения кочевников

Introduction.

In 2015, an intriguing ceramic vessel was unearthed at the Xiongnu funeral complex, situated at Tamiriin Ulaan Khoshuu (hereinafter referred to as TUK) in the Ugiinuur soum region of Arkhangai aimag. The excavation of this site was conducted by the joint Mongolian-French "Tamir" project team between 2013 and 2019.

The TUK funeral complex stands as one of the most substantial funerary monuments known for its ring-stuffed graves, believed to have belonged to the Xiongnu "ordinary people". A comprehensive map created in 2017 documented approximately 400 features at this location. Notably, this site holds significance as a distinctive Xiongnu monument, with a high concentration of ceramic pottery discoveries. Over 80 graves have been excavated at this site, revealing more than 220 ceramic vessels and earthenware artifacts. On average, each grave has yielded four to five pottery items.

This article focuses on the examination of a pottery vessel discovered in the 28th grave of TUK. Our objective is to transform these archaeological findings into materials that shed light on the obscured historical connections between the Xiongnu and the Kangju, one of the most prominent nomadic neighbors of the Xiongnu in Central Asia. Historical sources indicate that the Kangju people were not only significant neighbor, but also had an allied relationship with the Xiongnu from the early 2nd to the latter half of the 1st century BCE. However, it is through archaeological evidence that we aim to uncover the extent of cultural interactions between these two great nomadic nations.

A considerable number of artifacts of foreign origin, originating not only from neighboring regions such as Han China, but also from far distant countries, have been discovered among the Xiongnu archaeological sites. Thus far, it has been observed that these foreign-origin items primarily trace back to ancient sedentary civilizations in the Western world, including the Greek-Roman sphere, the Mediterranean region up to Syria and Egypt, as well as the Western and Central Asian civilizations like the Parthian and Bactrian cultures, and eventually most of them coming from the Han China and other southern civilizations. There is a wealth of evidence and documentation demonstrating this classical cultural exchange between nomadic societies and urban civilizations, a topic that is extensively explored within the realm of scholarly research.

Nevertheless, it is crucial to acknowledge that nomadic cultures did not exclusively engage with sedentary and agrarian civilizations; they also had interactions with similar lifestyles and even though geographically remote nomadic societies. This phenomenon, often referred to as "nomadic culture common features", began to manifest during the Early Iron Age period, with numerous cultures across the Eurasian steppe, spanning from Ordos to Hungary, adorning their weaponry, decorative arts, and horse gear with nearly identical "Animal-Style" artistic patterns.

Traditionally, archaeological literature has paid limited attention to the relationships between nomadic societies, known as "Nomad-to-Nomad" connections. This neglect may be attributed to the scarcity of concrete evidence and the inadequate development of identifying methodologies. The ceramic vase unearthed at the TUK site holds a special significance as it represents an artifact of "Nomad-to-Nomad" cultural and trade relationships, a rarity in archaeological findings. It is doubly intriguing that this pot, being relatively fragile and impractical for long-distance transportation, implies that the owner took extraordinary care during its transportation from a remote territory. This suggests that the pot may serve as a witness to significant events, given its foreign origin and the meticulous attention and care it demanded, a characteristic that sets it apart from more easily transportable golden and silver artifacts, which have far more manageable dimensions.

Characterization of Xiongnu Ceramic Vessels.

Among the numerous archaeological objects commonly unearthed across various historical cultures, earthen vessels stand as one of the most prevalent finds. Even in the context of Xiongnu archaeological sites, including both funerary and urban settlements, earthen vessels are frequently discovered.

A number of both Mongolian and international scholars, including D. Tseveendorj, Z. Batsaikhan, Ts. Turbat, J. Wright, Ch. Amartuvshin, G. Galdan, S. Thorimbert,

among others, have made notable contributions to the study of Mongolian Xiongnu archaeological ceramics. Their work has yielded a significant body of materials that have enriched the corpus of scientific research. These scholars have contributed to elucidating the general forms, composition, and decorations of Xiongnu ceramic vessels, as well as their role within funeral and urban settlement contexts. Furthermore, a research catalog of Xiongnu archaeological monuments [Эрэгзэн 2011: 152] and a research catalog of Mongolian ceramic potteries [Турбат 2016: 232] have cataloged pivotal discoveries that shed light on the main features of Xiongnu ceramic pottery, providing valuable resources for further studies. In comparison to other historical periods, it is worth noting that research on Xiongnu era ceramic potteries has been notably well-developed within the Mongolian archaeology.

In addition, research using natural science techniques, such as the chemical composition and provenance studies of Xiongnu ceramic potteries [Hall, Minayev 2002: 135–144] and the chronological studies using physical technologies [Saran 2012: 605–609; Saran, Turbat 2011: 169–172], has been recently published, enriching our understanding of these artifacts.

Significant works related to the study of Xiongnu ceramics have also been done by Soviet/Russian scholars. These include sections on pottery vessels in works such as “Transbaikal Xiongnu Graves” by P.B. Konovalov [Коновалов 1976: 248], and research on the Xiongnu pottery-kilns discovered in Altai, Russia by V.D. Kubarev and A.D. Zhuravlyeva [Кубарев, Журавлева 1986: 101–119], and others. Additional insight into ceramic pottery studies can be found in the serial study on the Ivolga funeral complex and settlement authored by A.V. Davydova [Давыдова 1985: 111, Давыдова 1996: 176].

Xiongnu potteries are commonly categorized into two principal forms: jar – in Mongolian: khotgo’ and vase/bottle – in Mongolian: ‘butan’. Jar type pottery typically features a mouth that is equal in diameter to the body or has an open mouth. Such jar-like potteries, often unearthed with soot and lampblack residues on their surfaces, suggesting their use for cooking in most cases, and eventually storing dry commodities or as containers. In contrast, vase or bottle type pottery is characterized by a comparatively larger size, but with narrow neck or mouth, indicating its suitability for the storage of liquids based on its form and appearance.

The two aforementioned types of pottery, aside from their distinct visual characteristics, also exhibit substantial differences in their manufacturing methods and technology. In particular, khotgo-form jars were crafted using clay mixed with small particles of pebbles, which can be formed by hand, while butan-form vases were meticulously shaped from finely sifted clays and formed on the pottery wheel. Additionally, the first type of pottery displays a somewhat rudimentary and uneven polish, often featuring a comb-like ornament running uniformly from top to bottom along its sides. Some of these potteries include a straight line beneath the mouth of the vase or a single, incised, wave-like decorative motif. In contrast, butan type potteries boast a finely polished surface executed with precision, typically adorned with luxurious decorations on their shoulder sections. These ornaments vary, ranging from single wave-like motifs to double wave-like patterns and those interposed between two parallel lines. In terms of color, khotgo-jar potteries are predominantly brownish maroon, with some areas showing reddish orange and dark maroon hues. Butan-vases, on the other hand, predominantly feature light grey, dark maroon, and bright black colorations. The size of Xiongnu pottery exhibit considerable variation. Khotgo-jars generally have heights ranging from 10 to 40 cm. In contrast, butan-vase type potteries tend to measure between 15 and 30 cm in height, with some exceptionally tall examples reaching up to 80 cm, as exemplified by a specimen discovered in the 1st grave at Noyon Uul site. Such tall potteries are equipped with a finger-sized aperture near the lower portion, while the pottery found in the 2nd grave at the Duurlig Nars elite funeral site is fitted with a wooden cap sealing the opening.

Discoveries, such as the remnants of pottery vessels uncovered in the Boroo settlement in Bornuur soum of Central aimag, and the earthenware construction materials kiln found at the Khustyn bulag site in Mungunmor’t soum of Central aimag, provide compelling evidence that the Xiongnu people indeed manufactured ceramic vessels in their own [Эрэгзэн 2011: 152].

In addition to the extensive analysis of Xiongnu earthen potteries mentioned above, there are individual articles focusing on specific earthen pottery finds from graves, such as the one authored by Yu.S. Grishin in 1979. His article meticulously describes a jar type pottery adorned with a red ochre-painted cage-bar ornament, which was excavated from the Darkhan grave in North Mongolia. It

puts forth an intriguing hypothesis suggesting that such an ornament may symbolize celestial bodies [Гришин 1979: 261–262]. In this context, we aim to explore this issue within a broader historical and archaeological framework, centered around a specific discovery – the Kangju-made pottery unearthed from the 28th grave of TUK.

A Review of the Historical Relationship Between Kangju and Xiongnu.

In the 2nd century BCE, the Scythia-Saka type of archaeological cultures faded from historical prominence, making way for the emergence of new peoples in Inner and Central Asia which is called later the Xiongnu-Sarmatian era. It is widely believed that the Yuezhi and Wusun peoples, who previously located in the vast territories of the North China where Scythian type cultures had been prevalent, were displaced to the west, specifically Eastern Turkestan and Central Asia, due to the incursions of the Xiongnu. This displacement is considered a primary factor contributing to the decline of Saka-type cultures.

By the end of the 2nd century BCE, when Zhang Qian, a special emissary from the Han Dynasty, arrived in Central Asia, the region had become marked by intricate geopolitical and ethnographic complexities. The Wusun people occupied the easternmost regions, including the Ili River and Jetysu. According to Chinese sources, the Kangju State was situated to the west in the Syrdarya River valley, while the Dayuan State was located to the southwest in the Fergana valley. To the west of the Dayuan State was the Great Yuezhi State, while the Daxia or Bactrian State lay to the southeast. Further west, the Yancai (Alans) State was situated adjacent to the Kangju State, and the Anxi or Parthian State lay beyond the Yuezhi State.

Generally, the influence of the Xiongnu in Central Asia was substantial, extending as far as the westernmost Dayuan. It is apparent from historical records that the Wusun, Yutian (Khotan), and others were subject to the military and political influence of the Xiongnu. Furthermore, it appears that at the very least, the Dayuan and Kangju States maintained amicable relations, if not a vassal state relationship.

The journey undertaken by Zhang Qian, often considered a catalyst for the Silk Road, spanned a total of 14 years, taking place between 138 and 125/126 BCE. During his travels to and from Central Asia, he encountered Xiongnu border guards on two separate occasions and was held captive for over a decade. He recounted escaping Xiongnu capture, traveling westward beyond the Kunlun Mountains for several months, and eventually reaching the Dayuan or Fergana Kingdom. He harbored intentions to journey to the Great Yuezhi, establish a military alliance, and launch a joint attack against the Xiongnu, among other objectives. However, the Dayuan King redirected him to Kangju, situated in the northwest, around 129 BCE. Details regarding his stay in Kangju are scant, with limited information available in the historical sources. Zhang Qian eventually managed to meet the Yuezhi people but was unsuccessful in establishing an alliance against the Xiongnu, subsequently returning to his homeland. Nevertheless, his journey left a valuable legacy by providing the first factual information on the diverse states and peoples of Central Asia.

The earliest historical account of the Kangju people can be found in Chapter 123 of the Records of the Grand Historian (Shiji), as conveyed by Zhang Qian. It is translated by L.A. Borovkova as follows:

"*Kangju is situated approximately 2000 li northwest of Dayuan. It is a nomadic state, and their customs bear a resemblance to the Yuezhi. They boast a population of around 80-90 thousand archers. They share their borders with Dawan, making it a small country. Their southern border abuts Yuezhi, and to the east, they border the Xiongnu.*" [Боровкова 2001: 99].

Though this description characterizes Kangju as a "small country," the presence of up to 90,000 troops implies a population of at least 600,000, which can hardly be regarded as small, particularly for nomadic peoples. This underscores the military strength of Kangju and its capacity to support neighboring nations. Hence, it is plausible that the Dayuan King dispatched Zhang Qian to Kangju as a matter of necessity. During the Han China's attempts to establish control over Dayuan in 104-101 BCE, Kangju exhibited hostility towards China and dispatched troops to support Dayuan. Conversely, Wusun, an eastern neighbor of Dayuan, sided with the Han Dynasty during this conflict. Consequently, this period saw the emergence of two prominent political and military factions in Central Asia: the Han Dynasty and Wusun on one side, and the Xiongnu and Kangju on the other.

The Han Shu, another historical work, provides significant information about the Kangju people. One passage from Chapter 96/1 reads as follows:

"*The Kangju State. The King's Winter Palace (chji) is located in the city Beitian within the territory of Leyuen, a distance of 12,300 li from the city Chan'an. It is not subordinate to Duhu. A journey by horse to Leyuen takes seven*

days, covering a distance of 9140 li to reach the King's Summer Palace located in Fangnei. Kangju comprises 120 thousand families with a population of 600 thousand, from which 120 thousand elite troops can be formed. The distance to the Duhu Palace in the east is 5,500 li. Customs and traditions closely resemble those of the Great Yuezhi. Kangju maintains close relations with the Xiongnu to the east." [Боровкова 2001: 293].

It is intriguing to note that this Chinese source, while describing Kangju, mentions its proximity to the Xiongnu and highlights the close interactions between these two nomadic nations. Despite differences in origin and land of permanent residences, these two nomadic groups evidently maintained close contacts for over a century, spanning from the early 2nd century BCE to the end of the 1st century BCE.

Another significant piece of information regarding the Kangju people emerges in connection with the late 1st century BCE and has an indirect link with the Xiongnu. The account reads as follows:

"*Nevertheless, the Kangju [Commander] displays an air of self-importance and cunning, refusing to kneel before the [Emperor's] emissary. Furthermore, he seats the visiting Duhu envoys below those from Wusun and [other] states. The commander and other nobles partake of food and drink ahead of the Duhu envoys. Through these actions, they seek to assert their independence to neighboring states. Given the circumstances, why did he send his son as a hostage? It was merely a ruse to conduct profitable trade in our markets. The Xiongnu, the foremost among all foreign nations, now serve the Han Dynasty. Nevertheless, it would be a blow to his pride if he were to learn that the Kangju [Commanding Lord] did not kneel before him...*" [Боровкова 2001: 307–308].

Following the results of Zhizhi chanyu's Central Asian exodus and the waning influence of the Xiongnu in the region, the Kangju people gained increased self-confidence and began to establish direct contact with the Han Dynasty. By the 1st century CE, China's influence had waned in the southern regions of Central Asia, while the power of Kangju had grown. During the Jin (晉朝) (265-317 CE) and Wei Dynasty periods, scant and concise information regarding the Kangju State and its successor, Cheshi State, was recorded. Subsequently, both the Kangju State and its eastern neighbor, Wusun State, disappeared from historical records. This development coincided with the rise of the Yada or Ephtalits, who achieved prominence and dominance in Central Asia.

The primary territory of the Kangju people was located in the southern part of modern-day Kazakhstan and the northern part of Uzbekistan, situated in the middle of the Syrdarya River region. While traditionally classified as nomadic, Chinese sources reveal that the Kangju people maintained control over Sogdian cities and states, with their capital city named Beitian. The Kangju State endured for nearly 600 years in total. Despite being identified as nomadic, archaeological findings suggest that they possessed a multifaceted economy that combined both animal husbandry and agriculture.

If we consider the late Sogdians as urban settlers under the Kangju rule, it is worth noting that the late Saka and Sarmatian people were also integrated into the nomadic segments of this country. Additionally, archaeological evidence indicates the presence of a few Xiongnu presence during the Zhizhi chanyu period. In the 6th century CE, the Ephtalits, or White Hun people, emerged, subsequently capturing and transforming the Central Asian landscape significantly in terms of ethnic composition.

Differing opinions have been expressed regarding the language of the Kangju people, with some suggesting it was a northern Iranian or Turkic language. An important artifact that sheds light on their physical characteristics is a set of engraved pictures found on a bone frame belt discovered at the Uzbekistan Kul'-Oba monument, also known as Orlat [Пугаченкова 1987: 224]. These images are significant artistic pieces with intricate detailing. While there have been debates about their exact dating [Mode 2006: 424; Kurbanov 2013: 87–88], it has been established that they belong to the Kangju period, specifically the 1st century BCE to the 2nd century CE. This conclusion is supported by the discovery of a similarly engraved bone from the Wusun period at the Kyzylbulak settlement in the Turgen valley, Almaty Region, Kazakhstan [Горячев и др. 2016: 632–649], which depicts a similar warrior image.

The peak of the Kangju-Xiongnu relationship occurred in the late 1st century BCE. Chapter 96 of the Hanshu chronicles an event that transpired in 36 BC as follows:

"*During the reign of Emperor Xuan, the Xiongnu were in disorder, and the five chanyus fought together. The Han supported Huhanye chanyu, while the Zhizhi chanyu was resentful, killed the Han envoys, and blocked Kangju in the*

west. Later, the governor Gan Yanshou and the deputy captain Chen Tang sent troops from various countries in the western regions to Kangju, and killed the Zhizhi chanyu." [Боровкова 2001: 295].

This event significantly altered the political landscape of Central Asia, eradicating Xiongnu influence and marking a period of brief yet substantial Han Dynasty dominance. The rise and fall of the Xiongnu is closely linked to their losses in Central Asia and along the Silk Road. The policy to sever the Xiongnu's right hand, initiated over a century ago by Han Wudi Emperor, eventually led to the extinction of the Xiongnu Empire.

This history had its origins in the "Five Chanyu War" of 56 BCE within the Xiongnu. Huhanye chanyu agreed to submit to the Han Dynasty as a vassal state, securing robust support and advantages over rival factions. Cautious of his brother's alliance with the Han Dynasty, Zhizhi fled to Wusun in the west, but the Wusuns did not support him and, in fact, acted antagonistically. Zhizhi proceeded to occupy three provinces on the northeastern edge of Wusun, launching periodic attacks against the Wusun. In 44 BCE, he killed a Han envoy and continued moving westward.

During this period, the Kangju people, who had a long-standing history of relations with the Xiongnu, were greatly disturbed by the Wusun attacks and decided to unite with Zhizhi chanyu to confront their common enemies. In 42 BCE, the Kangju people sent several thousand camels to meet the migrating Zhizhi chanyu, but many were killed en route, and only 3,000 people reached the eastern Kangju territory.

There is an account indicating that, despite their small numbers, Zhizhi managed to establish a foothold along the Dulai River, possibly the current Talas River or Ili River, within Kangju's eastern territory. He amassed forces, attacked and defeated Wusun in the western regions, levied taxes on countries such as Hexi and Dayuan, and even executed his Kangju Queen and several traditional aristocrats. Despite these tumultuous events, the Kangju people continued to support Zhizhi and sent ten thousand cavalrymen to aid him against the Han Dynasty. However, the battle had already been decided, with the Xiongnu forces ultimately defeated [Боровкова 2001: 306].

This history reveals a period during which two nomadic nations joined forces during the military and political turmoil of Central Asia, forging a mutual alliance. Even though the extent of the Xiongnu influence in Kangju culture remains a subject of archaeological inquiry, it is likely that this influence was particularly prominent during this specific period.

Brief synthesis of the study of Kangju archaeological monuments

The Kangju archaeological monuments remain relatively obscure within our research scope. Therefore, this concise review has been prepared to shed light on the subject. These archaeological cultures were unearthed and studied within territories traditionally associated with the Kangju people. Notable among them are the Kaunchin Culture, concentrated in the Tashkent Oasis; the Otrar-Karatau Culture, situated in the Otrar Oasis and Karatau Mountains; the Arys Culture, centered on the Jety-Asar region at the end of the Syrdaria River; and the Chimkent-Arys City, located between the Karatau-Karjantau Mountains [Левина 1971: 64–76; Подушкин 2000: 202]. The most recent and intricate studies have led to disputes regarding which of these cultures can be unequivocally attributed to the Kangju.

Kazakhstan archaeologists have proposed a unifying nomenclature, designating these diverse cultures as the Syrdarya culture, thereby highlighting their commonalities and shared characteristics [Байпаков и др. 2005: 88, 168]. In general, the classification of cultures and the assignment of specific names to archaeological monuments dating back to the 2-1st centuries BCE in Southern Kazakhstan have not been firmly established, leading to significant variation in perspectives. Nonetheless, there is a discernible trend toward consolidating numerous cultures based on shared attributes, connecting ethno-historical processes to archaeological cultures, and identifying common cultural elements [Свиридов 2012: 113–128]. In terms of anthropological features, the populations associated with these cultures exhibit facial characteristics reminiscent of Europeans and demonstrate striking similarities to one another [Китов, Саипов 2015: 548–558]. This suggests that it is more appropriate to interpret these cultures within the framework of cultural commonalities.

Although early period archaeologists have suggested different locations for the Kangju territory, such as the Syrdarya valley or, conversely, the Amudarya valley, archaeological research has now established that it was situated approximately in the middle reaches of the Syrdarya River. This region is centered around the city of Shymkent-Arys Oasis, nestled between the Karatau and Karjantau mountains in Southern Kazakhstan. Its southern bor-

der extends into northern Uzbekistan and Tashkent City, and it reaches eastward to Otrar [Подушкин 2000: 202; Байпаков, Авизова 2017: 155–167].

In addition to the Kangju group, the archaeological monuments of Southern Kazakhstan from this period also exhibit ethnographic elements associated with the late Saka, Sarmatians, and Xiongnu [Подушкин 2000: 140]. A few artifacts linked to Xiongnu culture have been discovered within the Arys archaeological culture. For instance, a shale buckle recovered from the 3rd catacomb of the Kul'tobe funeral complex [Подушкин 2013: 803, abb. 7-6] bears resemblance to similar items found in Mongolian and Transbaikal Xiongnu sites. Furthermore, artifacts with distinct Xiongnu characteristics in terms of make and design have been unearthed in various monuments associated with the Karaultobe-Karatobe phases of the Arys culture. These include a straight iron sword, bow bone sticks, and three petal-like iron arrowheads from the Ordobasy, Akbulaktobe (3rd grave), and Kylyshjar graves [Подушкин 2000: 153–156, table 1-5; Подушкин 2011: 327–332; Подушкин 2013: 800–803, abb. 7].

Kazakhstan archaeologists interpret these Xiongnu artifacts found within the Kangju archaeological culture in light of the period when the Zhizhi chanyu were settled along the Talas River [Подушкин 2013: 803]. The depiction of Kangju people's representations can be discerned in the engraved bone plates coming from the Orlat and Turgen sites (fig. 1).

Ceramic Pot from Grave No. 28 at Tamiriin Ulaan Khoshuu.

Grave No. 28, situated within the TUK burial complex and excavated through a collaborative effort by the Mongolian-French "Tamir" Project, is located on the northern periphery of the central cluster of graves on the Eastern terrace. This grave takes the form of a circular burial mound with a ring-like stone enclosure, measuring 7.1 meters in diameter. The orientation of the grave's pit is from northwest to southeast. The absolute dating of the monument, determined through ^{14}C analysis, places it at approximately 2020+/-30 years BP, and after calibration, provided a date falls within the range of 107 BC to 59 CE (2 sigma, 95 %).

During the course of the excavation, it became evident that the grave had suffered from looting, resulting in a mixture of animal bones, fragments of pottery vessels, remnants of corroded iron artifacts, and fragments of lacquer-painted vessels interspersed with soil and stones within the pit. As the excavation progressed further downward, these discoveries increased in frequency, with earthenware shards, sizable fragments of animal bones, iron artifacts, bronze artifacts encased in leather wrappings, fragmented pieces of a human skull, broken ulna bones, and other items coming to light.

The dimensions of the grave measured 320 by 228 centimeters at a depth of 315 centimeters. In the center of the pit, a log chamber measuring 248 by 124 centimeters was identified, within which a smaller plank coffin was located. Based on the orientation of the coffin, it is apparent that the deceased was interred in a supine position, facing southeast at an angle of 104 degrees. To the north side of the log chamber, in a somewhat elongated chamber outside of the plank coffin, a disordered assemblage of human bones was found, along with four earthenware vessels. Fragments of lacquer-painted vessels were also unearthed from the space situated between the log chamber and the coffin on the opposite side.

The twin earthen vessels with a black hue, positioned prominently at the forefront of the northern chamber, were uncovered in a fragmented state. These two vessels are intricately connected via orifices on their flanks and further joined by a shoulder-arched handle. While the mouth of the distinctive reddish colored vessel with a side mouth, situated on the northwestern periphery, had been damaged, its fragments were found nearby. In contrast, the relatively smaller black earthenware vessel on the eastern side of this item remained remarkably intact and featured an engraved motif resembling a "fork with a table" tamga-sign on its shoulder.

In addition to these discoveries, a multitude of other artifacts were uncovered in a disorganized arrangement within the coffin and two adjoining chambers. Among these items, it is worth highlighting a lacquer-painted, flat, square platform, five tin beads, a bone pin adorned with a depiction of a wild ram's head, a piece of iron artifact overlaid with a sheet of gold, and an iron cast candle cup supported by bird-like legs.

Among the many intriguing finds we are examining and presenting in this study, we turn our attention to a ceramic vessel designated as item No. 21 (fig. 2-*1*). This particular pottery piece stands at a height of 19.7 centimeters, with a flank diameter measuring 26 centimeters, and a spout-mouth dimension of 9.9 by 10.2 centimeters. Its shape includes an unusual spout on its flank, a feature atypical of Xiongnu pottery. Furthermore, it showcases a distinct characteristic known as 'angobe' or fine clay polish, a tech-

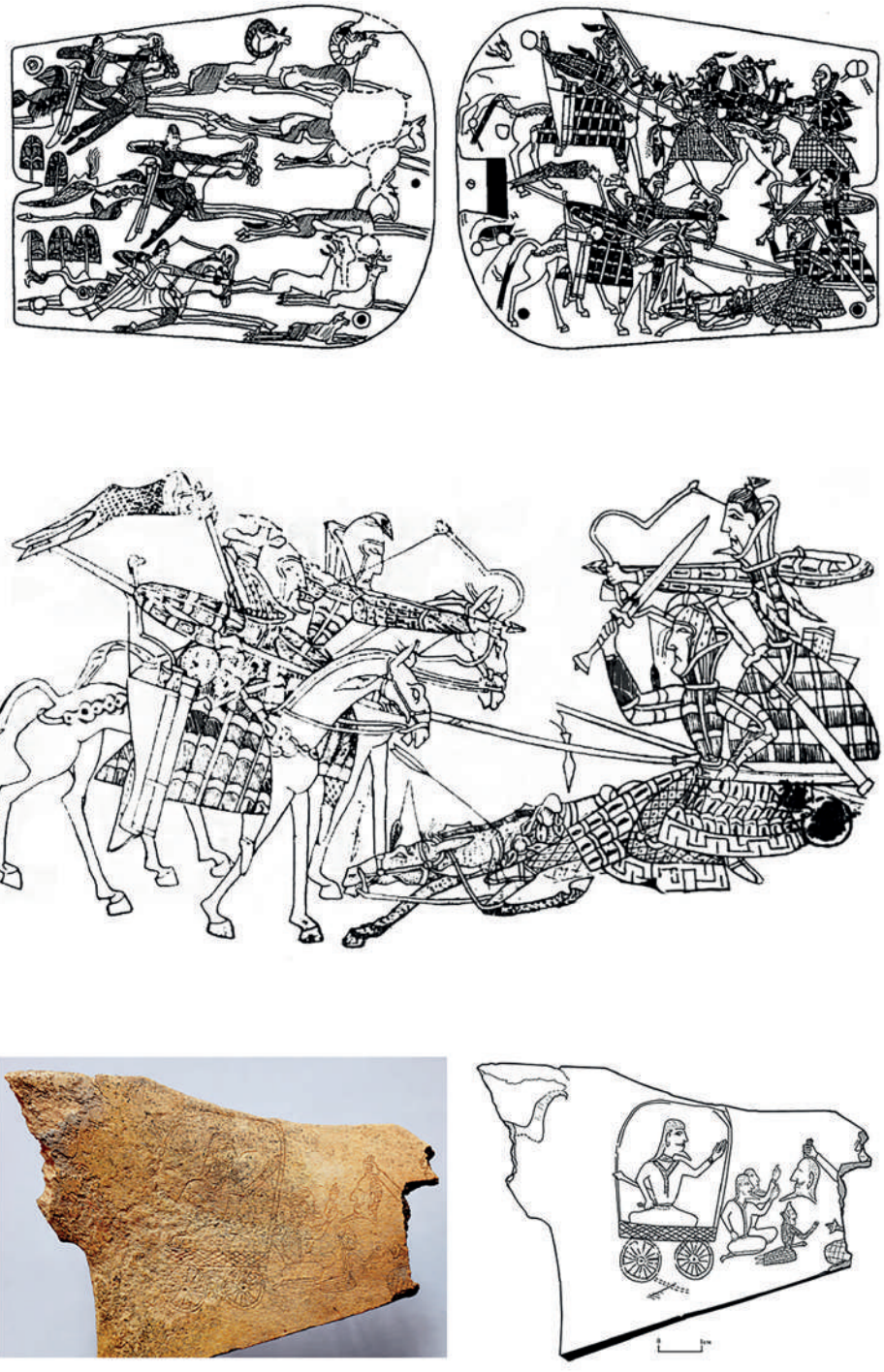

Figure 1. 1. Orlat large twin bone buckles (Pugachenkova 1987); 2. Zoomed depiction of some parts of the left side buckle; 3. Turgen bone plate with engravings (Goryachyev, Yatsyenko, Yegorova 2016); 3. Figure on the Turgen bone plate (Goryachyev, Yatsyenko, Yegorova 2016).

nique hitherto unseen in Xiongnu ceramic art. The upper section adopts a spherical shape with a slightly reddish hue, while the remaining portions exhibit a yellowish tint. In the side view, the spout assumes a horizontal orientation, featuring a spout with a circular base that had been damaged, later mended, and adhered. It remains complete, except for a small fragment missing from the root edge to the neck. When viewed from above, it presents a circular form and is adorned with three concentric ring-like ornaments. The rim exhibits a well-defined circular shape that broadens slightly outward. Notably, there is a marking resembling a cross-like seal or stamp around the base, which extends downward, becoming more streamlined, likely applied in an ad hoc fashion. Constructed from fine clay and polished with red-yellowish “angobe.”

Following the discovery of this conspicuously unique clay pottery, we embarked on an extensive comparative study encompassing regions in Eastern and Central Asia, seeking to clue the artifact’s potential origin. Initial observations unequivocally indicate that the Xiongnu people were not responsible for creating this pottery. The distinctive form, distinct technological tradition, and other char-

Figure 2. 1. Ceramic liquid container found in the 28th grave of the Tamiriin Ulaan Khoshuu; 2. Ceramic liquid container from the Shirin-sai site (Piotrovskii 2012); 3. Ceramic liquid container discovered in the Kul-Tobe funeral complex (Podushkin 2000)

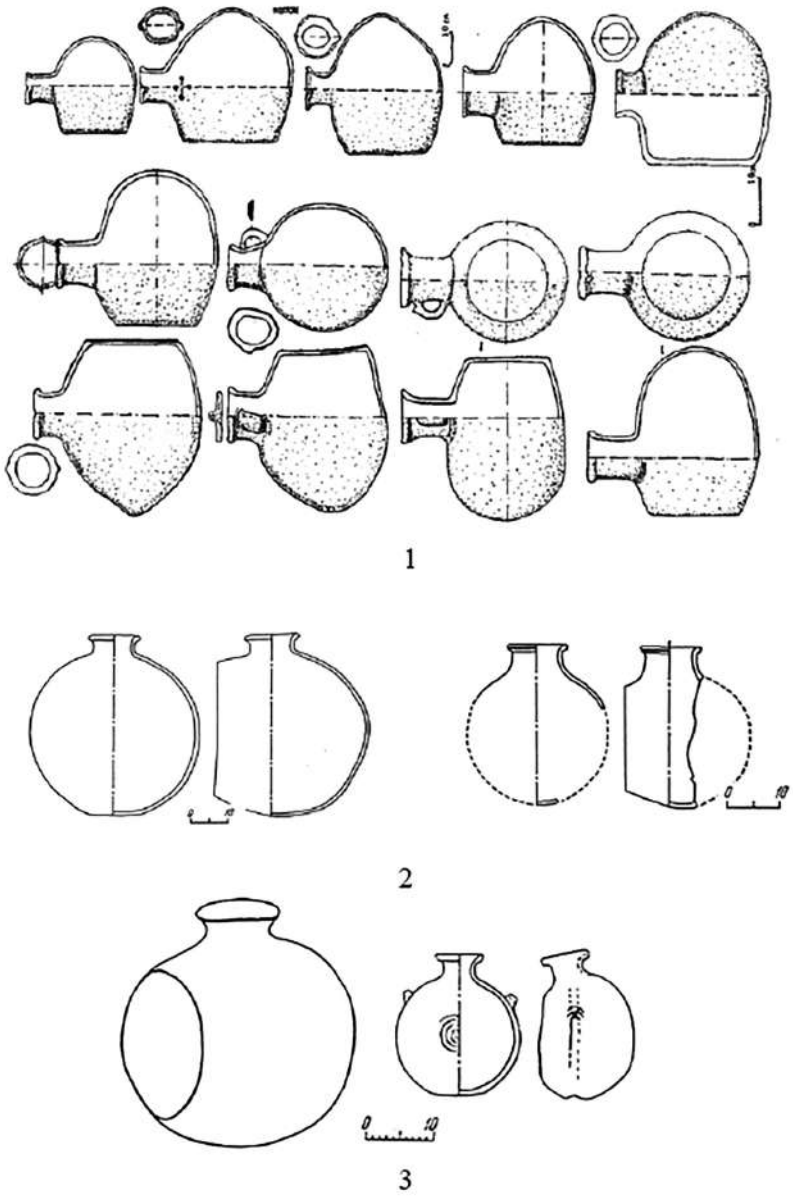

Figure 3. 1. Jety-Asar funeral complex (Levina 1971: Fig. 13-31); 2. Aktobe-2 settlement (Levina 1971, Fig. 31); 3. Nikolskoye complex (Levina 1971: Fig. 55)

acteristics unmistakably suggest the vase's foreign origin.

After an extensive search, we ultimately identified similar artifacts in the border region between Kazakhstan and Uzbekistan (fig. 2-*2*, *3*, fig. 3 and fig. 4) located some 2800 kilometers from TUK or Central Mongolia. These ceramic pottery pieces are associated with the Kangju culture, a culture referenced in historical sources but comparatively less explored archaeologically.

Archaeological Comparisons.

The clay vessel featuring a side spout, akin to the one discovered in the 28th grave at TUK, is recognized as a *mustakhara*, a term used in Central Asian archaeology to describe containers used for storing and transporting water and other types of liquids. Its historical context spans from the 2nd century BCE to the 3rd century CE. These archaeological sites are collectively categorized as Kangju archaeological monuments and are not limited to the cultures of Uzbekistan (such as the Kaunchin culture), Kazakhstan (including the Jety-Asar culture and Arys culture), but also extend into neighboring regions of Turkmenistan and Kyrgyzstan. Despite their broad geographic distribution and inclusion in diverse cultural contexts, these ceramic vessels are most abundantly found and exhibit high frequencies within the Kangju archaeological monuments. Consequently, they hold a prominent position among the pivotal discoveries within the archaeological heritage of this particular culture. Regarding their origin, these vessels likely trace back to the earlier era, particularly to the sedentary Saka culture period. Surprisingly, there have been no comprehensive studies providing detailed analyses of these distinctive clay vessels thus far.

Outlined below are some notable sites where Central Asian *mustakhara* liquid containers have been found, serving as exemplars:

Kaunchin and Sarmat-Yuezhi Cultures of Uzbekistan:

1. Nikol'skoye, Tashkent Oasis, Uzbekistan (1st c. BCE - 3rd c. CE) [Levina 1971: Fig. 55] (fig. 3-*3*);

2. Shirin-Sai Grave, Tashkent Oasis, Uzbekistan (2nd c. BCE - 4th c. CE) [Gaidukevich 1952: 342, Fig. 11-1] (fig. 2-*2*, 4-*3*);

3. Lavyandak Type Graves, Samarkand-Bukhara Oasis (2nd c. BCE – 1st c. CE) [Botalov 2009: 119, Fig. 18-43, 19-82];

4. Tulkhar Type Graves (2nd c. BCE – 1st c. CE) [Botalov 2009: 119, Fig. 20-85].

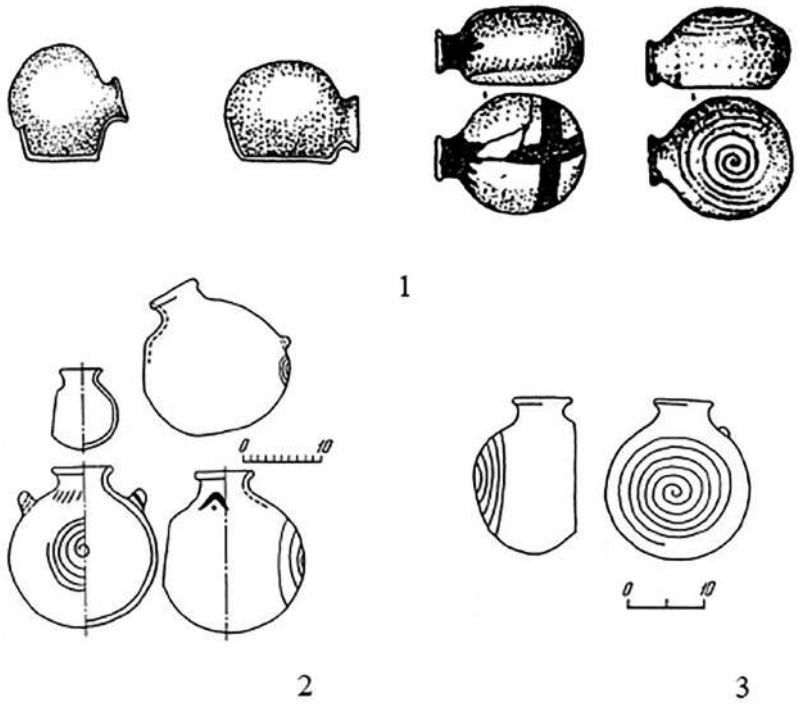

Figure 4. 1. Kenkol funeral complex (Bernshtam 1940); 2. Mugkhona and Kurum type graves [Levina 1971]; 3. Shirin-Sai grave (Levina 1971)

Kazakhstan:

1. Aktobe Settlement, South Kazakhstan Region, Kazakhstan [Levina 1971: 117, 125, Figs. 34, 40, 45-21] (fig. 3-*2*);

2. Jety-Asar Funeral Complex, Kyzyl-Orda Region, Kazakhstan [Levina 1971: Fig. 13-31; Levina 1996: Fig. 69, 71-72] (fig. 3-*1*);

3. Jety-Asar 9th Dwelling [Levina 1971: 24, Fig. 6-44].

Kyrgyzstan:

Kenkoln Group Funeral Complex (First half of 1st millennium CE) [Bernshtam 1940] (fig. 4-*1*).

Tajikistan:

Traditions of the Mugkhona and Kurum Potteries, Fergana and Northern Tajikistan (1st – 3rd c. CE) (fig. 4-*2*).

Turkmenistan:

Meshrepitakhtin Graves, Khojakalin Valley, Turkmenistan. Late Parthian Culture (1st c. BCE – around 1st c. CE) [Мандельштам 1971: 66–72, fig. 28–5].

These clay vessels exhibit a striking resemblance to those found at the TUK, particularly in their visual characteristics, although there are slight differences in size and shape. Central Asian liquid containers, referred to as mustakhara, typically feature a more or less spherical top, but variations include those with slightly pointed tops. In terms of ornamentation, the Nikolskoye and Kenkol' sites share a common motif with their concentric ring-like designs. Moreover, these liquid containers consistently feature a white base with an orange angobe coating without a base. Some of them are equipped with handles near the ring belt, further reinforcing their identification as water containers. On occasion, handles can also be found near the mouth opening.

The reddish pottery discovered in the 28th grave at TUK closely aligns with the mustakhara-type water containers typically unearthed from Central Asian Kangju archaeological sites, exhibiting similarities in color, shape, visual appearance, structure, and various other attributes. Consequently, the origin of this find is now clearly established, and the remaining task is to investigate precisely how this pottery came to be preserved within the Xiongnu grave.

Conclusion.

In conclusion, numerous instances of foreign-origin items have been discovered in the circular stone-stuffed graves typically associated with Xiongnu commoners. These items typically include jewelry, semi-precious metals, glass, ceramics, and stone artifacts, most of which originated and were often transported from regions like China and the Mediterranean basin. However, a noteworthy exception is the fragile clay mustakhara-liquid container, a type of pottery that is not perfectly suited for long-distance transportation.

We have presented a compelling case, supported by numerous pieces of evidence, that this artifact is a typical example of pottery frequently found in Central Asian Kangju cultural and archaeological sites. Nevertheless, the exact reasons for the inclusion of this clay pottery in a Xiongnu grave remain elusive. It is worth noting that another vase type pottery, featuring a distinctive cup base coated with dark grey angobe, was discovered in the 23rd grave excavated in 2017. No similar item resembling this pottery has been found previously in Xiongnu archaeologi-

cal sites. Given the alien origin of this pottery and the presence of angobe fine clay polish, it might be traced back to Central Asian origins. Therefore, it can be concluded that not just one but several clay potteries have been unearthed at TUK, indicating a unique and possibly historically significant situation.

The period of closest interaction between the Xiongnu and Kangju cultures occurred during the latter half of the 1st century BCE, as previously discussed. It is well-documented in historical sources that Kangju people were close associates with the western faction of the Xiongnu. Consequently, it is plausible to surmise that the warrior interred in the TUK had personally travelled to Kangju territory during the 1st century BCE. A fragile ceramic item of this nature is not a typical commodity in Silk Road trade, suggesting that it may have held personal significance to the individual. Furthermore, the individual buried in the 34th grave may have possessed Central Asian pottery in a similar manner to the previously mentioned warrior.

This case represents a significant archaeological discovery as the first instance of a tangible Kangju cultural artifact found within a Xiongnu grave in Mongolian territory. The presence of the mustakhara-liquid container underscores the mutual interest nomadic cultures had in each other's distinctive stylistic items, which they seemingly acquired and incorporated into their daily lives.

References

Байпаков К.М., Авизова А.К. Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи. // Поволжская Археология. 2017. № 3 (21), С. 155–167.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005, 236 с.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. / Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л., 1940. 34 с.

Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайскими источниками). М.: Наука, 1989. 181 с.

Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши чжи» и «Хань шу»). М., 2001. 368 с.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР РИФЕЙ», 2009. 672 с.

Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. // Советская археология. Вып. XVI. – М.-Л., 1952, С. 33–359.

Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызырбулак-IV в верховьях ущелия Турген. // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х.Маргулана. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 632–649.

Гришин Ю.С. О находках расписных сосудов в гуннских могилах Монголии. – СА. 1979. № 3. С. 260–262.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд. ЛГУ, 1985. 111 с.

Давыдова А.В. Иволгинский могильник. Иволгинский археологический комплекс. Вып. 2. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1996. 176 с.

Китов Е.П., Саипов А. Новые краниологические материалы из могильника Боржары (к вопросу о населении средней Сырдарьи и Таласа). // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3–2. С. 548–558.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. 248 с.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая. // Палеоэкономика Сибири. / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск, 1986. С. 101–119.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. / Тр. ХАЭЭ. VII. М., 1971. 252 с.

Мандельштам А.М. Мештерхазинский могильник. // КСИА. № 128. С. 66–72.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000. 202 с.

Подушкин А.Н. Катакомбы могильника Кылышжар. – Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20–22 апр. 2011 г. Астана, 2011, С. 327–332.

Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. 224 с.

Свиридов А.Н. Кангюйская проблема в археологии Казахстана. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2 (36). С. 113–128.

Эрэгзэн Г. Шавар ваар сав. // Хүннүгийн өв. Каталоги. / Эмхтгэн нийтүүлсэн Г.Эрэгзэн. УБ.: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэн, 2011. т. 152.

Турбат Ц. Монголын эртний шавар сав. Каталоги. // «Монголын археологийн өв» 6 боть каталоги. Боть VI. / Ботийн редактор Ц.Төрбат. УБ.: ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2016. 232 с.

Hall M., Minyaev S. Chemical Analyses of Xiongnu Pottery: a Preliminary Study of Exchange and Trade on the Inner Asian Steppes. // In: Journal of Archaeological Sciences. 2002. Vol. 29. pp. 135–144.

Mode M. Heroic fight and dying heroes – The Orlat battle plaque and the roots of Sogdian Art. // In: Eran ud Aneran. Marschak Festschrift. Venice, 2006. 424 c.

Kurbanov A. The Archaeoloy and History of the Hepthalites. Universitaetsforschungen zur praehistorischen Archaeologie. Band 230. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 306 p.

Podushkin A. Der staat der Kangju aus sicht der archäologie. // Unbekanntes Kasachstan. Archaeologie im Herzen Asiens. Band II. Bochum: Deutches Bergbau-Museum, 2013. pp. 793–809.

Saran S. Luminescence Dating and Technology Study of Xiongnu Pottery. // Хүннүгийн эзэнт улс ба Монголын эртний түүхийн судалгаа. / Редактор Б.Батсүрэн. УБ.: ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэн, 2012. С. 605–609.

Saran S., Turbat Ts. The Chronology of Boroo settlement, Mongolia: OSL Dating of Xiongnu Pottery. – in: Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Edited by U. Brosseder and B.K. Miller. – Bonn: Vor- und Fruehgeschichtliche Archaeologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitaet Bonn, 2011. pp. 169.

Могильник Жана Таскудук (илский район)

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
LIST OF ABBREVIATIONS

АК –	Археологическая культура
АМ –	Археологиялық мәдениет
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР
АН СССР –	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БПЛА –	Беспилотные летательный аппарат
ГАУ НСО НПЦ НСО –	Государственное автономное учреждение Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
ГБК –	Геоботаническая карта Казахстана
ГККП –	Государственное коммунальное казенное предприятие
ГОСТ –	Государственный стандарт
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН –	Институт истории и материальной культуры Российской академии наук
ИРН –	Индивидуальный регистрационный номер
ЛККССР –	Ландшафтная карта Казахской ССР
МИА –	Материалы и исследования по археологии
МКҚК –	Мемлекеттік коммуналдық қазыналық кәсіпорын
МНВО РК –	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
МПМ –	Место прикрепления мышцы
МПС –	Место прикрепления связки

НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет
ОмГПУ –	Омский государственный педагогический университет
ОмГУ –	Омский государственный университет
ПККССР –	Почвенная карта Казахской ССР
ПЦФ МНВО РК –	Программно-целевое финансирование Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
РАН –	Российская академия наук
РҒА –	Ресей ғылым академиясы
РҒА СБ –	Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімшесі
САИПИ –	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СГУ –	Саратовский государственный университет
СО РАН –	Сибирское отделение Российской академии наук
СССР –	Союз Советских Социалистических Республик
ТГУ –	Томский государственный университет
ФИА –	Филиал Института археологии
ЮУрГУ –	Южно-Уральский Государственный Университет, Челябинск
RAS –	Russian Academy of Sciences

МАЗМҰНЫ

Айтқали А.Қ., Қаражігітова Ә.Е., Құрманғалиев А.Қ.
Аққайнар 1 қорымын зерттеудің алғашқы нәтижелері (2022-2023 жылдардағы материалдар бойынша)..... 8

Амиров Е.Ш.
Историческая география Жетысу в сако-усуньский период..... 13

Аржанцева И.А.
Новая жизнь старых коллекций: мечи из могильника Алтынасар 4 (предварительная публикация)..... 18

Астафьев А.Е.
Опыт воссоздания седла гуннского типа из погребальноритуального комплекса Алтынказган (Мангистау)..... 22

Батанина О.В.
Особенности двигательной активности индивидов из могильника Верх-Сузун-5 (Новосибирское Приобье)..... 26

Богданов Е.С.
«Гуннский след» на Мангыстау..... 32

Ганиева А.С., Сәкенов С.Қ.
Сарыарқаның солтүстік бөлігіндегі ғұн-сармат кезеңінің жерлеу кешені..... 35

Зеленков А.С., Слепцова А.В.
Южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху Великого переселения народов..... 42

Калменов М.Д.
Групповые сарматские погребения с комплекса Сегизсай (Лебедевка I) (предварительные результаты)..... 54

Кариев Е.М., Оралбай Е.К., Кожахметов Б.Б., Хамитов М.Д.
Предварительные результаты исследований памятников гунно-сарматской эпохи Кушата и Шоктас близ города Кентау Туркестанской области..... 60

Кариев Е.М., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Жолдыбай Е.
Результаты электромагнитного глубинного зондирования объектов могильника гунно-сарматского времени Аккисык в Айтекебийском районе Актюбинской области..... 78

Кожа М.Б.
Исследования в некрополе Кок-мардан (горизонтальная стратиграфия погребального сооружения А)..... 96

Лукпанова Я.А.
История изучения позднесарматской культуры Западного Казахстана..... 105

СОДЕРЖАНИЕ

Логвин А.В., Шевнина И.В.
Исследование «геоглифа» Кара-Тургайскойское кольцо (Кызыл Жулдыз 1): предварительное сообщение 114

Логвин А.В., Шевнина И.В.
Раннесакское погребение могильника Бестамак..... 120

Сартқожаұлы Қ.
Сынтастардың таралымы және скифтердің миграциясы..... 128

Табалдиев К.Ш.
Памятники эпохи Великого переселения народов на территории Внутреннего Тянь-Шаня..... 139

Тажекеев А.А., Султанжанов Ж.К., Дарменов Р.Т.
Процесс урбанизации и развитие городской культуры в низовьях Сырдарьи (конец I тыс. до н.э. - первая половина I тыс. н.э.)..... 146

Торгоев А.И., Кулиш А.В., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т.
Фортификация городища Шамши III 156

Тұрмахан Н.
Ақтөбе облысының ж.с. I мыңжылдығының I жартысындағы ескерткіштерінің археологиялық зерттелу тарихы..... 173

Хасенова Б.М.
Художественный стиль украшений гунно-сарматского времени..... 178

Чотбаев А.Е.
Предметы вооружения сяньбийского времени из некрополя Берел..... 183

Ярыгин С.А.
Статус погребенного из Бурабая и вопросы культурных связей Северного Казахстана в постгуннское время..... 186

Härke H., Belinskij A., Berezin J.
A rich Hun-period cenotaph at Klin-Yar (North Caucasus)..... 192

Taşağıl A.
Bahadir/Mo-tu/Mete..... 197

Tsagaan Turbat
Kanju type ceramics from the tamiriin ulaan khoshuu xiongnu funeral site (Central Mongolia)..... 210

Қысқартулар тізімі..... 224
Список сокращений..... 224

Ғылыми басылым

Халықтардың Ұлы қоныс аударуы қарсаңындағы далалық тайпалар халықаралық ғылыми- тәжірбиелік конференция материалдары (Ақтөбе қ., 23-24 қараша 2023 ж.)

Научное издание

Степные племена в канун Великого переселения народов
Материалы международной научно-практической конференции
(г. Актобе, 23–24 ноября 2023 г.)

Компьютерлік беттеу және дизайн – А.А. Исмаилова
Ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау – Я.С. Шаяхметова

Компьютерная верстка и дизайн – А.А. Исмаилова
Редактура текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010, Алматы қ., Достық даңғылы, 44
Баспаға 13.10.2023 ж. қойылды. Пішім 84×108 1/16.
Шартты б.т. 10. Arial гарнитурасы. Таралымы 100 дана.

ISBN 978-601-7106-78-2

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии имени А.Х. Маргулана
050010, г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 13.10.2023 г. Формат 84×1081/16.
Усл. п.л. 10. Гарнитура Arial. Тираж 100 экз.

«Хикари» баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
hikari.kz24.online